

ПРАВО И ПРАКТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ НИИ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА И КУБАНСКОЙ КОЛЛЕГИИ АДВОКАТОВ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ - М.: НИИ ИЭП, 2023. - № 2. - 171 с.

Главный редактор: Шахкелдов Фридрих Григорьевич – доктор юридических наук, профессор.

Редакционная коллегия

Андреевская Елена – доктор юридических наук, профессор;
Андриановская Ирина Ивановна - доктор юридических наук, профессор;
Астафьева Ольга Николаевна – доктор философских наук, профессор,
Бочкарева Екатерина Александровна - доктор юридических наук, профессор;
Баркова Элеонора Владиленовна – доктор философских наук, профессор;
Выпханова Галина Викторовна – доктор юридических наук, профессор;
Гайдамашко Игорь Вячеславович – академик РАО, доктор психологических наук, профессор;
Горлова Ирина Ивановна – доктор философских наук, профессор;
Го Сяоли – доктор филологических наук, профессор;
Дашин Алексей Викторович – доктор юридических наук, профессор;
Дмитренко Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор;
Епифанов Александр Егорович – доктор юридических наук, профессор;
Жаворонкова Наталья Григорьевна – доктор юридических наук, профессор;
Жеребцов Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор;
Залиханов Михаил Чоккаевич – академик РАН, доктор географических наук, профессор;
Иншакова Агнесса Олеговна – доктор юридических наук, профессор;
Камышанский Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор;
Карев Борис Анатольевич – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО;
Кибильник Алексей Григорьевич – доктор юридических наук, профессор;
Курдюк Петр Михайлович – доктор юридических наук, профессор;
Леванова Елена Александровна – доктор педагогических наук, профессор;
Лозовский Денис Николаевич – доктор юридических наук, профессор;
Ломов Станислав Петрович – академик РАО и РАХ, доктор педагогических наук, профессор;
Меретуков Гайса Мосович – доктор юридических наук, профессор;
Мирошник Светлана Валентиновна – доктор юридических наук, профессор;
Образиев Константин Викторович – доктор юридических наук, доцент;
Овсянникова Татьяна Анатольевна – доктор философских наук, профессор;
Попова Юлия Александровна – доктор юридических наук, профессор;
Рыжакوف Михаил Викторович – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;
Садохин Александр Петрович – доктор культурологии, профессор;
Сапфирова Аполлинария Александровна – доктор юридических наук, профессор;
Снигирева Ирина Олеговна – доктор юридических наук, профессор;
Турицын Игорь Викторович – доктор исторических наук, профессор.
Фендоглу Хасан Тахсин – доктор юридических наук, профессор;
Шадже Азамат Мухамчериевич – доктор юридических наук, профессор.
Адрес редакции: 119192, Москва, Мичуринский проспект 16, к.267. Тел. +7 (495) 227-24-13. E-mail: info@helri.com; pip@helri.com; Сайт: www.helri.com

ISSN 2411-2275

© «Право и практика»; Авторы публикаций.

LAW AND PRACTICE

SCIENTIFIC JOURNAL OF HISTORY, ECONOMICS AND LAW RESEARCH INSTITUTE AND OF KUBAN COLLEGIUM OF ADVOCATES OF THE BAR OF KRASNODAR REGION. - M.: HELRI, 2023. - № 2. - 171 p.

Editor-in-chief:

Shahkeldov, Friedrich G. - Doctor of Law, Professor.

Board of editors:

Andreevskaya, Elena - Doctor of Law, Professor;
Andrianovskaya, Irina I. - Doctor of Law, Professor;
Astafieva, Olga N. - Doctor of Philosophy, Professor;
Bochkareva, Ekaterina A. - Doctor of Law, Professor;
Barkova, Eleonora V. - Doctor of Philosophy, Professor;
Vypkhanova, Galina V. - Doctor of Law, Professor;
Gaidamashko, Igor V. - Doctor of Psychology, Professor, the Corresponding Member of the Russian Academy of Education;
Gorlova, Irina I. - Doctor of Philosophy, Professor;
Go Syaoli - Doctor of Philology, Professor;
Dashin, Alexey V. - Doctor of Law, Professor;
Dmitrenko, Andrey P. - Doctor of Law, Professor;
Epifanov, Alexander E. - Doctor of Law, Professor;
Zavoronkova, Natalya G. - Doctor of Law, Professor;
Zherebtsov, Alexey N. - Doctor of Law, Professor;
Zalikhonov, Mikhail Ch. - Doctor of Geography, Professor, the Academician of the Russian Academy of Sciences;
Inshakova, Agnessa O. - Doctor of Law, Professor;
Kamyshansky, Vladimir P. - Doctor of Law, Professor;
Karev, Boris A. - Doctor of Pedagogics, Professor;
Kibilnik, Aleksey G. - Doctor of Law, Professor;
Kurdyuk, Petr M. - Doctor of Law, Professor;
Levanova, Elena A. - Doctor of Pedagogics, Professor;
Lozovsky, Denis N. - Doctor of Law, Professor;
Lomov, Stanislav P. - Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education, the Academician of the Russian Academy of Arts;
Meretukov, Gaysa M. - Doctor of Law, Professor;
Miroshnik, Svetlana V. - Doctor of Law, Professor;
Obrazhiev, Constantin V., - Doctor of Law, Associate Professor;
Ovsyannikova, Tatiana A., - Doctor of Philosophy, Professor;
Popova, Julia A. - Doctor of Law, Professor;
Ryzhakov, Mikhail V. - Doctor of Pedagogy, Professor, the Academician of the Russian Academy of Education;
Sadokhine Alexander P. - Doctor of Cultural Studies, Professor;
Sapfirova, Apollinaria A. - Doctor of Law, Professor;
Snigiryova, Irina O. - Doctor of Law, Professor;
Turitsyn, Igor V. - Doctor of History, Professor;
Fendogli, Hasan Tahsin - Doctor of Law, Professor;
Shadzhe, Azamat M. - Doctor of Law, Professor.

ISSN 2411-2275

© «Law and practice»; Authors of the publications

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРАВО

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

ЖЕРЕБЦОВ А.Н., ЛИНЬКО В.В. КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ ЛИЧНОСТИ	6
ПЕТРОВА А.И. К ВОПРОСУ ОБ УНИКАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ПОДЛИННОГО СУБЪЕКТА ПРАВА	11
УПОРОВ И.В., ШЕУДЖЕН Н.А., МАМИЙ А.Х. НАРАСТАЮЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ОТРАСЛЕЙ ПРАВА НУЖДАЮТСЯ В СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ	19
КУЗЬМИН В.П., КУЗЬМИН П.В. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ	23
ЗОТОВ А.Ю. К ИСТОРИИ БАНДИТИЗМА В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ	28
ЗОТОВА А.Ф. ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПА ОТКРЫТОСТИ В ПОРЕФОРМЕННОМ (1864 Г.) И СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	36

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

СМОРЧКОВА Л.Н. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ	46
ЯКОВЛЕВА-ЧЕРНЫШЕВА А.Ю., ЯКОВЛЕВ-ЧЕРНЫШЕВ В.А. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СМАРТФОНОВ И МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ	50
СОЛОВЬЕВА С.В. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫМИ РАСХОДАМИ	54
МОРОЗОВ В.Е. МЕСТО ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ФУНКЦИЙ	59

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

АКИМОЧКИН В.И., ПОЗНЯК В.Д. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА И ШПИОНАЖ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	63
АШУБА А.А., БОХАН А.П. УЧЁТ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	67
БАБЕНКО Н.В., БОХАН А.П. О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ВИДА НАКАЗАНИЯ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ ИЛИ ИМЕЮЩИМ СУДИМОСТЬ	72
КУРДЮКОВ Д.С., СЕМЕНЦОВА И.А. ОБ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ	75
МАРКОВА Н.С. О ВЛИЯНИИ КРИМИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ НА СОВРЕМЕННУЮ ПОДРОСТКОВУЮ СРЕДУ	79
ЧЕРЕМНОВА Н.А. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ	84

ТИХАНИН И.В. КЛАССИФИКАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	88
РЫВКИН С.Ю. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДНК-ИССЛЕДОВАНИЙ	92
МАКАРОВА К.В. ПРАКТИКА АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИГОВОРОВ В 2022 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)	97

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

ВИЛЬДАНОВА М.М. ПАРТНЕРСКОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ БЛАГОПРИЯНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	101
ПУСУРМАНОВ Г.В. ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОЛЕВОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ	108
КУЗИН Н.Н., РАШИДОВА А.И., ШУБНИКОВ Ю.Б. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ПО ОСНОВНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВЫХ ПЛАТЕЖЕЙ	113
БОРИСОВА Л.В. О ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ОХРАНЕ И ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ	117
МАТВЕЕВА Д.М. КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ	121
ХАКИМОВА Ж.А., ВАСИЛЬЕВА А.А. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	127
ШУРЕНКОВА С.С., АЛЕКСЕЕВ А ПУТЕШЕСТВИЕ АВИАТРАНСПОРТОМ С МУЗЫКАЛЬНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ВНЕСУДЕБНЫЕ СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ СПОРОВ	131
СЕЛЮТИНА О.Г., ГРИШИН А.В., ШВЕЦОВ И.П. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	136
БОДРОВА Э.Э., МИНГАЛЁВ А.Д. К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ	139
ТОМБУЛОВА Е.Г. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ МЕДИАТОРА И СУДЕБНОГО ПРИМИРИТЕЛЯ: РАЗНИЦА В ПОДХОДЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	144
ЖУКОВ Е.Н., ГОРДЮК А.В., КИРЕЕВА Е.В. «ПРОВЕРЯТЬ ИЛИ НЕ ПРОВЕРЯТЬ»? К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СУДАМИ ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В РАМКАХ ДЕЛА О БАНКРОТСТВЕ	148
ШКОЛИК О.А. СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОБЫЧИ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ	151
КОРШАКОВА К.В. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРИНЦИПА ИСТИНЫ С ИНЫМИ ПРИНЦИПАМИ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (В АСПЕКТЕ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ)	157

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

БЕЛЯСОВ С.Н. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ	163
--	------------

ПЕДАГОГИКА

КАЗАРЯН Ш.Е., ГРИГОРЯН А.Э. КОГНИТИВНО-КОННОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	168
---	------------

CONTENTS

LAW

HISTORY AND THEORY OF LAW

ZEREBTCHOV, A.N., LINKO, V.V. THE CONCEPT OF LEGAL CONSCIOUSNESS WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN THEORIES OF PERSONALITY	6
PETROVA, A.I. ON THE QUESTION OF THE UNIQUENESS OF A HUMAN AS A GENUINE SUBJECT OF LAW	11
UPOROV, I.V., SHEUDZHEN, N.A., MAMIY, A.Kh. A GROWING NUMBER OF BRANCHES OF LAW NEEDS STRUCTURAL CHANGES	19
KUZMIN, V.P., KUZMIN, P.V. ON THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT AND ITS SIGNIFICANCE FOR JUDICIAL PRACTICE	23
ZOTOV, A.Yu. TO THE HISTORY OF BANDITISM IN RUSSIA: FORMATION AND MAIN MILESTONES OF EVOLUTION	28
ZOTOVA, A.F. LEGAL REGULATION OF OPENNESS IN POST-REFORM (1864) AND SOVIET CRIMINAL PROCEEDINGS	36

PUBLIC LAW SCIENCES

SMORCHKOVA, L.N. LEGAL SUPPORT OF THE MOBILIZATION ECONOMY	46
YAKOVLEVA-CHERNYSHEVA, A.Yu., YAKOVLEV-CHERNYSHEV, V.A. PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA WHEN USING SMARTPHONES AND MOBILE APPLICATIONS	50
SOLOVEVA, S.V. FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CONTROL AND AUDIT ACTIVITIES OF FINANCIAL CONTROL ENTITIES IN THE FIELD OF PUBLIC EXPENDITURE MANAGEMENT	54
MOROZOV, V.E. LICENSING LOCATION IN REGULATION OF THE FEDERAL CONTROL AND SUPERVISION FUNCTIONS	59

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE

AKIMOCHKIN, V.I., POZNYAK, V.D. TREASON AND ESPIONAGE IN RUSSIAN AND FOREIGN CRIMINAL LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS	63
ASHUBA, A.A., BOHAN, A.P. ACCOUNT OF FEATURES OF SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE INTENTIONALLY DESTRUCTION OR DAMAGE TO PROPERTY WHEN QUALIFYING A CRIME	67
BABENKO, N.V., BOHAN, A.P. ON THE PRACTICE OF IMPOSING AN ADDITIONAL TYPE OF PUNISHMENT FOR DRIVING WHILE INTOXICATED BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT OR HAVING A CRIMINAL RECORD	72
KURDYUKOV, D.S., SEMENTSOVA, I.A. ON CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT	75
MARKOVA, N.S. ON THE INFLUENCE OF CRIMINAL TRADITIONS AND CUSTOMS IN THE MODERN TEENAGE ENVIRONMENT	79
CHEREMNOVA, N.A. PREVENTION OF CYBERBULLYING AGAINST MINORS AND MINORS	84
TIKHANIN, I.V. CLASSIFICATION OF ANTI-CORRUPTION STANDARDS IN CRIMINAL PROCEEDINGS	88
RYVKIN, S.Yu. FORENSIC FUNDAMENTALS OF THE USE OF DNA RESEARCH	92
MAKAROVA, K.V. THE PRACTICE OF APPEALS OF SENTENCES IN 2022 (BY THE MATERIALS OF THE KARACHAYEV-CHERKESSIA REPUBLIC)	97

PRIVATE LAW SCIENCES

VILDANOVA, M.M. PARTNER FINANCING A CONDITION FOR THE FAVORABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY	101
PUSURMANOV, G.V. LEGAL AND SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF SHARED LIFE INSURANCE	108
KUZIN, N.N., RASHIDOVA, A.I., SHUBNIKOV, Yu.B. RESPONSIBILITY OF FINANCIAL AND ECONOMIC WORKERS ON THE MAIN ISSUES OF ENTREPRENEURS IN THE TAX PAYMENT SYSTEM	113
BORISOVA, L.V. ON DOCTRINAL APPROACHES TO PROTECTION AND PROTECTION COPYRIGHT TO WORKS CREATED ARTIFICIAL INTELLIGENCE	117
MANVEEVA, D.M. COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF ROBOTICS	121
KHAKIMOVA, Z.A., VASILYEVA, A.A. ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF THE CARBON UNITS MARKET: COMPARATIVE LEGAL ASPECT	127
SHURENKOVA, S.S., ALEKSEEV, A.V. TRAVELING ON THE PLANE WITH MUSICAL INSTRUMENTS: LEGAL BASIS AND OUT-OF-COURT WAYS OF DISPUTES RESOLUTION	131
SELYUTINA, O.G., GRISHIN, A.V., SHVETSOV, I.P. CURRENT PROBLEMS OF INHERITANCE RIGHTS OF MINORS	136
BODROVA, E.E., MINGALEV, A.D. DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF REMOTE EMPLOYMENT IN RUSSIA: CURRENT PROBLEMS	139
TOMBULOVA, E.G. COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF LEGAL STATUSES OF MEDIATOR AND COURT MEDIATOR: DIFFERENCE AT THE APPROACHES OF LEGISLATIVE REGULATION	144
ZHUKOV, E.N., GORDYUK, A.V., KIREEVA, E.V. "TO CHECK OR NOT TO CHECK"? TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF THE CONSEQUENCES OF THE INVALIDITY OF TRANSACTIONS BY THE COURTS IN THE FRAMEWORK OF A BANKRUPTCY CASE	148
SHKOLIK, O.A. JUDICIAL ERRORS IN QUALIFYING VIOLATIONS OF TAX LEGISLATION IN THE FIELD OF TAXATION OF THE MINING OF PRECIOUS METALS	151
KORSHCAKOVA, K.V. ON THE INTERACTION OF THE PRINCIPLE OF TRUTH WITH OTHER PRINCIPLES OF CIVIL PROCEEDINGS (IN THE ASPECT OF JUDICIAL EVIDENCE)	157

INTERNATIONAL LAW

BELYASOV, S.N. GENERAL CHARACTERISTICS AND CLASSIFICATION OF SOURCES OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST CRIME	163
---	------------

PEDAGOGY

KAZARYAN, Sh.Y., GRIGORYAN, A.E. COGNITIVE-CONNOTATIVE COMPONENT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING	168
--	------------

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПРАВА

УДК 340.114.5

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-6-11

ЖЕРЕБЦОВ А.Н., ЛИНЬКО В.В.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РАМКАХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: теория личности, индивидуальное правосознание, психологическая теория, психодинамическая теория, эго-психологическая теория, диспозиционная теория, бихевиоральная теория, социально-когнитивная теория, когнитивная теория, гуманистическая теория, феноменологическая теория.

В статье осуществлен анализ сущности индивидуального правосознания личности, формируемого под влиянием сформированных психолого-физиологических теорий личности. В ходе исследования высказываются идеи о необходимости рассмотрения сущности правосознания в его взаимосвязи с личностью, как носителем этого феномена. Это позволило оценить индивидуальное правосознание личности с точки зрения сформированных в современном мире теорий личности, как социального явления. В работе определено отношение авторов к имеющимся научно-теоретическим подходам к пониманию сущности индивидуального правосознания индивидуума. Обоснован вывод о том, что формирование идей индивидуального правосознания необходимо осуществлять с учетом сформированных психофизиологических теорий личности. Это позволит более глубоко и всесторонне осознавать сущность правосознания как важной социально-правовой характеристике субъекта права.

ZEREBTCHOV, A.N., LINKO, V.V.

THE CONCEPT OF LEGAL CONSCIOUSNESS WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN THEORIES OF PERSONALITY

Key words: personality theory, individual legal consciousness, psychological theory, psychodynamic theory, ego-psychological theory, dispositional theory, behavioral theory, social-cognitive theory, cognitive theory, humanistic theory, phenomenological theory.

The purpose of the presented article is to analyze the essence of the individual legal consciousness of the individual, formed under the influence of the formed psychological and physiological theories of personality. In the course of the study, ideas are expressed about the need to consider the essence of legal consciousness in its relationship with the personality as a carrier of this phenomenon. This made it possible to assess the individual legal consciousness of the individual from the point of view of theories of personality as a social phenomenon formed in the modern world. The paper defines the attitude of the authors to the existing scientific and theoretical approaches to understanding the essence of the individual legal consciousness of the individual. The conclusion is substantiated that the formation of ideas of individual legal consciousness must be carried out taking into account the formed psychophysiological theories of personality. This will allow a deeper and more comprehensive understanding of the essence of legal consciousness as an important socio-legal characteristic of the subject of law.

Проблемы правосознания уже более ста лет являются одними из наиболее актуальных вопросов юридической науки. Причем теоретические изыскания по данному вопросу серьезно подвергались трансформации на различных этапах исторического развития общества и в особенности под влиянием вновь формируемых мировоззренческих парадигм, что приводило к зарождению концепции «революционного правосознания», «социалистического правосознания» и т.п. Начиная от идей И.А. Ильина [1, с. 19], который одним из первых поднял проблему корреляции личности и правового сознания, и до настоящего времени, можно признать вполне сформированной концепция сущности правосознания как специального правового явления. Так, С.С. Алексеев следующим образом формулирует идею правосознания как «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву и правовым явлениям» [2, с. 161]. Между тем диалектическая методология познания общественных процессов позволяет признать, что сущность правосознания не может быть определена раз и навсегда данной и неизменной. Такой подход основывается на объективных закономерностях развития социума, что в конечном счете порождает многообразие современных подходов интерпретации концепций сущности правосознания и его значения для функционирования права как важнейшего социального явления.

К сожалению, в настоящее время действующее законодательство изъяло требование следования правосознанию правоприменительным органом, а устанавливается такое требование лишь для институтов гражданского общества и отдельных категорий граждан [3; 4]. Правоприменителю, и прежде всего суду, дается установка оценивать «доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств» (ст. 67 ГПК РФ, ст. 84 КАС РФ, ст. 71 АПК РФ). Возникает вопрос, а не является ли «внутреннее убеждение» правоприменителя «правосознание» этого субъекта? Все это в конечном счете лежит в плоскости многообразных аспектов формирования концепций исследуемого нами правового явления.

Правосознание как вид социального (общественного) сознания в современных гуманитарных, в том числе юридических, науках классифицируется по различным основаниям: по виду, сформулированного в обществе мировоззрению [5, с. 10]; по социально-политическим

условиям, сформированных в обществе [6, с. 5-11]; по форме государства [7, с. 107-109]; по виду правопонимания [8, с. 431-433]. При всем этом многообразии существующих современных интерпретаций сущности правосознания остается малоизученной концепция индивидуального правосознания личности на основе имеющих научных теорий личности. Исследователи забывают весьма важное обстоятельство, и оно кроется не в том, кто и как формирует это правосознания субъекта правореализации, а то, как данный субъект воспринимает и, прежде всего, способен воспринимать и осуществлять в реальной повседневной жизнедеятельности имеющийся, сформированный у него уровень этого индивидуального правосознания. Не даром И.А. Ильин акцентировал внимание на корреляции личности и правосознания. Именно эта корреляция является, по нашему мнению, решающей при формировании у субъекта определенного положительного или отрицательного отношения к праву. На это справедливо обращала внимание и Е.А. Лукашева [9, с.158]. При этом в отечественной юридической науке отсутствует анализ сущности индивидуального правосознания с точки зрения существующих современных теорий личности, в рамках которых бы исследовались механизмы формирования правосознания у субъектов правореализации, обычного человека. Именно личность в соответствии с его специфическими чертами формирует сознание, как состояние психической жизнедеятельности человека, проявляющегося в способности воспринимать окружающий мир, его прошлое и будущее и действовать в соответствии с ситуацией. Особенно важен данный аспект формирования правосознания для субъектов публичного права, подвластных субъектов государственно-властных, исполнительно-распорядительных или иначе публично-управленческих правоотношений.

В настоящее время в социально-психологической науке сформировался комплекс теорий, определяющих личность как интегрированное целое и одновременно, объясняющие различия между людьми [10, с. 26]. Так, Л. Хьелла и Д. Зиглера предлагают типологию теорий личности, основанную на структурной концепции личности, складывающуюся из черт личности в рамках поведенческих характеристик [10, с. 26 - 29]. Основываясь на подходах указанных авторов к типологии теорий личности, мы акцентировали внимание на следующих их видах: психологическая теория З. Фрейда; психодинамическая теория А. Адлера и К.Г. Юнга; эго-психологическая теория Э. Эриксона и Э. Фромма; диспозициональная теория Г. Олпорта, Р. Кеттелла; бихевиоральная теория Б.Ф. Скиннера; социально-когнитивная теория А. Бандура, Д. Роттера; когнитивная теория Д. Келли; гуманистическая теория А. Маслоу; феноменологическая теория К. Роджерса.

Попытаемся сформулировать подходы к содержанию индивидуального правосознания личности в рамках предложенных теорий личности.

Психологическая теория З. Фрейда – в соответствии с данной теоретической модели личности правосознания есть продукт воздействия на сознание человека предсознательного и бессознательного. При этом З. Фрейд структуру личности определял через три элемента: ид, эго и суперэго. Ид, как выразитель исходной структуры психики, сохраняет и предопределяет человека на всех этапах его жизни, формируя тем самым и его правосознание на основе первичных представлений о праве как реальности. На данном уровне формирования правосознания возможны неточности и искажения в восприятии правовой действительности. Представление о праве на данном уровне сохраняется до тех пор, пока личности не достигает возможности самостоятельного принятия решения, т.е. осуществлять компонент личности в виде эго. Данный компонент основывается на реальном взаимодействии личности с правовой реальностью, причем такое взаимодействие может быть для личности как положительным, так и отрицательным, т.е. формируется эмоция, которая и предопределяет характер правосознания личности. Суперэго (складывается из совести и эго-идеала) представляет собой ключевой элемент содержания личности, который представляет «интернализированную версию общественных норм и стандартов поведения» [10, с. 115]. Совесть формируется в процессе воспитания и формирует определенный уровень индивидуального правосознания. В то время эго-идеал формирует индивидуальное правосознание на основе самоконтроля, самовоспитания, т.е. формирования собственного представления об отношении к праву, правовой действительности и его проявлениям вне влияния иных акторов социума.

Таким образом, представленная теория личности фактически отражает эволюцию формирования определенного уровня индивидуального правосознания и в зависимости от дефектов элементов в структуре личности можно судить о дефектах содержания правосознания. В настоящее время следует констатировать проблемы в структуре личности на уровне эго и суперэго.

Психодинамическая теория А. Адлера и К.Г. Юнга – заключается в формировании индивидуума как неделимого целого, которое выводится из его жизни и формируется в процессе непрерывного движения, образуя стиль жизни. Стиль социальной жизни, объединяющий в себе уникальные черты личности, приемы ее поведения и привычки, в своей совокупности, предопределяют уникальную картину существования индивидуума [11, с. 104-105]. А. Адлер считал, что стиль жизни формируется у ребенка в раннем возрасте и не поддается тотальному изменению. Хотя стиль жизни является весьма индивидуальным, между тем, на основе обобщений, по мнению исследователя, можно сформировать типы личности по данному критерию: управляющий, берущий, избегающий, социально-полезный типы. В рамках управляющего типа личности формируется низкий уровень индивидуального правосознания, так как основывается на превосходстве над внешним миром. Данный тип личности характерен для преступников и лиц, ведущих антиобщественный стиль жизни. Берущих тип личности представляет собой тип потребителя, у индивидуума отсутствует публичный интерес. Они пассивны и не причиняют вреда другим лицам, относящихся к иным типам личности. Рассматриваемый тип личности обладает пассивным и низким уровнем индивидуального правосознания. Избегающий тип личности характеризуется пассивностью и отсутствием социального (публичного) интереса. Они социально не активны, избегают острых и проблемных аспектов социальных отношений. В этой связи правосознание данных индивидуумов характеризуется индифферентным отношением лица к праву и правовой действительности. Для социально-полезного типа личности характерно формирование позитивного отношения к праву, признанию его необходимым и неизбежным средством регулирования отношений в социуме. Правосознание для данного типа личности основывается на высоком уровне социальной активности субъекта, наличии у него публичного интереса, заботе о других членах общества и интереса в общении с ними.

Таким образом, правосознание в рамках данной теории предопределяется типом личности, основанном на стиле жизни. Данная теория представляет определенный интерес в части формирования определенного типа индивидуального правосознания у лица, которое предопределяется отношением индивидуума к социальной среде, в которой он формируется как личность.

Эго-психологическая теория Э. Эриксона и Э. Фромма – как представители фрейдизма в теории личности, представители данной теории развили психологическую концепцию личности. Данные исследователи считали, что в основе формирования личности лежит эго как поведение и функционирование человека. В рамках данной теории личности происходит дуализм правосознания. Личность формирует концепт права как инструмента удовлетворения социальных целей личности. Если же право не исполняет такую задачу, то личность крайне негативно оценивает право и правовую действительность, подвергает ее критике, а порой демонстративно отвергает положительные аспекты данного социального явления. В рамках данной теории личности формируется потребительский вид индивидуального правосознания.

Диспозициональная теория Г. Олпорта, Р.Кеттела – «Личность – это динамическая организация тех психофизиологических систем внутри индивидуума, которые определяют характерное для него поведение и мышление» [12, с. 28]. Этот тезис концентрированно формулирует суть данной теории. Личность есть динамическая структура, деятельность которой постоянно изменяет и развивает ее. Оценивая характер человека, представители данной теории, отмечают, что они есть оцененная личность, сама же личность в отрыве от данных характеристик является не оцененной. Темперамент первичный, врожденный элемент формирования личности, определяющий генетическую одаренность личности. Любая личность ведет себя по-разному, что характеризуется его чертами, как первичными единицами анализа личности: «... черта – это предрасположенность вести себя сходным образом в широком диапазоне ситуаций» [12, с. 3477], т.е. деятельность, обусловленная множеством стимулов и ответных реакций на них. Эти

положения позволяют утверждать, что в соответствии с данным теоретическим осмыслением личности его индивидуальное правосознание предопределяется, воздействующими на субъекта стимулами, порождающими определенное его отношение праву и правовой действительности. При этом в различных жизненных ситуациях это отношение может меняться, на него воздействует темперамент индивидуума и сформированный характер. В соответствии с данной теорией индивидуальное правосознание личности не может быть раз и навсегда сформированным, оно подвижно и предопределяется чертами личности.

Социально-когнитивная теория А. Бандура, Д. Роттера – сущность данной теории заключается в детерминизме открытого поведения, внешнего окружения (поощрения, наказания) и личностных факторов (вера, ожидание, самовосприятие). Каждый из этих элементов в процессе детерминизма может влиять на другие элементы в структуре личности. В рамках данной теории индивидуальное правосознание личности детерминировано приведенными элементами когнитивной структуры личности. Представители данной теории фактически исключают процесс образовательного формирования индивидуального правосознания, только в процессе прямого опыта (наблюдения) может быть сформировано индивидуальное правосознание, т.е. оно вытекает из фактической практики правореализации, действия права в реальных общественных отношениях. В этом смысле данная теория личности весьма близка диспозиционной теории в части подвижности индивидуального правосознания индивидуума.

Когнитивная теория Д. Келли – особенностями данной теории является то обстоятельство, что она основывается на философской доктрине «конструктивного альтернативизма», сформулированной Д. Келли. Суть данного научного концепта заключается в том, что осознание индивидуумом действительности происходит посредством истолкования предмета осознания. Иначе «не существует такой вещи в мире, относительно которой «не может быть двух мнений. ... Поскольку факты и события (как и весь человеческий опыт) существуют только в сознании человека, есть различные способы их истолкования» [10, с. 435]. В рамках приведенной теории индивидуальное правосознание может быть сформировано исходя из реальной оценки событий и фактов, воздействующих на личность. При чем одни и те же события и факты из правовой действительности формируют различное индивидуальное правосознание лиц, их оценивающих (активное, пассивное, положительное, отрицательное, индифферентное и т.п.). Когнитивная и социально-когнитивная теории личности имеют определенное сходство, предопределяющее индивидуальное правосознание факторами не только правовой действительности, но и индивидуальными особенностями восприятия личностью правовых явлений и феноменов.

Гуманистическая теория А. Маслоу – нельзя признать, что данная теория является самостоятельной концепцией личности. Ее сформировали ученые, объединившиеся во круг Нобелевского лауреата по экономике и являющиеся представителями психологического течения психоанализа и бихевиоризма. Данная теория личности основывается на экзистенциальной философии и ее поддерживали все представители данного мировоззренческого концепта. В соответствии с экзистенциальной философской парадигмой «каждый человек ответственен за свои действия, она апеллирует к гуманистической психологии: теоретики-гуманисты также подчеркивают, что каждый человек является главным архитектором своего поведения и жизненного опыта. Люди – мыслящие существа, переживающие, решающие и свободно выбирающие свои действия. Следовательно, гуманистическая психология в качестве основной модели принимает ответственного человека, свободно делающего выбор среди представленных возможностей. Как заметил Сартр – «Я есть мой выбор»» [10, с. 483]. В основе гуманистической теории личности лежит постулат экзистенциализма – выражающийся в становлении личности. Личность всегда находится в процессе становления, постоянно меняется. По мнению А. Маслоу изучение человека возможно лишь в единстве, уникальности, как организованного целого. Это позволяет признать в соответствии с гуманистической теорией личности, что индивидуальное правосознание предопределяется целевыми потребностями личности, которые являются врожденными и системно организованными по приоритетам или доминированием. Человек всю свою жизнь что-то желает, писал А. Маслоу, а желает он удовлетворить многообразные человеческие потребности такие как: физиологические, безопасности и защиты, любви, самоуважения, самоактуализации, личностного совершенствования и т.п. [10, с. 487].

Удовлетворение или неудовлетворение всех этих потребностей и формирует вид индивидуального правосознания индивидуума. В конечном счете индивидуальное правосознание человека, есть лишь отражение возможностей удовлетворения потребностей личности. Данный гуманистический индивидуализм разворачивает личность, акцентирует индивидуальность на приоритет личного в ущерб коллективному (публичному). Данная теория лежит в основе опасного индивидуализма лица в отношении его к правовой действительности, необоснованному «критиканству», правовому нигилизму, что мы наблюдаем в настоящее время. Общество потребления не может существовать вне потребительского отношения как праву, гипертрофического преувеличения значимости частного права перед правом публичным и даже попыток, выведения права публичного из системы «истинного» права, каковым является исключительно частное право. Все эти буржуазно-либеральные метаморфозы отражаются не только в индивидуальном правосознании личности, но оказывают существенное влияние на общественное правосознание.

Феноменологическая теория К. Роджерса – следует отметить, что данная теоретическая концепция личности очень сходна с гуманистической теорией А. Ростоу. Между тем, между ними имеются отдельные, но принципиальные отличия. Во-первых, феноменологическая теория личности сформирована практикующим врачом-психологом при непосредственной работе людьми, имеющими психологические проблемы. Во-вторых, личность и ее поведение являются функцией уникального восприятия окружения человека. В-третьих, становление личности осуществляется в процессе развития склонности человека к совершенствованию врожденного потенциала. Ключевым в теории личности К. Роджерса является мотив жизни человека, т.е. актуализация, сохранения и развивать себя, выявления лучших качества и свойств личности, которые заложенные в ней от природы [10, с. 535]. В соответствии с данной теорией личности индивидуальное правосознание формируется под влиянием мотивов личности, в ходе реализации которых формируется определенный уровень индивидуального правосознания индивидуума. Сведение индивидуального правосознания к реализации мотивов свидетельствует об буржуазно-либеральной, индивидуально-потребительской оценкой сущности правосознания, извращенного понимания сущности и значения права, использованием его как в узко корыстных, эгоистических целях.

Подводя итог рассмотрению данного вопроса, следует признать, что формирование идей индивидуального правосознания необходимо осуществлять с учетом сформированных психофизиологических теорий личности. Это позволит более глубоко и всесторонне осознавать сущность правосознания как важной социально-правовой характеристике субъекта права.

Литература и источники

1. Ильин И.А. О сущности правосознания // Ильин И.А. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 1.
2. Теория государства и права: учебник / под ред. С.С. Алексеева. 3-е изд. М.: Норма, 2003.
3. Федеральный закон от 21 июля 2014 № 212-ФЗ (с изм. и доп.) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30. (часть I). Ст. 4213.
4. Федеральный закон от 23 июня 2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26. (часть I). Ст. 3851.
5. Чикин Л.А. Социально-философский анализ концепции правосознания И.А. Ильина: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Иваново, 2008.
6. Баранов П.П., Овчинников А.И. Концептуальные приоритеты теории правосознания // Юрист-Правовед. 2007. №5(24).
7. Ивлева Н.Ю. К вопросу о типологизации правосознания в контексте концепции формы государства // Теория и практика общественного развития. 2016. №4.
8. Нуррединова А.Н., Сафронова В.В. Исследование концепций о правосознании XX века // Научный альманах. 2016. №5-1(19).
9. Права человека: учебник для вузов / Ответственный редактор - член-корр. РАН Е.А. Лукашева. М.: НОРМА–ИНФРА, 1999.
10. Хьюэлл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010.
11. Adler A. The individual psychology of Alfred Adler. A systematic presentation of selections from his writings. H.L.& R.R. Ansbacher (Eds.). New York: Basic Books. 1956.
12. Allport G.W. Patter and growth in personality. New York: Rinehart and Winston. 1961.

References and Sources

1. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya // Il'in I.A. Soch.: V 2 t. M., 1993. T. 1.
2. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. S.S. Alekseeva. 3-e izd. M.: Norma, 2003.
3. Federal'nyj zakon ot 21 iyulya 2014 № 212-FZ (s izm. i dop.) «Ob osnovah obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2014. № 30. (chast' I). St. 4213.
4. Federal'nyj zakon ot 23 iyunya 2016 № 182-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2016. № 26. (chast' I). St. 3851.
5. Chikin L.A. Social'no-filosofskij analiz koncepcii pravosoznaniya I.A. Il'ina: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Ivanovo, 2008.
6. Baranov P.P., Ovchinnikov A.I. Konceptual'nye priority teorii pravosoznaniya // Yurist-Pravoved". 2007. №5(24).

7. Ivleva N.Yu. K voprosu o tipologizacii pravosoznaniya v kontekste koncepcii formy gosudarstva // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2016. №4.
8. Nurredinova A.N., Safronova V.V. Issledovanie koncepcij o pravosoznanii HH veka // Nauchnyj al'manah. 2016. №5-1(19).
9. Prava cheloveka: uchebnik dlya vuzov / Otvetstvennyj redaktor - chlen-korr. RAN E.A. Lukasheva. M.: NORMA– INFRA, 1999.
10. H'ell L., Zigler D. Teorii lichnosti. 3-e izd. SPb.: Piter, 2010.
11. Adler A. The individual psychology of Alfred Adler. A systematic presentation of selections from his writings. H.L.& R.R. Ansbacher (Eds.). New York: Basic Books. 1956.
12. Allport G.W. Patter and growth in personality. New York: Rinehart and Winston. 1961.

ЖЕРЕБЦОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права, Кубанский государственный университет; профессор кафедры гражданского и международного права, Государственный морской университет им. Ф.Ф. Ушакова (admngan2066@yandex.ru).

ЛИНЬКО ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ - кандидат исторических наук, доцент, кафедра общетеоретических правовых дисциплин, Российский государственный университет правосудия, Северо-Кавказский (vitalii-linko@mail.ru).

ZHEREBTSOV, ALEKSEY N. - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kuban State University; Professor of the Department of Civil and International Law, State Maritime University. F.F. Ushakov (admngan2066@yandex.ru).

LINKO, VITALY V. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of General Theoretical Legal Disciplines, Russian State University of Justice, North Caucasus (vitalii-linko@mail.ru).

УДК 34.023

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-11-19

ПЕТРОВА А.И. К ВОПРОСУ ОБ УНИКАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА КАК ПОДЛИННОГО СУБЪЕКТА ПРАВА

Ключевые слова: категории права, правосубъектность, субъект права, объект права, концепция права, коммуникация, человек, сознание, мозг, эволюция.

Автор обращается к классическому пониманию субъекта права, проводит его рассмотрение с позиций коммуникативной концепции права, обосновывает вывод о том, что подлинным субъектом права может быть только человек, обладающий сознанием и волей. Автор предпринимает попытку обращения к феномену человека, рассматривает специфику его сознания и мозга с позиций междисциплинарного подхода, учитывая наработки науки по проблеме уникальности человеческого сознания, а также учитывая биологические и эволюционные данные об уникальности человеческого мозга. Отмечено, что говорить о его правосубъектности можно лишь в единстве двух ее аспектов (право- и дееспособности). Под ней следует понимать способность выступать носителем субъективных прав и обязанностей и способность лично эти права и обязанности осуществлять.

PETROVA, A.I. ON THE QUESTION OF THE UNIQUENESS OF A HUMAN AS A GENUINE SUBJECT OF LAW

Key words: categories of law, legal personality, subject of law, object of law, concept of law, communication, human, consciousness, brain, evolution.

The author refers to the classical understanding of the subject of law, examines it from the standpoint of the communicative concept of law, substantiates the conclusion that only a person with consciousness and will can be a true subject of law. The author makes an attempt to address the phenomenon of man, considers the specifics of his consciousness and brain from the standpoint of an interdisciplinary approach, taking into account the achievements of science on the problem of the uniqueness of human consciousness, as well as taking into account biological and evolutionary data on the uniqueness of the human brain. It is noted that it is possible to speak about its legal personality only in the unity of its two aspects (legal and legal capacity). It should be understood as the ability to act as a bearer of subjective rights and obligations and the ability to personally exercise these rights and obligations.

Правосубъектность – это важнейшая теоретическая категория в праве и основополагающий элемент любой правовой системы [1, с. 21]. В современных условиях обращение к проблемам правосубъектности актуально не только в контексте поиска ответа на фундаментальный вопрос «Кто (или что) есть субъект права?», но и в связи с возрастающим социальным запросом на обеспечение прав человека. Современные достижения научно-технического прогресса требуют внимания юридической науки, в частности, к приведенным ниже вопросам.

1. *Проблема правового статуса эмбриона человека.* Развитие медицинских технологий позволяет проводить операции с эмбрионами, которые еще несколько десятилетий назад сложно было представить (например, использовать фетальные ткани для изготовления лекарств, вносить коррективы в геном эмбриона с целью коррекции пола, внешности и пр. ребенка («ребенок на заказ») [2, с. 141]). Данные обстоятельства заставляют задуматься о правовом статусе эмбриона, как будущей человеческой жизни, осуществить поиск и обоснование в нем элементов правосубъектности.

2. *Проблемы правового регулирования деятельности роботов и искусственного интеллекта.* Еще в XIX столетии возникновение автономного транспорта, роботов-хирургов,

роботов, обладающих колоссальным объемом памяти, саморазвивающихся нейросетей относилось к области фантастики. В наши дни данные технологии уже не вызывают удивления [3, с. 65]. Их развитие обуславливает в том числе необходимость контроля над деятельностью искусственного интеллекта, способного к автономному поведению, что требует поиска возможного места данных технологий в диаде «субъект и объект права» и их правового регулирования.

3. *Проблемы перспектив правосубъектности человека в свете идей трансгуманизма.* Достижения научно-технического прогресса в наши дни позволяют говорить о перспективах усовершенствования человеческого тела техническими средствами, о кибернетическом бессмертии, переносе личности на альтернативный носитель [4]. Это неизбежно потребует и пересмотра сложившихся в юридической науке представлений о правосубъектности.

Данная статья посвящена обоснованию, с позиций коммуникативной концепции права, гипотезы, согласно которой подлинным деятельным субъектом права может быть только человек, наделенный сознанием и волей, направленной на признание Других такими же субъектами права на основе принципов взаимности, свободы, равенства и справедливости.

1. Понятие субъекта права и правосубъектности.

Подходя к изучению поставленной проблеме, нужно отметить, что взгляд на правосубъектность изменяется в зависимости от типа правопонимания, к которому принадлежит конкретный исследователь. В научной литературе отмечается, что в новоевропейской правовой доктрине сформировалась классическая модель субъекта права, которая явилась квинтэссенцией развития всей западноевропейской политико-правовой мысли, начиная с эпохи Возрождения. Методологическими основами данной трактовки субъекта права выступили рационализм, эссенциализм, монизм, логоцентризм и субстанциализм [5, с. 18]. Полагаем, что в настоящее время такое понимание субъектности нуждается в корректировке.

В догме права и доктринальной интерпретации, имевшей место в дореволюционной России (в отечественную догму права того времени соответствующее понимание субъекта права пришло путем заимствования немецкого и французского опыта), устоявшейся в советское время и встречающейся в исследованиях, продолжающих традиции доперестроечного периода, субъект права раскрывается через категорию правосубъектности, то есть особого юридического свойства, способности, позволяющей лицу или организации стать субъектом права [6, с. 124]. С.С. Алексеев, следуя этой давней традиции определения субъекта права, отмечал, что категории субъект права и правосубъектность совпадают по своему основному содержанию [7, с. 139]. Субъект права, то есть правосубъектность, в этих теоретических подходах выступает как абстрактная признанная правопорядком способность (возможность) иметь права и обязанности (правоспособность) и возможность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности (дееспособность) [6, с. 128].

Известный австрийско-немецкий ученый, представитель направления юридического нормативизма Г. Кельзен, писал, что традиционная теория отождествляет понятие субъекта права с понятием лица. Она определил, что лицо – это человек, как субъект обязанностей и прав. Но в качестве лиц могут быть описаны не только люди, но и известные сообщества – юридические лица, государство и его органы, если понятие лица определять как «носителя» прав и юридических обязанностей. Ведь в качестве носителя здесь может выступать не только человек, но и другие сущности. Г. Кельзен отмечал, что понятие «носителя» прав и юридических обязанностей играет в традиционной теории лица решающую роль. Если в качестве носителя прав и юридических обязанностей выступает человек, то говорят о физическом лице; если же как носители прав и обязанностей действуют другие сущности, то говорят о юридических лицах [8, с. 216-217].

В рамках разработанной им чистой теории права Г. Кельзен задался вопросом: «в чем же состоит то положение дел, которое традиционная теория обозначает через высказывание о том, что правопорядок наделяет людей или отдельных людей правосубъектностью, т.е. свойством быть лицом?» Отвечая на него, Г. Кельзен пришел к выводу о том, что правопорядок налагает на человека обязанности и наделяет его правами, т.е. делает поведение человека содержанием обязанностей и прав. «Быть лицом» или «иметь правосубъектность» – это то же самое, что иметь юридические обязанности и субъективные права. Лицо, как «носитель» юридических обязанностей и субъективных прав, не есть нечто отличное от юридических обязанностей и

субъективных прав – разница только в том, что их носитель представлен как лицо. Физическое или юридическое лицо, которое «имеет» юридические обязанности и субъективные права (как их носитель), является этими юридическими обязанностями и субъективными правами, т.е. является комплексом обязанностей и прав, единство которых образно выражается в понятии лица. Лицо представляет собой юридическую реальность, персонификацию комплекса правовых норм [8, с. 218, 219, 238].

Относительно схожее понимание субъекта права выработал отечественный представитель юридического позитивизма Г.Ф. Шершеневич, отмечавший: «субъект права – это тот, кому объективное право присваивает в юридическом отношении субъективное право. Субъект права иначе называется лицом. Присвоение права субъекту, связывание права с субъектом заключается в том, что только ему дано осуществление интереса, обеспеченного нормами права, только от его воли зависит привести в движение социальный аппарат, обеспечивающий его интересы.

Если субъективное право присваивается субъекту объективным правом, то субъект права есть искусственный продукт творчества объективного права. Человек становится субъектом права не в силу своего человеческого происхождения или нравственного достоинства, а в силу веления объективного права. Субъект права – не антропологическое, а чисто юридическое представление. Субъект права не то же самое, что человек: это только одно его свойство, созданное объективным правом» [9, с. 498-499].

Взгляд на субъект права, как на порождение объективного права, юридический концентрат важных для права свойств живого человека был присущ и классикам немецкой правовой мысли. Так, представитель немецкого юридического позитивизма Г. Еллинек писал, что понятие правового субъекта – чисто юридическое, и поэтому означает оно не присущее человеку реальное качество, а, как и все правовые понятия, является, по своей сути, отношением. То, что человек – субъект права, означает, что он находится в определенных отношениях к правопорядку. Правовая личность – не существо и не субстанция, а способность, данная человеку извне, созданная волею правопорядка [10, с. 106]. Эта способность, прикладываемая к реальному человеку, определяется правопорядком не произвольно, а представляет собой юридический концентрат важных для права качеств живого человека. Так, О. фон Гирке в своем известном труде «Немецкое частное право» писал, что личность как правовое понятие возникает ввиду совершаемой правосознанием абстракции, «выделения одной части действительности» [11, s. 268]. По мнению Г.В. Пухты, понятие лица основано на абстракции, охватывает не всего человека, а лишь его качество как субъекта воли [12, с. 47].

Солидарность с подходом Г.Ф. Шершеневича выражал современный ученый, профессор М.Н. Марченко, соглашавшийся с тем, что вопрос о субъекте правового отношения – вопрос юридический: только закон определяет, кто может выступать субъектом права и при каких обстоятельствах. М.Н. Марченко был согласен с Г.Ф. Шершеневичем в том, что свойство быть субъектом права не является естественным качеством человека, а представляет собой создание объективного права. Мысль о том, что качество субъекта права – носителя основных прав и свобод – человек приобретает «естественным путем», что «они принадлежат каждому от рождения», с практической точки зрения есть лишь «привлекательная декларация» [13, с. 645, 646].

М.Н. Марченко отмечал, что такая разновидность субъекта права, как физическое лицо, по существу, отождествляется с живым человеком, обладающим право- и дееспособностью [13, с. 649]. (Ранее, в советский период развития отечественной юридической науки человека с физическим лицом отождествляли О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский [14, с. 201], Я.М. Магазинер [15, с. 260]). Вместе с тем, М.Н. Марченко писал, что эта позиция разделялась не всегда и не всеми правоведами. Так, например, он отмечал мнение дореволюционного исследователя, князя Е.Н. Трубецкого, который писал, что «субъект права и лицо живое, физически существующее, не совпадают между собой», и что юридическая личность человека переживает его как физически существующее лицо. Е.Н. Трубецкой полагал, что существование субъекта права может продолжиться и тогда, когда соответствующий ему человек перестал существовать физически. По мнению Е.Н. Трубецкого, на постулате о том, что субъектами права могут быть не действительные, живые люди, но и люди только предполагаемые, основано наследственное право. Так, поскольку закон уважает выраженную в завещании волю умершего, обеспечивает ее исполнение, то «закон признает и защищает право умершего».

Согласимся с М.Н. Марченко в том, что приведенные мысли Е.Н. Трубецкого спорны [13, с. 649]. Вместе с тем они способствуют разностороннему осмыслению феномена субъекта права, и, возможно, в перспективе будут полезны в части проработки проблем правосубъектности человека в свете идей трансгуманизма. Вместе с тем полагаем, что позитивистское понимание субъекта права как законодательной конструкции может быть подвергнуто критике с позиций постклассической философской мысли, а также с позиций иных подходов к пониманию права, более последовательно учитывающих выводы философии и науки.

Представляется справедливым отметить, что понимание субъекта права не представляется возможным без понимания категории правового отношения, поскольку субъект права – это и есть субъект правоотношений – их участник, реализующий права и обязанности [16, с. 753].

В настоящее время в отечественной юридической науке наиболее распространено понимание правоотношения как вида общественного отношения [16, с. 294-295]. В современной философии общественное отношение понимается во взаимосвязи с категорией деятельности и определяется как объективированная, унаследованная, совокупная, живая, чувственная деятельность людей, выступающая как сотрудничество многих индивидов, как объективная и устойчивая структура связей в социуме, формирующаяся в соответствии с видами и предметами человеческой деятельности [17, с. 44].

Обратимся к интерпретации понятия «субъект» в философской мысли. Это слово происходит от лат. *subjectus* – лежащий в основе, находящийся внизу. Современная трактовка данного понятия проистекает из позиции Р. Декарта, определявшего понятие субъект как активное начало в познавательном процессе. В философии под субъектом чаще всего понимают носителя предметно-практической деятельности и познания [18, с. 661].

Полагаем, что понимание правоотношения как вида общественного отношения и субъекта права как субъекта деятельности в одной из сфер жизни общества – правовой, последовательно проведено в рамках коммуникативной концепции права, являющейся одним из современных интегральных подходов к правопониманию, использующим постклассическую методологию. В ее рамках право рассматривается «не как система установленных государством норм, а как система коммуникативных отношений, в которых право рождается из интерпретации и легитимации (признания) ценностно значимых (общезначимых и общеобязательных) текстов в интерсубъективном сознании коммуникантов и последующем их нормативном взаимодействии на основе субъективных прав и правовых обязанностей» [19, с. 43].

Таким образом, субъект права – это активный коммуникант, обладающий необходимым интеллектуальным уровнем для того, чтобы понять логический смысл нормы и «проговорить» его для Другого, способный реализовывать ценностно-интеллектуальные акты признания текстов в качестве правовых, обладающий правовой волей, способный соотносить свое поведение с требованиями нормы права [16, с. 762] и реализующий правовые нормы в своих взаимоотношениях с другими участниками коммуникации. Субъект права – это активный деятель, вступающий в правоотношения, конструирующий своими действиями правовую реальность. Задавшись вопросом о том, кто (или что) может выступать в качестве субъекта права, быть его «дейтельным субстратом», с учетом вышеприведенных положений мы с неизбежностью приходим к выводу, что таковым может быть только человек. Роботы и системы искусственного интеллекта могут обладать существенным техническим потенциалом для обработки информации, но полагаем, что они не могут реализовывать эмоциональные, ценностно-интеллектуальные акты признания аналогичным образом с тем, как это происходит в сознании человека. Вместе с тем вопросы их возможной правосубъектности требуют дополнительного осмысления в науке с учетом темпов технического прогресса, обуславливающего обилие подобных систем, их непрерывное совершенствование и многообразие форм возможного использования, в том числе представляющих опасность для людей [20, с. 86-93].

В свою очередь, традиционно выделяемые в юриспруденции виды субъектов права: физические лица (граждане) и организации (разделяющиеся на юридические лица и государственные органы, государство) [21, с. 385-386], являются наиболее удобными способами компоновки нормативного материала, технико-юридическими конструкциями, вбирающими в себя важные для правопорядка качества индивидов. При этом физическое лицо вбирает в себя качества человека, важные для его индивидуализации в праве, юридическое лицо – для

коллективной деятельности людей. Законодательная же конструкция не может выступать социальным деятелем. Мысль о том, что право управомочивает и обязывает именно людей, а не созданные законодателем абстракции, фигурирует в юридической науке на протяжении длительного времени. Так, в частности, в начале XX в. Н.Н. Алексеев отмечал, что правоотношение может возникнуть только между людьми, что правопорядок складывается из отношений между человеческими личностями [22, с. 137-138].

В целях поиска уникальных свойств человека как подлинного, деятельного субъекта права, представляется немаловажным обращение к феномену человека с позиций междисциплинарного подхода, учитывающего результаты его изучения в различных областях знания.

В философской литературе отмечается, что человек – это особый род сущего, субъект социального процесса, творец культуры и исторического развития. Человек – это биосоциальное существо (представитель *Homo sapiens*). Он генетически связан с другими формами жизни, однако выделяется из них ввиду способности производить орудия труда, создавать символы. Человек обладает членораздельной речью, мышлением и сознанием, нравственно-этическими качествами [23, с. 295]. Доктор философских наук Д.И. Дубровский пишет, что понятие природы человека представляет собой комплекс устойчивых свойств социального индивида, которые воспроизводятся во все эпохи и у всех народов, что указывает на их обусловленность нашей биологической организацией. Эти свойства формируются на основе генетических факторов и варьируются под влиянием физических и социальных внешних условий. Данные свойства выражают потребности, способности, формы поведения и деятельности людей. Их этическая составляющая выражается посредством определенного баланса антиномичных качеств, присущих человеческому эгоизму и альтруизму [24, с. 5]. По мысли ученого, альтруистическое начало можно признать определяющим в возникновении и поддержании существования социума. Альтруистические интенции сформировались на основе биологической эволюции и укреплялись в процессе антропогенеза. Источником преобразований предметной и социальной действительности со стороны людей является человеческое сознание [24, с. 8]. Сознание обладает специфическим и неотъемлемым качеством субъективной реальности, под которой понимается реальность осознаваемых состояний индивида, непосредственно удостоверяющих для него, что он существует. Именно свойство субъективной реальности, полагает Д.И. Дубровский, «создает основные сложности при попытках теоретического объяснения связи сознания с мозговыми (и вообще с телесными, физическими) процессами» [25, с. 121-122. См. подробнее: 25].

Сознание, отмечает ученый, возникает в ходе антропогенеза как новое качество по сравнению с психикой животных в результате развития способности оперирования информацией, достигающей уровня управления самим информационным процессом. Это предоставляет неограниченные возможности расширения диапазона человеческой информации, подвигает к абстрактному мышлению и духовному творчеству, целеполаганию и волеизъявлению, обуславливает возможности личностного самоотображения и самосознания человека [26].

До настоящего времени «известны лишь два класса информационных процессов, которым присуще качество субъективной реальности, то есть способность обладать информацией в «чистом» виде и оперировать ею, и которые исторически сложились под влиянием принципа инвариантности информации по отношению к свойствам ее носителя. Это прежде всего психические процессы у животных. Последние обладают по крайней мере чувственными образами и эмоциональными состояниями (а значит, информацией в «чистом» виде), способны оперировать чувственными образами» [26].

Приведенные особенности человеческого сознания обуславливают то, что «жизнь и деятельность людей в целом протекает в двух формах, в двух ипостасях: познание себя и окружающего мира и отношение к себе и к окружающему миру» [19, с. 56]. Солидаризируясь с М. Бубером, А.В. Поляков отмечает, что фундаментальным фактом человеческого существования является не взятый сам по себе отдельный человек, а такое бытие человеческого существа, которое можно обозначить как «человек с человеком» [19, с. 60]. По мысли М. Бубера мир людей характеризуется тем, «что возникает здесь между существом и существом, подобного чему нигде в природе не найти. Язык для него только знак и коммуникативное средство, вся духовная работа пробуждена через это. Оно делает человека человеком... Оно коренится в том, что существо имеет в виду другое как другое, как это определенное другое существо, чтобы коммуницировать с ним в

общей для обоих, но выходящей за собственные области обеих сфер» [27, с. 93]. Указанные особенности человеческого сознания, коммуникативной природы человека в части участия в правовых отношениях обуславливают то, что «признавая других людей участниками правового взаимодействия, мы необходимо признаем их разумность, свободу, ответственность, изначальное человеческое достоинство и общее формальное равенство (равенство правосубъектности). <...> Неспособность понимать смысл норм и смысл своих действий исключает возможность правовой коммуникации» [19, с. 63, 64].

Любопытно отметить биологические и эволюционные особенности человеческих существ, обуславливающие уникальность человеческого сознания и нашу способность к кооперативной коммуникации.

При рождении размер головного мозга человека представляет собой лишь четверть от мозга взрослого человека, в то время как у других приматов при рождении мозг имеет объем половины объема мозга взрослой особи. Это означает, что в младенческом возрасте мы беспомощны. Впоследствии, до того, как научиться бегать и карабкаться в возрасте 9 месяцев – 1 года, мы начинаем думать о том, что на уме у других людей, сначала на простом уровне, затем все сложнее и сложнее [28, с. 114].

Б. Хэйр и В. Вудс пишут о проведенном многофакторном исследовании когнитивных способностей детенышей обезьян бонобо, шимпанзе и детей такого же возраста, показавшем существенное превосходство детей при решении социальных проблем. Двухлетние дети, имея абсолютно недоразвитый мозг, демонстрировали больше социальных навыков, чем человекообразные приматы при более зрелом мозге. К четырем годам дети имели превосходство по всем заданиям.

Эти проявляющиеся на раннем этапе развития социальные навыки дают нам преимущество, позволяя даже тем, чей мозг еще не полностью сформирован, решать сложные комплексные проблемы при помощи чужого ресурса. Способность людей понимать других с юного возраста также позволяет нам присваивать знания поколений, давая уникальные преимущества при выживании [28, с. 114-116].

При рождении череп *Homo sapiens* не зарощен, мозг детей продолжает расти в течение двух лет после рождения. Быстрый постнатальный рост мозга, в частности, оказывает воздействие на фронтальную и тыльную части головы, обуславливая принятие ею формы воздушного шарика. Передняя и задняя области мозга, теменные части вмещают два центральных узла теории сознания – области Т1 (височно-теменной узел) и предклинья полушарий головного мозга. Эти зоны активируются, когда младенцы начинают обращать внимание на взгляды и жесты других людей. Судя по ископаемым черепам, эти появляющиеся в раннем возрасте социальные навыки были присущи лишь *Homo sapiens*.

Однако данный тип социального познания, отмечают Б. Хэйр и В. Вудс, очень специфичен. Складывается впечатление, что развитие других навыков затормаживается на фоне коммуникативных. По уровню самоконтроля человек начинает превосходить человекообразных приматов не ранее, чем в 4-6 лет, – как раз в этот период можно проводить тесты на отложенное удовольствие. Самоконтроль развивается столь медленно, что взрослого уровня мы достигаем не ранее 20-летнего возраста.

Данная последовательность является манифестацией синаптического прунинга. В период роста мозга вырабатывается больше нейронов, чем нужно. Задавая направление своей жизни, решая проблемы и адаптируясь к различным средам, мы используем определенные нейронные сети чаще, чем другие. Эти постоянно применяемые нейронные сети становятся более многочисленными и способными лучше обрабатывать информацию. Затем они оптимально выстраивают взаимосвязи друг между другом и становятся еще эффективнее. К моменту взросления нейронные сети нашего мозга оптимизированы и специализированы. Мы теряем пластичность, но познание улучшается в плане решения потенциальных проблем.

Мозг других животных после рождения быстро развивается в закрытом черепе. Детеныши диких животных за минуты учатся вставать на ноги и не отстают от своей группы в течение дня. Даже детеныши шимпанзе на ногах гораздо раньше детей *Homo sapiens* [28, с. 116-118].

Человеческие детеныши рождаются физически беспомощными и остаются таковыми на протяжении длительного времени. Но благодаря проявляющемуся на раннем этапе социальному

познанию дети способны считывать намерения и эмоции окружающих таким образом, что это гарантирует им безопасность со стороны старших членов семьи, которые о них заботятся. Человек использует это как компенсацию своей физической беспомощности – слабой мускулатуры и неоформившегося черепа, пока мозг неторопливо наверстывает упущенное, растет и пускает отростки. Когда в 20 с лишним лет процесс завершается, мы превращаемся в сверхмощный компьютер с уникальной программой, направленной на изучение и инновацию в культурной среде [28, с. 118].

Приведенные данные о биологических особенностях человеческого мозга, сформировавшихся в ходе процесса эволюции *Homo sapiens*, логично подтверждают теоретико-правовую мысль о том, что подлинным, деятельным субъектом права может быть только взрослый, граждански зрелый человек, легитимирующий в качестве общезначимых и общеобязательных правовые тексты и соотносящий свое поведение с их предписаниями. На наш взгляд, говорить о его правосубъектности можно лишь в единстве двух ее аспектов (право- и дееспособности), понимать под ней способность выступать носителем субъективных прав и обязанностей и способность лично эти права и обязанности осуществлять. Учитывая, что ребенок или душевнобольной не могут полноценно участвовать в правовой коммуникации в силу отсутствия необходимых знаний или невозможности контролировать свои действия, признание их правоспособными является законодательной фикцией. Субъектом права при вступлении ребенка или душевнобольного в правоотношения будет их законный представитель, здравомыслящий человек, осуществляющий права и обязанности, притягивая их к своему подопечному, приращивая ему массив правоотношений, участие в которых он сможет продолжить лично в случае взросления или выздоровления.

В свою очередь, человеческий эмбрион следует признавать объектом права и одновременно потенциальным субъектом права. Ему присущи биологические характеристики, подтверждающие его принадлежность к человеческому роду и сходство с новорожденным ребенком. Однако он не только не способен участвовать в правоотношениях, опосредуя это своим сознанием и своими действиями, но даже не объективирован как живой индивид, и до момента родов с благоприятным исходом с достоверностью невозможно утверждать, что он будет объективирован таковым образом, поскольку беременность может прерваться либо ребенок погибнет при родах. Вместе с тем человеческий эмбрион станет субъектом права в случае благоприятного исхода родов, взросления и социализации, приобретения необходимых знаний и навыков относительно социальной жизни, в том числе ее правовой сферы [29, с. 259, 260].

Перспективы правосубъектности роботов и искусственного интеллекта, а также правосубъектности человека в свете идей трансгуманизма заслуживают отдельного осмысления в научной литературе с учетом характера и сложности обозначенного предмета исследования.

Литература и источники

1. Хабриева Т.Я. Введение // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Проспект, 2020. С. 21-28.
2. Петрова А.И. Влияние медицинских показателей степени развития эмбриона на его правовой статус // Петербургский юрист. 2015. № 3 (7). С. 141-143.
3. Пономарева Е.В. Феномен квазисубъекта права: вопросы теории: моногр. / под ред. докт. юрид. наук, доц. С.И. Архипова. М.: Юрлитинформ, 2020. 160 с.
4. Дубровский Д. «Фантастика или научная проблема?» [Электронный ресурс] // Деловая газета «Взгляд»: [сайт]. [25.10.2012]. URL: <https://vz.ru/opinions/2012/10/25/604264.html> (дата обращения: 08.04.2023).
5. Павлов В.И. Энергийно-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности // Правоведение. 2012. № 2. С. 14-39.
6. Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.
7. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1982. 360 с.
8. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
9. Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4. / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2016. 752 с.
10. Еллинек Г. Право современного государства. Том первый, Общее учение о государстве / пер. под ред. В.М. Гессена, Л.В. Шалланда. СПб.: Товарищество «Общественная Польза», 1903. XX, 532 с.
11. Gierke O. Deutsches Privatrecht. Erster Band, Allgemeiner Teil und Personenrecht / O. Gierke; Herausgeg. von K. Binding. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1895. 897 s.

12. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права / пер. Линденбрата с 6-го изд. под ред. П. Карасевича. Ярославль: Типография Г. Фальк, 1872. 99 с.
13. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Проспект, 2013. 768 с.
14. Иоффе О.С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
15. Магазинер Я.М. Общая теория права на основе советского законодательства // Я.М. Магазинер. Избранные труды по общей теории права / Я.М. Магазинер; отв. ред. А.К. Кравцов. СПб.: Юридический Центр Пресс, 2006. С. 17-314.
16. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 864 с.
17. Варламова Н.В. Правоотношения: Философский и юридический подходы // Правоведение. 1991. № 4. С. 44-54.
18. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.
19. Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН/ Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С.39-101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov.
20. Горохов В.Г., Декер М. Технологические риски как социальная проблема при разработке и внедрении интеллектуальных автономных роботов // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 82-93.
21. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник / Санкт-Петербургский государственный университет, Юридический факультет. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. 472 с.
22. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве: Курс лекций, прочитанных в Таврическом Университете в 1918-19 году. Симферополь: Типография Е.К. Брешко-Брешковской, 1919. 161 с.
23. Гуревич П.С. Философия: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2012. 574 с.
24. Дубровский Д.И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Философские науки. 2013. № 9. С. 5-14.
25. Дубровский Д.И. Проблема «сознание и мозг»: теоретические и методологические вопросы (в связи с задачами НБИКС-конвергенции) // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. под ред. проф. Д.И. Дубровского. М.: ООО «Издательство МБА», 2013. С. 121-149.
26. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368с. // Сайт Д.И. Дубровского [Электронный ресурс]. URL: <https://dubrovsky.dialog21.ru/index.htm> (дата обращения: 09.04.2023).
27. Бубер М. Проблема человека / пер. с нем. Н. Кушнира. Киев, 1998. 96 с. Цит. по: Поляков А.В. Принцип взаимного правового признания: российская философско-правовая традиция и коммуникативный подход к праву // Труды Института государства и права РАН/ Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С. 60. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov.
28. Хэйр Б., Вудс В. Выживает самый дружелюбный. Почему женщины выбирают добродушных мужчин, молодежь избегает агрессии и другие парадоксы, которые помогут узнать себя лучше / Брайан Хэйр, Ванесса Вудс; [пер. с англ. Е. Бирюзовой]. М.: Эксмо, 2022. 288 с.
29. Петрова А. Человеческий эмбрион — субъект или объект права? // Право, общество, государство: вопросы теории и истории: сб. материалов Всерос. студ. науч. конф., Москва, 24-25 апр. 2015 г. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2015. С. 257-260.

References and Sources

1. Khabrieva T.Y. Vvedenie // Pravosub"ektnost': obshcheteoreticheskii, otraslevoi i mezhdunarodno-pravovoi analiz: sbornik materialov k XII Ezhegodnym nauchnym chteniiam pamiati professora S.N. Bratusia / V.F. Iakovlev, T.Y. Khabrieva, V.K. Andreev i dr.; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. М.: Prospekt, 2020. S. 21-28.
2. Petrova A.I. Vliianie meditsinskikh pokazatelei stepeni razvitiia embriona na ego pravovoi status // Peterburgskii iurist. 2015. № 3 (7). S. 141-143.
3. Ponomareva E.V. Fenomen kvazisub"ekta prava: voprosy teorii: monogr. / pod red. dokt. iurid. nauk, dots. S.I. Arkhipova. М.: Iurlitinform, 2020. 160 s.
4. Dubrovsky D. «Fantastika ili nauchnaia problema?» [Elektronnyi resurs] // Delovaia gazeta «Vzgliad»: [sait]. [25.10.2012]. URL: <https://vz.ru/opinions/2012/10/25/604264.html> (data obrashcheniia: 08.04.2023).
5. Pavlov V.I. Energiino-pravovoi diskurs kak postklassicheskaia antropologiya prava. K nachalam dekonstruktsii klassicheskoi modeli iuridicheskoi otvetstvennosti // Pravovedenie. 2012. № 2. S. 14-39.
6. Arkhipov S.I. Sub"ekt prava: teoreticheskoe issledovanie. SPb.: Izdatel'stvo R. Aslanova «Iuridicheskii tsentr Press», 2004. 469 s.
7. Alekseev S.S. Obshchaia teoriia prava: v 2 t. T. 2. М.: Iuridicheskaiia literatura, 1982. 360 s.
8. Kelsen H. Chistoe uchenie o prave. 2-e izd / per. s nem. M.V. Antonova i S.V. Loesova. SPb.: OOO Izdatel'skii Dom «Alef-Press», 2015. 542 s.
9. Shershenevich G.F. Izbrannoe: V 6 t. T. 4. / Vstup. slovo, sost.: P.V. Krashennnikov. М.: Statut, 2016. 752 s.
10. Ellinek G. Pravo sovremennoogo gosudarstva. Tom pervyi, Obshchee uchenie o gosudarstve / per. pod red. V.M. Gessena, L.V. Shallanda. SPb.: Tovarishchestvo «Obshchestvennaia Pol'za», 1903. XX, 532 s.
11. Gierke O. Deutsches Privatrecht. Erster Band, Allgemeiner Teil und Personenrecht / O. Gierke; Herausgeg. von K. Binding. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1895. 897 s.
12. Puhta G.F. Jenciklopedija prava / per. Lindenbratena s 6-go izd. pod red. P. Karasevicha. Jaroslavl': Tipografija G. Fal'k, 1872. 99 s.
13. Marchenko M.N. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik. М.: Prospekt, 2013. 768 s.
14. Ioffe O.S., Shargorodskij M. D. Voprosy teorii prava. М.: Gosjurizdat, 1961. 381 s.
15. Magaziner Ja.M. Obshhaja teoriia prava na osnove sovetskogo zakonodatel'stva // Ja.M. Magaziner. Izbrannye trudy po obshhej teorii prava / Ja.M. Magaziner; отв. ред. А.К. Кравцов. SPb.: Juridicheskij Centr Press, 2006. S. 17-314.
16. Polyakov A.V. Obshhaja teoriia prava: Problemy interpretacii v kontekste kommunikativnogo podhoda: kurs lekcij / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet. SPb.: Izdatel'skij dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 864 s.
17. Varlamova N.V. Pravootnosheniia: Filosofskij i iuridicheskij podhody // Pravovedenie. 1991. № 4. S. 44-54.
18. Filsofskij jenciklopedicheskij slovar'. М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1983. 840 s.
19. Polyakov A.V. Princip vzaimnogo pravovogo priznaniia: rossijskaja filsofsko-pravovaja tradiciia i kommunikativnyj podhod k pravu // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN/ Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. Т. 16. № 6. С.39-101. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov.
20. Gorohov V.G., Decker M. Tehnologicheskie riski kak social'naja problema pri razrabotke i vnedrenii intellektual'nyh avtonomnyh robotov // Global'noe budushhee 2045. Konvergentnye tehnologii (NBKIS) i transgumanisticheskaja jevoljucija. pod red. prof. D.I. Dubrovskogo. М.: OOO «Izdatel'stvo MBA», 2013. S. 82-93.
21. Polyakov A.V., Timoshina E.V. Obshhaja teoriia prava: uchebnik / Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, Juridicheskij fakul'tet. SPb.: Izdatel'skij dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. 472 s.

22. Alekseev N.N. Obshee uchenie o prave: Kurs lekcij, pročitannyh v Tavricheskom Universitete v 1918-19 godu. Simferopol': Tipografiya E.K. Breshko-Breshkovskoj, 1919. 161 s.
23. Gurevich P.S. Filosofija: uchebnik dlja bakalavrov. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2012. 574 s.
24. Dubrovsky D.I. Priroda cheloveka, massovoe soznanie i global'noe budushhee // Filosofskie nauki. 2013. № 9. S. 5-14.
25. Dubrovsky D.I. Problema «soznanie i mozg»: teoreticheskie i metodologicheskie voprosy (v svjazi s zadachami NBIKS-konvergencii) // Global'noe budushhee 2045. Konvergentnye tehnologii (NBIKS) i transgumanisticheskaja jevoljucija. pod red. prof. D.I. Dubrovskogo. M.: OOO «Izdatel'stvo MBA», 2013. S. 121-149.
26. Dubrovsky D.I. Problema ideal'nogo. Sub'ektivnaja real'nost'. M.: Kanon+, 2002. 368s. // Sajt D.I. Dubrovskogo [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://dubrovsky.dialog21.ru/index.htm> (data obrashhenija: 09.04.2023).
27. Buber M. Problema cheloveka / per. s nem. N. Kushnira. Kiev, 1998. 96 s. Cit. po: Polyakov A.V. Princip vzaimnogo pravovogo priznanija: rossijskaja filosofsko-pravovaja tradicija i kommunikativnyj podhod k pravu // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN/ Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2021. T. 16. № 6. S. 60. DOI: 10.35427/2073-4522-2021-16-6-polyakov.
28. Hare B., Woods V. Vyzhivaet samyj druželjubnyj. Pochemu zhenshhiny vybirajut dobrodushnyh mužhchin, molodezh' izbegajet agreszii i drugie paradoksy, kotorye pomogut uznat' sebja luchshe / Brian Hare, Vanessa Woods; [per. s angl. E. Birjuzovoj]. M.: Jeksmo, 2022. 288 s.
29. Petrova A. Chelovecheskiy embrion — sub'yekt ili ob'yektprava? // Pravo, obshchestvo, gosudarstvo: voprosy teorii i istorii: sb. materialov Vseros. stud. nauch. konf., Moskva, 24-25 apr. 2015 g. M.: Ros. un-t družby narodov, 2015. S. 257-260.

ПЕТРОВА АНАСТАСИЯ ИГОРЕВНА – Главный специалист Судебно-правового отдела, аппарат Уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге; соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет.

PETROVA, ANASTASIIA I. - Chief Specialist of the Judicial and Legal Department, Public Authority the Ombudsman for Children in Saint Petersburg; Degree-Seeking Student, Saint Petersburg State University (anastasiapetrova@bk.ru).

УДК 340.143

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-19-23

УПОРОВ И.В., ШЕУДЖЕН Н.А., МАМИЙ А.Х. НАРАСТАЮЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО ОТРАСЛЕЙ ПРАВА НУЖДАЮТСЯ В СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ

Ключевые слова: отрасль права, нормативно-правовой акт, интеграл права, публично-территориальное образование, конституция, субъект Федерации.

В статье выявляется проблема, связанная с фактом непрерывного роста количества выделяемых в качестве самостоятельных отраслей права. Отмечается, что этот процесс не может быть бесконечным, соответственно возникает необходимость совершенствования структурного (вертикального) построения права как важнейшего социального регулятора. Обосновывается предложение, суть которого сводится к тому, чтобы к традиционной триаде основных элементов («норма права - институт права - отрасль права») добавить дополнительный элемент под условным названием «интеграл права», что позволит повысить уровень системности правовой сферы и охватить правовым регулированием более широкий спектр общественных отношений.

UPOROV, I.V., SHEUDZHEN, N.A., MAMIY, A.Kh.
A GROWING NUMBER OF BRANCHES OF LAW NEEDS STRUCTURAL CHANGES

Key words: branch of law, normative legal act, integral of law, public-territorial formation, constitution, subject of the Federation.

The article reveals the problem associated with the fact of continuous growth in the number of branches of law allocated as independent branches of law. It is noted that this process cannot be endless; accordingly, there is a need to improve the structural (vertical) construction of law as the most important social regulator. The proposal is substantiated, the essence of which is to add an additional element to the traditional triad of basic elements (“rule of law-institution of law-branch of law”) under the conditional name “integral of law”, which will increase the level of systematization of the legal sphere and cover more than a wide range of social relations.

Несмотря на то, что право, как социальный регулятор, сопровождает развитие человеческого сообщества уже несколько тысяч лет (как часть двуединой категории «государство - право»), среди правоведов по-прежнему отсутствует четкое понимание «границ и состава этого сложного явления» [1, с. 9]. Вместе с тем, в отечественной правовой науке, прежде всего в течение XX в., сформировался подход, определяющий систему и структуру права, который стал доминирующим. Довольно наглядно такой подход был обоснован советским теоретиком права С.С. Алексеевым в середине 1970-х гг., в частности, отмечавшим, что в структуру права входят следующие элементы: нормативное предписание (норма); правовой институт; отрасль права. Каждый из элементов этого «вертикального» строения права также может быть классифицирован по различным критериям и имеет свою внутреннюю структуру (например, структуру правовой нормы составляют гипотеза, диспозиция, санкция; институт права может подразделяться на субинституты, отрасли права – на подотрасли, комплексные отрасли и т.д.). Отрасли права в совокупности составляют систему права, будучи взаимосвязаны генетически и функционально. Важно также отметить мысль С.А. Алексеева о том, что в некоторых сферах общественных отношений могут формироваться так называемые «интегрированные комплексные отрасли», под которыми этот ученый понимал правовые общности, имеющие определенное «юридическое единство». Важно заметить, такие правовые общности не отличаются по своему структурному строению от традиционных отраслей права, то есть состоят из тех же упомянутых выше

структурных элементов права [2, с. 161].

Следует заметить, что такой подход по-прежнему является основным как в научных исследованиях, так и в учебном процессе на юридических факультетах вузов при изучении такой учебной дисциплины, как теория права, что обнаруживается, например, по соответствующим вузовским учебникам, где при изучении структуры (системы) права непременно раскрывается и характеризуется указанная выше триада «норма права - институт права - отрасль права» в качестве основы вертикального строения права, как социального регулятора.

Однако помимо этой доминирующей позиции имеются и иные суждения. Так, есть точка зрения, согласно которой следует пересмотреть роль отрасли права в структуре права, поскольку эта категория (отрасль права) существенно «девальвирована», например, конституционное право в этом контексте не может находиться в одном ряду с нисходящими из него иными отраслями права [3, с. 5]. Соответственно, ставится вопрос о целесообразности акцентировать внимание не на отраслях права, а на отраслях законодательства. Ряд авторов (В.К. Андреев, Ю.К. Толстой и др.) полагают невозможным провести четкие границы между отраслями права, а одну и ту же сферу общественных отношений могут регулировать нормы разных отраслей права, поэтому не может быть так называемых «чистых» отраслей права (подробный обзор точек зрения на этот счет представлен, в частности, Д.Е. Петров [4]). Тем не менее указанная выше триада в понимании структуры права по-прежнему является довлеющей.

Вместе с тем право, как социальное явление и как социальный регулятор, находятся не в статическом состоянии, а в непрерывной динамике. Соответственно, через определенные промежутки времени возникает необходимость в дополнительном осмыслении его системности и структурирования – с учетом ряда существенных, по нашему мнению, факторов. Важнейший из этих факторов заключается в том, что социальные отношения, по мере их развития, непрерывно усложняются, издается все больше правовых актов для их регулирования. Этот процесс непрерывен и продолжается по нарастающей. Так, согласно сведениям официального сайта Минюста РФ, к настоящему времени в России принято около 130 тысяч разного рода нормативно-правовых актов (далее – НПА) федерального уровня, около 2 миллионов - НПА субъектов Федерации. Еще около 10 миллионов НПА издано в муниципальных образованиях [5].

Исходя из нарастающего столь высокими темпами количества НПА, выделяются все новые и новые отрасли права. Так, по данным исследования Р.Л. Хачатурова, двадцать лет назад в области права (прежде всего в научных трудах) выделялись 26 новых правовых отраслей, десять лет назад - 60 отраслей права, а в 2017 г. речь шла уже о 90 новых отраслях права [6, с. 91].

Тенденция очевидна, равно как и то, что количественные изменения не могут быть бесконечными без соответствующего структурирования, которое учитывало бы эту тенденцию. В этой связи в литературе (в частности, В.А. Муравским) уже высказана мысль о том, что следствием этого процесса должны быть определенные интеграционные решения [7, с. 13]. И на этот счет в литературе обосновывается ряд предложений. Так, предлагается подотрасли права выделять и полагать их самостоятельными отраслями права (в качестве примера Г.Н. Комкова приводит подотрасль «парламентское право», которое целесообразно выделить из конституционного права [8, с. 79]). Согласно другой точке зрения, целесообразно формировать подотрасли наднационального характера [9, с. 68].

Однако в обоих случаях количество подотраслей права и отраслей права будет также непрерывно возрастать. В этой связи, как представляется, требуется иное решение, поскольку ввиду непрерывного количественного расширения количества НПА «втискивать» их в классическую триаду структуры права (норма-институт-отрасль) все труднее. Наше предложение заключается в том, чтобы расширить элементный состав вертикального строения права, добавив в него еще один интегрирующий элемент, который условно можно так и назвать - «интеграл права», и тогда триада «норма права-институт права-отрасль права» будет трансформирована в следующую тетраду: «норма права-институт права-отрасль права-интеграл права».

Данное предложение может быть проиллюстрировано таким примером. Согласно Конституции России функционируют три основных вида публично-территориальных образований, и прежде всего это само государство (Российская Федерация) в целом; в составе этого публично-территориального образования находятся менее масштабные публично-территориальные образования - субъекты Федерации; в свою очередь, субъекты Федерации

состоят из еще одного вида (наиболее многочисленного) публично-территориальных образований - муниципальных образований (таковых в России почти двадцать тысяч). Одним из общих признаков, характерных для этих публично-территориальных образований, является наличие публичной власти общей компетенции – в этом контексте публично-территориальные образования исследованы в ряде работ, в том числе наиболее подробно В.Е. Чиркиным [10]. Однако при этом остается недостаточно выясненным вопрос о том, в рамках каких правоотношений (какой отрасли права) регулируется статус этих публично-территориальных образований. Так, статус Российской Федерации как единого государства регулируется прежде всего Конституцией России, то есть, конституционным правом.

Казалось бы, здесь все понятно. Однако ситуация не столь однозначна. И такая неоднозначность заключается в том, что российская Конституция, будучи актом федерального уровня, вместе с тем регулирует вопросы, связанные с основами формирования публичной власти не только собственно федерального уровня (Президент РФ, Федеральное собрание РФ, Правительство РФ, суды РФ), но также и в субъектах Федерации, а также в муниципальных образованиях. Кроме того, помимо Конституции России издаются такие НПА (прежде всего это федеральные законы), где одним из субъектов публично-властных отношений является государство «как единый и неделимый субъект» [11, с. 58]. И эти НПА составляют иные отрасли права (помимо конституционного права), в частности, речь может идти о международном, финансовом, бюджетном праве и др., системная структурированность которых применительно к государству в целом отсутствует. Соответственно такие отрасли права целесообразно, на наш взгляд, консолидировать в отдельной правовой общности - «публично-территориальное право». Предмет регулирования такого правового образования – прежде всего статус, структура, полномочия органов публичной власти в указанных публично-территориальных образованиях и при ведущей роли конституционного права федерального уровня.

Это и будет пример предлагаемого нами интеграла права. Применительно к описанной ситуации он может именоваться как «интеграл федерального публично-территориального права». Более сложная ситуация на уровне субъектов Федерации. Если обратиться к научно-правовой литературе, то обнаружится наличие нескольких трудов на этот счет, и в них, в частности, обсуждается вопрос о том, следует ли региональное право выделять в самостоятельную отрасль права, можно ли вообще говорить, к примеру, о конституционном праве субъекта Федерации как самостоятельной отрасли права? Нам ближе точка зрения А.Н. Кокотова, который полагает, что региональное право является самостоятельной отраслью права, а не только частью единого на всю страну федерального конституционного права (так считают его оппоненты), поскольку само по себе функционирование «региональных сообществ людей» (а их наличие – очевидный, неоспоримый факт) нуждается в «комплексном и обособленном правовом закреплении собственного статуса», тем более учитывая, что предусмотренная Конституцией России определенная политико-правовая самостоятельность субъектов Федерации «распространяющаяся на их право осуществлять комплексное правовое саморегулирование» [12, с. 33].

В этой связи нужно отметить интересное правовое явление следующего характера. Так, статус российского государства как публично-территориального образования исследуется и изучается в рамках конституционного права. Статус муниципальных образований как публично-территориальных образований на местном уровне исследуется (и, соответственно, изучается в рамках муниципального права). Но если иметь в виду субъекты Федерации, то у этого вида публично-территориальных образований отсутствует «своя» отрасль права (то есть, региональное право), хотя предложения и разработки на этот счет имеются [13, 14]. Такое положение в федеративном государстве представляется алогичным. Отсутствие «своей» отрасли права не позволяет в достаточной мере эффективно регулировать, с правовой точки зрения, решение многих проблем регионального характера: например, как должны соотноситься полномочия субъектов Федерации – с одной стороны, и федеральных округов – с другой стороны; в качестве другого примера можно назвать городские агломерации, в состав которых в входят части территорий смежных субъектов Федерации (так, в краснодарскую городскую агломерацию входят муниципальные образования как Краснодарского края, так и Республики Адыгея); здесь же можно указать на вопрос о целесообразности создания и функционирования в субъектах Федерации самостоятельных правоохранительных структур и др.).

Соответственно, мы полагаем, что региональное право нуждается в своем выделении, но не в качестве традиционной отрасли права, а в качестве предлагаемого нами интеграла права. В этот интеграл права целесообразно включить такие традиционные правовые отрасли, которые посредством содержащихся в них НПА определяют статус, структуру, полномочия субъектов Федерации как публично-территориальных образований (конечно, в число таких актов должен входить недавно принятый ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (и, разумеется, этот интеграл права основывается на федеральной Конституции).

Что касается муниципального уровня публично-властных отношений, то здесь уже имеется определенная правовая основа, что позволило в начале 1990-х гг. выделить в качестве самостоятельной муниципальное право. Но даже при наличии данной самостоятельной отрасли права еще немало вопросов, правовое разрешение которых в рамках данной отрасли права представляется затруднительным. Так, в действующем базовом законе для этой отрасли права (ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») не дается толкованию города не как муниципального образования, а как населенного пункта, из-за чего непросто определить соотношение городского округа, городского поселения и города, и тем более, что законодатель меняет свою позицию по толкованию городского округа как вида муниципального образования.

Помимо этого нужно указать на то обстоятельство, что деятельность органов местного самоуправления имеет очень много направлений (организация функционирования дошкольных и школьных образовательных учреждений, обеспечение населения услугами общественного транспорта, благоустройство территории, водоснабжение и водоотведение и т.д.), при этом по каждому направлению имеются свои НПА, свои отрасли права (бюджетное право, градостроительное право, земельное право и др.), где закрепляются соответствующие полномочия органов местного самоуправления, но, заметим, эти законы (их множество) относятся к разным традиционным отраслям права.

Исходя из этого, раскрывая далее наше предложение, представляется целесообразным обособить такой интеграл права, как «муниципальный интеграл публично-территориального права». В данный интеграл права целесообразно включать такие традиционные отрасли права, которые посредством содержащихся в них НПА определяются, по аналогии с региональным интегралом права, статус, структуру, полномочия муниципальных образований как публично-территориальных образований. В приведенных примерах интегралов права как дополнительных элементах вертикальной структуры права (то есть, в дополнение к норме права, институту права, отрасли права) в качестве критериев их выделения сохраняются предмет и метод правового регулирования. Мы полагаем, что введение в вертикальную структуру права интеграла права как дополнительного элемента, как отмечалось, обуславливается непрерывным ростом числа НПА и соответствующих отраслей права, и позволит более эффективно регулировать также непрерывно усложняющиеся социальные отношения, и в этом смысле, как представляется, может найти развитие отмеченный выше тезис С.С. Алексеева. Отметим еще, что выше приведен лишь один пример обособления «интеграла права» как элемента структуры права. Однако с учетом того, что количество правовых актов непрерывно возрастает, потребность в дополнительных правовых образованиях будет только усиливаться.

Литература и источники

1. Кашанина Т.В. Структура права. Статья 1 // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 2 (24). С. 7-29.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит-ра, 1975. 263 с.
3. Мозолин В.П. Система российского права // Право и политика. 2002. №2. С. 4-6.
4. Петров Д.Е. Структурное многообразие системы российского права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 23-30.
5. Нормативно-правовые акты Российской Федерации / Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации // URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html> (дата обращения: 12.06. 2023 г.).
6. Хачатуров Р.Л. Становление отраслей права Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 91-97.
7. Муравский В.А. Актуально-правовой аспект правопонимания // Государство и право. 2005. № 2. С. 13-18.
8. Комкова Г.Н. Содержание системы конституционного права России: современное прочтение // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 76-83.
9. Жеребцов А.Н. Интеграция как фактор дальнейшего развития системы российского административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 62-70.

10. Чиркин В.Е. Территориальная организация публичной власти. М.: Норма; Инфра-М., 2017. 208 с.
11. Бутусова Н.В. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений // Журнал российского права. 2003. № 6. С. 58-66.
12. Кокотов А.Н. Конституционное (уставное) право субъектов Российской Федерации как составная часть конституционного права Российской Федерации // Конституционное право субъектов Российской Федерации. М.: Городец-издат, 2002. С. 31-37.
13. Потапов М.Г., Балакна И.В. Региональное право. Новосибирск: НГУ, 2012. 163 с.
14. Давтян В.Р., Кононенко Д.В. Конституционное (уставное) право субъектов Российской Федерации. М.: Юрайт, 2019. 158с.

References and Sources

1. Kashanina T.V. Struktura prava. Stat'ya 1 // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2011. № 2 (24). S. 7-29.
2. Alekseev S.S. Struktura sovetskogo prava. M.: Yurid. lit-ra, 1975. 263 s.
3. Mozolin V.P. Sistema rossijskogo prava // Pravo i politika. 2002. №2. S. 4-6.
4. Petrov D.E. Struktumno mnogoobrazie sistemy rossijskogo prava // Leningradskij juridicheskij zhurnal. 2015. № 2 (40). S. 23-30.
5. Normativno-pravovye akty Rossijskoj Federacii / Oficial'nyj sajt Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii // URL: <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html> (data obrashcheniya: 12.06. 2023 g.).
6. Hachaturov R.L. Stanovlenie otraslej prava Rossijskoj Federacii // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 1 (41). S. 91-97.
7. Muravskij V.A. Aktual'no-pravovoj aspekt pravoponimaniya // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 2. S. 13-18.
8. Komkova G.N. Soderzhanie sistemy konstitucionnogo prava Rossii: sovremennoe prochtenie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 10 (95). S. 76-83.
9. Zherebcov A.N. Integraciya kak faktor dal'nejshego razvitiya sistemy rossijskogo administrativnogo prava // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2020. № 2. S. 62-70.
10. Chirkin V.E. Territorial'naya organizaciya publicnoj vlasti. M.: Norma; Infra-M., 2017. 208 s.
11. Butusova N.V. Rossijskoe gosudarstvo kak sub"ekt konstitucionno-pravovyh odnoshenij // Zhurnal rossijskogo prava. 2003. № 6. S. 58-66.
12. Kokotov A.N. Konstitucionnoe (ustavnoe) pravo sub"ektov Rossijskoj Federacii kak sostavnaya chast' konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe pravo sub"ektov Rossijskoj Federacii. M.: Gorodec-izdat, 2002. S. 31-37.
13. Potapov M.G., Balakna I.V. Regional'noe pravo. Novosibirsk: NGU, 2012. 163 s.
14. Davtyan V.R., Kononenko D.V. Konstitucionnoe (ustavnoe) pravo sub"ektov Rossijskoj Federacii. M.: Yurajt, 2019. 158 s.

УПОРОВ ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, кафедра конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России (uporov@list.ru).

ШЕУДЖЕН НУРДИН АСЛАНОВИЧ - кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории права и государства, Краснодарский университет МВД России (k006cc01@mail.ru).

МАМИЙ АСЛАН ХАЗРЕТОВИЧ – преподаватель, кафедра уголовного процесса, Краснодарский университет МВД России (aslan230390@mail.ru).

UPOROV, IVAN V. - Doctor of History, Ph.D. in Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (uporov@list.ru).

SHEUDZHEN, NURDIN A. - Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (k006cc01@mail.ru).

MAMIY, ASLAN Kh. - Lecturer, Department of Criminal Procedure, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (aslan230390@mail.ru).

УДК 340.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-23-28

КУЗЬМИН В.П., КУЗЬМИН П.В.
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
И ЕГО ЗНАЧЕНИИ ДЛЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Ключевые слова: правоприменение, толкование права, стадии применения права, фактическая и юридическая квалификация дела, правоприменительный акт.

Статья носит теоретико-прикладной характер. В ней рассматриваются проблемы правоприменения, возникающие в связи с недостаточно четкими и конкретными определениями правовых явлений. Основываясь на конкретных примерах судебной практики, авторы подчеркивают необходимость соблюдения в процессе научного творчества сложившихся в правовой теории подходов к определению понятий и содержания правовых явлений. Показано, что процесс правоприменения определенным образом формализован, осуществляется на основе строгого соблюдения последовательности предусмотренных стадий, несоблюдение которых приводит к правовым коллизиям и порождает хаос в судебной практике. Последовательность в реализации правоприменительного процесса обеспечивает его целостность и завершенность. Игнорирование сложившегося представления о стадиях этого процесса порождает правовые конфликты.

KUZMIN, V.P., KUZMIN, P.V.

ON THE QUESTION OF THE DEFINITION OF THE CONCEPT OF LAW ENFORCEMENT
AND ITS SIGNIFICANCE FOR JUDICIAL PRACTICE

Key words: law enforcement, interpretation of law, stages of application, actual and legal qualification of the case, law enforcement act.

The article is of a theoretical and applied nature. It examines the problems of law enforcement arising in connection with insufficiently clear and specific definitions of legal phenomena. Based on concrete examples of judicial practice, the authors substantiate the need to observe in the process of scientific. It is shown that the law enforcement process is formalized in a certain way, carried out on the basis of strict observance of the sequence of stages provided for, non-observance of which leads to legal conflicts and generates chaos in judicial practice. Consistency in the implementation of the law enforcement process ensures its integrity and completeness. Ignoring the prevailing idea of the stages of this process gives rise to legal conflicts.

Отсутствие единого понимания содержания понятий и разноречивой в теоретических формулировках нередко порождают противоречивое толкование норм законодательства и приводят к серьезным нарушениям в процессе правоприменения. По вопросу о стадиях применения права, казалось бы, сформировалась общепризнанная система взглядов, но встречающиеся нередко попытки отдельных теоретиков «проявить творчество» и «продолжить развитие» теоретической мысли, приводят к появлению «новелл» в устоявшейся концепции правоприменения. Общепринято, что под применением права понимается одна из форм реализации права, называемая особой формой. Особенность правоприменения, как формы реализации права, определяется тем, что оно осуществляется только соответствующими органами и должностными лицами, наделенными властными полномочиями в установленной сфере отношений. Результатом процесса правоприменения является вынесение соответствующего индивидуального акта. В соответствии с общепринятым пониманием содержания понятия, следует, что правоприменение осуществляют любые лица, наделенные соответствующими полномочиями. Процесс применения права завершается принятием решения, выраженного правоприменительным актом, который имеет письменную, устную, или конклюдентную форму.

В теории права и в сложившейся практике сформировалось понятие правоприменительного процесса и оформились определенные подходы к его содержанию, в том числе и в отношении определения стадий правоприменения. Однако в последнее время начали появляться весьма противоречивые «новаторские» суждения, вносящие дезорганизацию в практику правоприменения, в том числе и в судебную практику.

Во-первых, в некоторых публикациях достаточно авторитетных авторов встречается определение правоприменения, в котором содержится указание, что субъектами правоприменения выступают только государственные и муниципальные органы и должностные лица [1, с. 259], что представляется не совсем верным. Сторонники такого толкования субъектного состава правоприменительного процесса не учитывают, что применение права могут осуществлять не только государственные и муниципальные должностные лица, но и руководители частных компаний в рамках предоставленных полномочий. Примером применения права являются, в частности, приказы руководителей негосударственных предприятий и учреждений, основанные на предоставленных Трудовым кодексом РФ полномочиях (о приеме на работу, увольнении и т.п.). Эти акты правоприменения имеют такую же юридическую силу и порождают юридически значимые последствия, как и акты государственных и муниципальных органов и должностных лиц. Представляется, что в этот вопрос необходимо внести ясность и не допускать ограничения круга субъектов правоприменения органами и должностными лицами государства.

Применение права осуществляется путем использования юрисдикционными органами и должностными лицами властных полномочий, предоставляемых им государством путем установления соответствующих норм, излагаемых в законодательных актах. Следовательно, государственный характер правоприменения обусловлен не принадлежностью субъекта правоприменения к структуре государственных органов, а участием государства в предоставлении соответствующих функций и властных полномочий лицам, осуществляющим правоприменительный процесс.

В определении понятия правоприменения содержатся основные признаки, характеризующие применение права:

- субъектами применения права могут быть только уполномоченные на то компетентные лица, представляющие как государственные, так и не государственные структуры;
- предыдущий признак определяет властный характер процесса правоприменения;
- сам правоприменительный процесс регулируется нормами процессуального права;
- для применения права необходимо наличие соответствующих юридических оснований;
- применение права носит индивидуальный характер;
- применение права порождает определенные юридические последствия;
- сам правоприменительный процесс предполагает строгое соблюдение последовательности действий и состоит из определенных стадий;
- результатом применения права является соответствующий правоприменительный акт, имеющий индивидуальный характер [2].

Вынесением правоприменительного акта завершается процесс правоприменения.

Заблуждение относительно перечня субъектов правоприменения носят абстрактный характер и не влияют на практику применения права, так как независимо от теоретических рассуждений никто не может лишить негосударственные субъекты их полномочий в сфере применения права в силу явной несостоятельности подобных теоретических положений.

А вот попытка расширить перечень стадий правоприменения за счет добавления стадии выполнения принятого решения приводит к серьезным юридическим коллизиям.

В работах авторитетных специалистов в области теории государства и права и в практической деятельности субъектов правоприменения, как правило, рассматриваются следующие стадии применения права [2, с. 370]:

- 1) выявление обстоятельств события в их реальной последовательности, установление объективной истины;
- 2) поиск конкретной нормы законодательства, регулирующей указанные отношения и ее толкование с использованием в первую очередь системного, грамматического и технико-юридического способов;
- 3) принятие решения по делу, выраженного в правоприменительном акте. На этом конкретный процесс правоприменения завершается.

«Первая стадия предусматривает установление объективной истины путем сбора всей юридически значимой информации, изучения документов, опроса очевидцев. Со времен Древнего Рима эта стадия предусматривает формулу: что – где – когда – кто – как – почему. На этой стадии осуществляется поиск ответов на обозначенные вопросы» [2, с. 371].

Под «объективной истиной при этом понимается полное и достоверное соответствие выводов юрисдикционного органа фактическим обстоятельствам рассматриваемого дела» [3, с. 282].

На второй стадии лицо, осуществляющее правоприменение:

- выбирает отрасль, институт и конкретную юридическую норму, подлежащую применению в данном конкретном случае;
- устанавливает с использованием подходящих способов толкования фактическое содержание нормы права, заложенную в нее волю законодателя;
- сверяет действия нормы права в пространстве, во времени, по кругу лиц;
- моделирует возможные противоречия, которые могут возникнуть в процессе применения данной нормы к фактическим обстоятельствам конкретного случая.

Первые две стадии, таким образом, представляют из себя действия, направленные на подготовку к принятию правомерного решения, соответствующего обстоятельствам дела.

Третья стадия, по существу, является основной. Здесь принимается решение, оформляемое в виде соответствующего правоприменительного акта.

При этом не только решается судьба дела, и устанавливается дальнейшее развитие правоотношений, но и предполагается необходимость возникновения новых правоотношений, в том числе процессов правоприменения, которые также будут проходить вышеуказанные стадии.

Правоприменительный акт представляет из себя индивидуальное правовое предписание лица, наделенного властными полномочиями, порождающее юридически значимые последствия, и являющийся обязательным для лиц, в отношении которых он принят

Правоприменительные акты являются, наряду с нормативно правовыми и интерпретационными, разновидностью правовых актов, и обладают своими отличительными особенностями, к которым относятся:

- принимаются только компетентными органами;
- при необходимости их исполнение обеспечивается силой государственного принуждения;
- в отличие от нормативных актов не создают новых норм, а только устанавливают необходимость применения действующих норм права к конкретному индивидуальному случаю и к конкретным лицам;
- правоприменительные акты оформляются в соответствии с требованиями юридической техники;

- предусматривая юридически значимые последствия, правоприменительные акты могут выступать в качестве юридических фактов, порождающих новые правоотношения, в том числе новые правоприменительные процессы.

В зависимости от характера обусловленных правоприменительными актами последствий, они могут подразделяться по различным основаниям. По выполняемым юридическим функциям эти акты подразделяются на организационно-распорядительные (приказ об установлении внутреннего трудового распорядка) и охранительные (протокол об административном правонарушении) [3, с. 283].

Вышеизложенный подход к определению и содержанию правоприменительного процесса, поддерживаемый наиболее авторитетными правоведомы, казалось бы, считался общепринятым, и не вызывал дискуссий. Однако отмечаются попытки обосновать еще одну стадию применения права. Появились работы, и даже учебники, в которых делается попытка без глубокой проработки и обсуждения среди юридического сообщества предложить наличие четвертой стадии правоприменения – стадии выполнения решения [4, с. 344].

Идея нуждается в серьезном обсуждении. В реализации вынесенного решения, как правило, участвуют совершенно другие субъекты правоприменения и в составе других правоотношений. Исполнение решений, установленных актом правоприменения, представляет из себя самостоятельный правоприменительный процесс, осуществляемых с учетом традиционных стадий правоприменения. Добавление в процесс правоприменения стадии исполнения принятого решения порождает на практике серьезные противоречия. Подтверждением сказанному являются примеры конкретной судебной практики.

В частности, при рассмотрении ряда гражданско-правовых споров с участием одной и той же группы субъектов Ленинским районным судом г. Владивостока и Приморским краевым судом возникли существенные противоречия, вытекающие из различного понимания правоприменительного процесса и его стадий.

В отношении физического лица была осуществлена массированная атака с целью лишения его полномочий руководителя созданной им общественной организации. По существу, произошел рейдерский захват руководимой им организации, которому он не сумел противостоять в силу отсутствия необходимых знаний в правовой сфере и допущенных им ошибок организационного плана. Сторона, в пользу которой были приняты основные решения, воодушевленная легким успехом, по существу злоупотребляя правом, преследуя цели неосновательного обогащения, предъявила ряд исковых требований к ответчику, которые, в силу объективных причин, не могли быть последним реализованы.

Истец обратился с исковым требованием о передаче документов общественной организации, который суд правомерно удовлетворил. Однако передача документов по номенклатуре организации своевременно не была осуществлена по вине самого истца. Несмотря на то, что истец не принял мер для осуществления передачи документов, им, по прошествии полутора лет, было направлено в суд заявление в рамках завершеного дела о выплате неустойки за невыполнение судебного постановления о передаче документов организации. Статьей 308.3 Гражданского кодекса РФ действительно предусмотрено, что «суд по требованию кредитора вправе присудить в его пользу денежную сумму в случае неисполнения судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения» [5]. Судья районного суда, исходя из того, что исковое производство по истребованию документов завершилось вынесением решения по существу, т.е. с вынесением акта правоприменения, своим определением, оставил заявление без рассмотрения, и рекомендовал истцу обратиться с новым иском о выплате неустойки за невыполнение решения суда.

Таким образом, в соответствии с теоретическим положением о том, что правоприменительный процесс по данному делу завершен вынесением судебного решения, истец имел полное право возбудить новое исковое производство по факту невыполнения ответчиком судебного постановления. В таком случае, рассмотрев исковое заявление, суд мог признать наличие состава правонарушения в действиях ответчика, и принять новое решение уже по факту нового нарушения прав истца. Данная позиция судьи вытекает из теоретического положения о том, что исполнение решения не является стадией правоприменения, а представляет собой

самостоятельный правоприменительный процесс, что соответствует сложившимся представлениям о применении права. Действия данного судьи представляются абсолютно логичными и правомерными.

Однако истец обратился с частной жалобой на определение судьи районного суда в Приморский краевой суд, который, отменив определение районного суда, направил заявление на новое рассмотрение. Заявление районным судом было рассмотрено, но в удовлетворении его требований было отказано в связи с тем, что несвоевременное исполнение решения суда было обусловлено действиями ответчика. Приморский краевой суд, рассмотрев в последующем частную жалобу истца на данное определение, оставил его без изменений. Те же представители истца обратились с исковыми требованиями к тому же ответчику с требованием о защите деловой репутации, которые заочным решением Ленинского районного суда г. Владивостока были удовлетворены: ответчика обязали разместить в средствах массовой информации опровержение информации, «высказанной» им в интервью. Однако данное решение до ответчика доведено не было, в связи с чем, он не смог своевременно исполнить решение суда. Истец по данному вопросу также обращается с заявлением о выплате неустойки за невыполнение решения суда в рамках основного дела, правоприменение по которому фактически было завершено вынесением решения. При этом игнорируется тот факт, что вопросы, по которым может быть вынесено дополнительное решение суда, строго ограничены статьей 201 ГПК РФ. Однако, памятуя позицию Приморского краевого суда по аналогичному заявлению, районный суд принимает заявление к рассмотрению и вынесенным определением отказывает в удовлетворении заявленных требований. Приморский краевой суд также оставляет определение без изменений.

В связи с такой высокой активностью истца, стремящегося как можно сильнее навредить ответчику, и заявлявшего явно завышенные требования, граничащие со злоупотреблением права, ответчик, не обладающий необходимыми юридическими знаниями, вынужден был потратить свое время и понести значительные судебные расходы.

Ответчик обратился в районный суд с заявлениями по указным двум делам о возмещении судебных расходов. Заявления рассматривались двумя судьями, размещающимися в соседних кабинетах. Один из них удовлетворяет требование и выносит определение о возмещении судебных расходов. Второй судья вынесенным определением отказывает в удовлетворении заявленных требований, ссылаясь на положение ч. 1 ст. 100 ГПК РФ, в соответствии с которой «стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству, суд присуждает с другой стороны возместить расходы ... в разумных пределах» [6]. Судья мотивировал свою позицию тем, что в пользу ответчика вынесено не решение, а определение. Основываясь на данной норме, он считал, что сторона, в пользу которой вынесено определение, не имеет права на возмещение судебных расходов.

Позиция безусловно спорная. С одной стороны, издержки возмещаются при разрешении судами материально-правовых споров. В то же время, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» указывается, что принципом распределения судебных расходов выступает возмещение судебных расходов лицу, которое их понесло, за счет лица, не в пользу которого принят итоговый судебный акт по делу, а не просто решение [7].

В дальнейшем обе стороны обращаются с частными жалобами в Приморский краевой суд, который выносит по ним определения в пользу ответчика, подводя таким образом итог возникших разногласий. Однако такое противоречие не возникло бы изначально, при правильном учете субъектами стадий правоприменения, завершающей из которых является вынесение правоприменительного акта. При этом исполнение принятого решения должно рассматриваться уже как новый правоприменительный процесс.

Таким образом, процесс правоприменения определенным образом формализован, осуществляется на основе строгого соблюдения последовательности предусмотренных стадий, несоблюдение которых приводит к правовым коллизиям и порождает хаос в судебной практике. Последовательность в реализации правоприменительного процесса обеспечивает его целостность и завершенность. Игнорирование сложившегося представления о стадиях этого процесса порождает правовые конфликты.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в процессе теоретических исследований и при попытках «инновационных» подходов в сложившиеся представления о правовых явлениях, необходимо соизмерять их с возможными последствиями в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Литература и источники

1. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебник / Под ред. В.Г. Стрекозова. М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л». 2008.
2. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022.
3. Кузьмин В.П. Вопросы теории государства и права: учебное пособие. Хабаровск: Изд-во Тихоок. гос. ун-та, 2013.
4. Теория государства и права: учебник / Российский университет дружбы народов, Юридический институт; под ред. д.ю.н., проф. А.А. Клишаса. М.: Статут, 2019.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // КонсультантПлюс Ст. 308.3.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // КонсультантПлюс Ст. 100.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // КонсультантПлюс

References and Sources

1. Hropanyuk V.N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / Pod red. V.G. Strekozova. M.: Izdatel'stvo «Interstil», «Omega-L». 2008.
2. Lazarev V.V., Lipen' S.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov. 5-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2022.
3. Kuz'min V.P. Voprosy teorii gosudarstva i prava: uchebnoe posobie. Habarovsk: Izd-vo Tihook. gos. un-ta, 2013.
4. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / Rossijskij universitet druzhby narodov, Yuridicheskij institut; pod red. d.yu.n., prof. A.A. Klishasa. M.: Statut, 2019.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 08.12.2020) // Konsul'tantPlyus St. 308.3.
6. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 08.12.2020) // Konsul'tantPlyus St. 100.
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.01.2016 N 1 «O nekotoryh voprosah primeneniya zakonodatel'stva o vozmeshchenii izderzhok, svyazannyh s rassmotreniem dela» // Konsul'tantPlyus

КУЗЬМИН ВИКТОР ПАВЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) (kyn2003@rambler.ru).

КУЗЬМИН ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ - заместитель директора Высшей школы экономики, Санкт-Петербург. (pvkuzmin@hse.ru).

KUZMIN, VIKTOR P. – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Higher School of Economics (St. Petersburg) (kyn2003@rambler.ru).

KUZMIN, PAVEL V. - Deputy Director of the Higher School of Economics, St. Petersburg. (pvkuzmin@hse.ru)

УДК 343.3

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-28-36

ЗОТОВ А.Ю.

К ИСТОРИИ БАНДИТИЗМА В РОССИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЭВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: банда, бандитизм, нападение, разбой, организованная преступность, множественность преступлений.

Одним из предметов изучения уголовного права является его история. Изучение истории уголовного права предполагает не просто исторический экскурс; целью «взгляда в прошлое» является установление закономерностей развития данной отрасли права и составляющих её норм. Понять прошлое означает быть способным преодолеть его. В конечном счете, речь идет о том, чтобы уметь изменить настоящее. В статье рассмотрены основные вехи эволюции феномена бандитизма в России. Показано, что в форме шайк бандитизм известен нашему обществу с глубоко древности. При этом соответствующие преступные группы (шайки) всегда отличались организованностью, наличием довольно стройной преступной иерархии, продуманного плана действий, признанного лидера, регулирующего жизнь шайки и определяющего распределение ролей. В советском законодательстве появилось первое упоминание о бандитизме (в Декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 года «О суде»), хотя его сущность не раскрывалась. Только 20 июня 1919 года в Постановлении Всероссийского центрального исполнительного комитета «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» понятие бандитизма было обозначено четко: «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество им и укрывательство». При этом в последующем бандитизм в СССР относился к разряду «государственных преступлений».

ZOTOV, A.Yu.

TO THE HISTORY OF BANDITISM IN RUSSIA: FORMATION AND MAIN MILESTONES OF EVOLUTION

Key words: gang, banditry, assault, robbery, organized crime, multiplicity of crimes.

One of the subjects of study of criminal law is its history. The study of the history of criminal law involves more than just a historical digression; the purpose of "look into the past" is to establish patterns of development of this branch of law and its constituent norms. To understand the past means to be able to overcome it. Ultimately, it is about being able to change the present. The article considers the main milestones in the evolution of the phenomenon of banditry in Russia. It is shown that banditry in the form of gangs has been known to our society since ancient times. At the same time, the corresponding criminal groups (gangs) have always been distinguished by their organization, the presence of a rather harmonious criminal hierarchy, a well-thought-out plan of action, a recognized leader who regulates the life of the gang and determines the distribution of roles. The first mention of banditry appeared in Soviet legislation (in the Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 20, 1918 "On the Court"), although its essence was not disclosed. Only on June 20, 1919, in the Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On exemptions from general jurisdiction in areas declared under martial law", the concept of banditry was

clearly defined: "participation in a gang formed for murder, robbery and robbery, aiding and harboring them." At the same time, later banditry in the USSR belonged to the category of "state crimes".

Исторически термин «банда» произошел от латинского «bandum» в средние века - понятия, означающего как отряд рыцарской и иной конницы, так и незаконные объединения. Бандой также назывался отряд ландскнехтов (занимающихся мародёрством) - группа лиц, занимающихся бандитизмом [1]. Основополагающие начала исторического развития бандитизма базируются на эволюции банды, как преступного формирования. Однако в ходе анализа, возникает вывод о том, что понятие «банда» еще с одиннадцатого века формирует признаки состава «бандитизма». В России дефиниция «банда» вошла в общее употребление после польского восстания против Российской империи 1863 года, так как польские повстанцы называли свои отряды «партиями» или «бандами» [2]. Юридическое значение определения слова «банда», уже в то время употреблявшееся в иностранном законодательстве, было синонимично термину «шайка» в Российской империи.

Впервые законодательно определение понятие «бандитизм» получило в Декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 года «О суде». Это диктовалось потребностями времени. В условиях революции, когда уровень жизни населения существенно упал, произошел разрыв ранее сложившихся общественных отношений, отмечалось возрастание социальной напряженности. Среди прочего, это обусловило активное объединение части населения в криминальные структуры, бандформирования.

Затрагивая более ранние проявления банд и бандитизма, организованной преступности в истории нашего государства, стоит отметить, что они были лишь по некоторым признакам похожи на современный бандитизм. Превалирующими преступлениями, указанными в древнерусских кодексах, являлись кражи, разбой и убийства. Первые упоминания о деяниях, по своим признакам схожих с организованной преступностью, связаны именно с воровством и датируются XI веком. В частности, в Русской правде было установлено, что воры (в то время называвшиеся «тати») похищали материальные ценности (одежда, домашняя утварь, запасы зерна или скотину), объединяясь в группы, для повышения вероятности успешного совершения преступления и увеличения количества награбленного. Полученное преступным путем имущество перепродавалось. Этот факт дает основания предположить, что в те времена у участников преступных объединений были устойчивые, долговременные связи с торговцами, которые помогали им сбывать краденные вещи. Уже тогда объединения преступников обладали общей целью, объединялись и готовились к совершению преступных деяний заранее.

Организованная преступность данного исторического времени отличалась крайне слабой организацией. Соответственно, специализированных структур для противодействия ей на тот момент учреждено не было. Общество и, в частности, лица, понесшие ущерб от совершенных преступлений, самолично «раскрывали» их, отлавливая виновных лиц. Затем органы государственной власти, представленные князем и его людьми, назначали пойманым лицам наказание. Такой уклад существовал до конца XV века. С рождением нового единого государства старые правовые практики и Русская правда утратили свою актуальность [3, с. 283].

В Киево-Печерском патерике - сборнике рассказов о жизни подвижников монастыря, формирование которого началось в первой трети XIII века, имеется информация о трех шайках, занимавшихся воровством на определенной сфере их преступных интересов территории. Интересно, что самой ценной добычей для них был достаточно специфичный товар – книги [4]. Специфичность его обусловлена особенностью местонахождения такого товара и сложностью его дальнейшей реализации. Для этого члены шайки должны были иметь устойчивые контакты с книготорговцами, иные незаконные связи, которые с определенной погрешностью можно сравнить с современными преступно-профессиональными связями, характерными для организованной преступности.

Как известно, к родоначальникам организованной преступности нередко относят пиратов и разбойников. В Древней Руси такими разбойниками были ушкуйники - жители Великого Новгорода и граничащих с нем земель, которые перемещались по рекам Вятке, Каме и Волге с целью разграбления прилегающих территорий на судах-ушкуях. Их нападения зачастую заканчивались успехом и большим количеством полученных ценностей. К примеру, в 1360 году ушкуйники захватили город Жукотин и убили проживавших там татар, завладев их имуществом.

В ходе повторного похода на Жукотин они повторили свой успех, затем разграбив и Казань [5]. Отметим, что такой вид преступных объединений как ушкуйники прекратил свое существование только в 1478 году, после того как Новгород был присоединен к Москве.

Далее, значимым для развития организованной преступности и бандитизма стало введение в Судебник 1497 года понятия «ведомый лихой человек». Суть его возможно сравнить с современным определением профессионального преступника-рецидивиста. Закрепление данного понятия породило возникновение процедур «облихования или лихованного поиска». Сущность этих процедур была довольно проста и заключалась в проведении опроса местного населения в регионе проживания заподозренного лица представителями власти. В ходе опросов устанавливалась виновность или невиновность подозреваемого, которому в итоге мог быть присвоен статус «ведомого лихого человека». Данная норма существовала до конца XVII века. Судебником 1497 года закреплялся целый ряд особо опасных для общества преступлений: татьба (воровство), разбой и убийство. Отграничение данных составов от остальных положило начало формированию уголовного права России [6]. В то время, перечисленные составы были основными для организованной преступности. Бандитские формирования из разбойников, объединённые в группы воров, судя по документальным источникам рассматриваемого периода осуществляли свою деятельность по большей степени взаимодействуя на постоянной основе с определенными группами в обществе. Им необходимо было сбывать краденное, хранить его до момента сбыта, скрываться от разыскивающих их лиц.

В тот же исторический период в Московском княжестве образуются основанные на казацких общинах многонациональные поселения. Основным способом заработка для казаков являлось совершение набегов на близлежащие территории и их разграбление с целью собственного обогащения [7, с. 23]. Их объединение помогало бороться с наступающими турками и крымскими татарами, за что имело поддержку и помощь Московского царства. Зафиксированы случаи, когда объектами набегов казаков становились царские купцы и послы. Казачьи объединения имели определенные особенности в своей организационной структуре: они значились подданными царя, однако осуществляли самоуправление. Все основные решения принимались путем внутреннего голосования, а донские казаки, вне зависимости от прошлых деяний лица, не выдавали тех, кто к ним присоединялся.

В целом, в разбоях в рассматриваемый период принимали участие целые общины, населенные пункты. Так, одним из самых резонансных преступлений XVI века считается нападение вооруженных жителей села Белого Ярославской губернии на монастырь в ночь с 5 на 6 марта 1551 года. Нападавшие, попав в монастырь, разыскали спрятавшегося игумена Адриана, и с помощью пыток вывели у него расположение ценностей монастыря. Игумен был вынужден отдать им 40 рублей, собранных на постройку большой монастырской церкви, после чего был убит. Организованная группа преступников, установила у монастыря охранников из числа своего объединения. Насельники были связаны и брошены в подвал, после чего объединение, по многим признакам схожее с современной бандой, продолжило совершать преступные действия, присваивая себе все оставшиеся ценности в обители: воск, медь, книги, ларцы, церковную утварь, одежду и лошадей с возами [8].

Оценивая задокументированные обстоятельства преступления, можно выявить признаки, характерные для организованной преступности того времени. В группе имелся лидер, ответственный за идейное вдохновение и распределение ролей в объединении. Состояла шайка не менее чем из двадцати человек, так как для успешного проведения налета необходимо было обеспечить успешное выполнение целого ряда задач: охрану места преступления, сокрытие следов убийства игумена, обезвреживание насельников, и, непосредственно проникновение в церковь. Анализируя детали совершенного нападения, можно утверждать, что большая часть участников группы обладала опытом в совершении разбоев, так как их действия были довольно согласованны. К примеру, один из главных фигурантов - Иван Матренин, в ходе допросов, осуществлявшихся с применением пыток рассказал о наличии у него преступного опыта в подобных деяниях. Однако выяснив, что в сокрытом им ларце находятся не материальные ценности, а фактически вещественные доказательства причастности их объединения к совершению нападения, растерялся и, руководствуясь ранее нарушенными им правилами, сообщил Косарю и остальным преступникам о своём поступке [8]. Таким образом Иван вынес принятие решения о дальнейшей

судьбе ларца на усмотрение всей шайки. Тот факт, что ни лидер группы, ни остальные ее члены не позаботились о конфиденциальности их собрания, а также то, что никто не знал, что делать со «злым» (могущим принести вред) ларцом напрямую свидетельствует о все же недостаточном профессионализме участников формирования.

В июле 1679 года в Москве на Красной площади казнили стольника Прохора Кропотова вместе с двумя сообщниками. Прохор Кропотков - представитель известного дворянского рода был первым известным членом высшего сословия, организовавшим разбойничью банду. В нее входили несколько десятков представителей царского двора, которые в июле 1679 года были показательно казнены на Красной площади вместе со своим лидером. Банда Кропотова на протяжении нескольких лет грабила и уничтожала деревни и сёла в Подмоскovie. Стоит отметить, что преступники не чурались убивать противостоявших им лиц [9]. Преступления, совершенные бандой Кропотова приобрели широкий резонанс благодаря характерной им жестокости и организованности. После поимки и самовольной сдачи органам власти членов группы, ввиду принадлежности лидера группы к дворянскому роду, а также его дальнейших планов, заключавшихся в объединении с королём Польши и нападении на Москву, было принято решение о показательной казни всех участников преступного сообщества на Красной площади [9]. Данное событие потрясло общественность, так как ранее члены дворянских родов не организовывали столь масштабных преступных групп.

Говоря о причинах совершения Кропотковым и его бандой преступлений, нужно отметить, что доподлинно точные мотивы неизвестны. По мнению историка Павла Владимировича Седова, преступникам были необходимы средства для поддержания качества жизни, присущего элите конца XVII века [4].

В 1724 году была закончена книга Ивана Тихоновича Посошкова под названием «Книга о скудности и богатстве». Она стала одним из важнейших исторических источников, благодаря которому возможно провести анализ преступности петровских времён. В книге автор выделил самые важные проблемы, влиявшие на развитие России, как государства. Преступникам-разбойникам и анализу их деяний Посошков отвёл целую главу, утверждая, что их «у нас паче иных государств множество». Автор в росте уровня преступности, обвинял старые порядки, с которыми органы власти недостаточно эффективно, по его мнению, боролись. В качестве основной проблематики он выделял: медленный процесс судебного разбирательства, устаревшую законодательную базу, требующую адаптации под актуальную действительность. Особенными проблемами, сильно повлиявшими на развитие института организованной преступности, были факты сокрытия должностными лицами преступлений за взятки и безучастность простого населения в изобличении и поимке правонарушителей. Данные обстоятельства порождали благоприятную среду для укрепления преступных образований [10, с. 119].

В 1711 году в Лихвинском уезде была обнаружена «артель», состоявшая более чем из ста человек. Разбойники были вооружены и одеты в форменную одежду. В объединение входили дезертировавшие солдаты, в том числе и рекруты. Члены данной группы обладали высоким уровнем организации: сами построили себе жилище, возвели забор и установили караул. Посошков указывал на то, что урон, который понесло государство от указанных артелей, был достаточно существенным и определялся десятками тысяч рублей [10, с. 93].

Реформы Петра Первого коснулись практически всех сфер жизни общества, значительно изменив привычный уклад жизни. Наблюдалось осовременивание государства, миграция населения в города, развитие промышленности. Данные обстоятельства заложили основу преобразования и преступной сферы - переход от насилия к краже. Городской тип преступлений значительно отличался от характерного сельской местности. Хищение имущества на многолюдных улицах, в темных переулках получило большое распространение.

Именно Городская воровская среда породила первую российскую легенду организованного преступного мира — Ваньку Каина. Ванька Каин - действительно жившее историческое лицо, профессиональный вор. Его фигура сильно повлияла на становление в XVIII веке организованной преступности и, в частности, бандитизма. Настоящее имя вора - Иван Осипов, рожденный в семье крепостных, связавшийся с преступным миром и специализировавшийся на карманных кражах. Несколько лет Каин вместе со своей группой успешно совершал преступления, однако в 1741 году без видимых на то причин сдался властям, предложив им свои услуги в качестве «доносителя».

Иван Осипов, возглавляя немногочисленную шайку, одновременно с их помощью совершал преступления, а также выявлял и отлавливал других правонарушителей. Этот человек вел двойную игру. Он совершал кражи и оставался на свободе, потому что был выгодным для правоохранительных структур того времени [11].

Фигура Ваньки Каина и его двухполюсная деятельность значительно повлияли как на становление организованной преступности и всех ее проявлений, так и на развитие методик работы уголовного розыска. Именно Иван Осипов начал использовать агентурную работу, успешно применяя собственные знания о преступном мире и свои обширные связи в нем.

Низкий уровень качества жизни, сложность законного добывания средств, отдаленность от своей общины и семьи [12, с. 625] - обстоятельства, которые подталкивали к вступлению в преступные группы, которые зачастую становились своеобразной заменой родительского общества.

Во второй половине XIX - начале XX века бандитизм получил развитие не только в Москве и Петербурге, но и в Киеве, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде и других городах. Особого рассмотрения заслуживает криминальная среда Одессы тех времён, которая, по ряду определенных признаков, стала хорошей почвой для развития бандформирований. Детерминантами такого развития являлись: сложный этнический и конфессиональный состав населения, стремительный рост криминала.

Одно из главенствующих мест в преступной иерархии Одессы занимали евреи. Они осуществляли все возможные виды противозаконной деятельности, не избегали насильственных преступлений. Причина этого заключалась в том, что в то время как более успешные элементы криминального мира пытались интегрироваться в общество за счет обхода ограничивавших их законов, евреи могли рассчитывать лишь на самоорганизацию в формате уличных банд, взаимодействуя с разными этноконфессиональными общностями Одессы.

Художественная литература, романтизовавшая бандитский жизненный уклад, формировала у населения положительную реакцию на явление организованной преступности. К примеру, благодаря рассказам И. Бабеля об одесском «короле» Бене Крике (его прототипом стал Мишка Япончик), криминальный мир Одессы приобрёл особый ореол.

Революция, следующая за ней Гражданская война изменили не только вектор исторического развития России, но и значительно потрясли криминальный мир. В России произошел один из самых резких и масштабных скачков уровня бандитизма. Для обозначения указанного временного периода в развитии банд предлагается однако различать традиционный и так называемый «политический бандитизм». Возникновение последнего по большей части обуславливалось изменениями в политической организации общества. Дальнейшее развитие криминальной обстановки в государстве и соответствующее ей изменения законодательной базы подробно объясняют применение вышеуказанной терминологии.

В этот период преступники обретали государственную известность. К примеру, Мишка Япончик, являвшийся преступной главой Одессы (во время Гражданской войны претендовавший и на действительное управление городом) представлял типаж «благородного разбойника», воровавшего только у богатых, ни в чем не нуждавшихся людей. Еще один яркий представитель своего класса - Ленька Пантелеев - в прошлом служащий НКВД, в 1922 году организовавший банду в городе Санкт-Петербурге. Преступления, совершенные его бандой, имели особый, яркий характер, а сам лидер группы славился выдающимися личными качествами. Банда Пантелеева совершила побег из легендарной тюрьмы «Кресты», посредством чего заслужила уважение и почет среди криминализованной части населения. Даже после смерти Леньки Пантелеева в преступном мире находились его подражатели, собиравшие банды и совершавшие преступления под его именем [13].

Советское правительство было вынуждено оперативно реагировать на динамичный рост уровня бандитизма и организованной преступности. 10 ноября 1917 года Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР издается декрет «О народной милиции». Через год в советском законодательстве появилось первое упоминание о бандитизме (в Декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 года «О суде»), хотя его сущность не раскрывалась. Только 20 июня 1919 года в Постановлении Всероссийского центрального исполнительного комитета «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении» понятие бандитизма было

обозначено четко: «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество им и укрывательство». Декрет «Об объединении всех Революционных трибуналов Республики» от 23 июня 1921 года устанавливал создание особых отделений, целью которых стало расследование дел о бандитизме.

19 февраля 1920 года Советов народных комиссаров принимается решение «О мерах борьбы с бандитизмом», в котором закреплялась «необходимость объединения военных методов борьбы с бандитизмом с методами подхода советских учреждений к крестьянским массам, сочувствующим бандитизму, в политической работе и организационной деятельности, в целях привлечения населения этих местностей на сторону борьбы с бандитизмом». Выделение законодателем «крестьянских масс, сочувствующих бандитизму» рассматривалась как вынужденная мера, связанная именно с политическим бандитизмом [14, с. 94].

В ходе гражданской войны растущая нищета явилась катализатором для повышения уровня преступности, а наличие банд, возглавляемых вышеуказанными «благородными разбойниками» (Мишка Япончик, Ленька Пантелеев и пр.), прикрывающихся мотивами «воровства только лишь у пересыщенных», не могло не сформировать симпатий к ним у бедствующих слоев населения. Сложившаяся ситуация была обусловлена Гражданской войной, переделом интересов, власти и влияния, переломом веками устоявшегося уклада жизни.

Уголовный Кодекс 1922 года определял бандитизм как «организация и роль в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных людей, остановки поездов и разрушения ж/д путей, безразлично, были сопровождаемыми ли данные нападения убийствами и ограблениями либо не были сопровождаемыми» [15, с. 146]. Норма была своевременно расширена и теперь предусматривала наступление ответственности как за принятие участия в деятельности банды, так и за ее организацию. Примечательно, что правоведы периода 1920-1930-х годов сущностью бандитизма называли «борьбу свергнутых и господствующих классов». Данное суждение позволяло придавать бандитизму политический характер. Вместе с тем, традиционно выделялся также «городской» бандитизм, отличавшийся «отсутствием каких-либо политических лозунгов и окраски» [16, с. 530]. Сущность его заключалась в том, что люди, не заинтересованные в сущности происходящего в государстве конфликта, использовали нестабильную обстановку в своих преступных интересах. Однако правоохранительные органы новой власти имели основную направленность - борьбу с врагами политическими. Данное обстоятельство означало то, что вектор правоохранителей сместился с обыкновенного криминала, перейдя в плоскость исключительно политических тяжб. На наш взгляд, «городской бандитизм», являясь промежуточным этапом между «политическим бандитизмом» и «уголовным», послужил основой для выделения последнего в качестве отдельной категории.

Со временем политические и идеологические мотивы в ходе развития нашего государства все же отступили на второй план. Относительная стабильность положения общественных масс, образовавшаяся к 1960 годам, обусловила существование «уголовного бандитизма» характеризующегося мотивами личной выгоды и обогащения. Вместе с тем, государство особо охраняло именно собственные интересы. Так, в Уголовном Кодексе 1960 года, в статье 77 бандитизм трактовался как «организация вооруженных банд с целью нападения на государственные, общественные учреждения или предприятия либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях». При этом законодатель поместил норму в главу «Государственные преступления» [17]. Данная диспозиция статьи нашла позитивный отклик, так как наиболее полно отражала цели создания банд в действительности. «Уголовный бандитизм» в своей основной форме целевых проявлений существовал, претерпевая незначительные изменения, вплоть до следующего переломного момента в истории государственности России.

Следующим историческим этапом в эволюции бандформирований стал развал Советского государства и резкий переход к новому экономическому и политическому устройству. Криминальная часть общества, десятилетиями приспособившаяся к «строгой» коммунистической идеологии, кардинально отличавшейся от более лояльных установок демократической, столкнулась с появившимися абсолютно новыми возможностями совершения преступлений.

В 1994 году статья 77 Уголовного Кодекса претерпела значительные изменения. Появление новых форм собственности подвигло преступников на изменение цели совершаемых нападений, а законодателя – на пересмотр диспозиции имевшейся в Уголовном Кодексе статьи. Нападение на общественные или государственные предприятия и учреждения более целью законодательно не закреплялось [18]. Принятый в 1996 году Уголовный кодекс Российской Федерации полностью сменил Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. В УК РФ 1996 г. в качестве объекта бандитизма закрепляется общественная безопасность. Редакция 1996 года в статье 209 выделяет состав создания банды или руководства ей в часть первую, участие в банде или совершаемых ею нападениях в часть вторую. Совершение лицом данного преступления с использованием своего служебного положения выделяется в часть третью в квалифицированный состав [19].

Конец XX века отличался сложной политической и экономической ситуацией в России. Привычный уклад жизни был кардинально изменен, общественность была вынуждена быстро адаптироваться под новые обстоятельства, что повлекло за собой сильнейший рост организованной преступности и бандитизма. В данный временной период банды приобрели влияние не только в криминальной среде. Преступные формирования возымели власть над целыми городами, отраслями производства, индустрии, задавали вектор экономического развития отдельных регионов.

«Девяностые» характеризовались крайне низким уровнем защищенности личности и собственности, не сопоставимым с тенденциями развития организованной преступности, вышедшей на новый, ранее не достигавшийся в России, высокопрофессиональный уровень. Однако несмотря на указанные обстоятельства, перечень преступлений, наиболее часто совершаемых членами банд, не сильно разнится с иными историческими периодами развития бандитизма. В данный перечень традиционно входят: убийства, разбойные нападения, захваты заложников, похищения людей, вымогательства.

В это время бандитизм является основой организованной преступности, начинается подробное изучение обстоятельств его зарождения, условий развития и усложнения структуры банды. Анализируются нормы, регулирующие наступление ответственности за бандитизм, вырабатываются меры для продуктивной борьбы с его усовершенствованными формами.

Политический бандитизм, объявленный в советское время побеждённым, также возрождается, прежде всего из-за обостренной обстановки в Чечне. Наличие на данной территории религиозно-националистических течений, распространившихся практически на всю территорию Российской Федерации, обусловило частичное возрождение политического бандитизма, для которого наиболее характерно совершение таких преступлений как захват заложников, убийства, терроризм, в конечном счете, направленных на изменение существующего государственного строя.

Начало двадцать первого века характеризуется стабилизацией политического и экономического положения в государстве [20, с. 221]. Криминальный мир приспособляется к законодательным изменениям и формам собственности. Как следствие, «современный» бандитизм отличается совместимостью с широчайшим перечнем преступлений. Это обусловлено тем, что организационная структура некоторых банд по своей сложности сравнима с иерархической системой успешного коммерческого мероприятия. Также использование современных технических средств форм передачи информации, оснащения и пр. затрудняет отслеживание, фиксирование и доказывание деятельности банд, вследствие чего повышается латентность рассматриваемого уровня преступлений.

Исходя из представленного материала, представленного в данной главе, представляется возможным предложить характеристику основных видов этапов бандитизма, имевших место в процессе его эволюции:

1. «Политический бандитизм» - основывался на противостоянии идеологических течений, находил проявление в организованной борьбе широких социальных слоев и власти.
2. «Уголовный бандитизм» - традиционный вид, в котором идеологические мотивы отступают на второй план; основной целью совершения преступлений становится личное обогащение, то есть превалируют корыстные мотивы.
3. «Демократический бандитизм» - особенный этап эпохи «перестройки» и так называемых «девяностых», когда слабый авторитет государственной власти и экономический упадок

населения позволил бандам значительно влиять на новую рыночную экономику и решения, принимаемые органами власти.

4. «Современный бандитизм» - совершенно новый, актуальный этап профессионального ведения организованной преступной деятельности, характеризующийся высоким уровнем латентности и переносом незаконной деятельности в правовую плоскость.

Анализируя историческое развитие бандитизма, методы борьбы с ним, нормативно-правовую базу можно сказать, что с самого начала бандитизм являлся групповым, тяжким преступлением с корыстно-насильственной направленностью, вне зависимости от целей совершаемых нападений. Возрастание уровня бандитизма по статистическим данным приходится на самые нестабильные годы развития нашего государства. При этом бандитизм постоянно мимикрировал в общем русле изменений преступности с учетом нормативных положений о формах соучастия, с установкой на постоянство преступной деятельности созданной устойчивой вооруженной группы.

Литература и источники

1. Бандитизм // Википедия. [2022]. Дата обновления: 12.06.2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=397049&oldid=123238350> (дата обращения: 12.03.2023).
2. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Банда (отряд). // Академик [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/122704/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0?ysclid=lg1uinsao4652482646 (дата обращения: 12.03.2023).
3. Воронин Н.А. История возникновения и развития института уголовной ответственности за бандитизм // Молодой ученый. 2020. № 21 (311).
4. Евдокимов А.В., Воробьев А.В. От татей к вора: история организованной преступности в России. М.: Эксмо, 2023. 381 с.
5. Рагушштейн А.Г. За три моря за зипунами. Морские походы казаков на Черном, Азовском и Каспийском морях // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://military.wikireading.ru/82697?ysclid=lg1v2tlqyo482870112> (дата обращения: 12.03.2023).
6. Судебник 1497 года // Википедия. [2023]. Дата обновления: 27.02.2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=260282&oldid=128774249> (дата обращения: 12.03.2023).
7. Расшупкина О.Н. Особенности квалификации бандитизма в совокупности с другими составами преступлений // Законодательство и практика. 2011. № 2 (27).
8. Карамышев С. Пошехонские предания (главы 6-9) // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://russkurs.ru/post/Poshekhonskie-predaniia-glavy-6-9/?ysclid=lg1ve1tlje938292704> (дата обращения: 12.03.2023).
9. Стольники-разбойники, или Дело Прохора Кропотова // Агентство Новостей Подмосковья [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.mosoblpress.ru/mass_media/3/63/item101975/?ysclid=lg1warydhv910669497 (дата обращения: 12.03.2023).
10. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М.: РОССПЭН, 2010.
11. Разбойник Ее Величества: как главный вор Москвы сыщиком стал // Российское военно-историческое общество. История.рф). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://histrf.ru/read/articles/razboynik-ee-velichstva-kak-glavnyy-vor-moskvy-syshchikom-stal?ysclid=lg1xar82la801760318> (дата обращения: 12.03.2023).
12. Панова Л.А. К вопросу об отграничении разбоя от бандитизма // Аллея науки. 2020. № 12 (51).
13. «Он стрелял в кого попало» Знаменитый советский разбойник убил 80 человек. Почему его считали чекистом под прикрытием? // Лента.ру [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2022/06/26/panteleev2/> (дата обращения: 12.03.2023).
14. Сальников А.В. Уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм: история, современность и перспективы: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
15. Ткаченко И. В. Совершенствование уголовно-правового механизма борьбы с бандитизмом // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 3 (16).
16. Сплавская Н.В. Исторические аспекты развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Современные проблемы и перспективы развития общественных наук. Коллективная монография / Под общ. ред. А.Ю. Яковлевой-Чернышевой. Сочи-Москва, 2018.
17. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. ст. 591.
18. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (в ред от 01.07.1994) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. ст. 591.
19. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 // Российская газета. 1996. 18 июня; 19 июня; 20 июня; 25 июня.
20. Гринько С.Д. Бандитизм как одна из форм организованной преступности // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10 (190).

References and Sources

1. Banditizm // Vikipediya. [2022]. Data obnovleniya: 12.06.2022. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=397049&oldid=123238350> (data obrashcheniya: 12.03.2023).
2. Enciklopedicheskiy slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona. Banda (otryad). // Akademik [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/122704/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0?ysclid=lg1uinsao4652482646 (data obrashcheniya: 12.03.2023).
3. Voronin N.A. Istoriya vozniknoveniya i razvitiya instituta ugovolnoy otvetstvennosti za banditizm // Molodoy uchenyj. 2020. № 21 (311).
4. Evdokimov A.V., Vorob'ev A.V. Ot tatej k voram: istoriya organizovannoy prestupnosti v Rossii. M.: Eksmo, 2023. 381 s.
5. Ragunshstejn A.G. Za tri morya za zipunami. Morskije pohody kazakov na Chernom, Azovskom i Kaspijskom moryah // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://military.wikireading.ru/82697?ysclid=lg1v2tlqyo482870112> (data obrashcheniya: 12.03.2023).
6. Sudebnik 1497 goda // Vikipediya. [2023]. Data obnovleniya: 27.02.2023. URL: <https://ru.wikipedia.org/?curid=260282&oldid=128774249> (data obrashcheniya: 12.03.2023).

7. Rasshchupkina O.N. Osobennosti kvalifikacii banditizma v sovokupnosti s drugimi sostavami prestuplenij // Zakonodatel'stvo i praktika. 2011. № 2 (27).
8. Karamyshev S. Poshekhonskie predaniya (glavy 6-9) // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://russkurs.ru/post/Poshekhonskie-predaniia-glavy-6-9/?ysclid=lg1ve1tlje938292704> (data obrashcheniya: 12.03.2023).
9. Stol'niki-razbojniki, ili Delo Prohora Kropotova // Agentstvo Novostej Podmoskov'ya [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://www.mosoblpress.ru/mass_media/3/63/item101975/?ysclid=lg1warydhv910669497 (data obrashcheniya: 12.03.2023).
10. Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve. M.: ROSSPEN, 2010.
11. Razbojnik Ee Velichestva: kak glavnyj vor Moskvy syshchikom stal // Rossijskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo. Istoriya.rf. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://histrf.ru/read/articles/razbojnik-ee-velichestva-kak-glavnyy-vor-moskvy-syshchikom-stal?ysclid=lg1xar82la801760318> (data obrashcheniya: 12.03.2023).
12. Panova L.A. K voprosu ob ogranichenii razboya ot banditizma // Alleya nauki. 2020. № 12 (51).
13. «On strelyal v kogo popalo» Znamenitij sovetskij razbojnik ubil 80 chelovek. Pochemu ego schitali chekistom pod prikrytiem? // Lenta.ru [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://lenta.ru/articles/2022/06/26/pantelev2/> (data obrashcheniya: 12.03.2023).
14. Sal'nikov A.V. Ugolovno-pravovoe regulirovanie otvetstvennosti za banditizm: istoriya, sovremennost' i perspektivy: diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2018.
15. Tkachenko I. V. Sovershenstvovanie ugolovno-pravovogo mekhanizma bor'by s banditizmom // Vestnik Vladimirsogo juridicheskogo instituta. 2010. № 3 (16).
16. Splavskaya N.V. Istoricheskie aspekty razvitiya ugolovnoj otvetstvennosti za banditizm v Rossii // Sovremennye problemy i perspektivy razvitiya obshchestvennyh nauk. Kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. A.Yu. Yakovlevoj-Chernyshevoj. Sochi-Moskva, 2018.
17. Ugolovnyj kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) // Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. st. 591.
18. Ugolovnyj kodeks RSFSR (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (v red ot 01.07.1994) // Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. st. 591.
19. Ugolovnyj kodeks RF ot 13.06.1996 // Rossijskaya gazeta. 1996. 18 iyunya; 19 iyunya; 20 iyunya; 25 iyunya.
20. Grin'ko S.D. Banditizm kak odna iz form organizovannoj prestupnosti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 10 (190).

ЗОТОВ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел, Волгоградская академия МВД России.

ZOTOV, ALEKSEY Yu. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (b-a-baracus@mail.ru).

УДК 343.131

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-36-45

ЗОТОВА А.Ф.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИНЦИПА ОТКРЫТОСТИ В ПОРЕФОРМЕННОМ (1864 Г.) И СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, открытость, гласность, транспарентность, публичность, прозрачность.

Принцип открытости судопроизводства проходит через всю историю человечества. Уже в Древнем Риме уголовное судопроизводство, осуществляемое первоначально народными собраниями, а затем - постоянными комиссиями (квестиями), возглавляемыми преторами, обеспечивало гласность на всех стадиях процесса, открытость предъявления обвинения и присутствие народа на суде, проходившем под открытым небом. Во времена Цицерона открытое голосование по окончании судебного разбирательства стало уступать место закрытой подаче голосов. Автором предпринята попытка проанализировать историю становления открытости уголовного судопроизводства в российском государстве в XIX-XX веках.

ZOTOVA, A.F.

LEGAL REGULATION OF OPENNESS IN POST-REFORM (1864) AND SOVIET CRIMINAL PROCEEDINGS

Key words: criminal proceedings, criminal process, openness, publicity, transparency, publicity, transparency.

The openness of legal proceedings runs through the entire history of mankind. Already in ancient Rome, criminal proceedings, carried out initially by people's assemblies, and then by permanent commissions (questias) headed by praetors, ensured transparency at all stages of the process, openness of the indictment and the presence of the people at the open-air trial. In the time of Cicero, open voting at the end of the court agreement began to give way to closed voting. The author attempts to analyze the history of the formation of openness of criminal proceedings in the Russian state in the XIX-XX centuries.

Современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации постоянно претерпевает изменения. Так, законодатель не менее десятка раз в течение года вносит поправки в нормы, закрепленные в УПК РФ. Кроме того, не можем не согласиться с М.С. Колосович, по мнению которой: «большинство современных проблем отечественного судопроизводства имеет давние истоки» [1, с. 29]. Это и обуславливает необходимость обратиться к анализу не столь далекого прошлого, когда в корне реформировалась правовая система всего государства.

Предвестником судебной реформы 1861-1864 годов явилась крестьянская реформа, в ходе которой 19 февраля 1861 года в России было отменено крепостное право. Первым нормативным актом, законодательно закрепившим открытую форму проведения судебного разбирательства, является Устав Уголовного Судопроизводства [2, с. 118-384] (далее – УУС), утвержденный Александром II 20 ноября 1864 года. Статья 88 УУС закрепляла положение, в соответствии с

которым на мировых судей (которые рассматривали и уголовные дела о совершенных преступлениях, возлагалась обязанность «разбирать дела изустно и публично». При этом следует отметить, что ст. 89 УУС содержала закрытый перечень условий, являющихся исключениями для положения, установленного ст. 88. К таковым относились дела о преступлениях:

- посягавших на «семейственные права»;
- связанных с посягательством на женскую честь, либо выразившихся в совершении «непотребных» или других бесстыдных действий;
- жалобы о которых поступили от частных лиц, при условии, что и обвинитель и подсудимый ходатайствуют о проведении судебного разбирательства в закрытом режиме.

Статья 620 УУС требовала от судов проводить свои заседания по делам как о преступлениях, так и о проступках, публично, закрепляя, однако, перечень преступлений, рассмотрение которых в судебном заседании являлось исключением из вышеустановленного правила. К таковым относились дела:

1. О преступлениях, связанных с отступлением от веры и постановлений церкви, отвлечением и отступлением от веры, о богохулении и порицании веры, а также повреждением надгробных памятников и могил.
2. О преступлениях, посягавших на «семейственные права».
3. О преступлениях, нарушивших «целомудрие и честь» женщин.
4. О совершении сводничества, о развратном и противоестественном поведении.

При этом, на наш взгляд, нормы статей УУС, закреплявшие открытость уголовного судопроизводства полтора века назад, были более демократичными, поскольку содержали требование, ограничивавшее исключения из общего порядка. Так, ст. 621 УУС предписывала проводить судебное заседание в закрытой форме не только в случаях, предусмотренных ст. 620 УУС, но и при условии, что невозможность публичного рассмотрения «явно необходима». Кроме того, данная норма обязывала суд указывать в своем определении перечень действий, которые будут совершаться в закрытом судебном заседании, а также причины такового.

Если суд выносил определение о дальнейшем проведении судебного заседания в закрытой форме, лицам, не являющимся участниками процесса, следовало немедленно удалиться, однако, по ходатайству потерпевшего и подсудимого в зале суда допускалось присутствие шести человек (по три от каждой из сторон).

К 1914 году открытость уголовного судопроизводства регламентировалась еще рядом статей, так как УУС был дополнен ст.620.1-620.4, а также ст. 621.1. Так, в 1887 году редакция ст. 620 УУС дополнилась нормой, в соответствии с которой число лиц, которые могли быть допущены на рассмотрение уголовного дела судом, определялось помещением суда, при условии, что количество лиц не могли повлиять на правильность как хода рассмотрения дела, так и на принимаемое решение [3, с. 647]. Запрет на участие в суде, рассматривающем уголовное дело несовершеннолетним появился с дополнением УУС статьей 620.1, которая, однако, допускала возможность участия в заседаниях суда студентов при наличии двух условий: разрешении на это председательствующего и установлении факта, что такое участие буде способствовать их успехам в учебе. Статья 620.2 УУС содержала перечень условий, при которых судебное заседание могло быть проведено в закрытой форме. Этот перечень отличался от первоначального (редакции 1864 года) только наличием одной дополнительной категории уголовных дел. Так, судебное заседание могло проводиться в отсутствие посторонних лиц, в том числе, при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, посягавших на «Священную Особу Императора» и «Членов Императорского Дома».

В статье 620.3 УУС устанавливались случаи, при наличии которых лица, не являющиеся участниками процесса, подлежали удалению с всего или части судебного заседания в том случае, если рассмотрение судом тех или иных обстоятельств уголовного дела может оскорбить чувства верующих или посягнуть на общественную нравственность. Помимо этого, открытость ограничивалась и в тех случаях, когда под угрозу ставились интересы государственной власти, общественный порядок, либо, когда у суда имелись основания опасаться невозможности обеспечения установленного порядка проведения судебных действий. Кроме того, суд был уполномочен в процессе разбирательства вынести «особое определение», в результате чего судебное заседание могло проводиться в дальнейшем в закрытой форме, при условии, что

подсудимым лицом являлся несовершеннолетний. При этом, не имело значения, являлось ли преступление, совершенное несовершеннолетним, преступлением, дела о которых могли проводиться в закрытом режиме.

Считаем необходимым отметить, что ст. 621 УУС закрепляла за судом обязанность указывать в выносимом определении перечень действий, которые будут проводиться в отсутствие лиц, не являющихся участниками процесса, а также причины, по которым имеется такая необходимость. Несмотря на то, что осуществление уголовного судопроизводства в закрытом режиме – есть «мера чрезвычайная», использование которой возможно лишь в исключительных случаях, у суда появилась возможность рассматривать наиболее резонансные дела в тайне. Так, в 1887 году в УУС была внесена норма, в соответствии с которой, Министр юстиции наделялся правом принимать решение о проведении судебного заседания в отсутствие публики. Бесспорно, данное нововведение противоречило принципу разделения властей, но тем не менее, законопроект о таком полномочии Министра юстиции стал законом и просуществовал продолжительное время.

Несмотря на то, что СМИ того времени бурно обсуждалась данная поправка, и ее сторонники, и ее противники утверждали о том, что Министр юстиции не является тем должностным лицом, которое уполномочено «закрывать» судебные заседания. Солидарны с позицией Г. Джаншиева, в соответствии с которой оглашение пары резонансных дел не так страшно, чем сотни дел без огласки [4].

В соответствии со ст. 623 УУС, в закрытом судебном заседании могли участвовать присяжные заседатели, не являвшиеся присяжными заседателями при рассмотрении конкретного уголовного дела, если ими было получено разрешение председателя суда. Норма ст. 830 УУС устанавливала, что вынесенный по рассмотренному уголовному делу приговор, объявлялся путем его прочтения публично, после чего участники судопроизводства могли получить соответствующую копию данного решения. При этом ст. 794 и 795 УУС закрепляли порядок получения такой копии. Так, всем кроме подсудимого копия выдавалась за определенную законом плату, при этом, лица, желавшие получить копию, должны были заранее заявить об этом предстательствующему. Кроме того, ст. 831 УУС закрепляла за судом обязанность оглашать вынесенный приговор путем прочтения его «при открытых дверях», даже при условии, что никто из лиц, являющихся участниками процесса, не присутствует в назначенное время в зале суда.

Следует отметить, что взгляды общества на открытость уголовного судопроизводства были различными. О правильности или неправильности закрепления в УУС проведения судебных заседаний в открытом режиме рассуждали на страницах журналов и газет. Каждое нововведение, вносимое в редакцию УУС 1864 года, затрагивающие открытость уголовного судопроизводства, становилось причиной новой «волны публикаций». Кроме того, статьи в печатных изданиях появлялись не только после законодательных новелл, но и после появления в народе очередного слуха о том, что государство планирует запретить гражданам посещать заседания суда. Так, например, М. Катков в «Московских ведомостях» рассуждал о том, чем же является публичность деятельности судов при рассмотрении ими уголовных дел: «началом», которое побуждает граждан участвовать в делах своего государства, или же «призраком», который вот-вот пропадет [5].

Без анализа правового статуса прессы во второй половине XIX века невозможно определить ее роль и значение в процессе закрепления феномена открытости уголовного судопроизводства.

С 1828 года в России действовал «Устав о цензуре» [6], в соответствии с которым контроль за содержанием материалов, опубликованных в открытой печати, осуществляли должностные лица различных государственных органов. По этому поводу Э.Н. Берендтс констатировал, что печатные издания находятся в «невыносимом» положении, поскольку то, что еще вчера было допустимо, сегодня уже недозволено. Такие характерные изменения присущи не только правительству, но и взглядам конкретных цензоров [7, с. 319]. Подтверждением этого является ситуация, отраженная в выпущенной в 1905 году книге, в которой анализировалась реформа, проведенная в 1864 году. Автор приводит пример, в котором еще в 1857 году о необходимости осуществления уголовного судопроизводства устно и гласно предлагалось написать в Русском Вестнике, однако цензором был наложен запрет на публикацию такой статьи в печати. При этом инициатором запрета был Министр юстиции Российской империи. Таким образом, объективно оценить позицию населения к вопросу открытости уголовного судопроизводства практически

невозможно, так как Цензурный устав «стоял на страже» имевшегося порядка осуществления уголовного судопроизводства [8, с. 131-132].

В литературе можно встретить мнение, согласно которому порядок осуществления уголовного судопроизводства, в первые годы после утверждения УУС 1864 года не только был недопустим, но и мог явиться причиной «страшных» последствий, поскольку УУС устанавливал достаточно широкий перечень независимых должностных лиц в судебном ведомстве, что в виду отсутствия контроля за ними, цензуры печати и отсутствия гласности, обязательно приведет к непоправимым последствиям [9; 10, с. 6-7].

В апреле 1865 года начал действовать новый Цензурный устав, который отчасти смягчил цензуру, исключив необходимость рецензирования выпускаемых в Санкт-Петербурге и Москве оригинальные и переводные книги, при условии, что каждое из них содержит не менее 10 и 20 листов соответственно. Кроме того, новый Цензурный устав освободил от цензуры Петербургские «повременные» издания, при условии, что о таком желании издателя заявят самостоятельно [11, с. 182]. Одновременно с новым Цензурным уставом, Государственный Совет в своем мнении [12], закрепил структуру Главного управления по делам печати, определил его полномочия, раскрыл содержание понятия «повременное» (периодическое) издание, закрепил нормы, предусматривавшие процедуру создания и порядок деятельности таких изданий.

Разрешение на выпуск нового повременного издания выдавал Министр внутренних дел, определяя нуждается ли новое издание в цензуре его содержания или нет.

Форма прошения, которая заполнялась и направлялась в Главное управление по делам печати, предполагала не только отражение названия, программы, частоты выпуска, адрес типографии, с которой заключен договор о печати издания, но и полные сведения о личности как ответственного редактора, так и каждого из издателей. Кроме того, ответственный редактор и каждый из издателей органа печати прилагали к прошению документы, удостоверяющие их личность. Помимо этого, ответственный редактор был обязан написать заявление о том, что он, являясь руководителем, несет ответственность за все издание.

Получив разрешение, новое издание было обязано в течение года выпустить первый выпуск. При этом, если издание было освобождено по решению Министра внутренних дел от цензуры, на них возлагалась обязанность внесения в Главное управление по делам печати определенной суммы в качестве залога, часть которой могла изыматься в том случае, если издание осуществляло свою деятельность с нарушениями. При возникновении ситуации, в которой происходило взыскание, то в соответствии с порядком, установленным мнением Государственного Совета [12], залог должен быть увеличен до прежнего размера. Невыполнение данного требования являлось основанием для прекращения деятельности издания. В вышеуказанном нормативном акте, кроме того, закреплялись требования к:

- форме описания выходных данных издания;
- срокам, в течение которых издания обязаны направить экземпляры выпусков в контролировавшие их цензурные комитеты (при условии, что данное издание освобождено решением Министра внутренних дел от цензуры);
- сумме и порядку наложения денежных санкций за допущенные изданием нарушений.

Кроме того, данное «мнение» содержало условия и порядок, при которых издательская деятельность того или иного печатного органа, либо деятельность конкретного редактора могла быть приостановлена или прекращена по решению Министра внутренних дел. Последний, при наличии повода, имел право вынести изданию предостережение, в котором отражал какие конкретно статьи или заметки нарушают требования цензуры. Данному праву Министра корреспондировала обязанность изданий опубликовать данное предостережение в ближайшем своем выпуске. При этом, запрещалось публиковать комментарии к данному предостережению, либо вносить в его содержание любые изменения. Повременное издание, получившие от Министра внутренних дел три предостережения, на основании решения последнего приостанавливало свою деятельность на установленный им срок, который не превышал шести месяцев подряд. В том случае, если Министр принимал решение о необходимости прекращения деятельности того или иного периодического издания, во время когда его деятельность была приостановлена, то он выносил на рассмотрение Первого Департамента Правительствующего Сената представление, в котором указывал на основания такого прекращения.

Несмотря на то, что УУС 1864 года просуществовал до ноября 1917 г., в 1900 году появился проект Устава Уголовного Судопроизводства в новой редакции. Интерес представляют некоторые статьи данного проекта. Так, например, в ст. 171 устанавливалось, что досудебное производство по уголовному делу осуществляется негласно, соответственно, сведения, полученные органами предварительного следствия и дознания, не могут быть оглашены или опубликованы. Однако, если судья или прокурор, в производстве которых находится данное уголовное дело, посчитает целесообразным предать огласке какие-либо установленные сведения (например, для облегчения розыска виновного или установления обстоятельств совершенного преступления), то на основании вынесенного ими распоряжения такие сведения могут быть преданы гласности и опубликованы [13, с. 45-46].

Порядок рассмотрения Сенатом поступивших в кассационном порядке жалоб и протестов, также был изменен и устанавливался ст. 907 и 908 рассматриваемого проекта. Так, никого из участников процесса не заслушивали, однако, никто из лиц, присутствовавших при рассмотрении жалоб и протестов, не ограничивался в праве посещать такие заседания суда.

После появления проекта новой редакции УУС, некоторые ведомства высказали свои замечания, в частности, предлагалось наделить сотрудников различных судебных ведомств посещать заседания суда по рассмотрению уголовного дела по существу вне зависимости от того, в какой форме проходит такое заседание [14, с. 130-131]. Других положений, которые определяли бы открытость уголовного судопроизводства в проекте новой редакции УУС 1900 года, не содержалось.

Рассматриваемый проект новой редакции УУС 1900 года так и не стал законом, однако часть его положений принимались во внимание не только при реформировании системы уголовного судопроизводства в последующем, но и при конструировании норм ныне действующего УПК РФ.

Великая Октябрьская Социалистическая революция 1917 года послужила началом следующего этапа формирования открытости уголовного судопроизводства. Отсутствие новых нормативных актов, которые бы определяли порядок осуществления как предварительного расследования, так и порядок судебного разбирательства, в октябре-ноябре 1917 года не существовало. В первые дни начала революции «народные» суды, отказавшись от порядка осуществления уголовного судопроизводства, установленного ранее, осуществляли деятельность по рассмотрению уголовных дел по существу лишь на основе принципов, к которым можно отнести: - принцип участия народных заседателей; выборность; обеспечение обвиняемому права на защиту; гласность рассмотрения дела. Можем констатировать, что применение вышеуказанных принципов носило избирательный характер. Вопрос применения того или иного из них решался в зависимости от социального статуса лиц, являвшихся судьями, потерпевшими и подсудимыми в каждом конкретном деле. Кроме того, в первые месяцы становления советского государства, наличие юридического образования как у судей, так и защитников подсудимых, было скорее исключением, чем правилом. Помимо этого, можно говорить о наличии во взглядах суда «обвинительного уклона» в случае, если рассматривалось уголовное дело по обвинению лица, являвшегося ранее дворянином, или лица, имевшего значительный материальный достаток, не свойственный пролетарию.

С началом революции, изменения в уголовном судопроизводстве произошли не только на стадии судебного разбирательства, но и на стадии предварительного расследования. В то время оно проводилось Следственными комиссиями, образованными либо при Военно-революционных комитетах, либо «на местах» по решению народа [15, с. 33].

Деятельность судов, в рассматриваемый период времени, строилась на непосредственном участии в судебном заседании всех желающих лиц. Примером открытого (при отсутствии всякой законодательной регламентации) судебного заседания, является случай, при котором приговор о виновности лица, принимался на основании решения, принятого всеми лицами, находившимися в зале судебного заседания [16, с. 13].

Как и судебные органы, так и процедуры осуществления ими деятельности по рассмотрению уголовных дел, на законодательном уровне были упразднены с принятием Советом народных комиссаров в ноябре 1917 года декрета «О суде» [17]. Данный нормативный акт наделил полномочиями по рассмотрению уголовных дел по существу местные суды и революционные

трибуналы. При этом суд состоял из трех человек: одного судьи и двух народных заседателей, а революционный трибунал из семи: одного председателя и шести очередных заседателей. Должности последних являлись избираемыми на основании предложений, поступивших от советов солдатских и крестьянских депутатов. Помимо этого, вышеуказанный декрет определял в качестве обязательного единственное требование, которому должны соответствовать как государственный обвинитель, так и защитник подсудимого – «неопороченность». Возможность любого лица быть избранным в качестве заседателя, а также участвовать в качестве обвинителя или защитника, характеризует открытость уголовного судопроизводства того времени.

В статье 8 декрета «О суде» закреплялась необходимость создания революционных трибуналов, которые были созданы после издания в декабре 1917 года народным комиссариатом юстиции инструкции «О революционном трибунале...». Должности как должностных лиц, так и заседателей революционного трибунала являлись выборными. Срок полномочий последних ограничивался одним месяцем. Рассматриваемая инструкция требовала от трибуналов, чтобы их заседания носили публичный характер, с обязательным участием не только лица, поддерживающего государственное обвинение, но и лица, осуществляющего защиту подсудимого. Данные лица являлись членами коллегии, специально созданной при Трибунале, основной целью которой являлось «правозаступничество».

До мая 1918 года в структуру Революционных Трибуналов входили Трибуналы по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, а также Трибуналы по делам печати, которые в последующем были упразднены [18]. Революционный трибунал печати функционировал на основании Постановления народного комиссариата юстиции от 18 декабря 1917 года [19], в соответствии с которым он наделялся полномочиями по расследованию и осуждению за преступления, совершенные с использованием печати. К таковым относились публично размещенная, несоответствующая действительности информация о событиях, произошедших в обществе, в виду того, что распространение таких сведений наносит вред интересам общества. При этом, такие дела возбуждались на основании заявлений органов юстиции, объединений граждан или заявления гражданина. Помимо этого, Постановление требовало публичного характера проведения заседаний Трибунала. Однако, следственные комиссии при Ревтрибуналах имели право проводить свои заседания по расследуемым преступлениям в закрытом режиме.

Утвержденный в марте 1918 года ВЦИК второй декрет «О суде», хотя текстуально и не закреплял ни принципа гласности, ни публичности, предусматривал аналогично первому декрету порядок и условия деятельности народных заседателей, особенности участия в судебном разбирательстве, лица, поддерживающего государственное обвинение, и лица, осуществляющего защиту подсудимого [20].

Народный комиссариат юстиции в июле 1918 года утвердил Инструкцию, в соответствии с которой Местные Народные Суды были обязаны проводить судебные заседания по рассмотрению уголовных дел по существу в открытом режиме [21]. Однако, суды наделялись правом вынести постановление, в соответствии с которым «по особым соображениям» возможно было на время ограничить участие в заседании по рассмотрении уголовного дела лиц, не являющихся его участниками. Данная норма, за единственным исключением, была продублирована и в Положении «О народном суде РСФСР» [22]. Так, ст. 64 данного нормативного акта уже не содержала указания «на время». В утвержденном по прошествии двух лет новом Положении, обязанность суда проводить заседания в открытом режиме сохранилась в неизменном виде [23].

Первый кодифицированный акт, содержащий нормы уголовно-процессуального права в РСФСР (УПК РСФСР), появился в 1922 году [24]. Нормы, закреплённые в ст. 19-21 УПК РСФСР установили:

1. Обязанность судов проводить судебные заседания по рассмотрению уголовных дел по существу в открытом режиме.
2. Необходимость вынесения определения, в котором суд мотивированно должен изложить обстоятельства, в виду которых зал судебного заседания обязаны покинуть все лица, не являющимися участниками процесса. При этом, такое возможно в исключительных случаях – необходимость охраны тайны, неразглашение сведений об интимной жизни потерпевших.
3. Невозможность участия в судебном заседании лиц, не достигших 14-летнего возраста.

4. Обязанность публичного оглашения судом вынесенного приговора по уголовному делу при его рассмотрении в закрытом режиме.

Редакция УПК РСФСР 1923 года, в части регламентации открытости уголовного судопроизводства, не претерпела изменений.

В 20-х-начале 30-х годов XX века в СССР периодически выходят в свет печатные издания, освещавшие деятельность как следователей, так и судов [25]. Данные журналы в зависимости от содержательного уклона условно можно поделить на две группы:

1. Журналы, являющиеся по сути изданиями судебных органов. Данные печатные издания публиковали в открытом доступе информацию о деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, с целью стать «единым руководством» как для сотрудников следственных подразделений, так и для судебного корпуса. Освещение наиболее значимых решений, принятых при рассмотрении уголовных дел в первой и кассационной инстанциях, помогали и помогают до настоящего времени, обеспечить единство применения уголовно-процессуальных норм. Популяризация деятельности судов, как задача, которая стояла перед судами, есть не что иное как государственная задача особой важности.

2. Журналы, которые объединяли в себе научные дискуссии по вопросам применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике, осуществляющих уголовное-судопроизводство. Редакторами некоторых из таких журналов выступали научные сотрудники, а не представители органов государственной власти.

Уровень доверия к судам, важность его повышения и необходимость дальнейшего освещения их деятельности в печати являлись основными направлениями работы, которые указывались в планах на отчетный период как народного комиссариата юстиции, так и судебных органов. При этом, особая роль отводилась деятельности, направленной на сближение органов, осуществляющих уголовное судопроизводство и граждан.

Особое место в прессе, освещавшей деятельность органов предварительного расследования и суда, отводилось работе, проводимой народными заседателями. Но не только в юридической прессе, но и на собраниях рабочих коллективов подчеркивалась ответственность и особая важность работы народным заседателем, в виду чего в журналах печатались отчеты об их деятельности, выступления в периодических изданиях поощрялись руководством по основному месту работы. Помимо этого, в печатных изданиях, относящихся к первой группе, с определённой периодичностью публиковались сведения о результатах судебных разбирательств по делам о преступлениях, совершенных сотрудниками органов, осуществляющих уголовное судопроизводство (следователи и судьи). Отражение таких сведений в прессе являлось попыткой убедить население в действии принципа равенства всех перед законом, убеждая читателей в том, что справедливое наказание назначается любому лицу, признанному судом виновным, вне зависимости от занимаемой должности. Кроме того, в этих журналах публиковалась информация и о проблемах, которые возникали в ходе судебных заседаний и давались рекомендации по их решению.

Но не только судебные органы ставили перед собой задачу сближения с народом, путем освещения в юридической прессе своей деятельности. Аналогичным образом органы прокуратуры, пытаясь повысить уровень вовлечения населения в уголовное судопроизводство, публиковало в открытой печати сведения о деятельности сотрудников прокуратуры и следственной работе [26-28].

К концу 20-х годов в юридической литературе возникла дискуссия о необходимости упрощения судопроизводства. В этой связи, на страницах журналов, обсуждались различные идеи по изменению не только организационной структуры органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, но и пересмотр положений, закрепленных в нормах УПК РСФСР, в том числе, и регламентирующих порядок рассмотрения уголовного дела по существу. В том числе, высказывались предложения закрепить в УПК нормы, в соответствии с которыми основные принципы уголовного судопроизводства (в частности устность и гласность) применялись бы в каждом конкретном случае, в зависимости от того, сочтет ли суд их необходимыми в данном конкретном деле. Данный проект нового УПК РСФСР не получил одобрительной оценки ни от кого от видных юристов того времени, в результате чего, в 1928 году под руководством М.С. Строговича, появился на свет очередной проект УПК РСФСР [29].

Проект УПК РСФСР 1928 года содержал почти на три сотни статей меньше, чем предыдущий. В качестве основных его отличий можно выделить следующие:

1. По аналогии с открытостью уголовного судопроизводства, право лица на защиту также предлагалось включить в число факультативных институтов уголовного-процессуального права, то есть авторы законопроекта предлагали наделить суд полномочием самостоятельно определять нуждается ли обвиняемое лицо в предоставлении ему защитника.

2. Регламентация порядка производства большинства процессуальных, в том числе следственных действий, должна быть до минимума сокращена с целью последующей замены процессуальных документов, выносимых следователем, на необходимость постановки своих резолюций на документах, приобщенных к материалам дела.

3. Прения сторон, как обязательный элемент судебного разбирательства уголовного дела по существу, предлагалось заменить лишь кратким оглашением итогов.

Помимо этого, по мнению некоторых авторов, новый проект УПК РСФСР должен исключить нормы, закрепляющие необходимость рассмотрения материалов, собранных в процессе производства предварительного расследования (как излишней процедуры) и, кроме того, не рассматривать состязательность как основополагающий принцип отечественного уголовно-процессуального права. Сторонники данной точки зрения называли «абсурдным» деление участников уголовного судопроизводства на стороны, ссылаясь на то, что судебные органы и органы прокуратуры находятся на одной стороне [30]. Данный проект УПК РСФСР так и остался проектом. Кроме того, следует отметить, что начало 30-х годов ознаменовалось закрытием большей части журналов, в которых публиковалась судебная практика и велись дискуссии на темы, связанные с необходимостью реформирования того или иного института уголовно-процессуального права.

Принятая в 1936 году Конституция СССР в ст. 111 закрепила, что уголовное судопроизводство осуществляется открыто. Безусловно, в периоды политических репрессий конца 30-х годов и, тем более, во времена Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, выполнение указанных в ст. 111 Конституции СССР требований, затруднялось наличием в структуре НКВД СССР такого внесудебного органа уголовного преследования, как Особая тройка НКВД СССР (с 1937 по 1938 годы), а также действием Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий (с 1941 по 1959 годы).

Принятые в 1958 году Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик в ст. 12 и принятый в 1960 году УПК РСФСР, в ст. 18 аналогично с УПК РСФСР 1922 и 1923 годов, закрепило требование о необходимости проведения судебных заседаний во всех судах в открытом режиме. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 года содержание ст. 12 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и ст. 18 УПК РСФСР 1960 года были дополнены нормой, содержащей требование неукоснительного соблюдения правил уголовного судопроизводства при рассмотрении по существу уголовного дела в закрытом судебном заседании. Помимо этого, следует отметить, что УПК РСФСР 1969 года содержал нормы, которые ограничивали открытость уголовного судопроизводства и на досудебной стадии. Так, ст. 139 УПК РСФСР содержала положение, согласно которому данные предварительного следствия могли подлежать огласке лицами, являющимися участниками уголовного судопроизводства, только при условии, что ими получено официальное разрешение от прокурора или следователя, в производстве которого находится уголовное дела. При этом объем сведений, которые лицо могло разглашать, определялся прокурором или следователем. Помимо этого, прокурор или следователь, в производстве которого находилось уголовное дело, получал от участников уголовного судопроизводства подписку, в соответствии с которой данные лица брали на себя обязательства не разглашать сведения, ставшие им известными в ходе предварительного следствия. Кроме того, эти лица предупреждались о привлечении их к уголовной ответственности по ст. 184 УК РСФСР 1960 года за нарушение, данного ими обязательства.

Помимо получения обязательства от лица, за лицом, производящим расследование уголовного дела, закреплялась обязанность не допускать создания условий, при которых могли быть преданы огласке, не имеющие отношения к делу сведения о частной жизни, если эти сведения были получены следователем при производстве обыска.

С принятием в 1977 году новой Конституции СССР открытость провозглашается как принцип уголовного судопроизводства, однако, ст. 157 содержит указание о том, что данный принцип в установленных законом случаях, может быть ограничен. Помимо этого, Основной закон СССР в ст. 50 гарантировал право на свободу распространения информации, а ст. 169 Конституции РСФСР 1978 года дублировала закрепленный в Конституции СССР принцип открытости.

В июне 1990 года перечень обстоятельств, при которых рассмотрение уголовного дела в судебном заседании допустимо проводить в закрытом режиме, дополнен необходимостью создания условий, при которых возможно обеспечение безопасности лиц, являющихся участниками процесса. Помимо этого, в Основах уголовного судопроизводства СССР появилась новелла, содержащая порядок производства прослушивания телефонных и иных переговоров.

В 1993 года в нашей стране появился суд присяжных. При этом, в УПК РСФСР были внесены дополнения, закрепившие, что рассмотрение уголовного дела по существу, как судом присяжных (ст. 420), так и мировым судьей (ст. 473) осуществляется в открытой форме, то есть с соблюдением общих требований к уголовному судопроизводству.

Еще одним средством обеспечения открытости уголовного судопроизводства является закон «О средствах массовой информации», запретивший:

1. Раскрывать сведения о лице, явившемся источником информации.
2. Предавать огласке сведения о ходе предварительного следствия того или иного уголовного дела при отсутствии письменного разрешения, полученного от лица, производящего предварительное расследование.
3. Любым способом оказывать информационное воздействие на суд до вступления в законную силу приговора его вынесшего.

С принятием Конституции РФ в 1993 году начался новый этап формирования открытости уголовного судопроизводства.

Литература и источники

1. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра. юрид. наук. Волгоград, 2019.
2. Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. Т.8. Устав уголовного судопроизводства. М. : Юрид. Лит., 1991.
3. Устав Уголовного Судопроизводства (св. зак. т. XVI, ч. 1, изд. 1914 г.) с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства Юстиции / Сост. Шрамченко М.П., Ширков В.П. Петроград, 1916.
4. Джаншиев Гр. Ограничение гласности в суде // Юридический вестник. 1887. № I. С. 108-114; № III. С. 502-508.
5. Катков М. Редакционная статья // Московские ведомости. 1866. № 198.
6. Устав о цензуре. Утвержден 22 апреля 1828 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. том III. № 1979.
7. Берендтс Э.Н. Судебная реформа и законодательство о печати (разд. «Связь судебной реформы с другими реформами Императора Александра II») // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет. Петроград: Сенатская типография, 1914. В 2-х т. Т. 1.
8. Гессен И.В. Судебная реформа // Сб. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем / Под ред. В Гессена и А. Каминка. СПб.: Тип. -Литограф. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905.
9. См., напр.: Катков М.Н. Редакционная статья // Московские ведомости. 1869. № 202.
10. Арсеньев К.К. Великие реформы шестидесятых годов в их прошлом и настоящем. СПб., 1893.
11. Высочайший указ «О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати» // Реформы 1860-1870-х годов. Сб. документов и материалов для практических занятий по отечественной истории: Уч. пособие. Екатеринбург: Изд. Уральского ун-та, 2003.
12. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 6 апреля 1865 г. // ПСЗРИ-2 : в 55 т. СПб., 1867. Т. 40. № 41990.
13. Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства. СПб., 1900.
14. Свод 1) замечаний ведомств на выработанные Высочайше утвержденною Комиссией для пересмотра законоположений по судебной части законопроекты с окончательными по ним соображениями и заключениями Министра Юстиции и 2) изменений, внесенных в проекты Комиссии самим Министром Юстиции по Уставу Уголовного судопроизводства. СПб., [189-].
15. Володина А.Н. Гласность уголовного судопроизводства: правовая природа, содержание и проблемы реализации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
16. См. напр.: Сегал О.А. Проблемы реализации гласности в уголовном процессе РФ. Дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.
17. О суде. Декрет Совета народных комиссаров от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
18. О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний. Инструкция НКЮ от 19 декабря 1917 г. // СУ РСФСР 1917. № 12. Ст. 170.
19. Декрет Совнаркома от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах» // СУ РСФСР 1918. № 35. Ст. 471.
20. О суде. Декрет Совета народных комиссаров от 7 марта 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.

21. Об организации и действии Местных Народных Судов. Постановление НКЮ от 23 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 53. Ст. 597.
22. Положение «О народном суде РСФСР». Утв. Декретом ВЦИК от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
23. Положение «О народном суде РСФСР». Утв. Декретом ВЦИК от 21 октября 1920 г. // СУ РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.
24. Об уголовно-процессуальном кодексе» (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР»). Постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.
25. См. напр.: журналы «Советское право», «Еженедельник советской юстиции» - прародитель «Российской юстиции», «Право и жизнь», «Пролетарский суд», «Рабочий суд», «Суд идет!», «Вестник Верховного Суда СССР и Прокуратуры Верховного Суда СССР», «Власть советов», «Судебная практика РСФСР» и др.
26. См. напр.: Задачи общественного обвинения. Ред. ст. по материалам Совещания общественных обвинителей при Ленинградской Губернской прокуратуре 21 ноября 1924 г. // Рабочий суд. 1924. № 21-22. С. 730-732.
27. Работа по организации общественных обвинителей. По материалам прокуратуры РСФСР за первую половину 1927 г. // Рабочий суд. 1928. № 2. С. 160-163.
28. Лаговьер Н. Институт общественных обвинителей в 1927 г. // Рабочий суд. 1928. № 15. С. 1114-1118.
29. См.: Проект УПК, выработанный специальной комиссией НКЮ // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 47. С. 14-75.
30. Строгович М.С. Новый проект уголовно-процессуального кодекса // Рабочий суд. 1928. № 17. С. 1269-1278, № 18. С. 1349-1360.

References and Sources

1. Kolosovich M.S. Processual'nye sredstva obespecheniya glasnosti i tajny v уголовном sudoproizvodstve: konceptual'nye osnovy: dis. ... d-ra. yurid. nauk. Volgograd, 2019.
2. Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. Sudebnaya reforma. T.8. Ustav ugolovnogo sudoproizvodstva. M. : Yurid. Lit., 1991.
3. Ustav Ugolovnogo Sudoproizvodstva (sv. zak. t. XVI, ch. 1, izd. 1914 g.) s pozdnejshimi uzakonenyami, zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata i cirkulyarami Ministerstva Yusticii / Sost. Shramchenko M.P., Shirkov V.P. Petrograd, 1916.
4. Dzhanshiev Gr. Ogranichenie glasnosti v sude // Yuridicheskij vestnik. 1887. № I. S. 108-114; № III. S. 502-508.
5. Katkov M. Redakcionnaya stat'ya // Moskovskie vedomosti. 1866. № 198.
6. Ustav o cenzure. Utverzhen 22 aprelya 1828 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobr. 2. tom III. № 1979.
7. Berendts E.N. Sudebnaya reforma i zakonodatel'stvo o pečati (razd. «Svyaz' sudebnoj reformy s drugimi reformami Imperatora Aleksandra II») // Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda za pyat'desyat let. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1914. V 2-h t. T. 1.
8. Gessen I.V. Sudebnaya reforma // Sb. Velikie reformy 60-h gg. v ih proshlom i nastoyashchem / Pod red. V Gessena i A. Kaminka. SPb.: Tip. - Litogr. F. Vaïsberga i P. Gershunina, 1905.
9. См., напр.: Katkov M.N. Redakcionnaya stat'ya // Moskovskie vedomosti. 1869. № 202.
10. Arsen'ev K.K. Velikie reformy shestidesyatykh godov v ih proshlom i nastoyashchem. SPb., 1893.
11. Vysochajshij ukaz «O darovanii nekotorykh oblegchenii i udobstv otechestvennoj pečati» // Reformy 1860-1870-h godov. Sb. dokumentov i materialov dlya prakticheskikh zanyatii po otechestvennoj istorii: Uch. posobie. Ekaterinburg: Izd. Ural'skogo un-ta, 2003.
12. O nekotorykh peremenah i dopolneniyah v dejstvuyushchih nyne cenzurnyh postanovleniyah: Vysochajshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 6 aprelya 1865 g. // PSZR-2 : v 55 t. SPb., 1867. T. 40. № 41990.
13. Proekt" novoj redakcii Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva. SPb., 1900.
14. Svod 1) zamechaniï vedomstv na vyrabotannye Vysochajshe utverzhdennoyu Komissuyu dlya peresmotra zakonopolozhenii po sudebnoj chasti zakonoproekty s okonchatel'nymi po nim soobrazheniyami i zaklyucheniyami Ministra Yusticii i 2) izmenenii, vnesennyh v proekty Komissii samim Ministrom Yusticii po Ustavu Ugolovnago sudoproizvodstva. SPb., [189-].
15. Volodina A.N. Glasnost' ugolovnogo sudoproizvodstva: pravovaya priroda, sodержanie i problemy realizacii. Dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009.
16. См. напр.: Segal O.A. Problemy realizacii glasnosti v ugolovnom processe RF. Dis. ... kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2004.
17. O sude. Dekret Soveta narodnyh komissarov ot 24 noyabrya 1917 g. // SU RSFSR. 1917. № 4. St. 50.
18. O revolyucionnom tribunale, ego sostave, delah, podlezhashchih ego vedeniyu, nalagaemyh im nakazaniyah i o poryadke vedeniya ego zasedanii. Instrukciya HKYu ot 19 dekabrya 1917 g. // SU RSFSR 1917. № 12. St. 170.
19. Dekret Sovnarkoma ot 4 maya 1918 g. «O revolyucionnyh tribunalah» // SU RSFSR 1918. № 35. St. 471.
20. O sude. Dekret Soveta narodnyh komissarov ot 7 marta 1918 g. // SU RSFSR. 1918. № 26. St. 347.
21. Ob organizacii i dejstvii Mestnyh Narodnyh Sudov. Postanovlenie NKYu ot 23 iyulya 1918 g. // SU RSFSR. 1918. № 53. St. 597.
22. Polozhenie «O narodnom sude RSFSR». Utv. Dekretom VCIK ot 30 noyabrya 1918 g. // SU RSFSR. 1918. № 85. St. 889.
23. Polozhenie «O narodnom sude RSFSR». Utv. Dekretom VCIK ot 21 oktyabrya 1920 g. // SU RSFSR. 1920. № 83. St. 407.
24. Ob ugolovno-processual'nom kodekse» (vместe s «Ugolovno-processual'nym kodeksom RSFSR»). Postanovlenie VCIK ot 25 maya 1922 g. // SU RSFSR. 1922. № 20-21. St. 230.
25. См. напр.: zhurnaly «Sovetskoe pravo», «Ezhenedel'nik sovetsoj yusticii» - praroditel' «Rossijskoj yusticii», «Pravo i zhizn'», «Proletarskij sud», «Rabochij sud», «Sud idet!», «Vestnik Verhovnogo Suda SSSR i Prokuratury Verhovnogo Suda SSSR», «Vlast' sovetov», «Sudebnaya praktika RSFSR» i dr.
26. См. напр.: Zadachi obshchestvennogo obvineniya. Red. st. po materialam Soveshchaniya obshchestvennyh obvinitelej pri Leningradskoj Gubernskoj prokurature 21 noyabrya 1924 g. // Rabochij sud. 1924. № 21-22. S. 730-732.
27. Rabota po organizacii obshchestvennyh obvinitelej. Po materialam prokuratury RSFSR za pervuyu polovinu 1927 g. // Rabochij sud. 1928. № 2. S. 160-163.
28. Lagovier N. Institut obshchestvennyh obvinitelej v 1927 g. // Rabochij sud. 1928. № 15. S. 1114-1118.
29. См.: Proekt UPK, vyrabotannyj special'noj komissiej NKYu // Ezhenedel'nik sovetsoj yusticii. 1927. № 47. S. 14-75.
30. Strogovich M.S. Novyj proekt ugolovno-processual'nogo kodeksa // Rabochij sud. 1928. № 17. S. 1269-1278, № 18. S. 1349-1360.

ЗОТОВА АННА ФЕДОРОВНА – старший преподаватель кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, (anya2091@yandex.ru).
ZOTOVA, ANNA F. – Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia (anya2091@yandex.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 342.78:338.245

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-46-50

СМОРЧКОВА Л.Н.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: мобилизация экономики, мобилизационные мероприятия, мобилизационное законодательство, правовое регулирование, специальные меры, легитимность полномочий.

В статье анализируется комплекс правовых мер, принятых руководством страны для правового обеспечения мобилизации отечественной экономики в условиях продолжающейся специальной военной операции. Показано, что постановлением российского правительства от 3 октября 2022 года № 1745 «О специальной мере в сфере экономики и внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 года № 616» ряд указанных в данном нормативном акте органов и организаций получили право осуществлять закупки определенных категорий товаров, в том числе двойного назначения, а также передавать из собственности субъекта Российской Федерации и муниципальной собственности в федеральную собственность материальные ценности, в том числе указанные товары. И на сегодняшний момент это единственное решение Правительства Российской Федерации о введении специальной меры в сфере экономики. Автор приходит к выводу, что действующие правовые нормы, в том числе предусматривающие введение специальных мер в сфере экономики, достаточны, но их потенциала может не хватить при усилении кризиса. В качестве решения предлагается принятие модельного закона, учитывающего разные степени нуждемости в мобилизации экономики.

SMORCHKOVA, L.N.

LEGAL SUPPORT OF THE MOBILIZATION ECONOMY

Keywords: mobilization of the economy, mobilization measures, mobilization legislation, legal regulation, special measures, legitimacy of powers.

The article analyzes a set of legal measures taken by the country's leadership to provide legal support for the mobilization of the domestic economy in the context of the ongoing special military operation. It is shown that by the decree of the Russian government of October 3, 2022 No. 1745 "On a special measure in the field of economy and amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation of April 30, 2020 No. 616", a number of bodies and organizations specified in this regulatory act received the right to procure certain categories of goods, including dual-use ones, as well as to transfer material values, including the said goods, from the property of a subject of the Russian Federation and municipal property to federal property. And to date, this is the only decision of the Government of the Russian Federation to introduce a special measure in the economic sphere. The author comes to the conclusion that the current legal norms, including those providing for the introduction of special measures in the economic sphere, are sufficient, but their potential may not be enough when the crisis intensifies. As a solution, it is proposed to adopt a model law that takes into account different degrees of need for mobilizing the economy.

Экономика нашей страны претерпевает в настоящее время дополнительный прессинг, обусловленный как нуждами проводимой Российской Федерацией специальной военной операции, так и вызванными ею же пакетами внешнеэкономических санкций. Вопрос о степени мобилизации российской экономики остро стоит на повестке дня, и он неразрывно связан с правовым обеспечением этого процесса.

Комплекс мероприятий по заблаговременной подготовке экономики страны к обеспечению защиты государства от вооруженного нападения и удовлетворению потребностей государства и нужд населения в военное время составляет важную часть мобилизационной подготовки в Российской Федерации. Комплекс мероприятий по переводу экономики страны, органов и организаций на работу в условиях военного времени является мобилизацией. Мобилизационная подготовка и мобилизация экономики являются составными частями организации обороны Российской Федерации. Основные принципы и содержание мобилизационной подготовки и мобилизации закреплены в Федеральном законе от 26 февраля 1997 года № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», а также в Федеральном законе от 31 мая 1996 года 61-ФЗ «Об обороне».

Мобилизация в Российской Федерации может быть как общей, так и частичной. Комплекс мероприятий, проводимых при объявлении общей или частичной мобилизации, определяется также в соответствии с нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и иными.

Указ Президента Российской Федерации от 21 сентября 2022 года № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» вызвал широкий резонанс в российском обществе, но реакция касалась, главным образом, категорий граждан, подлежащих призыву на военную службу по мобилизации. В то же время данный указ касается и мобилизации экономики страны, а именно в подпункте «б» пункта 6 Правительству Российской Федерации поручено принять необходимые меры для удовлетворения потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов в период частичной мобилизации, что является очень важной составляющей обеспечения обороны и безопасности государства.

Мобилизационная экономика, подразумевающая такое экономическое устройство, при котором ресурсы сосредоточены и используются для противодействия угрозам существованию государства как целостной системы [1, с. 7], в той или иной форме реализации присуща практически всем странам, ведущим военные действия, независимо от общественной-экономической формации. В последние годы появилось достаточно большое количество научных публикаций, оценивающих исторический опыт, включая юридическую составляющую, мобилизации российской экономики, а также экономик других стран в различные кризисные периоды.

Опыт мобилизации российской экономики в период Первой мировой войны показал важность наличия у государства казенных заводов для производства орудий, оружия и снарядов к ним, поскольку частная промышленность срывала военные заказы, взвинчивала цены на производимую для фронта и тыла продукцию, не была способна обеспечить военные поставки и бесперебойное снабжение потребностей российской армии [2, с. 29–31] и тем самым существенно усугубила имеющий экономический и политический кризис. При этом ключевой задачей, в том числе посредством правовых установлений и предписаний, было добиться, чтобы на оборону государства работало возможно большее число частных предприятий для как можно большего расширения военного производства и снабжения [3, с. 44].

Полное огосударствление экономики и плановое ведение социалистического хозяйства в преддверии Великой Отечественной войны позволили заранее разработать комплексы мобилизационных мероприятий, достаточно основательно подготовить нашу страну к широкомасштабной войне, провести беспрецедентную эвакуацию ключевых промышленных предприятий и наладить их бесперебойную работу в тылу в кратчайшие сроки, что в свою очередь позволило сохранить экономический потенциал страны для последующего мощного развития военной экономики [4, с. 20].

Но это не значит, что высокая степень мобилизации экономики страны характерна только государств с плановой экономикой, но не рыночной. Зависимость наблюдается не экономического типа производственных отношений, а от управляющей функции государства, способного эффективно, но дозированно использовать государственное воздействие на экономические отношения в интересах государства и его защиты. Так, например, элементы плановости в форме дирижизма были свойственны мобилизационной экономике Великобритании, Франции, других капиталистических стран в период Второй мировой войны. Экономическая политика Франции и сейчас основана на принципах индикативного планирования, что не подрывает основ рыночной экономики [5, с. 76–77].

Современная российская экономика также основана на принципах свободы экономической деятельности, поддержки конкуренции, свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств. В то же время, являясь смешанной, то есть сочетая в себе свободное предпринимательство с наличием достаточно крупного государственного сектора и элементов плановости, предполагает обязанность государства способствовать ее развитию для достижения общего блага [6, с. 4–5]. А это значит, что в настоящее время решение мобилизационных вопросов в условиях преимущественно рыночного уклада российской экономики требует принципиально иного правового обеспечения, чем в советский период [7, с. 22].

Говоря о мобилизации российской экономики в настоящий период, в обществе доминирует позиция о неизбежном ущемлении прав и свобод хозяйствующих субъектов, императивном развитии, препятствующем научно-техническому прогрессу. В экономической науке предлагается рассматривать обозначенный вопрос под другим углом – не только как консолидацию промышленного производства для военных нужд, но гораздо шире – как обоснованное побуждение для масштабного реформирования всей отечественной экономической системы, совершенствования систем экономического и социально-экономического управления [8, с. 21–22].

Более того, в юридической науке присутствует мнение, что мобилизационную экономику необходимо использовать как средство повышения эффективности действующей экономической модели [9, с. 177], что современная мобилизационная экономика должна обеспечить технологический переход к информационному обществу, но реализация ее потенциала предполагает разработку комплексной стратегии построения и использования технологического суверенитета [10], составной частью которой, безусловно, выступает правовое обеспечение, и

перед правовой наукой стоит задача заблаговременной разработки системы правового обеспечения мобилизации экономики в условиях угрозы войны, с началом войны либо в иной кризисной ситуации [11, с. 82–83].

Какое же правовое регулирование в области мобилизации российской экономики мы имеем сегодня? Какие правовые меры приняты в этом вопросе в дополнение к ранее сложившемуся законодательству о мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации?

Прежде всего, Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61-ФЗ «Об обороне» введена статья 26.1 «Обеспечение проведения Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации». Теперь Правительство Российской Федерации может принимать решения о введении специальных мер в сфере экономики для обеспечения специальной военной операции за пределами территории страны.

К числу специальных мер в сфере экономики относятся: проведение мероприятий, осуществляемых органами исполнительной власти, органами местного самоуправления и организациями; временное расконсервирование мобилизационных мощностей и объектов; разбронирование материальных ценностей государственного резерва; установление особенностей правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, включая сверхурочные работы. В целях реализации последнего было принято постановление Правительства Российской Федерации от 1 августа 2022 года № 1365 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах».

Но главное, что в случае принятия Правительством Российской Федерации решения о введении специальных мер в сфере экономики юридические лица, независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности, не вправе отказываться от заключения договоров, государственных контрактов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг в целях обеспечения проведения контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации. Именно эта норма, а также возможность устанавливать сверхурочные работы вызвали наиболее острую социальную реакцию.

Реализуя свои полномочия по принятию решений о введении специальных мер в сфере экономики, Правительство Российской Федерации 3 октября 2022 года приняло постановление № 1745 «О специальной мере в сфере экономики и внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 года № 616». В качестве специальной меры в сфере экономики указанные в постановлении органы и организации получили право осуществлять закупки перечисленных категорий товаров, в том числе двойного назначения, а также передавать из собственности субъекта Российской Федерации и муниципальной собственности в федеральную собственность материальные ценности, в том числе указанные товары.

На сегодняшний момент это единственное решение Правительства Российской Федерации о введении специальной меры в сфере экономики. Поэтому нет оснований говорить о каком-либо критичном для устоявшихся экономических связей мобилизационном привлечении организаций независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности.

Президент Российской Федерации также обладает рядом полномочий в сфере мобилизационной подготовки и мобилизации органов государственной власти Российской Федерации и иных государственных органов. Обеспечение исполнения Президентом Российской Федерации своих полномочий в этой сфере является задачей федерального органа обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, которым является Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2017 года № 615 и утвержденным этим же Указом Положением о Главном управлении специальных программ.

Указом Президента Российской Федерации от 21 октября 2022 года № 763 в целях организации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации при решении вопросов, связанных с

обеспечением потребностей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов образования Координационный совет при Правительстве Российской Федерации.

В научной литературе по-разному оцениваются правовые меры, принятые руководством страны по обеспечению частичной мобилизации экономики. Так, например, ряд ученых говорит о том, что присутствует «мягкая» модель мобилизационной экономики, позволяющая не только сохранять имеющийся баланс, но и идти в направлении к устойчивому экономическому росту за счет снижения импортозависимости [12, с. 11], соответственно, используемые на данном этапе правовые средства обеспечения следует признать достаточными. Другие считают, что принятые правовые меры значимы, но недостаточны, наблюдается некоторое опоздание по времени и масштабам реакции [8, с. 22]. По мнению автора, на сегодняшний момент и в текущих условиях принятые меры по правовому обеспечению мобилизации отечественной экономики вполне достаточны, но их потенциала может не хватить в более жесткой политической и социально-экономической обстановке.

Ранее поставленный вопрос о заблаговременной разработке системы правового обеспечения мобилизации экономики коррелирует общей проблеме инертности права, которая не позволяет государству оперативно реагировать в периоды кризисных явлений самого различного характера. В этой связи все чаще в качестве решения предлагается усилить абстрактность правового регулирования путем принятия модельных (рамочных) законов, позволяющих на их основе придавать легитимность антикризисным мерам с адекватной скоростью правового реагирования.

Представляется, что для решения проблемы правового обеспечения мобилизации экономики, которая может еще больше актуализироваться в любой момент, этот способ является не только приемлемым, но и наиболее эффективным. То есть необходимо принятие модельного (рамочного) закона, закрепляющего права и обязанности органов государственной власти, органов местного самоуправления и хозяйствующих субъектов всех форм собственности не только в целом, но и для различных степеней нуждаемости государства в мобилизации экономики, исходя из изменяющихся политических и экономических условий. Тем более, что важнейшей политико-правовой характеристикой мобилизационной экономики является необходимая степень доверия общества и граждан к праву, что требует дополнительной легитимации публичной власти в решении критических проблем [9, с. 194].

Литература и источники

1. Седов В.В. Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2009. С. 7-9.
2. Лобанов В.Б., Михайлов В.В. Роль промышленного капитала в снабжении артиллерии боеприпасами в 1914-1917 гг. на примере Акционерного общества Брянского завода // Военно-исторический журнал. 2020. № 4. С. 23–32.
3. Березин Б.В., Казаков Н.П., Коновалов В.Б. Материально-техническое обеспечение русской армии в Первой мировой войне: уроки и выводы // Военно-исторический журнал. 2019. № 6. С. 43–45.
4. Мозохин О.Б. Эвакуация населения, объектов промышленности и культурных ценностей из прифронтовой зоны в годы Великой Отечественной войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 1. С. 20–37.
5. Чернышева Н.И. Дирижистская теория селективного экономического регулирования // Финансы и кредит. 2008. № 14. С. 76–80.
6. Губин Е.П. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 3–9.
7. Бараненков В.В. Организационно-правовые основы мобилизации экономики: уроки войны // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 4. С. 117–124.
8. Межевич Н.М., Хлутков А.Д., Шамахов В.А. Эффективность управления как условие мобилизации экономики: некоторые исторические уроки // Управленческое консультирование. 2022. № 11. С. 20–24.
9. Мазаев В.Д. Российский конституционализм и мобилизационная тенденция в экономике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 5. С. 177–197.
10. Шапсугова М.Д. Мобилизация экономики как способ обеспечения государственного суверенитета и государственной безопасности // Московский экономический журнал. 2023. Т. 8. № 3.
11. Бараненков В.В. О некоторых актуальных проблемах правового обеспечения обороны страны и безопасности государства в новых условиях // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2021. № 1. С. 81–89.
12. Гриш科夫 В.Ф., Плотников В.А., Фролов А.О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного университета. 2022. № 3. С. 7–13.

References and Sources

1. Sedov V.V. Mobilizacionnaya ekonomika: ot praktiki k teorii // Mobilizacionnaya model' ekonomiki: istoricheskij opyt Rossii XX veka: sb. materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Chelyabinsk, 2009. S. 7-9.
2. Lobanov V.B., Mihajlov V.V. Rol' promyshlennogo kapitala v snabzhenii artillerii boeprilasami v 1914-1917 gg. na primere Akcionernogo obshchestva Bryanskogo zavoda // Voенno-istoricheskij zhurnal. 2020. № 4. S. 23–32.

3. Berezin B.V., Kazakov N.P., Kononov V.B. Material'no-tekhnicheskoe obespechenie russkoj armii v Pervoj mirovoj vojne: uroki i vyvody // Voenno-istoricheskij zhurnal. 2019. № 6. S. 43–45.
4. Mozohin O.B. Evakuaciya naseleniya, ob"ektov promyshlennosti i kul'turnyh cennostej iz prifrontovoj zony v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij. 2018. № 1. S. 20–37.
5. Chernysheva N.I. Dirizhistskaya teoriya selektivnogo ekonomicheskogo regulirovaniya // Finansy i kredit. 2008. № 14. S. 76–80.
6. Gubin E.P. Pravovoe obespechenie svobody ekonomicheskoy deyatel'nosti // Predprinimatel'skoe pravo. 2015. № 4. S. 3–9.
7. Baranekov V.V. Organizacionno-pravovye osnovy mobilizacii ekonomiki: uroki vojny // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2023. № 4. S. 117–124.
8. Mezhevich N.M., Hlutkov A.D., Shamahov V.A. Effektivnost' upravleniya kak uslovie mobilizacii ekonomiki: nekotorye istoricheskie uroki // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2022. № 11. S. 20–24.
9. Mazaev V.D. Rossijskij konstitucionalizm i mobilizacionnaya tendenciya v ekonomike // Pravo. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki. 2022. № 5. S. 177–197.
10. Shapsugova M.D. Mobilizaciya ekonomiki kak sposob obespecheniya gosudarstvennogo suvereniteta i gosudarstvennoj bezopasnosti // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. 2023. T. 8. № 3.
11. Baranekov V.V. O nekotoryh aktual'nyh problemah pravovogo obespecheniya oborony strany i bezopasnosti gosudarstva v novyh usloviyah // Pravo v Vooruzhennyh Silah – Voenno-pravovoe obozrenie. 2021. № 1. S. 81–89.
12. Grishkov V.F., Plotnikov V.A., Frolov A.O. Mobilizacionnaya ekonomka v sovremennoj Rossii: teoreticheskie aspekty // Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 3. S. 7–13.

СМОРЧКОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук (Москва, Россия) (l.smorchkova@mail.ru).

SMORCHKOVA, LARISA N. – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia) (l.smorchkova@mail.ru).

УДК 342.72

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-50-54

**ЯКОВЛЕВА-ЧЕРНЫШЕВА А.Ю., ЯКОВЛЕВ-ЧЕРНЫШЕВ В.А.
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СМАРТФОНОВ И МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ**

Ключевые слова: персональные данные, конфиденциальность, смартфон, датчик, мобильное приложение, конституционно-правовой статус личности, права и свободы человека и гражданина, защита персональных данных.

Актуальность исследования определяется все более широким распространением смартфонов и иных мобильных устройств, осуществляющих с помощью встроенных датчиков сбор различной информации о пользователях. Такая возможность, имеющаяся, в том числе, и без подключения пользователя смартфона к мобильному интернету или Wi-Fi, напрямую затрагивает конституционно-правовой статус личности, права и свободы человека и гражданина. Однако в российском законодательстве отсутствуют конкретные механизмы правового регулирования защиты персональных данных в данной сфере. Авторами предложен ряд рекомендаций правового и организационного характера, направленных на повышение эффективности правовой защиты персональных данных при использовании смартфонов и мобильных приложений.

**YAKOVLEVA-CHERNYSHEVA, A.Yu., YAKOVLEV-CHERNYSHEV, V.A.
PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF PERSONAL DATA
WHEN USING SMARTPHONES AND MOBILE APPLICATIONS**

Key words: personal data, privacy, smartphone, sensor, mobile application, constitutional and legal status of individuals, human and civil rights and freedoms, protection of personal data.

The relevance of the study is determined by the increasing proliferation of smartphones and other mobile devices that collect various user information using built-in sensors. This possibility, including without connecting a smartphone user to the mobile Internet or Wi-Fi, directly affects the constitutional and legal status of the person, human and civil rights and freedoms. However, Russian legislation lacks specific mechanisms to regulate the protection of personal data in this area. The authors offer a number of legal and organizational recommendations aimed at increasing the effectiveness of legal protection of personal data when using smartphones and mobile applications.

Развитие техники и информационных технологий привело к повсеместному распространению мобильных устройств, в первую очередь, смартфонов. Вместе с тем удобство и легкость получения информации различного рода, что, несомненно, является ключевым преимуществом смартфона, сопровождается возможностью неконтролируемого доступа к персональным данным пользователей. При этом понимание того, в каком объеме и каким образом будут обрабатываться персональные данные гражданина, зачастую вызывает серьезные затруднения. Осложняется данный вопрос тем, что защита персональных данных при использовании смартфона и мобильных приложений, установленных в нем, до сих пор полноценно не урегулирована в российском законодательстве. Исходя из вышеизложенного, представляется актуальным проведение анализа проблемных аспектов правовой защиты конфиденциальности персональных данных при использовании смартфонов и мобильных приложений.

Смартфон – это, по сути, компактный компьютер, среди важнейших функций которого едва ли не первое место занимает возможность доступа в сеть Интернет. С точки зрения

взаимодействия с пользователем, смартфон представляет собой сенсорное устройство со встроенными датчиками, которое способно отслеживать и регистрировать индивидуальную активность для повышения качества предоставляемых услуг [1]. В свою очередь, датчик – это устройство, которое измеряет или обнаруживает событие или состояние и преобразует это измерение или обнаружение в сигнал. Работа такого датчика осуществляется в форме пассивного мониторинга от имени пользователя устройства [2]. Существенной проблемой в процессе работы со смартфоном является то, что лицо может не знать о сборе разного рода информации, поскольку пользователи далеко не всегда информируются либо изначально знают о сборе таких данных [3, р. 18]. Датчики, с помощью которых происходит анализ действий физического лица, способны:

- определять точное местонахождение человека;
- анализировать состояние здоровья человека за счет встроенных приложений по подсчету шагов, давления, пульса и т.п.;
- при наличии соответствующих приложений анализировать, сколько спал человек и даже как он двигался во сне;
- в перспективе при помощи голосовых записей оценивать различные психофизические качества человека, связанные, например, с его возможной болезнью или зависимостями;
- определять, находится телефон в непосредственной близости от человека или нет;
- определять эмоциональное состояние человека с учетом, например, таких индикаторов, как тряска телефона из-за подрагивания рук или использование определенных символов в тексте;
- фиксировать модели движения, которые могут выявить даже идентификационный PIN-код при помощи датчиков движения, и др.

Такой широкий функционал позволяет собирать фактически любую информацию о человеке. При этом важно подчеркнуть, что такая возможность имеется и без подключения человека к мобильному интернету или Wi-Fi.

Данные обстоятельства напрямую затрагивают конституционно-правовой статус личности, права и свободы человека и гражданина. Так, в ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации [4] сказано, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени». В соответствии с ч. 1 ст. 24 Конституции РФ «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». Данные конституционно-правовые положения привели к принятию специального Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [5] (далее – ФЗ № 152), который должен гарантировать реализацию конституционных прав и свобод человека и гражданина. Согласно ч. 8 ст. 10.1 ФЗ № 152 «молчание или бездействие субъекта персональных данных ни при каких обстоятельствах не может считаться согласием на обработку персональных данных, разрешенным субъектом персональных данных для распространения». В силу ч. 1 ст. 16 ФЗ № 152 оператору «запрещается принятие на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы».

Таким образом, субъект персональных данных обязан быть проинформированным об обработке персональных данных и дать свое согласие, что вытекает из ряда статей, а также обязанности оператора о таком уведомлении, что закреплено в ст. 18 ФЗ № 152.

Одна из важных на сегодняшний день проблем заключается в том, что в действующей редакции ФЗ № 152 отсутствуют конкретные механизмы правового регулирования защиты персональных данных при использовании смартфонов и мобильных приложений. Те общие положения, которые, на наш взгляд, применимы к данной области, не смогут эффективно работать, поскольку физическое лицо может:

- во-первых, не подозревать, в принципе, о сборе информации в отношении него, так как согласие на обработку персональных данных у него запрашивали далеко не во всех случаях;
- во-вторых, давать свое согласие, не вчитываясь в политику конфиденциальности;
- в-третьих, не осознавать те или иные риски, ввиду отсутствия юридического образования и знания всех тонкостей законодательства, регулирующего персональные данные.

При этом даже при урегулировании вопросов, связанных со сбором персональных данных, в рамках действующего законодательства будут сохраняться пробелы, поскольку чрезвычайно

сложно выявить и доказать, к примеру, что с помощью смартфона оператором был выявлен PIN-код, либо что при помощи датчиков было проанализировано эмоциональное состояние человека. В конце концов, неоднозначен ответ на вопрос, к какой категории обработки персональных данных может относиться сбор информации в отношении психофизиологического состояния человека, должен ли он быть разрешен в рамках ФЗ № 152.

Неясность возникает и относительно распределения ответственности, если у встроенных приложений будет несколько операторов. Например, ими могут быть производитель мобильного устройства, создатель программного обеспечения, провайдер.

Размытость понятия «оператор», рассматриваемого в пределах всего мира, частноправовые подходы к регулированию сферы общественных отношений в области персональных данных приводят к существенному снижению или в крайних случаях абсолютной незащищенности прав граждан. Представляется, что решить данный вопрос можно лишь при достижении реального технологического суверенитета в сфере информационных технологий и создании собственной полноценной информационной инфраструктуры, в рамках которой принимали бы участие все субъекты правоотношений в области персональных данных. Иной путь может привести к тому, что иностранные приложения, не имеющие аналогов в России, будут незаметно собирать персональные данные граждан РФ на основе технической информации. Справедливо подчеркивает Э.В. Талапина: «из технической информации можно вывести персональную, что негативно сказывается на существующей системе защиты данных» [6].

Разрешить вышеизложенную ситуацию возможно при проверке и изучении алгоритмов и датчиков, которые используются в смартфонах или мобильных приложениях. Также необходимо внедрение собственных систем глобального позиционирования, которые бы заменяли, к примеру, приложения транснациональной компании Google. Это необходимо ввиду того, что местонахождение смартфона определить несложно, для данной цели можно прибегать к разным методам. Так, например, это может происходить на основе глобального позиционирования (GPS), глобальной системы мобильной связи (GSM), глобальной навигационной спутниковой системы (GNSS), базовых станций и вай-фай (Wi-Fi), радиосигналов, излучаемых смартфоном [7, p. 313]. Или это может осуществляться на основе таргетированной рекламы при помощи сервисов, дающих информацию о местонахождении [8, с. 158].

Если говорить о GNSS, то его можно использовать как «автономный» сигнал позиционирования. Обычно услуги позиционирования оказываются на основе GSM или Wi-Fi и требуют взаимодействия между смартфоном и коммерческим провайдером, в свою очередь, есть и более усовершенствованный метод Assisted GNSS (A-GNSS), требующий связи с системным оператором, который нанимается производителем смартфонов для маршрутизации через его серверы. Как правило, производители смартфонов ссылаются на собственное позиционирование на основе GSM, Wi-Fi, A-GNSS как «услуги определения местонахождения» (location services) [7].

Для того чтобы избежать незаконного сбора, хранения, обработки, использования или распространения персональных данных, как в коммерческих, так и иных некоммерческих целях (в том числе, военных, если создатель приложения, например, представляет или зарегистрирован в иностранном государстве), необходимо перейти повсеместно с GPS на отечественную спутниковую систему навигации ГЛОНАСС.

Необходимо также создавать условия для усиления контроля граждан за распространением своих персональных данных. Для повышения мотивации в сфере контроля граждан за своими данными необходимо закрепить право на информационное самоопределение и повышать правовую культуру в сфере персональных данных. Представляется важным и введение требований для операторов (с учетом их технических и финансовых возможностей), связанных с максимально прозрачным и четким информированием субъектов персональных данных. Особое внимание следует уделить транснациональным компаниям. Поскольку, например, политика Apple, в сфере обработки персональных данных далеко не прозрачна. В большинстве случаев пользователи не знают о характере и объеме персональных данных, обрабатываемых при установке приложений на айфон, и не могут выбрать вариант определения местонахождения (поскольку его можно либо включить, либо отключить), который может быть разным, как было описано выше [7, p. 318].

Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым внести следующие предложения, направленные на повышение эффективности правовой защиты персональных данных при использовании смартфонов и мобильных приложений.

1. Закрепить в ФЗ № 152 право на информационное самоопределение.

2. Внести в ФЗ № 152 отдельную статью, определяющую информацию, которая может собираться с помощью смартфона (иного мобильного устройства) и мобильных приложений, и установить, под какую категорию персональных данных такая информация подпадает.

3. Осуществить постепенный переход всех смартфонов (иных мобильных устройств), поступающих в Российскую Федерацию, на отечественную спутниковую систему навигации ГЛОНАСС.

4. Установить требование, согласно которому все смартфоны (иные мобильные устройства) и мобильные приложения должны проходить проверку в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также при необходимости в Федеральной службе безопасности, Федеральной службе по экспортному и техническому контролю, Министерстве цифрового развития, технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации.

5. Установить следующие требования к работе мобильных приложений во избежание ущемления прав субъектов персональных данных:

- в процессе установки приложения вопрос о доступе к местонахождению пользователя должен выделяться отдельным блоком;

- в приложении должна быть указана конкретная цель, для достижения которой собираются данные о местонахождении либо иная информация о пользователе (например, информирование о ближайших сетях магазинов), кроме того, данные о местонахождении (либо иная релевантная информация) должны собираться с помощью мобильного устройства только тогда, когда приложение используется пользователем для этой конкретной цели;

- такое согласие не разрешает издателям приложений собирать данные о местонахождении с мобильного устройства неоднократно, и в случае последующей обработки необходимо явное информирование пользователя и его отдельное согласие;

- если приложение намеревается получить доступ к списку контактов на мобильном устройстве пользователя, то у пользователя должна быть опция, позволяющая выбрать определенные контакты, с которыми он намеревается делиться сведениями о своем местонахождении;

- если пользователь предоставляет важную информацию, включая имя учетной записи, адрес электронной почты или номер телефона другим пользователям в мобильном приложении, которое использует местонахождение, обработка данных без запроса отдельного согласия будет законной в определенных обстоятельствах, оговоренных в законодательстве;

- должны быть установлены сроки, по истечении которых персональные данные подлежат удалению.

6. Органам государственной власти, курирующим вопросы цифрового развития, информационных технологий и массовых коммуникаций, размещать на официальных сайтах соответствующую информацию, а также на постоянной основе проводить в средствах массовой информации разъяснительную работу, направленную на повышение правовой и цифровой культуры граждан в сфере персональных данных.

Представляется, что данные предложения позволят усовершенствовать правовые механизмы регулирования рассматриваемой сферы общественных отношений.

Литература и источники

1. *Huijsing J. H.* Smart Sensor Systems: Why? Where? How? // Gerard Meijer (ed), Smart Sensor Systems. John Wiley & Sons, 2008.
2. *Andrejevic M., Burdon M.* Defining the Sensor Society // 16 Television & New Media 2015. 19, 24.
3. *Burdon M.* Digital Data Collection and Information Privacy Law (Cambridge Intellectual Property and Information Law). Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 01.07.2020. № 31. ст. 4398.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). ст. 3451.
6. *Таланова Э.В.* Право на защиту персональных данных с позиции публичного права // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 10. С. 29-32.

7. *Shakila-Bu-Pasha, Alén-Savikko A., Mäkinen J., Guinness R., Korpisaari P.* EU Law Perspectives on Location Data Privacy in Smartphones and Informed Consent for Transparency // *European Data Protection Law Review*. 2016. № 3. Pp. 312-323.
8. *Хисматуллин С.А.* Использование геолокации на мобильных устройствах в коммерческих целях в России и США // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2019. № 11 (109). С. 157-162.

References and Sources

1. Huijsing J. H. *Smart Sensor Systems: Why? Where? How?* // Gerard Meijer (ed), *Smart Sensor Systems*. John Wiley & Sons, 2008.
2. Andrejevic M., Burdon M. *Defining the Sensor Society* // *16 Television & New Media* 2015. 19, 24.
3. Burdon M. *Digital Data Collection and Information Privacy Law (Cambridge Intellectual Property and Information Law)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 01.07.2020 N 11-FKZ) // *SZ RF*. 01.07.2020. № 31. st. 4398.
5. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» // *SZ RF*. 2006. № 31 (chast' I). st. 3451.
6. Talapina E.V. *Pravo na zashchitu personal'nyh dannyh s pozicii publichnogo prava* // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2022. № 10. S. 29-32.
7. *Shakila-Bu-Pasha, Alén-Savikko A., Mäkinen J., Guinness R., Korpisaari P.* EU Law Perspectives on Location Data Privacy in Smartphones and Informed Consent for Transparency // *European Data Protection Law Review*. 2016. № 3. Pp. 312-323.
8. *Hismatullin S.A.* Ispol'zovanie geolokacii na mobil'nyh ustrojstvah v kommercheskih celyah v Rossii i SShA // *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki*. 2019. № 11 (109). S. 157-162.

ЯКОВЛЕВА-ЧЕРНЫШЕВА АННА ЮРЬЕВНА – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Сочи.

ЯКОВЛЕВ-ЧЕРНЫШЕВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – студент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Сочи.

YAKOVLEVA-CHERNYSHEVA, ANNA YU. – Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, Department of Scientific Research, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Sochi.

YAKOVLEV-CHERNYSHEV, VASILY A. – student, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), branch in Sochi (yakovlev-chernyshev@mail.ru).

УДК 35.07:35.072.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-54-58

СОЛОВЬЕВА С.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫМИ РАСХОДАМИ

Ключевые слова: контрольно-ревизионная деятельность, государственный (муниципальный) контроль, финансовый контроль, бюджет, бюджетные средства, публичные расходы, аудит, Счетная палата России, Казначейство России, Банк России.

Реорганизация контрольно-надзорной деятельности затронула сферу бюджетно-финансовых отношений несмотря на то, что финансовый контроль не находится в поле правового регулирования Федерального закона от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Вместе с тем, в раздел IX Бюджетного кодекса Российской Федерации «Государственный (муниципальный) финансовый контроль» были внесены изменения в части реализации финансового контроля, как часть общего процесса преобразования контрольной деятельности в России. В результате таких изменений контрольно-ревизионная деятельность, направленная на проверку законности и целесообразности действий в области образования, распределения, использования частных и публичных фондов денежных средств, выступает одной из основных разновидностей контрольно-надзорных мероприятий. Однако в сфере контроля публичными расходами отсутствует единый терминологический и методологический подход к осуществлению контрольно-ревизионной деятельности за публичными расходами, что обуславливает необходимость теоретико-правового анализа правового содержания деятельности субъектов финансового контроля в сфере управления публичными расходами. Методологической основой данного исследования является метод сравнительно-правового анализа правовых положений, определяющих полномочия и реализацию контрольно-ревизионной деятельности субъектов финансового контроля в сфере управления публичными расходами.

SOLOVEVA, S. V.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF CONTROL AND AUDIT ACTIVITIES OF FINANCIAL CONTROL ENTITIES IN THE FIELD OF PUBLIC EXPENDITURE MANAGEMENT

Key words: control and auditing activities, state (municipal) control, financial control, budget, budgetary funds, public expenditures, audit, Accounts Chamber of Russia, Treasury of Russia, Bank of Russia.

The reorganization of control and supervisory activities affected the sphere of budgetary and financial relations, despite the fact that financial control is not within the scope of legal regulation of Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation». At the same time, section IX of the Budget Code of the Russian Federation «State (Municipal) Financial Control» was amended in terms of the implementation of financial control, as part of the overall process of transformation of control activities in Russia. As a result of such changes, control and audit activities aimed at verifying the legality and expediency of actions in the field of education, distribution, use of private and public funds of funds, acts as one of the main types of control and supervisory measures. However, in the field of public expenditure control, there is no unified terminological and methodological approach to the implementation of control and audit activities for public expenditures, which necessitates a theoretical and legal analysis of the legal content of the activities of financial control entities in the field of public expenditure management. The methodological basis of this study is the method of comparative legal analysis of legal provisions defining the powers and implementation of control and audit activities of subjects of financial control in the field of public expenditure management.

В правовых актах, регулирующих сферу контроля за публичными расходами в науке финансового и административного права используется обобщенное понятие «финансовый контроль». При этом выделяются различные его разновидности. Так, некоторые авторы, характеризуя контроль «за публичными ресурсами», выделяют такие его разновидности как: «финансовый контроль, бюджетный контроль, налоговый, таможенный, валютный, парламентский контроль, контроль в сфере закупок и государственный стратегический контроль» [1, с. 10-12]. Несмотря на то, что используется понятие «публичные ресурсы» и разные сферы, в которых контроль реализуется, в целом указанные разновидности финансового контроля являются финансовыми правоотношениями по контролю за публичными расходами. В сфере управления публичными расходами финансовый контроль может осуществляться разными приемами, способами, где используются методы характерные только для конкретного вида контроля. Поэтому некоторыми исследователями понятие финансового контроля раскрывается через деятельность субъектов, осуществляющих контрольные полномочия в сфере управления публичными расходами в виде использования специфических организационных форм и методов [2, с. 43-44].

Вместе с тем финансовый контроль в сфере управления публичными расходами неоднороден, исследователи предпринимают попытки выстроить общую систему публичного финансового контроля, предметом которого является соблюдение субъектами управления публичных расходов нормативных требований к проведению процедур по проверки, распределения и использования фондов денежных средств и иных финансовых ресурсов [3, с. 105-106].

Контрольные правоотношения в сфере управления публичными расходами включают: публичного субъекта, его осуществляющего; подконтрольного объекта, который может быть как публичным субъектом, так и частным субъектом; предмет контроля, в виде деятельности подконтрольного объекта; методы контроля.

Особенностью правового регулирования финансового контроля за публичными расходами является то, что нормативные требования к финансовой деятельности по контролю за публичными расходами устанавливаются не только нормативными правовыми актами, а также ведомственными и локальными актами. Данное положение предусмотрено общим правилом, закрепленным в Бюджетном кодексе Российской Федерации (далее – БК РФ) [4], что главным администратором бюджетных средств формируются локальные нормативные документы – стандарты и процедуры, определяющие деятельность должностных лиц главного администратора бюджетных средств.

В качестве основного метода финансового контроля в сфере управления публичными расходами называют ревизию, которая является комплексной проверкой экономической и юридической деятельности организации с применением разных методических приемов документального и фактического контроля с целью выявления законности, достоверности и целесообразности хозяйственных и финансовых операций. Ревизия представляет собой способ осуществления контрольной деятельности, наряду с проверкой и обследованием, а так как приемы и способы ее реализации субъектами контроля достаточно обширные, то такое направление деятельности называют контрольно-ревизионным.

Круг субъектов, наделенных полномочием по осуществлению контрольно-ревизионной деятельности за публичными расходами, является неоднородным, как в отношении направлений контрольной деятельности, так и по применению приемов и способов ее реализации. Субъекты контрольно-ревизионной деятельности, осуществляющих финансовый контроль в сфере управления публичными расходами, условно можно разделить на две большие группы – субъекты государственного и негосударственного финансового контроля.

В свою очередь субъекты государственного финансового контроля осуществляют внешний и внутренний государственный финансовый контроль, в соответствии с БК РФ за использованием средств соответствующих бюджетов бюджетной системы РФ, межбюджетных трансфертов и бюджетных кредитов, а также контроль в отношении главных распорядителей и получателей средств бюджета, то есть за публичными расходами.

Видами негосударственного финансового контроля являются аудиторский, внутренний контроль хозяйствующих субъектов и общественный контроль. Субъектами данного вида

контроля являются юридические и физические лица, не наделенные полномочиями на осуществление финансового контроля от имени государства, вместе с тем осуществляющие внутренний финансовый контроль за использованием публичных денежных фондов конкретного хозяйствующего субъекта.

Правовая основа осуществления контрольно-ревизионной деятельности за использованием публичных денежных фондов уполномоченных субъектов включает акты различной юридической силы: БК РФ, иные федеральные законы, определяющие правовой статус и полномочия конкретного органа публичной власти, по контролю за публичными расходами [5-7], федеральные стандарты, утвержденные Правительством Российской Федерации [8-10], ведомственные стандарты и внутренние акты субъектов контрольной деятельности.

Так, финансовый контроль, осуществляемый Счетной палатой России, как субъект государственного внешнего контроля, называется – внешним государственным аудитом, способами осуществления которого являются ревизии и проверки. В субъектах Российской Федерации и органах местного самоуправления созданы контрольно-счетные органы, подотчетные и подконтрольные Счетной палате РФ, которые являются органами внешнего государственного финансового контроля, а не аудита. Но при этом, осуществляют полномочия по аудиту эффективности финансовой деятельности, экспертизе, анализу и мониторингу бюджетного процесса, соответствующего субъекта и также могут проводить ревизии и проверки, как способ контроля.

Субъектом внутреннего государственного и муниципального финансового контроля является Федеральное казначейство России и его структурные подразделения исполнительной власти субъектов РФ, а также органы финансового контроля местного самоуправления [19]. Внутренний финансовый государственный и муниципальный контроль осуществляется за обеспечением исполнения федерального бюджета в отношении любого органа, учреждения, организации, получающих бюджетные средства. Содержание, организация и порядок реализации контрольно-ревизионной деятельности Казначейства России и его структурных подразделений, а также органов финансового контроля местного самоуправления определяется БК РФ и федеральными стандартами в форме проверок, ревизий и обследования.

Основным видом контроля в сфере управления публичными расходами является ведомственный финансовый контроль, который осуществляется в отношении подчиненных конкретному органу исполнительной власти бюджетополучателей, правовое регулирование контрольно-ревизионной деятельности которого определено БК РФ и ведомственными актами.

Так, например: Приказом МВД России от 20.09.2021 № 684 «Об организации и осуществлении внутреннего финансового контроля в системе МВД России» [11]; Приказом Минсельхоза России от 02.02.2021 № 49 «Об утверждении Порядка организации и осуществления внутреннего финансового контроля в Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации» [12]; Приказом ФАС России от 28.12.2020 № 1291/20 «Об организации и осуществлении внутреннего финансового аудита в Федеральной антимонопольной службе» [13]; Приказом Казначейства России от 14.12.2021 № 341 «Об утверждении Стандарта организации и осуществления внутреннего финансового аудита в Федеральном казначействе» [14] и рядом иных ведомственных нормативных актов определен порядок создания, деятельности и полномочия контрольно-ревизионных органов, а также порядок проведения контрольного мероприятия.

Особым видом ведомственного контроля является внутренний финансовый аудит. В соответствии со ст. 160.2-1 БК РФ внутренний финансовый аудит – это вид контрольной деятельности, связанный с оценкой исполнения бюджетных полномочий, бюджетной отчетности, а также использования бюджетных средств, контроль за результатом исполнения решений, направленных на повышение качества финансового менеджмента, в пределах конкретного ведомства или организации. Поэтому внутренний финансовый аудит характеризуется как разновидность управленческой деятельности, направленной на повышение качества финансовой работы организации или органа исполнительной власти и является формой административного или управленческого контроля, а не финансового.

Правовой основой осуществления внутреннего финансового аудита является ряд ведомственных нормативных актов и федеральные стандарты о внутреннем финансовом аудите Министерства финансов Российской Федерации, которыми определяются задачи, принципы,

порядок осуществления внутреннего финансового аудита, а также полномочия должностных лиц [15-17].

В отличие от финансового контроля внутренний финансовый аудит осуществляется в форме аудиторских мероприятий внутри органа исполнительной власти либо подконтрольного субъекта (организации), к методам которого стандарт относит аналитические процедуры, инспектирование, пересчет, запрос, подтверждение, наблюдение, мониторинг и процедуры внутреннего финансового контроля.

Еще одним видом финансового контроля является внутривозрастной финансовый контроль, субъектом которого является конкретная организация, проводится бухгалтерией или финансовой службой. Внутривозрастной финансовый контроль осуществляется в соответствии с общим требованием Федерального закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» [18] об обязанности субъекта экономической деятельности осуществлять внутренний контроль совершаемых фактов хозяйственной жизни, путем ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Специфическим субъектом, осуществляющим финансовый контроль, не столько за публичными расходами, а в большей степени за финансовыми операциями в сфере обращения с публичными расходами, является Центральный Банк России [20], который руководствуется собственными положениями и иными актами.

Кроме перечисленных субъектов внутренний финансовый контроль за публичными расходами могут осуществлять независимые аудиторские организации или аудиторы. Аудит как форма контроля за публичными расходами, может быть обязательным или добровольным и представляет собой независимую проверку бухгалтерской отчетности аудируемого лица [21]. Аудит проводится в соответствии с федеральными стандартами аудиторской деятельности и стандартами аудиторской деятельности саморегулируемых организаций аудиторов, которыми определяются требования к аудиторским процедурам и используют такие методы контроля как самоконтроль, контроль по уровню подчиненности и контроль по уровню подведомственности в форме ревизий, проверок и обследований.

В целом, порядок организации и реализации контрольно-ревизионной деятельности в сфере управления публичными расходами определяется с учетом общих положений бюджетного законодательства и федеральных стандартов о внутреннем финансовом контроле.

Анализ правовых актов, определяющих содержание, виды и способы осуществления финансового контроля, указывает на неоднородность контрольной деятельности в сфере управления за публичными расходами. Неоднородность вызвана широким кругом субъектов, наделенных контрольно-ревизионными полномочиями, большим количеством правовых актов, определяющих порядок и методику контрольной деятельности и терминологическими различиями в определении контроля.

Литература и источники

1. Комягин Д.Л. Контроль за публичными ресурсами и его последствия // Финансовый вестник. 2015. № 12. С. 10-19.
2. Ялбулганов А.А. Финансовый контроль как институт финансового права // Юрист. 1999. № 4. С. 43-50.
3. Рябова Е.В. Публичный финансовый контроль: выявление сущности явления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 103-123.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823
5. Федеральный закон от 07.02.2011 № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 903.
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1649.
7. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007
8. Постановление Правительства РФ от 27.02.2020 № 208 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Планирование проверок, ревизий и обследований» // СЗ РФ. 2020. № 9. Ст. 1206
9. Постановление Правительства РФ от 17.08.2020 № 1235 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Проведение проверок, ревизий и обследований и оформление их результатов» // СЗ РФ. 2020. № 34. Ст. 5462;
10. Постановление Правительства РФ от 23.07.2020 № 1095 «Об утверждении федерального стандарта внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля «Реализация результатов проверок, ревизий и обследований» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть II). Ст. 5176.
11. Приказ МВД России от 20.09.2021 № 684 «Об организации и осуществлении внутреннего финансового контроля в системе МВД России» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.02.2023)

12. Приказ Минсельхоза России от 02.02.2021 № 49 «Об утверждении Порядка организации и осуществления внутреннего финансового контроля в Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.02.2023)
13. Приказ ФАС России от 28.12.2020 № 1291/20 «Об организации и осуществлении внутреннего финансового аудита в Федеральной антимонопольной службе» (вместе с «Порядком организации и осуществления внутреннего финансового аудита в Федеральной антимонопольной службе»). // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.02.2023)
14. Приказ Казначейства России от 14.12.2021 № 341 «Об утверждении Стандарта организации и осуществления внутреннего финансового аудита в Федеральном казначействе» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.02.2023)
15. Приказ Минфина России от 21.11.2019 № 196н «Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Определения, принципы и задачи внутреннего финансового аудита» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.02.2023).
16. Приказ Минфина России от 18.12.2019 № 237н «Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Основания и порядок организации, случаи и порядок передачи полномочий по осуществлению внутреннего финансового аудита» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.02.2023).
17. Приказ Минфина России от 21.11.2019 № 195н «Об утверждении федерального стандарта внутреннего финансового аудита «Права и обязанности должностных лиц (работников) при осуществлении внутреннего финансового аудита» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 1.02.2023).
18. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7344.
19. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 «О Федеральном казначействе» // СЗ РФ. 2004. № 49. Ст. 4908
20. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
21. Федеральный закон от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 15.

References and Sources

1. Komyagin D.L. Kontrol' za publichnymi resursami i ego posledstviya // Finansovyy vestnik. 2015. № 12. S. 10-19.
2. Yalbulganov A.A. Finansovyy kontrol' kak institut finansovogo prava // Yurist. 1999. № 4. С. 43-50.
3. Ryabova E.V. Publichnyy finansovyy kontrol': vyavlenie sushchnosti yavleniya // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2019. № 2. S. 103-123.
4. Byudzhetyy kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ // Sbornik zakonodatel'stva RF. 1998. № 31. St. 3823
5. Federal'nyy zakon ot 07.02.2011 № 6-FZ «Ob obshchih principah organizacii i deyatel'nosti kontrol'no-schetnyh organov sub'ektov Rossijskoj Federacii i municipal'nyh obrazovaniy» // SZ RF. 2011. № 7. St. 903.
6. Federal'nyy zakon ot 05.04.2013 № 41-FZ «O Schetnoy palate Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2013. № 14. St. 1649.
7. Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i municipal'nom kontrole v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2020. № 31 (chast' I). St. 5007
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.02.2020 № 208 «Ob utverzhenii federal'nogo standarta vnutrennego gosudarstvennogo (municipal'nogo) finansovogo kontrolya «Planirovanie proverok, revizij i obsledovaniy» // SZ RF. 2020. № 9. St. 1206
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.08.2020 № 1235 «Ob utverzhenii federal'nogo standarta vnutrennego gosudarstvennogo (municipal'nogo) finansovogo kontrolya «Provedenie proverok, revizij i obsledovaniy i oformlenie ih rezul'tatov» // SZ RF. 2020. № 34. St. 5462;
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.07.2020 № 1095 «Ob utverzhenii federal'nogo standarta vnutrennego gosudarstvennogo (municipal'nogo) finansovogo kontrolya «Realizaciya rezul'tatov proverok, revizij i obsledovaniy» // SZ RF. 2020. № 31 (chast' II). St. 5176.
11. Prikaz MVD Rossii ot 20.09.2021 № 684 «Ob organizacii i osushchestvlenii vnutrennego finansovogo kontrolya v sisteme MVD Rossii» // Oficial'nyy internet-portal pravovoy informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 1.02.2023)
12. Prikaz Minsel'hoza Rossii ot 02.02.2021 № 49 «Ob utverzhenii Poryadka organizacii i osushchestvleniya vnutrennego finansovogo kontrolya v Ministerstve sel'skogo hozyajstva Rossijskoj Federacii // Oficial'nyy internet-portal pravovoy informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 1.02.2023)
13. Prikaz FAS Rossii ot 28.12.2020 № 1291/20 «Ob organizacii i osushchestvlenii vnutrennego finansovogo audita v Federal'noj antimonopol'noj sluzhbe» (vmeste s «Poryadkom organizacii i osushchestvleniya vnutrennego finansovogo audita v Federal'noj antimonopol'noj sluzhbe»). // Oficial'nyy internet-portal pravovoy informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 1.02.2023)
14. Prikaz Kaznachejstva Rossii ot 14.12.2021 № 341 «Ob utverzhenii Standarta organizacii i osushchestvleniya vnutrennego finansovogo audita v Federal'nom kaznachejstve» // Oficial'nyy internet-portal pravovoy informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 1.02.2023)
15. Prikaz Minfina Rossii ot 21.11.2019 № 196н «Ob utverzhenii federal'nogo standarta vnutrennego finansovogo audita «Opredeleniya, principy i zadachi vnutrennego finansovogo audita» // Oficial'nyy internet-portal pravovoy informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 1.02.2023).
16. Prikaz Minfina Rossii ot 18.12.2019 № 237н «Ob utverzhenii federal'nogo standarta vnutrennego finansovogo audita «Osnovaniya i poryadok organizacii, sluchai i poryadok peredachi polnomochij po osushchestvleniyu vnutrennego finansovogo audita» // Oficial'nyy internet-portal pravovoy informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 1.02.2023).
17. Prikaz Minfina Rossii ot 21.11.2019 № 195н «Ob utverzhenii federal'nogo standarta vnutrennego finansovogo audita «Prava i obyazannosti dolzhnostnyh lic (rabotnikov) pri osushchestvlenii vnutrennego finansovogo audita» // Oficial'nyy internet-portal pravovoy informacii. – URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashcheniya: 1.02.2023).
18. Federal'nyy zakon ot 06.12.2011 № 402-FZ «O buhgalterskom uchete» // SZ RF. 2011. № 50. St. 7344.
19. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.12.2004 № 703 «O Federal'nom kaznachejstve» // SZ RF. 2004. № 49. St. 4908
20. Federal'nyy zakon ot 10.07.2002 № 86-FZ «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)» // SZ RF. 2002. № 28. St. 2790.
21. Federal'nyy zakon ot 30.12.2008 № 307-FZ «Ob auditorskoj deyatel'nosti» // SZ RF. 2009. № 1. St. 15.

СОЛОВЬЕВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Российский государственный университет правосудия, Северо-Кавказский филиал.

SOLOVEVA, SVETLANA V. – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the north Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (solovjova-svetlana@yandex.ru).

МОРОЗОВ В.Е.

МЕСТО ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ФУНКЦИЙ

Ключевые слова: лицензия, лицензирование, лицензионное производство, функция по контролю и надзору, федеральный орган исполнительной власти.

Статья посвящена раскрытию сущности лицензирования, как контрольно-надзорной функции, во взаимосвязи с процессуальными особенностями. Наличие тесной взаимосвязи между процедурой лицензирования и осуществлением деятельности надзорно-контрольного характера обуславливает наличие схожих по своей структуре мер в сфере осуществления реформирования контрольно-надзорной сферы, функционирующей на государственном уровне, способствующему дальнейшему всестороннему совершенствованию всего комплекса соответствующих мер. Анализируя содержание данного правового института в действующем законодательстве, автор приходит к выводу о необходимости его конкретизации вместе с функциональной направленностью федеральных органов исполнительной власти и контрольно-надзорным законодательством.

MOROZOV, V.E.

LICENSING LOCATION IN REGULATION OF THE FEDERAL CONTROL AND SUPERVISION FUNCTIONS

Key words: license; licensing; licensed production; function of control and supervision; federal executive authority.

The article is concentrated to disclosing the essence of licensing as a control and supervisory function in conjunction with procedural features. The presence of a close relationship between the licensing procedure and the implementation of activities of a supervisory and control nature determines the presence of similar in structure measures in the field of reforming the control and supervisory sphere, functioning at the state level, contributing to the further comprehensive improvement of the entire range of relevant measures. Analyzing the content of this legal institution in the current legislation, the author comes to the conclusion that it is necessary to specify it together with the functional orientation of the federal executive authorities and control and supervisory legislation.

В пункте 2 Указа Президента РФ «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» № 314 от «09» марта 2004 г. сформулировано место лицензирования в системе федерального контрольно-надзорного функционирования, которое выражается в предоставлении лицензий (разрешений) на осуществление определенных действий либо ведения конкретного вида деятельности физическими или юридическими лицами [1].

Среди методов, применяемых в сфере предоставления соответствующих прав на государственно-управленческом уровне, а также неотъемлемой составляющей разрешительно-лицензионной системы является лицензирование, которое в совокупности с иными способами воздействия регулятивного характера, аттестация, квотирование, регистрация, сертификация в частности, оказывает соответствующее воздействие на общественные отношения посредством применения разрешительного метода общего характера.

Лицензирование представляется возможным обозначить как способ правового регулирования разрешительного характера, основанного на наличии общего запрета, по отношению к которому применяется принцип нахождения под запретом всего, в отношении чего отсутствует разрешение.

Определение лицензирования дано в федеральном законе «О лицензировании отдельных видов деятельности» № 99-ФЗ от «04» мая 2011 г. (далее – Закон о лицензировании), под которым понимается вид деятельности властных субъектов по выдаче лицензии [2].

Также представляется необходимым обозначить, что понятия лицензионного производства и лицензирования не являются равнозначными. Лицензирование представляет собой составную часть административного процесса, что выражается в наличии в нем следующих аспектов:

- 1) конкретно обозначенное дело, при разрешении которого имеет место быть возникновение соответствующего правоотношения;
- 2) стадийный характер производственного процесса;
- 3) вынесение соответствующего решения по делу властной структурой, обладающей соответствующими полномочиями.

Таким образом, понятие «лицензирование» понимается как один из механизмов правового регулирования разрешительной деятельности, как контрольно-надзорная функция, как вид административного процесса. Под лицензионным производством понимают целый спектр стадий и действий административно-процессуального характера в отношении разрешения соответствующего дела властной структурой, обладающей соответствующими полномочиями, что

в результате приводит к предоставлению гражданину или организации соответствующей лицензии.

Представляется необходимым обозначить осуществление в рамках лицензионного производства, помимо выдачи лицензий, также действий в отношении иных видов деятельности, которые не регламентируются положениями Закона о лицензировании. Также представляется возможным инициирование лицензированного производства со стороны гражданина, не обладающего статусом индивидуального предпринимателя. В частности, данное производство может быть инициировано гражданином при его обращении с запросом на приобретение оружия в компетентное подразделение Росгвардии, осуществляющее лицензионно-разрешительную деятельность. Лицензионное производство может быть также проведено в отношении повторного оформления лицензий, продлении срока их действия, при наличии соответствующего положения в федеральном законе. Будучи процессуальной структурой, осуществляющей деятельность в сфере предоставления соответствующего права, для лицензионного производства характерен весь спектр признаков, которыми обладает административный процесс, а также рядом сугубо индивидуальных характеристик.

Отличительными характеристиками лицензионного производства являются:

1. Осуществление деятельности властной направленности властными структурами, обладающими соответствующими полномочиями, согласно строгой регламентации при применении определенных правовых норм.

2. Применение в рамках осуществления деятельности четко обозначенных принципов, методов и правовых форм.

3. Применение нормативно-правовых актов, представляющих собой источники административно-процессуального права, в меньшей степени – источников гражданского, финансового и иных отраслей права.

4. Предоставление лицензий представляет собой определенную категорию государственной или муниципальной услуги, регламентированной положениями Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» № 210-ФЗ от «27» июля 2010 г [3].

5. Добровольный характер участия гражданина или организации в правоотношениях в сфере лицензирования.

6. Применение в рамках разрешения определенного дела, в результате которого лицо приобретает право на осуществление соответствующего вида деятельности.

7. По итогам осуществления лицензионного производства властными структурами, обладающими соответствующими полномочиями, выносится соответствующее решение, выраженного в виде административного акта (индивидуально-управленческого акта), что служит причиной для наступления соответствующих последствий в правовой сфере.

8. Наличие стадийного характера, что выражается в осуществлении всего спектра необходимых действий в определенно последовательности.

Правоотношения в сфере лицензирования могут возникнуть при обязательном соблюдении установленных на законодательном уровне требований, предъявляемых по отношению к лицу, претендующим на получение соответствующего статуса, и последующего решения, выносимого властной структурой, обладающей полномочиями в сфере предоставления определенного права. При нарушении данных требований компетентной властной структурой выносится отказ на выдачу лицензии, что фактически можно толковать как вид публично-правовой ответственности. Процедура привлечения к административной ответственности не предусмотрена, за исключением случаев, обозначенных нормами статей 14.1 и 20.10 КоАП РФ [4], то есть осуществление лицом деятельности, в отношении которой предусмотрен порядок лицензирования, при отсутствии законных на то оснований.

Таким образом, основываясь на всем выше обозначенном, лицензионное производство определяется как неотъемлемая составляющая административного процесса, выраженного в виде деятельности, осуществляемой на основе административно-процессуальных норм регулятивного характера, компетентными властными структурами, деятельность которых связана со сферой лицензирования, в отношении предоставления гражданам и организациям лицензии на осуществление деятельности в предпринимательской или иной сфере. С точки зрения данного

аспекта, в научной и учебной литературы довольно широкое распространение получил термин «лицензионно-разрешительное производство», включающий в себя деятельность уполномоченных властных структур в отношении предоставления гражданам и организациям соответствующих разрешений и лицензий.

Специфический характер института лицензирования находит свое отражение в приоритете, предоставляемом административно-правовым нормам в отношении регулирования правоотношений в сфере лицензирования по сравнению с нормами иных правовых отраслей.

На Правительство Российской Федерации, как властную структуру исполнительной ветви власти федерального уровня, возлагается обязанность по определению основных аспектов процедуры предоставления лицензии на осуществление соответствующих видов деятельности, а также наделения определенных властных структур соответствующими полномочиями, что выражается в конкретизации поставленных перед ними целей и задач, а также пределов их компетенции. Процедура лицензирования применяется исключительно по отношению к тем категориям деятельности, в отношении которых не предусмотрен иной порядок регулирования государственного характера, а также в отношении которых имеется потребность в проведении соответствующих мероприятий контрольного характера [5, с. 334].

Лицензирующие органы представляют собой властные структуры, принадлежащие к исполнительной ветви власти федерального уровня, которые на основании положений федерального законодательства осуществляют деятельность в сфере лицензирования. Под лицензиатом понимают организацию или гражданина, обладающего статусом индивидуального предпринимателя, обладающего лицензией на осуществление определенной разновидности деятельности. Под соискателем лицензии понимают организацию или гражданина, обладающего статусом индивидуального предпринимателя, предоставившего в компетентную властную структуру, осуществляющую деятельность в сфере лицензирования, заявления о предоставлении ему соответствующей лицензии, необходимой для ведения определенной категории деятельности.

Ключевым аспектом данной разновидности производства в административной сфере выступает множественный характер субъектов, обладающих полномочиями на осуществление данного вида деятельности.

Процедура осуществления властными структурами возлагаемых на них полномочий в сфере лицензирования определяется в соответствии с положениями о проведении лицензирования соответствующего вида деятельности. Производство лицензионно-разрешительного характера относится к сфере ведения властных структур, принадлежащих к исполнительной ветви власти федерального уровня, наделенных контрольно-надзорными полномочиями.

Процесс предоставления лицензий и разрешений включает в себя следующие этапы [6, с. 131]:

1. Инициирование возбуждения данного производства, со стороны лицензиата.
2. Рассмотрение предоставленных материалов и проведение проверки на соответствие претендентов предъявляемым к ним требованиям, что выражается в осуществлении следующих действий [7, с. 45]:

- 1) проведение анализа предоставленных со стороны соискателя документа на предмет их соответствия предъявляемым требованиям;

- 2) проведение проверки в отношении достоверности предоставляемой информации;

- 3) проведение проверки принадлежащим на праве собственности или аренды соискателям объектам движимого и недвижимого имущества с целью удостоверения в наличие приемлемых условий для осуществления деятельности, в отношении которой необходимо предоставление соответствующего разрешения или лицензии.

3. Рассмотрение представленного заявления по существу и вынесение по нему соответствующего решения. Компетентной властной структурой принимается решение о предоставлении лицензии или в отказе от предоставления, что выражается в виде соответствующего акта, в течение пяти дней с момента предоставления заявления и необходимого пакета документов.

4. Обжалование решения, вынесенного по рассматриваемому делу.

5. Исполнение вынесенного решения.

6. Проведение контрольных мероприятий в сфере лицензирования, что выражается в устранении допущенных нарушений и проведении профилактических мероприятий для предотвращения совершения данных правонарушений в дальнейшем. Порядок проведения данных этапов находит свое отражение в ст.ст. 13-20 Закона о лицензировании [6, с. 132].

В рамках правоприменения иногда представляется необходимым рассмотреть дела, в которых фигурировала деятельность, в отношении осуществления лицензирования в сфере розничной торговли алкогольными напитками и спиртосодержащей продукцией магазинами, при ведении торговли, при осуществлении которой не предусмотрено внесение соответствующей пошлины.

Например, в рамках проведения судебного разбирательства было установлено, что со стороны территориального органа Росалкогольрегулирования было заявлено, что в течение третьего и четвертого квартала 2019 г. ответчиком осуществлялся ввоз алкогольной продукции на территорию государств, входящих в состав Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) для последующей ее продажи в магазины, при ведении торговли в которых не предусмотрено внесение соответствующей пошлины. Однако на тот период у данной организации отсутствовала лицензия на ввоз алкогольной продукции. Отсутствие данной лицензии служит подтверждением нарушения организацией законодательства об обороте алкогольной продукции, что представляет собой основание для привлечения организации к административной ответственности на основании ч.3 ст. 14.17 КоАП РФ [1]. При вынесении решения судом было дано пояснение об отсутствии точных сведений, предоставленных со стороны организации, в отношении процедуры ввоза алкогольной продукции. Следовательно, данные сведения не могли быть приняты судом в связи с тем, что на усмотрении законодателя в отношении осуществления лицензирования деятельности, осуществляемой в отношении оборота, данные положения представлены в ст. 18 Закона № 171-ФЗ [8]. Судебная практика также иллюстрирует аналогичную позицию [9,10,11].

В свою очередь, изменения и дополнения, внесенные в законодательство в связи с необходимостью совершенствования государственного контроля (надзора), практически не касаются видов лицензируемой деятельности по специальному законодательству, за исключением деятельности в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Думается, что все изменения должны проходить в едином русле, обеспечивая общий подход к совершенствованию процедур государственного контроля (надзора) и лицензионно-разрешительной деятельности во взаимосвязи с совершенствованием правового механизма осуществления государственных функций.

Литература и источники

1. Указ Президента РФ от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Российская газета. 2004. № 50.
2. Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2716.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета. 2010. № 168.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
5. Шмидт В.С. Сущность лицензирования как вида административного производства // Молодой ученый. 2021. № 5 (139). С. 333-336.
6. Болотин В.С. Савилов М.Г. Институт лицензирования как объект правового регулирования нормами гражданского и административного законодательства // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 12. № 4. С. 125-134.
7. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (постатейный). М.: «Юстицинформ», 2019. 258 с.
8. Решение Арбитражного суда Приморского края от 23 июня 2020 г. по делу № А51-3958/2020 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LyMtwTrq2td8/> (дата обращения: 23.04.2023).
9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 февраля 2020 г. № Ф03-21/2020 по делу № А51-16473/2019. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1pLVSMa6AS58/> (дата обращения: 23.05.2023).
10. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 15 апреля 2021 г. по делу № А53-36762/2020 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JSSzkyKOZb4/> (дата обращения: 23.05.2023).
11. Решение Арбитражного суда Кемеровской области от 20 сентября 2021 г. по делу № А27-11535/2021 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/D9dFkHARWQQ4/> (дата обращения: 23.05.2023).

References and Sources

1. Ukaz Prezidenta RF ot 09.03.2004 № 314 «O sisteme i strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti» // Rossijskaya gazeta. 2004. № 50.
2. Federal'nyj zakon ot 04.05.2011 № 99-FZ «O licenzirovanii otidel'nyh vidov deyatel'nosti» // SZ RF. 2011. № 19. St. 2716.
3. Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 210-FZ «Ob organizacii predostavleniya gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug» // Rossijskaya gazeta. 2010. № 168.
4. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ // SZ RF. 2002. № 1. St. 1.

5. Shmidt V.S. Sushchnost' licenzirovaniya kak vida administrativnogo proizvodstva // Molodoj uchenyj. 2021. № 5 (139). S. 333-336.
6. Bolotin V.S. Savilov M.G. Institut licenzirovaniya kak ob'ekt pravovogo regulirovaniya normami grazhdanskogo i administrativnogo zakonodatel'stva // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2019. T. 12. № 4. S. 125-134.
7. Borisov A. N. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 4 maya 2011 g. № 99-FZ «O licenzirovanii otdel'nyh vidov deyatel'nosti» (postatejnyj). M.: «Yusticinform», 2019. 258 s.
8. Reshenie Arbitrazhnogo suda Primorskogo kraja ot 23 iyunya 2020 g. po delu № A51-3958/2020 // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/LyMtwTrq2td8/> (data obrashcheniya: 23.04.2023).
9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 21 fevralya 2020 g. № F03-21/2020 po delu № A51-16473/2019. [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/1pLVsMA6AS58/> (data obrashcheniya: 23.05.2023).
10. Reshenie Arbitrazhnogo suda Rostovskoj oblasti ot 15 aprelya 2021 g. po delu № A53-36762/2020 // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/JSSzkyKOZb4/> (data obrashcheniya: 23.05.2023).
11. Reshenie Arbitrazhnogo suda Kemerovskoj oblasti ot 20 sentyabrya 2021 g. po delu № A27-11535/2021 // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/D9dFkHARWQQ4/> (data obrashcheniya: 23.05.2023).

МОРОЗОВ ВИТАЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ - старший преподаватель кафедры «Государственно-правовые дисциплины», Тихоокеанский государственный университет (myself007@mail.ru).

MOROZOV, VITALY E. - Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Pacific State University.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.2:341.326.11/12

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-63-67

АКИМОЧКИН В.И., ПОЗНЯК В.Д.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА И ШПИОНАЖ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: преступления против государственной власти, государственная измена, шпионаж, освобождение от уголовной ответственности.

В статье авторы рассматривают особенности составов государственной измены и шпионажа в уголовном праве США, Германии и Лихтенштейна. Выделены особенности, характерные для уголовно-правовых институтов данных стран и произведено сопоставление с уголовным законодательством Российской Федерации. Показано, что нормы, определяющие ответственность за отмеченные преступления занимают важное место в Особой части уголовного права России, как и в США, Германии и Княжества Лихтенштейн. В нормах, установленных законодателями данных государств, безусловно, прослеживаются определенные сходства и различия, которые являются следствием разнообразного подхода к регулированию указанных институтов не только в континентальной и англосаксонской правовых системах, но и в рамках каждой из них. Тем не менее, наказание за них является одним из самых суровых. Виновные лица приговариваются к лишению свободы на длительный срок, в том числе и к пожизненному лишению свободы. В США в качестве наказания за совершение данных преступлений всё еще применяется смертная казнь.

AKIMOCHKIN, V.I., POZNYAK, V.D.

TREASON AND ESPIONAGE IN RUSSIAN AND FOREIGN CRIMINAL LAW: A COMPARATIVE ANALYSIS

Key words: crimes against state power, high treason, espionage, exemption from criminal liability.

In the article, the authors consider the features of high treason and espionage in the criminal law of the United States, Germany and Liechtenstein. The features characteristic of the criminal law institutions of these countries are highlighted and compared with the criminal legislation of the Russian Federation. It is shown that the norms defining responsibility for the noted crimes occupy an important place in the Special Part of the Criminal Law of Russia, as well as in the USA, Germany and the Principality of Liechtenstein. In the norms established by the legislators of these states, of course, there are certain similarities and differences that are the result of a diverse approach to the regulation of these institutions not only in the continental and Anglo-Saxon legal systems, but also within each of them. However, the punishment for them is one of the most severe. Perpetrators are sentenced to long-term imprisonment, including life imprisonment. In the United States, the death penalty is still used as a punishment for these crimes.

Первостепенной задачей каждого государства является сохранение суверенитета, территориальной целостности и стабильности как во внутренней, так и во внешней сфере. На протяжении всего времени существования государств их отношения с внешнеполитическим окружением нередко принимало характер конфронтации и напряженности. Для предупреждения попыток нанесения ущерба государству, законодателями зарубежных стран, как и законодателями России, в уголовные кодексы введены нормы об ответственности за совершение государственных преступлений.

К государственным преступлениям законодатели иностранных государств, таких, как США, Германия и Княжество Лихтенштейн, относят разные, не совпадающие по видам деяния. Общими и наиболее опасными из них по уголовному законодательству являются государственная измена и шпионаж. Но даже эти два преступления рассматриваются законодателями зарубежных стран по-разному.

Так, государственная измена является единственным преступлением, прямо упомянутым в Конституции США (необходимо отметить, что в конституциях иных, рассматриваемых в данной работе государств, это преступление не упоминается). Раздел 3 статьи 3 Конституции США определяет государственную измену и устанавливает требования к доказательствам для любого судебного разбирательства по делу о государственной измене. Соответствующий раздел Конституции гласит: «Измена Соединенным Штатам заключается только в развязывании войны против них или в присоединении к их врагам, оказании им помощи и содействия. Никто не может быть осужден за государственную измену, кроме как на основании показаний двух свидетелей одного и того же деяния или собственного признания в открытом судебном заседании» [1]. Термины, используемые в определении государственной измены в законодательстве США, заимствованы из английской правовой традиции, в частности из Закона 1351 года о государственной измене. При этом его определение является более узким по сравнению с определением, данным в Законе 1351 года (в нем охватывались и иные виды государственной измены, такие как подделка документов и оскорбление суверена) [2].

Законодательство Германии определяет государственную измену в широком смысле, обобщая ее в Уголовном кодексе под термином «угроза внешней безопасности» и включая в нее разглашение государственной тайны (статья 95 УК Германии), шпионаж с целью государственной измены (статья 96 УК Германии), как подготовительный акт к государственной измене, выдачу тайны, не являющейся государственной, разглашение сведений, ошибочно принимаемых за государственную тайну, изменническую агентурную деятельность (статья 98 УК Германии), агентурную деятельность секретных служб (статья 99 УК Германии) [3].

Уголовный кодекс Княжества Лихтенштейн, в большинстве положений скопировавший УК Австрии, под государственной изменой понимает попытку изменения Конституции Княжества, либо отделения от государства принадлежащей ему территории, совершенную с применением насилия или угрозой его применения [4].

Субъектом государственной измены в США признается только гражданин США, который обязан хранить верность государству. Согласно законодательству Германии, совершение преступления возможно любым физическим лицом вне зависимости от его гражданства. Субъектом данного преступления? согласно законодательству Лихтенштейна, может выступать любое лицо, не только гражданин княжества, но и иностранное лицо или апатрид.

Формой вины, в законодательстве США и Германии является прямой умысел. Согласно УК Лихтенштейна, преступление может быть совершено как с прямым, так и с косвенным умыслом.

По законодательству США, лицо, виновное в государственной измене, подлежит наказанию в виде смертной казни или лишению свободы на срок не менее пяти лет и штрафу не менее 10 000 долларов США. Также, лицо лишается права занимать какие-либо должности на службе Соединенным Штатам [5]. В Германии на данный момент (ранее за совершение преступления применялась смертная казнь) срок наказания составляет от одного до пятнадцати лет (в зависимости от совершенного преступления), в некоторых случаях в качестве наказания предусматривается пожизненное заключение [3]. К таким случаям относятся, например, следующие: 1) если исполнитель преступления злоупотребляет ответственным положением, которое обязывает его хранить государственную тайну; 2) или если деяние создает риск возникновения особо серьезного ущерба для внешней безопасности Федеративной Республики.

Уголовный кодекс Лихтенштейна устанавливает наказание за совершение государственной измены в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет, в случае приготовления к совершению преступления срок наказания сокращается и составляет от 1 до 10 лет лишения свободы [4].

Законодательство США о шпионаже предусматривает уголовную ответственность за различные деяния, в зависимости от того, происходит ли это в мирное или военное время. В мирное время преступным шпионажем является сбор, передача или попытка сбора или передачи информации, относящейся к национальной безопасности с намерением использования такой информации для нанесения ущерба Соединенным Штатам или оказания помощи любому иностранному государству. Во время войны преступным шпионажем является сбор, запись, публикация или передача информации о военных действиях или попытка совершения любого из вышеперечисленных действий с намерением передачи информации врагу. Согласно Закону о

шпионаже 1917 года? преступлением также признается передача ложных сообщений или ложных заявлений с намерением помешать операции или успеху военных сил Соединенных Штатов или способствовать успеху иностранного государства, когда Соединенные Штаты находятся в состоянии войны, а также вызов или попытка вызова неподчинения, нелояльности, мятежа, отказа от выполнения служебных обязанностей, в военных силах Соединенных Штатов или умышленное препятствование вербовке или призыву на военную службу Соединенных Штатов [6].

В Лихтенштейне не проводится разграничение на шпионаж в мирное и военное время. Шпионаж рассматривается не как отдельное преступление, а как система действий, наказуемых в соответствии с законодательством. Под шпионажем УК Лихтенштейна понимает такие деяния, как: разглашение и выдача государственной тайны, тайная разведывательная деятельность, приносящая ущерб княжеству, а также шпионская подделка и уничтожение документов.

Субъектом шпионажа в США может быть любое лицо. В соответствии с УК Лихтенштейна, субъектом также может выступать любое лицо. Специальный субъект установлен только для состава выдачи государственной тайны - субъектом признается только лицо, имеющее обязанность по сохранению государственной тайны.

Шпионаж по Федеральному уголовному кодексу Соединенных Штатов квалифицируется как уголовное деяние с возможным приговором к пожизненному заключению или смертной казни. Таким образом, за шпионаж предусмотрена более строгая ответственность, чем за государственную измену.

В соответствии с законодательством Лихтенштейна, наказание за шпионаж в форме разглашения или выдачи государственной тайны аналогично наказанию за приготовление к государственной измене – предусмотрено лишение свободы от 1 до 10 лет. Тайная разведывательная деятельность наказывается лишением свободы на срок до 3 лет, а наказание за подделку и уничтожение доказательств составляет от 6 месяцев до 5 лет лишения свободы. Соответственно, УК Лихтенштейна предусматривает более мягкую ответственность за шпионаж по сравнению с государственной изменой.

Законодатель Германии предусматривает деятельное раскаяние, которое предполагает, что исполнитель преступления добровольно отказывается от продолжения выполнения преступления и способствует предотвращению преступных действий другими лицами, совершающими данное преступление (соучастниками), или если лицо добровольно препятствует доведению преступления до конца. В случае наличия вышеперечисленных условий суд может либо смягчить наказание, либо освободить лицо от уголовной ответственности [3].

Законодательство Лихтенштейна предусматривает, что лицо освобождается от ответственности за государственную измену в случае, если оно добровольно отказалось от совершения преступления или препятствовало его осуществлению, либо предотвращало наступление результата преступления [4].

Законодательством Российской Федерации составы государственной измены и шпионажа предусмотрены 29 главой Уголовного кодекса РФ. В УК РСФСР 1960 года, в частности, данные составы предусматривались 1 главой Особенной части. Данное обстоятельство было связано с тем, в Конституции РФ 1993 года были изменены приоритеты в защите государства и личности, произошел переход от триады ценностей «государство, общество, личность» к «личность, общество, государство». Примечательно, что в 62 статье Конституции СССР, принятой в 1977 году, содержалось положение о том, что измена Родине является тягчайшим преступлением перед советским народом [7]. Позднее аналогичное положение содержалось и в Конституции РСФСР. В действующей на данный момент Конституции схожая норма отсутствует.

Для государственной измены и шпионажа единственно возможным общественно опасным деянием является активное поведение, а именно – действие. Однако некоторые авторы допускают возможность совершения государственной измены и в форме бездействия, например, в случае оказания помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности РФ путем неприятия сотрудником организации, допущенным к сведениям, составляющим государственную тайну, мер по сохранности таких сведений с целью, чтобы сведения стали известны заинтересованным лицам.

Статья 275 УК РФ в качестве общественно опасного деяния предусматривает шпионаж, выдачу сведений, составляющих государственную тайну, переход на сторону противника

(альтернативное действие было введено в Уголовный кодекс Российской Федерации в 2022 году, после принятия поправок) и оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Отметим, что, по сравнению с УК РСФСР 1960 года, в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации количество форм государственной измены сократилось с семи до четырех, однако, по нашему мнению, это не повлияло на эффективность уголовно-правовой защиты внешней безопасности государства [8]. Так, например, 2 формы измены – бегство за границу и отказ возвратиться из-за границы подвергались критике задолго до принятия действующего Уголовного кодекса Российской Федерации. Такая форма государственной измены, как заговор с целью захвата власти на данный момент выделен из состава государственной измены и помещён в отдельную норму в статье 278 УК РФ, что представляется правильным, так как заговор сам по себе не связан с изменой в пользу другого государства, поэтому он не вписывается в объект посягательства государственной измены.

Статья 276 УК РФ в качестве общественно опасного деяния рассматривает передачу, собирание, похищение или хранение в целях передачи сведений, составляющих государственную тайну, а также передачу или собирание иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации [9]. В качестве нового альтернативного деяния, введенного изменениями в Уголовный кодекс в 2022 году, предусматривается передача, собирание, похищение либо хранение в целях передачи сведений, которые можно использовать против Вооруженных Сил России, иных войск или формирований, при условии, что такие действия были совершены в условиях вооруженного конфликта, проведения военных либо иных действий, когда применяется военная техника или вооружение при участии Российской Федерации.

Разграничение составов статей 275 и 276 УК РФ происходит по субъекту преступления. Так, для признания лица субъектом государственной измены оно должно иметь гражданство Российской Федерации. Именно из-за этого критерия можно говорить о субъекте государственной измены, как о специальном субъекте. В том случае, когда помимо российского гражданства у лица имеется правовая связь с другим государством, то есть оно является бипатридом, это лицо также несет ответственность по составу, предусмотренному статьей 275 УК РФ. Соучастниками (кроме исполнителя) могут выступать граждане иностранных государств и лица без гражданства.

В качестве субъекта шпионажа рассматривается лицо, обладающее гражданством иностранного государства или не имеющее гражданства вообще. В том случае, когда преступление совершается лицом, обладающим иммунитетом (дипломатические представители, члены их семей, главы иностранных государств и т. д.), возможность привлечения к ответственности по статье 276 УК РФ за шпионаж в соответствии со статьей 11 УК РФ разрешается в соответствии с нормами международного права.

Возможна ситуация, когда лицо, будучи уверенным, что действует в интересах своей страны, вступает в сговор с иностранной организацией, чья деятельность на самом деле направлена на причинение ущерба внешней безопасности Российской Федерации. В данном случае лицо не может нести уголовную ответственность по статьям 275, 276 УК РФ так как наличие отсутствия умысла на совершение преступления, а совершение государственной измены или шпионажа с иной формой вины, чем прямой умысел, невозможно. Что касается ответственности за совершение преступления, то состав государственной измены предусматривает лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет со штрафом или без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет. Санкция статьи 276 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет, соответственно нижний предел меньше, чем у санкции за совершение преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ.

Законодательством РФ также предусматривается особое основание освобождения от уголовной ответственности, распространяющееся как на государственную измену, так и на шпионаж. Лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если:

- 1) добровольно и своевременно сообщило органам власти о совершении преступления и способствовало предотвращению дальнейшего ущерба;
- 2) в его действиях не содержится иного состава преступления.

Проведенный анализ законодательства иностранных государств и законодательства Российской Федерации в области правового регулирования государственной измены и шпионажа

показывает, что ответственность за эти преступления является важнейшими институтами Особенной части уголовного права России, США, Германии и Княжества Лихтенштейн обеспечивающим внешнюю безопасность. В нормах, установленных законодателями рассмотренных нами государств, безусловно, прослеживаются определенные сходства и различия. Отличия в правовом регулировании данных преступлений являются следствием разнообразного подхода к регулированию указанных институтов не только в континентальной и англосаксонской правовых системах, но и в рамках каждой из них.

Что касается ответственности за совершение данных преступлений, то наказание за них является одним из самых суровых, виновные лица приговариваются к лишению свободы на длительный срок, в том числе и к пожизненному лишению свободы. В США в качестве наказания за совершение вышеупомянутых преступлений всё еще применяется смертная казнь, несмотря на то, что США при каждом удобном случае заявляют о себя как о государстве - поборнике демократии.

Литература и источники

1. Конституция Соединенных Штатов Америки: (Принята 17 сент. 1787 г.). М.: Изд-во СТ "Самоцвет", 1993. 23 с.
2. Закон о государственной измене 1351 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/aep/Edw3Stat5/25/2/data.pdf> (дата обращения: 06.03.2023)
3. Уголовный кодекс ФРГ / Пер. с нем. и предисл. Серебренниковой А.В. М.: Зерцало-М, 2001. 200 с.
4. Серебренникова А.В. Уголовный кодекс Лихтенштейна. М.: МАКС Пресс, 2013. 188 с.
5. Свод законов США. Кодекс Соединённых Штатов Америки // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitutions.ru/?p=4490> (дата обращения: 06.03.2023)
6. Закон о шпионаже 1917 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iowaculture.gov/history/education/educator-resources/primary-source-sets/americas-involvement-world-war-i/espionage> (дата обращения: 06.03.2023)
7. Конституция Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977 г.) // СПС «Консультант Плюс».
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 г. / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. No 63-ФЗ / ред. от 25.03.2022 // СПС «Консультант Плюс».

References and Sources

1. Konstituciya Soedinennyh Shtatov Ameriki: (Prinyata 17 sent. 1787 g.). M.: Izd-vo ST "Samocvet", 1993. 23 s.
2. Zakon o gosudarstvennoj izmene 1351 g. // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.legislation.gov.uk/aep/Edw3Stat5/25/2/data.pdf> (data obrashcheniya: 06.03.2023)
3. Ugolovnyj kodeks FRG / Per. s nem. i predisl. Serebrennikovoj A.V. M.: Zercalo-M, 2001. 200 s.
4. Serebrennikova A.V. Ugolovnyj kodeks Lihtenshtejna. M.: MAK Press, 2013. 188 s.
5. Svod zakonov SShA. Kodeks Soedinyonnyh Shtatov Ameriki // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://constitutions.ru/?p=4490> (data obrashcheniya: 06.03.2023)
6. Zakon o shpionazhe 1917 goda // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://iowaculture.gov/history/education/educator-resources/primary-source-sets/americas-involvement-world-war-i/espionage> (data obrashcheniya: 06.03.2023)
7. Konstituciya Soyuza Sovetskikh Socialisticheskikh Respublik (prinyata VS SSSR 07.10.1977 g.) // SPS «Konsul'tant Plyus».
8. Kommentarij k Ugolovno-processual'nomu kodeksu RSFSR 1960 g. / Leningr. ordena Lenina gos. un-t im. A. A. Zhdanova. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1962.
9. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 g. No 63-FZ / red. ot 25.03.2022 // SPS «Konsul'tant Plyus».

АКИМОЧКИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовно-правовых дисциплин, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; доцент кафедры основ правоохранительной деятельности, Института права и национальной безопасности РАНХиГС (9230194@rambler.ru).

ПОЗНЯК ВЛАДА ДМИТРИЕВНА - помощник адвоката (vladapoznyak@mail.ru).

АКИМОСКИН, VLADIMIR I. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines, Institute of International Law and Justice of Moscow State Linguistic University; Associate Professor, Department of Fundamentals of Law Enforcement of the Law and National Security, Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under President of the Russian Federation (9230194@rambler.ru).

POZNYAK, VLADA D. - Assistant Lawyer (vladapoznyak@mail.ru).

УДК 343.77

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-67-71

АШУБА А.А., БОХАН А.П.

УЧЁТ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ключевые слова: уничтожение имущества, повреждение имущества, уголовная ответственность, квалификация преступлений, состав преступления.

В статье раскрыты и рассмотрены объективные признаки умышленного уничтожения или повреждения имущества, а также их влияние на квалификацию рассматриваемого преступления. Ключевыми в вопросе разграничения данного состава со смежными с ним преступлениями, согласно УК РФ (ст. 167), являются объективные признаки состава преступления, с выделенными

законодателем формами преступного поведения (уничтожение, повреждение). При этом в состав объективной стороны рассматриваемого нами преступления входят три элемента: а) противоправное деяние; в) причинно-следственная связь; г) общественно опасные последствия, которые подлежат обязательному установлению. С целью признания данного противоправного деяния преступлением необходимо выявление каждого признака. Факт отсутствия одного из элементов объективной стороны преступления говорит об отсутствии состава преступления, предусмотренного статьей 167 УК РФ в целом.

ASHUBA, A.A., BOHAN, A.P.

ACCOUNT OF FEATURES OF SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE INTENTIONALLY DESTRUCTION OR DAMAGE TO PROPERTY WHEN QUALIFYING A CRIME

Key words: destruction of property, damage to property, criminal liability, qualification of crimes, corpus delicti.

The article reveals and considers the objective signs of intentional destruction or damage to property, as well as their impact on the qualification of the crime in question. According to the Criminal Code of the Russian Federation (Article 167), the key to the issue of distinguishing between this composition and related crimes are the objective signs of the corpus delicti, with the forms of criminal behavior identified by the legislator (destruction, damage). At the same time, the composition of the objective side of the crime we are considering includes three elements: a) an unlawful act; c) causal relationship; d) socially dangerous consequences, which are subject to mandatory establishment. In order to recognize this illegal action as a crime, it is necessary to identify each sign. The fact of the absence of one of the elements of the objective side of the crime indicates the absence of the corpus delicti provided for by Article 167 of the Criminal Code of the Russian Federation as a whole.

Тема статьи является актуальной в силу следующих обстоятельств. Российская Федерация в течение уже довольно долгого времени проходит непростой процесс демократизации, следствием которого, среди прочего, явилось закрепление в действующей редакции Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью. Отечественный законодатель не наделяет собственность граждан таким же статусом высшей ценности, какой имеют права и свободы человека и гражданина. Однако, на наш взгляд, собственность также необходимо считать высшей ценностью в государстве и обеспечить такую же её сохранность и защиту, наравне с правами и свободами человека.

Вопрос охраны частной собственности действительно является злободневным и не лишен проблемности. В целом, статистика совершения бытовых преступлений говорит, что каждое третье преступление влечет за собой умышленную порчу имущества, то есть очень часто совершению других преступлений сопутствует умышленное уничтожение или повреждение имущества. Этот вывод в полной мере подтверждает статистика преступлений, совершенных в России в последние годы. В среднем, количество совершаемых преступлений с 2015 по 2022 год варьируется в пределах 1 млн. 350 тыс. [1, с. 118], причем наблюдается рост числа преступлений против собственности, к числу которых относится и преступление, предусмотренное статьей 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества».

Соответственно, вопрос правильной квалификации и выявления преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ, является актуальным. Как показывает практика, очень часто данное преступление совершают знакомые между собой люди на почве неприязненных отношений, ревности, ненависти или мести. Нередко такие преступления совершаются между супругами или сожительствующими между собой людьми. Именно поэтому указанные категории граждан не заявляют о фактах умышленного уничтожения или повреждения их имущества. Такие преступления остаются латентными и находятся за рамками правового воздействия со стороны правоохранительных органов. Это отмечают и многие авторы научных работ, а также практические сотрудники. Они указывают, что процент выявляемых преступлений данной категории весьма невелик. Связано это, в том числе, и с не очень эффективной деятельностью правоохранительных органов в сфере раскрытия преступлений данного вида. Отсюда возникает целый ряд практических проблем.

Отмеченной теме в научной среде сегодня уделяется недостаточное внимание. Но общество прогрессирует очень быстро. Развивается уровень социальных отношений, происходит мощное давление научно-технического прогресса, изменение экономических отношений, а это все влияет и на уголовно-правовую сферу. Следовательно, изучение вопросов квалификации умышленного уничтожения или повреждения имущества в настоящий момент весьма актуально.

В данном контексте считаем необходимым краткий экскурс в историю установления уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества, показывающий, что ещё в «Русской правде» была установлена ответственность за рассматриваемое деяние. Статья 18 «Русской правды» фиксировала: если кто-либо сломает копье, щит, либо другое оружие, то будет возмещать стоимость поломанной вещи. Статья 32 говорила о

том, что если кто-то умышленно уничтожит путем поджога или повредит княжескую пасеку, будет платить штраф в размере 3 гривен. Такая же санкция ждала и тех лиц, которые, согласно статьям 75 и 80 «Русской правды», подрубят пасеку и умышленно перережут веревку сети для ловли птиц. Статья 84 предусматривала следующий состав противоправного деяния: если кто-то умышленно совершит убийство либо повредит чужого коня или рогатый скот, тот будет потерпевшему возмещать ущерб по наивысшей ставке за животное на рынке [2, с. 94]. Хочется отметить, что статья 83 предусматривала наивысшую на тот момент меру наказания за преступления против собственности. Она гласила, что если кто-либо умышленно уничтожит или повредит чужое имущество в виде дома путем поджога, тот будет подвергнут разграблению.

В Судебнике 1497 года, умышленное уничтожение или повреждение имущества было выделено в отдельную статью и имело следующий состав. Если кто-либо умышленно из корыстных побуждений путём поджога уничтожит или повредит имущество государя, тот будет подвергнут смертной казни путем сожжения. В более систематизированном Судебнике 1550 года санкции за умышленное уничтожение или повреждение имущества более гуманны. Вопрос решался следующим образом: потерпевший подавал иск в суд на обвиняемого, и между ними отношения урегулировались путем кулачного поединка. В случае, если обвиняемый терпел поражение, ему необходимо было удовлетворить иск потерпевшего в денежном эквиваленте. А если обвиняемый побеждал потерпевшего, по решению суда иск удовлетворялся частично и обычно составлял половину размера причиненного ущерба в денежном эквиваленте [3].

В 1649 году в Соборном Уложении данный состав предусматривал наказание в виде смертной казни и приравнивался к преступлениям против общественной безопасности, таким как разбой и даже убийство.

В XVIII веке по инициативе Петра I был издан такой нормативный правовой акт как Артикул Воинский. В данном документе содержалась уже целая глава, в которой были закреплены составы умышленного уничтожения или повреждения имущества, причем преступления разграничивались уже не только по способу, но и по месту совершения преступления. В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года виновные лица, обвиняемые в совершении такого рода преступлений, подлежали уголовной ответственности и должны были в полном объеме возмещать причиненный ими ущерб.

В принятом в 1864 году Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, есть перечень статей, в которых указана ответственность в виде штрафа за порчу или повреждение дорог, шоссе, тротуаров, бордюров, чужих изгородей, перил столбов и иного имущества, находящегося во владении города. В Уголовном Уложении 1903 года в главе 30 «О повреждениях имущества, путей сообщений, предостерегательных, граничных и других тому подобных знаков и иных вещей» законодатель говорит о повреждении и уничтожении имущества.

Соблюдая исторически сложившуюся практику установления ответственности за уничтожение или повреждение имущества в уголовных кодексах 1922 года, 1926 года, 1960 года и в ныне действующем, нормы, охраняющие собственность, содержались во всех выше указанных кодексах.

Возвращаясь к заявленной теме, отметим, что объективная сторона преступления – это совокупность признаков, свидетельствующих и характеризующих преступление, как реально совершенное событие, доступное для наблюдения и изучения со стороны.

Объективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, являются ключевыми в вопросе разграничение данного состава со смежными с ним преступлениями. В качестве диспозиции ст. 167 УК РФ, то есть в преступном поведении, или как мы отметили выше в виде общественно-опасного деяния, законодатель выделил альтернативную форму преступного поведения – уничтожение или повреждение. Уничтожение – это деятельность, направленная на полное разрушение предмета, несущее за собой полную утрату полезных свойств и отсутствие возможности его восстановления [4, с. 261]. В качестве примера уничтожения имущества можно привести различные способы, например, поджог чужого имущества.

Под повреждением понимается деятельность, направленная на частичное разрушение предмета, либо вещи, с возможностью его восстановления, дальнейшего использования по назначению, при частичной утрате полезных свойств предмета или вещи. В виде примера повреждения имущества может служить следующее преступное поведение: виновный, находясь

на законных основаниях в квартире своей знакомой, совершил следующие действия. В ходе беседы, из-за возникших мотивов ревности у подсудимого, он зашел на балкон-лоджию, располагающийся в квартире потерпевшей, с помощью имеющейся у него зажигалки совершил поджог висевшей там на бельевой веревке простыню белого цвета. После возгорания простыни виновный бросил её на пол балкона-лоджии, в результате чего огонь перешел на находящийся там ковер и стройматериалы. Таким образом, виновный, осознавая общественную опасность своих преступных действий, желал причинить материальный вред потерпевшей и, предвидя возможность наступления такого вреда, умышленно совершил повреждение имущества (линолеум коричневого цвета, люминисцентный светильник, МДФ панели в количестве 20 штук, ковер белого цвета), принадлежавшего потерпевшей на праве собственности.

Следует уделить внимание еще одному немаловажному признаку объективной стороны – это общественно-опасные последствия. Из диспозиции ст. 167 УК РФ следует, что обязательным условием уголовной ответственности являются общественно-опасные последствия в виде значительного ущерба. Ущерб – это термин, относящийся больше к гражданскому законодательству и означающий вред, нанесенный имущественному положению как физического, так и юридического лица. При этом ущерб должен быть значительным.

В п. 4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5.06.2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушениях правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнём», указано, что уголовная ответственность по ст. 167 УК РФ наступает только тогда, когда имуществу потерпевшего от этого преступления был причинен значительный ущерб [5].

Также в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации говорится о том, что при квалификации преступления учитывается только реально причиненный ущерб имуществу, без учета упущенной выгоды. Примерный расчет ущерба происходит следующим образом. Вред за уничтожение имущества определяется полной его стоимостью. Однако при повреждении имущества, цена ущерба будет зависеть от цены ремонта предмета, с возможностью учета снижения цен. А вот если в результате причинения повреждения имуществу, оно утратило свои прямые свойства не может работать по назначению и не подлежит восстановлению, стоимость ущерба рассчитывается в зависимости от стоимости имущества до и после повреждения.

Закон не говорит о значительности ущерба юридических лиц. Однако реальный ущерб в отношении физического лица не должен быть менее 5 тысяч рублей, что соответственно должно распространяться и на юридические лица. Суды также обращают внимание на финансовое положение юридического лица и значимость уничтоженного или поврежденного предмета преступления для потерпевшего, принимая во внимание род деятельности организации, собственником которого она является. В данный период времени, возникает большая проблема в определении значимости ущерба в отношении юридических лиц. На наш взгляд, необходимо внести изменения в статью 167 УК РФ и добавить к ней примечание в следующей формулировке: «Значительным ущербом для юридических лиц является вред, не менее 5 тысяч рублей». В случае этого, права между физическими и юридическими лицами будут уравнены в сфере определения обязательного минимального порога причиненного ущерба, независимо от имущественного положения лица, либо финансовой состоятельности организации.

Следующим обязательным фактором объективной стороны будет являться причинно-следственная связь между преступным поведением и наступившими общественно-опасными последствиями. Причинно-следственная связь – это какой-либо процесс или явление, при котором какое-то событие, называемое причиной, при конкретных условиях переходит в другое событие, называемое следствием [6, с. 116]. Смысл данного структурного элемента объективной стороны заключается в том, что наступившие последствия от совершенного преступления должны следовать только и исключительно от преступного поведения лица.

К примеру, если лицо, совершает умышленное уничтожение или повреждение имущества в виде поджога автомобиля, но по каким-то обстоятельствам не смогло до конца реализовать свой умысел, а через небольшой промежуток времени происходит возгорание проводки автомобиля вследствие своей изношенности, данное деяние признать преступным на основании ст. 167 УК РФ нельзя, так как последствия наступили не по причине преступного поведения лица. Но на практике

существует парадокс «причинности». Его можно проиллюстрировать на следующем примере. Человек совершает поездку на дальнее расстояние на личном автомобиле. Виновный с целью уничтожения или повреждения имущества данного человека раскладывает шипы на дороге. Потенциальный потерпевший не поехал по той дороге, так как его знакомый сообщил ему о появлении шипов на том пути и не был жертвой данного преступления. Однако виновный совершил покушение на преступление ст. 167 УК РФ. Ещё пример, виновный так же с целью повреждения автомобиля пробивает бензобак. Но потерпевший, в ходе своей поездки, попал в ДТП в силу нарушения правил дорожного движения, автомобиль пришел в негодность. Преступные действия виновного лица не были результатом уничтожения автомобиля. Но, с другой стороны, виновный имел умысел повредить автомобиль и привести его в негодность, следовательно, имела место быть попытка совершения преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Тем не менее, очевидно, если бы не действия первого и второго лица, то потерпевший бы не повредил свой автомобиль. Таким образом, уголовное законодательство строится на принципах правосудия и логики в том смысле, что должна существовать прямая связь между преступным поведением лица и результатом его поведения [7, с. 217], иначе вопрос об уголовной ответственности рассматриваться не должен.

Подводя итог проведённому исследованию отметим, что объективная сторона играет незаменимую роль в квалификации умышленного уничтожения и повреждения имущества. В состав объективной стороны рассматриваемого нами преступления входят три элемента: а) противоправное деяние; в) причинно-следственная связь; г) общественно опасные последствия, которые подлежат обязательному установлению. Выявление каждого признака необходимо, с целью признания данного противоправного действия преступлением. Факт отсутствия одного из элементов объективной стороны преступления говорит об отсутствии состава преступления, предусмотренного статьей 167 УК РФ в целом.

Литература и источники

1. Состояние преступности // Режим доступа: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Елисеев С.А. Преступления против собственности в истории уголовного законодательства России. Томск, 2005.
3. Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб., 2002.
4. Уголовное право. Особенная часть. Семестр I: учебник для вузов / отв. ред И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
5. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14. // «КонсультантПлюс». Режим обращения URL <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 31.05.2023).
6. Бохан А.П., Ставило С.П. Теоретические основы криминализации общественно-опасных деяний и декриминализации деяний, утративших общественную опасность // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 11 (150).
7. Уголовное право. Общая часть. Семестр I : учебник для вузов / ответственные редакторы И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

References and Sources

1. Sostoyanie prestupnosti // Rezhim dostupa: <https://mvd.rf/folder/101762> (data obrashcheniya: 01.06.2023).
2. Eliseev S.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti v istorii ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii. Tomsk, 2005.
3. Bojcov A.I. Prestupleniya protiv sobstvennosti. SPb., 2002.
4. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'. Semestr I: uchebnik dlya vuzov / отв. red I.A. Podrojkina, E.V. Seregina, S.I. Ulez'ko. 6-e izd., pererab. i dop. M., 2023.
5. O sudebnoj praktike po delam o narushenii pravil pozhamoj bezopasnosti, unichtozhenii ili povrezhdenii imushchestva putem podzhoga libo v rezul'tate neostorozhnogo obrashcheniya s ognem: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 05.06.2002 № 14. // «Konsul'tantPlyus». Rezhim obrashcheniya URL <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online> (data obrashcheniya: 31.05.2023).
6. Bohan A.P., Stavilo S.P. Teoreticheskie osnovy kriminalizacii obshchestvenno-opasnyh deyanij i dekriminalizacii deyanij, utrativshih obshchestvennuyu opasnost' // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2022. № 11 (150).
7. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Semestr I : uchebnik dlya vuzov / otvetstvennyye redaktory I.A. Podrojkina, E.V. Seregina, S.I. Ulez'ko. 6-e izd., pererab. i dop. M., 2023.

БОХАН АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического факультета, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (boxan@mail.ru).

АШУБА АНИТА АЛХАСОВНА – магистрант, кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического факультета, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (ashuba.a99@mail.ru)

BOKHAN, ANDREY P. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal and Criminal Executive Law, Criminology, Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINH) (boxan@mail.ru).

ASHUBA, ANITA A. - Master's Student, Department of Criminal and Criminal Executive Law, Criminology, Faculty of Law, Rostov State University of Economics (RINH) (ashuba.a99@mail.ru).

БАБЕНКО Н.В., БОХАН А.П.
О ПРАКТИКЕ НАЗНАЧЕНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ВИДА НАКАЗАНИЯ ЗА
УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ
ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ ИЛИ
ИМЕЮЩИМ СУДИМОСТЬ

Ключевые слова: уголовная ответственность, статья 264.1 УК РФ, дополнительный вид наказания, состояние опьянения, управление транспортным средством, судимость.

В результате проведённого юридического и сравнительного анализа административных видов наказания и уголовных дополнительных видов наказания за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, авторы пришли к выводу о том, что санкции ст. 12.8 и ст. 12.26 КоАП РФ предусматривают дополнительное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами на одинаковый срок, который предусмотрен ст. 264.1 УК РФ. В силу разной общественной опасности совершенных деяний, это лишает суд возможности индивидуализировать наказание.

BABENKO, N.V., BOHAN, A.P.

**ON THE PRACTICE OF IMPOSING AN ADDITIONAL TYPE OF PUNISHMENT FOR DRIVING WHILE INTOXICATED BY
A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT OR HAVING A CRIMINAL RECORD**

Key words: criminal liability, article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, additional type of punishment, driving while intoxicated, criminal record.

As a result of a legal and comparative analysis of administrative types of punishment and criminal additional types of punishment for driving while intoxicated by a person, subjected to administrative punishment or having a criminal record, the authors concluded that, that the sanctions of Art. 12.8 and Art. 12.26 of the Administrative Code of the Russian Federation provide for additional punishment in the form of deprivation of the right to drive vehicles for the same period, which is provided for by Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Due to different social dangers, this deprives the court of the opportunity to individualize the punishment.

В Конституции РФ закреплено положение о том, что, государство должно и обязано создать, и реализовывать систему правовых механизмов и норм направленных на искоренение угроз жизни и здоровью человека и гражданина.

Ключевое место в системе нормативных правовых актов, направленных на защиту жизни и здоровья граждан, занимает Федеральный закон «О безопасности дорожного движения». Реализация данных положений возможна посредством уголовно-правовой охраны.

Уголовно-правовая политика государства, реализуется главным образом нормами уголовного закона, которые соответствуют современным тенденциям развития общественных отношений. Общественные отношения из года в год претерпевают изменения, трансформацию, и зачастую общественные отношения усложняются, так и уголовно-правовая политика государства призвана соответствовать веяниям времени, изменяющимся общественным отношениям.

Содержание статьи 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), напрямую расходится с ее содержанием, на что неоднократно обращали внимание разные авторитетные авторы. Не высокий уровень юридической техники законодателя, породил не малое количество дискуссий в научных трудах. Так, некоторые авторы отмечают, что в названии статьи указывается о нарушении правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, тогда как из содержания следует, что одним из ключевых условий привлечения к уголовной ответственности лиц, является наличие у них судимости, данное положение напрямую указывает на несоответствие.

Данный состав преступления в УК РФ был введен в 2014 г. Анализ судебной статистики говорит о том, за последние пять лет, начиная с 2018 и по 2022 гг. наблюдается устойчивая тенденция снижения количества осужденных по данной статье, что, на наш взгляд, говорит об эффективности данной нормы. Так, в 2018 году по ней осуждено 75 282 человек, в 2019 г. - 72 136, в 2020 г. - 66 287, 2021 году - 59 543, в 2022 году - 57 731 человек. Несмотря на снижение количественных показателей, актуальность темы исследования от этого не снижается.

В целях раскрытия заявленной темы исследования ознакомимся с санкцией статьи, предусматривающей ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. Преступление, закреплённое в ст. 264.1 УК РФ, является деянием небольшой тяжести, так как санкция данной статьи предусматривает дополнительное наказание в виде лишения права

занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет. Законодатель при определении наказания по данной статье учитывал факт социальной справедливости, в том числе, исходил из частной и общей превенции (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Для того, что достичь своих целей в санкции ст. 264.1 УК РФ законодатель предусмотрел назначение наказаний, которые могли бы в полной мере быть справедливым как для самого общества, так и для виновного лица, а для это он учел соответствие преступления характеру и степени общественной опасности, обстоятельства его совершения и характеристику личности [1, с. 29].

Сама общественная опасность представляет собой важный элемент преступного деяния, относящийся к главным основаниям криминализации деяний и состоит, в том числе, в способности причинять большой вред отношениям, которые охраняются именно уголовным законодательством. В юридической теории предусмотрено два главных подхода к определению понятия общественной опасности: это качественный и количественный. Представители качественного подхода определения рассматриваемого понятия определяют под ним атрибут исключительно преступлений, следовательно, все другие правонарушения указанным свойством не обладают. Сторонники другой точки зрения придерживаются количественного подхода, и они считают, что данное понятие относится к общей характеристике всех видов правонарушений, предусмотренных действующим законом. Мы считаем, что преступление этим и отличается от всех других видов правонарушений, что характеризуется именно повышенной степенью общественной опасности совершенного деяния.

Таким образом, нам представляется, что количественный подход к определению понятия общественной опасности является более верным, а именно: «преступлению – в отличие от иных правонарушений – должна быть присуща криминальная общественная опасность». Отметим что данную позицию поддерживает Конституционный Суд Российской Федерации. Данная позиция позволяет установить невозможность рассмотрения совершенного деяния именно как административный проступок, так как оно требует применения к лицу мер уголовно-правовых характера.

Определяя проблему понятия общественной опасности, хотелось бы отметить, что главным здесь является ее характер и степень, а именно: качественная и количественная стороны. Характер общественной опасности и ее степень для любого совершенного преступления являются специфичными и индивидуальными. Определить характер общественной опасности можно с помощью объектов уголовно-правовой охраны, закрепленные в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Понятие степени общественной опасности противоправного посягательства определяется как совокупность всех объективных (последствия общественного опасного деяния, время и место его совершения и т. п.) и субъективных признаков (форма вины, мотив, цели и т. п.), и иных существенных характеристик преступного деяния. Относительно главных источников всех угроз общественной безопасности основное место занимают преступные деяния, совершенные в сфере безопасности движения и эксплуатации дорожного транспорта. Следовательно, процесс обеспечения общественной безопасности связан с повышением уровня безопасности на дорогах и уменьшением травматизма в последствии нарушении данных правил.

В РФ до 2015 г. была отрицательная тенденция роста количества происшествий на дорогах, которые произошли по вине опьяненных водителей, а также водителей, отказавшихся проходить медицинское освидетельствования. В связи со снижением общего количества ДТП усматривается небольшое уменьшение числа пострадавших лиц в таких дорожно-транспортных происшествиях, включая ДТП, причиной которых были нетрезвые водители.

Таким образом, исходя их статистических данных, представленных на официальном сайте МВД РФ, за 2021 год всего в результате ДТП было ранено 214853 человека, а за 2022 год – 210877 человек, с учетом того, что каждая 10-я авария в России была именно по вине пьяных водителей, жертвой которых, например, за 2022 год стало 4645 человек, что составляет четверть всех смертей на дорогах. Наиболее негативной представляет статистика смертельных случаев, что не может не вызывать тревогу. В связи со снижением общего количества ДТП усматривается небольшое уменьшение числа пострадавших лиц со смертельным исходом, однако растет количество погибших из-за нетрезвых водителей на дорогах.

Общеизвестным является тот факт, что именно транспортное средство представляет собой источник повышенной опасности. Главным фактором, которые определяет именно общественную

опасность при управлении транспортным средством лицом в состоянии алкогольного или иного опьянения является невозможно и неспособность такого человека контролировать такой источник повышенной опасности. Подобное состояние лица, зачастую, определяется уменьшением умственной (мозговой) и физической работоспособности, однако в таком состоянии значительно возрастает время, которое необходимо для совершения психомоторных реакций.

Высокая степень общественной опасности исследуемого преступного деяния заключается в возможности создать угрозу вреда жизни и здоровью человека. Движение на дорогах является своеобразной системой, участники которой ждут друг от друга соблюдения определенных правил, а именно: они рассчитывают на установленное поведение от других лиц и поступают исходя из своих ожиданий. Следовательно, именно грубое нарушение ПДД любым человеком уже может привести к наступлению вредных последствий, может привести к причинению вреда жизни и здоровью людей, в том числе и их собственности.

Далее мы сравним общественную опасность рассматриваемых деяний в административном и уголовном законодательстве. Степень общественной опасности преступного деяния ст. 264.1 УК РФ, явно, является намного выше степени общественной опасности деяния, рассмотренного ч. 1 и 3 ст. 12.8 и ст. 12.26 КоАП РФ, что свидетельствует о сомнительности практики назначения менее строгого наказания за совершение преступления, чем за совершение административного правонарушения. При этом конструкция диспозиции ст. 264.1 УК РФ предполагает наличие преюдиции, при решении вопроса о назначении наказания за преступное деяние, указанное в ст. 264.1 УК РФ, судебным органам нужно, для начала, оценить уже ранее назначенное административное наказание и поведение виновного лица [2].

Применительно к ст. 264.1 УК РФ, данный вид дополнительного уголовного наказания заключается в запрете заниматься деятельностью, связанной с управлением транспорта, однако такая деятельность для виновного лица может быть и профессиональной. Исходя из положений п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58, при назначении дополнительного вида наказания обязательно должна быть ссылка на конкретный вид деятельности, на который и действует установленный судом запрет, иначе, в противном случае, это будет основанием для изменения приговора, потому что суд не может назначить абстрактное наказание, что противоречит принципу законности.

Необходимо отметить, что не всеми судами назначается дополнительное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью [3]. Согласно сложившейся судебной практики, назначение дополнительного наказания в виде лишения права занимать должности, связанные с управлением транспортными средствами, является обязательным, в том числе, если к основному наказанию лицо осуждается условно.

Так, например, Краснодарский краевой суд при назначении П. наказания за совершенное преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, дополнительное наказание не назначил, что противоречит принципу справедливости [4]. При этом согласно ст. 64 УК РФ, в случае, когда есть какие-либо исключительные обстоятельства, судебный орган может не назначать никакого дополнительного наказания, что должно быть мотивировано судьей в приговоре.

В целях дифференциации уголовной ответственности за нарушение ПДД виновным лицом, который ранее уже привлекался к административному наказанию, исходя из принципа справедливости, и повысить верхний предел размера дополнительного уголовного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 5 лет [5, с. 22]. Мы считаем, что увеличение срока назначения данного наказания никак не противоречит положениям Общей части УК РФ. Кроме того, в ч. 2 ст. 47 УК РФ есть исключение, согласно которому предоставляется возможность назначить указанный вид наказания сроком до 20 лет. Более того, следует отметить, что почти в 90 % случаев назначение дополнительного вида наказания в виде лишения права по управлению автомобилем назначается сроком 2 года и выше, что еще раз подтверждает нашу позицию относительно целесообразности повышения срока лишения права заниматься определённой деятельностью в ст. 264.1 УК РФ.

И наконец, преступное деяние, связанное с нарушением ПДД виновным лицом, которые уже ранее был привлечен к административному наказанию, характеризуется именно повышенной степенью общественной опасности относительно деяния указанного в ч. 1, 3 или 4 ст. 12.8 и ст. 12.26 КоАП РФ. Вместе с тем, санкции ч. 1 ст. 12.8 и ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ предусматривают

дополнительное наказание в виде лишения права управления транспортными средствами на срок от 1 года 6 месяцев до 2 лет. Это свидетельствует о равной общественной опасности указанных административных правонарушений.

Таким образом, учитывая изложенное, а также повышенную общественную опасность нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, предлагается в санкции ст. 264.1 УК РФ установить размер дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 5 лет.

Литература и источники

1. Бохан А.П. К вопросу об общественной опасности управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Волгоград, 20 мая 2022 г. Волгоград: Издательский дом «Сириус», 2022.
2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58. // КонсультантПлюс. Режим обращения URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online..>
3. Приговор № 1-69/2020 от 7 мая 2020 г. по делу № 1-69/2020 Тимашевского районного суда Краснодарского края // КонсультантПлюс. Режим обращения URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.
4. Приговор № 2-42/2013 от 4 октября 2013 г. по делу № 2-42/2013 Краснодарского краевого суда Краснодарского края // «КонсультантПлюс». Режим обращения URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.
5. Бохан А.П., Чмырев С.Н., Бондарев С.П. Анализ назначаемого наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в ст. 264 и 264.1 УК РФ // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.С. Сорокун. Ростов-на-Дону, 2020.

References and Sources

1. Bohan A.P. K voprosu ob obshchestvennoj opasnosti upravleniya transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya licom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu ili imeyushchim sudimost' // Aktual'nye problemy ugovornogo zakonodatel'stva na sovremennom etape: sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Volgograd, 20 maya 2022 g. Volgograd: Izdatel'skij dom «Sirius», 2022.
2. O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugovornogo nakazaniya: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.12.2015 № 58. // Konsul'tantPlyus. Rezhim obrashcheniya URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online..>
3. Prigovor № 1-69/2020 ot 7 maya 2020 g. po delu № 1-69/2020 Timashevskogo rajonnogo suda Krasnodarskogo kraja // Konsul'tantPlyus. Rezhim obrashcheniya URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.
4. Prigovor № 2-42/2013 ot 4 oktyabrya 2013 g. po delu № 2-42/2013 Krasnodarskogo kraevogo suda Krasnodarskogo kraja // «Konsul'tantPlyus». Rezhim obrashcheniya URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.
5. Bohan A.P., Chmyrev S.N., Bondarev S.P. Analiz naznachaemogo nakazaniya v vide lisheniya prava zanimat' opredelennye dolzhnosti ili zanimat'sya opredelennoy deyatelnost'yu v st. 264 i 264.1 UK RF // Aktual'nye problemy primeneniya ugovornogo zakonodatel'stva: Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / Отв. red. N.S. Sorokun. Rostov-na-Donu, 2020.

БОХАН АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (boxan@mail.ru)

БАБЕНКО НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России

BOHAN, ANDREY P. - PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Law, Criminology, Rostov State Economic University (RSIN) (boxan@mail.ru)

BABENKO, NATALYA V. - Lecturer of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (babenko@mail.ru).

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-75-79

КУРДЮКОВ Д.С., СЕМЕНЦОВА И.А. ОБ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКЕ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: криминализация, превенция, уголовная политика, образовательная среда, субъекты профилактики.

Статья посвящена актуальным вопросам уголовной политики в сфере превенции преступности в образовании. Авторы отмечают, что образовательная среда весьма уязвима и подвержена влиянию многих негативных факторов, которые зачастую имеют криминальный характер. Исследуя содержание юридической конструкции «уголовной политики» и её основные направления, они делают акцент на защите прав и интересов личности участников образовательных отношений и поддержание правопорядка в образовательной среде. Также обосновывается необходимость разработки единой стратегии уголовной политики в сфере профилактики и превенции криминальных явлений в образовании.

KURDYUKOV, D.S., SEMENSOVA, I.A.

ON CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Key words: criminal policy, prevention, educational environment, subjects of prevention, criminalization.

the article is devoted to topical issues of criminal policy in the field of crime prevention in education. The author notes that the educational environment is very vulnerable and subject to the influence of many negative factors, which are often of a criminal nature, examines the content of the legal structure of «criminal policy» and its main directions, focusing on the protection of the rights and interests of the

individual participants in educational relations and the maintenance of law and order in the educational environment. The necessity of developing a unified criminal policy strategy for the prevention and prevention of criminal phenomena in the field of education is also substantiated.

Прежде чем рассмотреть особенности и специфику уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовании, целесообразно сделать несколько предварительных теоретических замечаний. Не требует доказательства положение о том, что преступность – это сложное, многогранное, изменчивое явление, которое в современный период приобретает новые формы, отличается организованностью, цинизмом и профессионализмом. Растущие темпы её распространения создают опасность для всего российского государства, так как нет ни одной сферы общества и ни одной группы населения, которые бы, в том или ином аспекте, не были бы сопряжены с преступностью. Не является исключением и образовательная среда.

Образование на всех этапах развития общества и государства являлось и продолжает оставаться одной из наиболее значимых сфер. От эффективности системы образования во многом зависит уровень социально-политического и экономического развития. Образование – основа успешной модернизации экономики и экономического роста. Результативность функционирования науки и образования – это гарантия национальной безопасности России. В этом контексте нельзя не признать, что «процессы морально-нравственной деградации, нарастающие в нашем обществе, затронули те слои населения, которые ранее рассматривались как предмет особой гордости, считались «совестью нации»: врачей, учителей, преподавателей профессиональных образовательных учреждений, ученых, государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, офицерский корпус» [7, с. 19].

Как показывают происходящие события, образовательная среда весьма уязвима и подвержена влиянию многих факторов, имеющих криминальный характер. Нередки многочисленные примеры криминального поведения работников образовательных учреждений, которое достаточно быстро усваивается обучаемыми, воспроизводится в более опасных формах и преумножается в возрастающем масштабе.

Принято считать, что для работников образования наиболее характерными являются в основном коррупционные и должностные преступления, однако это не вполне соответствует действительности. В образовательной среде совершаются самые разнообразные преступные деяния, посягающие на жизнь и здоровье, собственность, неприкосновенность и половую свободу личности. Отметим, в частности, распространённость таких составов как, мошенничество и злоупотребление должностными полномочиями. Действенное их выявление и установление причинного комплекса детерминирует возможность разрабатывать и осуществлять более эффективные меры превенции, которые должны их нейтрализовать. Именно это и является одним из направлений уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовании [6, с. 65].

Суть и содержание юридической конструкции «уголовная политика», можно признать устоявшимися. Большинство ученых и правоприменителей рассматривают данную дефиницию практически однозначно, делая акцент на том, что это направление государственной деятельности, в процессе которой разрабатываются стратегия и тактика противостояния преступности. В рассматриваемом аспекте, уместно воспроизвести некоторые авторские трактовки исследуемого понятия.

Э.Ф. Побегайло предлагал рассматривать уголовную политику как «направление государственной политика в области борьбы с преступностью» [5, с. 15], акцентируя внимание на том, что это не сама деятельность, а лишь одно из её направлений. По В.Н. Кудрявцеву – это «часть государственной политики в области борьбы с преступностью, которая осуществляется средствами и методами уголовного права» [4, с. 324]. Ю.И. Бытко трактует уголовную политику расширенным образом, отмечая, что – это «политика по противодействию преступности» [3, с. 145]. Несколько выпадает из общего ряда представлений об уголовной политике, определение, предложенное М.М. Бабаевым, который оправляет её как: «научное направление, именуемое уголовной политикой, изучающее все, что прямо или косвенно связано с противодействием преступности» [2, с. 32].

На сегодняшний день направленность уголовной политики общепризнанно сопрягается с необходимостью снижения уровня преступности и её предупреждением, в том числе и в

образовательной среде. Последнюю исследователи относят к зоне криминогенного риска. На основе анализа доктринальных источников, специализированной литературы и содержания тематических НПА, можно предложить обобщенное определение уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде, как «целенаправленную деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, ориентированную на борьбу с преступностью, проявляющейся в сфере образования, а также иными негативными социальными явлениями криминального и криминогенного характера в данной области общественных отношений (коррупция, экстремизм, скулшутинг, склонение обучающихся к суицидальному поведению и др.)» [8, с. 425].

Что касается цели рассматриваемой политики – это снижение числа противоправных действий (преступлений) среди участников образовательных отношений и самими участниками образовательного процесса.

Государство в лице соответствующих органов постоянно уделяет внимание вопросам образовательной среды, исходя из того, что – это не только взаимоотношения между участниками образовательного процесса, но сложная система взаимодействия самых различных социальных институтов, действующих в этой сфере. К числу основных приоритетов уголовной политики в образовательной среде относится защита и охрана участников образовательных отношений от посягательств на их жизнь, здоровье, честь и достоинства личности. Важное значение имеет и такое направление как поддержание правопорядка в образовательной среде. Однако в сфере образования на настоящий момент отсутствует целостная система субъектов (структурных подразделений), которые бы целенаправленно занимались реализацией уголовной политики по предупреждению преступности в образовании. При этом, законодатель прямо не выделяет в структуре уголовной политике такое направление как превенция преступлений в образовательной среде.

Анализ Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1] позволяет выделить в качестве достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности – решение такой задачи, как снижение уровня криминализации общественных отношений, развитие единой государственной системы предупреждения преступных правонарушений. Исходя из этого, реализация уголовной политика в сфере образования осуществляется посредством исполнения общих правовых предписаний и норм, которые направлены на превенцию преступности в целом. При этом, специалисты отмечают отсутствие системности в процессе практической реализации уголовной политике в сфере предупреждения преступности в образовании.

При том, что на уровне школьного образования, этот вопрос, хотя и не в полной мере разрешен, единая система превенции отсутствует. Этим вопросом «по чуть-чуть» занимается множество организационных структур: социальные педагоги, школьные службы примирения, Комиссии по делам несовершеннолетних (КДН), органы опеки и попечительства, социальной защиты, органы по делам молодежи, учреждения туризма, спорта и культуры, различные молодежные объединения. Однако ключевой фигурой в этой деятельности продолжает оставаться педагог, на которого помимо обучения и воспитания обучающихся, возлагается множество обязанностей, в том числе и связанных с профилактикой асоциального поведения подростков, предотвращения их дезадаптации в современном социуме. В силу значительной перегрузки учителя, эта работа зачастую выполняется формально.

При том, что в системе образования имеют место многочисленные факты коррупционных преступлений, прежде всего в системе высшего образования, а также другие должностные преступления и уголовно наказуемые деяния, единое понимание о том какой должна быть единая система предупреждения преступности в образовании отсутствует.

Рассматриваемое направление уголовной политики в сфере образования, направленное на предупреждение преступности в образовательной среде, не может быть эффективным без адекватного нормативно-правового регулирования. Анализ законодательных актов, принимаемых на федеральном, региональном и муниципальных уровнях свидетельствует, об их многочисленности и разнообразии. Безусловно, что каждый из принимаемых актов, рекомендаций и предписаний в том или ином аспекте отражает вопросы превенции преступности в образовательной среде. Однако, единая стратегия уголовной политики (общегосударственной) по

профилактике и превенции криминальных явлений в сфере образования, на сегодняшний момент, по-прежнему, отсутствует. Каждый из НПА разрабатывается и принимается отдельно друг от друга, без учета их взаимодействия, большинство из них не корреспондируют друг друга и в отдельных случаях являются логически противоречивыми. Полагаем, необходимым упорядочить нормативно-правовую деятельность в этой сфере в целях создания действенного защитного криминологического поля для всей образовательной среды российского государства.

Обращаясь к вопросу о превенции коррупции, отметим отсутствие универсальных «рецептов» противодействия. Однако это не означает, что коррупционные риски в системе высшего образования нельзя минимизировать. Именно в контексте такого подхода, рассмотрим меры, которые необходимо предпринять для этого.

Теоретики права и его правоприменители предлагают разнообразные планы мероприятий в этом направлении. Проводятся многочисленные опросы субъектов образовательного процесса, чаще всего анонимные. На основе анализа имеющихся эмпирических исследований по этому вопросу, резюмируем, что студенты чаще всего предлагают оптимизировать меры уголовно-правового характера: большинство респондентов-студентов, считают необходимым ужесточить наказания за преступления коррупционного характера. Представляет интерес такая тенденция, что именно от обучающихся в вузах чаще всего поступают предложения о такой мере превенции коррупции в образовании, как внедрение осведомителей, которые должны выявлять преподавателей-коррупционеров, а также проводить зачеты и экзамены под видеоконтролем [9, с. 25]. Безусловно, такое мнение имеет право на существование, но полагаем, что более целесообразно сконцентрировать усилия на формирование у всех участников образовательного процесс, неприятия и негативного отношения к коррупционным практикам.

Полагаем, что следует прежде всего устранить системные причины коррупции в вузе посредством модернизации принципов образовательного процесса в вузах. Считаем, что эффективность вуза следует оценивать не по количеству научных публикации, а поставить в приоритет уровень подготовки выпускников, и дальнейшую успешность в профессиональной деятельности.

Также необходимо реальное повышение заработной платы профессорско-преподавательского состава, повышение их социального статуса и престижа. Эта мера доказала свою эффективность в зарубежных практиках борьбы с коррупцией в ОУ высшего образования, а также в системе отечественного судопроизводства. Имеется в виду, уровень зарплаты судей, который позволил снизить коррупционные риски в судебной системе. Действительно риск потери высокого уровня дохода, утрата престижной работы и социального статуса позволит большинству преподавателей сделать выбор в пользу правомерного поведения. Необходим отказ от практики заключения кабальных и не эффективных контрактов с преподавателями, которые мотивируют их на поиск дополнительных источников заработка, в том числе, и различных коррупционных практик.

На уровне вуза, необходим реальный и достоверный мониторинг коррупции, посредством анонимного анкетирования студентов, создание служб доверия, которые могли эффективно разрешать спорные вопросы, возникающие при оценивании знаний студентов.

Следует повысить эффективность процедуры контроля знаний, которые позволят избежать предвзятость экзаменаторов, обеспечить объективную оценку знаний студентов. Это возможно с повсеместным внедрением современных ИКТ (электронное тестирование, видеотрансляции, видеофиксация и др.). Безусловно, это потребует дополнительных средств, однако в последствии они будут «окуплены» высоким уровнем профессионализма выпускников вузов, и повышением их рейтинга и престижа.

Подводя итоги, отметим, что основная цель уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовании – это снижение противоправных действий среди участников образовательных отношений, а также их защита от противоправных посягательств. Для этого необходимо повысить эффективность всех механизмов и способов правового и организационного характера на основе имеющихся ресурсов и возможностей. Прежде всего необходимо разработать теоретически обоснованную единую систему субъектов, которые будут целенаправленно реализовывать основные направления уголовной политики в сфере превенции преступности в образовании. В современный возрастает потребность в создании действенного защитного

криминологического поля для всей системы образования РФ. Иными словами, необходима единая стратегия уголовной политики (общегосударственной) по профилактике и превенции криминальных явлений в сфере образования.

Литература и источники

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К. Уголовная политика: учебное пособие. М.: РГУП, 2018. 74 с.
3. Бытко Ю. И. Понятие уголовной политики // Вестник СГЮА. 2015. №6 (107). С. 144-148.
4. Криминология: учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: Норма, 2022. 800 с.
5. Побегайло Э.Ф. Об углубляющемся кризисе российской уголовной политики // Современные проблемы уголовной политики. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2012. С. 14-24.
6. Сидорова Е.З. Общая характеристика уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде // Уголовная политика на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума. Иркутск, 2021. С. 64-67.
7. Сидорова Е.З. Уголовная политика в сфере предупреждения преступности в образовательной среде. Монография. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022. 95 с.
8. Сидорова Е.З. Принципы и значение уголовной политики в сфере предупреждения преступности в образовательной среде // Сибирское юридическое обозрение. 2021. № 4. С. 423-432.
9. Федорова О.В. Противостояние коррупционному поведению в системе высшего образования как элемент обеспечения национальной безопасности // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 2 (89). С. 24-29.

References and Sources

1. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2021. № 27 (chast' II). St. 5351.
2. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E., Andrianov V.K. Ugolovnaya politika: uchebnoe posobie. M.: RGUP, 2018. 74 s.
3. Bytko Yu. I. Ponyatie ugolovnoj politiki // Vestnik SGYuA. 2015. №6 (107). S. 144-148.
4. Kriminologiya: uchebnik / Pod red. V. N. Kudryavceva, V. E. Eminova. M.: Norma, 2022. 800 s.
5. Pobegajlo E.F. Ob uglublyayushchemsya krizise rossijskoj ugolovnoj politiki // Sovremennye problemy ugolovnoj politiki. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2012. S. 14-24.
6. Sidorova E.Z. Obshchaya harakteristika ugolovnoj politiki v sfere preduprezhdeniya prestupnosti v obrazovatel'noj srede // Ugolovnaya politika na sovremennom etape. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, prohodivshej v ramkah II Bajkal'skogo yuridicheskogo foruma. Irkutsk, 2021. S. 64-67.
7. Sidorova E.Z. Ugolovnaya politika v sfere preduprezhdeniya prestupnosti v obrazovatel'noj srede. Monografiya. Irkutsk: Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii, 2022. 95 s.
8. Sidorova E.Z. Principy i znachenie ugolovnoj politiki v sfere preduprezhdeniya prestupnosti v obrazovatel'noj srede // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2021. № 4. S. 423-432.
9. Fedorova O.V. Protivodejstvie korruptcionnomu povedeniyu v sisteme vysshego obrazovaniya kak element obespecheniya nacional'noj bezopasnosti // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2021. № 2 (89). S. 24-29.

КУРДИУКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – руководитель направления Департамента по работе с проблемными активами ПАО Сбербанк (kurd_dima@mail.ru).

СЕМЕНЦОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Ростовский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (irina_semen@inbox.ru).

KURDYUKOV, DMITRY S. – Head of the Department for Work with Troubled Assets of Sberbank PJSC (kurd_dima@mail.ru).

SEMENTSOVA, IRINA A. – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (irina_semen@inbox.ru).

УДК 343.9

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-79-83

МАРКОВА Н.С.

О ВЛИЯНИИ КРИМИНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ НА СОВРЕМЕННУЮ ПОДРОСТКОВУЮ СРЕДУ

Ключевые слова: криминальная субкультура, преступные традиции и обычаи, несовершеннолетние, преступное поведение, элементы криминальной субкультуры.

Распространение традиций и обычаев криминального мира в современном российском обществе имеет массовый характер. Особенно заметно и велико его влияние в подростковой среде, поскольку, в силу возрастных особенностей развития, несовершеннолетний не может объективно и в полной мере оценить негативный и разрушающий характер насаждаемых преступных идей, взглядов и убеждений. Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и рост преступности среди подростков, на наш взгляд, во многом обусловлены «молчаливым» принятием нашим обществом элементов криминальной субкультуры, в том числе ее правил, обычаев и пр.

MARKOVA, N.S.

ON THE INFLUENCE OF CRIMINAL TRADITIONS AND CUSTOMS IN THE MODERN TEENAGE ENVIRONMENT

Key words: criminal subculture, criminal traditions and customs, minors, criminal behavior, elements of criminal subculture.

The spread of traditions and customs of the criminal world in modern Russian society has a massive character, its influence is especially noticeable and great in the adolescent environment, since, due to age-related features of development, a minor cannot objectively assess the negative and destructive nature of the implanted criminal ideas, views and beliefs. The involvement of minors in criminal activity and the growth of crime among adolescents, in our opinion, is largely due to the "tacit" acceptance of elements of the criminal subculture in our society, including its rules, customs, etc.

Одним из обязательных элементов криминальной субкультуры следует признать криминальные традиции и обычаи, поскольку именно они, как установленные правила поведения, регулируют отношения между индивидами в криминальном мире. По существу, без них невозможно представить само криминальное сообщество. Изучая историю криминальной субкультуры в России, можно сказать, что, конечно, основные ее элементы подвергались и подвергаются изменениям, испытывая влияние множества факторов (политических, экономических, культурных, социальных и пр.), присутствующих в обществе и государстве. Однако несомненно и то, что в своей основе именно криминальные традиции и обычаи сохранились до нашего времени с изменениями, которые не имеют принципиального характера. Как указывал, в частности, А.И. Гуров, живучесть уголовно-воровских традиций объясняется «их постоянным воздействием на сознание преступников, отражаясь в котором они становятся неотъемлемой частью субкультуры. При этом степень их активности усиливается при появлении в обществе противоречий, ослабления в нем моральных институтов» [1, с. 223].

Криминальные традиции и обычаи представляют собой такие нормы общежития, которые противоречат общепринятым правилам, основанным на праве, морали и духовности. Напротив, они выступают важной формой межличностных отношений ее носителей, необходимой для реализации преступной деятельности. Как указывал И.В. Суханов: «Идейным содержанием, то есть формулой, обычая всегда бывает правило поведения – детальное предписание поступка в конкретной ситуации. Идейным содержанием, формулой традиции всегда выступает норма или принцип поведения» [1, с. 223].

Традиции наполняют, формируют и оправдывают внутренний мир преступника, а обычаи, в свою очередь, регламентируют его поведение, разрешая одно и строго запрещая иное. Неписанные законы криминального имеют жесткий и жестокий характер, обязывая их носителей строго следовать им, подчиняться, а в случае нарушения претерпевать негативные последствия. Их содержание основано на преданности «воровской идее». Помимо этого, существуют «прикладные» нормы, устанавливающие ряд обязанностей (систематически вносить денежные средства в так называемый «общак», вовлекать и обучать молодежь, запрет работать, иметь контакты с администрацией пенитенциарного учреждения и правоохранительными органами т.д.).

Стоит отметить, что традиции и обычаи выполняют еще одну важную функцию – «воспитательную». Они формируют определённые качества личности путем воздействия на человеческие эмоции, чувства и настроения, с целью усиления антиобщественных идей, взглядов, принципов и пр. Особенно уязвимо в этом плане молодежное поколение, поскольку, ввиду отсутствия жизненного и психологического опыта, оно более подвержено внушению и быстрее деформируется под влиянием негативного и целенаправленного воздействия старших лиц и сверстников. При этом поддержание «воровских традиций» в действиях несовершеннолетних преступников проявляется, прежде всего, в сборе денежных средств для «общаков» профессиональных преступников в целях оказания помощи осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях. В криминальном мире таких несовершеннолетних преступников считают «достойной» сменой [2].

По нашему мнению, криминальная субкультура с ее «псевдоромантикой» оказывает сегодня явно «недооценённое» со стороны государства влияние на детей и подростков. Она выступает чуть ли не главным механизмом вовлечения последних в преступную деятельность. Криминальная субкультура все более заметно проявляется в ряду несовершеннолетних и молодежи. Отсутствие нравственных и идеологических установок, особенности психического здоровья подростка, слабое знание законодательства, желание противопоставить себя окружающему миру приводят к подмене моральных и культурных ценностей на антиобщественные. Криминальная среда с ее псевдоромантикой выступает основным механизмом вовлечения несовершеннолетних в асоциальную и преступную деятельность [3].

Так в Забайкалье, Сибири, Дальнем Востоке в последнее время население неожиданно для себя столкнулось с распространением идей криминального движения АУЕ (Арестантский уклад

един, Арестантское Уркаганкое единство). Последнее, как проявление криминальной субкультуры, романтизирует преступный образ жизни, что негативно сказывается на сознание детей и подростков, пропагандирует культ насилия, поощряет тунеядство, противостояние сотрудникам правоохранительных органов и пр.

Следует особо отметить, что если ранее преступные традиции и обычаи диктовались тюремной общиной и передавались через их носителей на «свободу», то сегодня – в эпоху массовой информатизации и компьютеризации – любой ребенок или взрослый может с ними столкнуться просто сидя за компьютером или телефоном. В интернет-пространстве имеется большое количество сообществ, которые занимаются пропагандой криминальной субкультуры, описывают тюремные правила, обычаи, романтизируют преступный образ жизни, образ вора, призывают к экстремистской деятельности и размещают материалы экстремистского характера.

Масштабы проблемы нужно признать значительными. К примеру, в 2021 году в Республике Бурятия Администрацией ГБОУ «Республиканский центр образования» силами педагогических работников было проведено анонимное анкетирование обучающихся в общеобразовательных организациях (с 7 по 11 классы), а также студентов СПО и ВУЗов на предмет выявления и наличия криминальных субкультур в молодежной среде. В ходе анкетирования выяснялось, в частности, как обучающиеся проводят свое свободное время. В итоге, 31024 обучающихся (70,2%) ответили, что сидят в интернете; 28925 (65,4%) – гуляют с друзьями; 22983 (51,9%) – просматривают различные видеоролики; 17508 (39,6%) – занимаются спортом; 13287 (30,1%) – играют в компьютерные игры; 11858 (26,8%) – читают художественную и периодическую литературу; 11627 (26,3%) – посещают кружки, секции; 6913 (15,6%) – ничего не делают, 2805 (6,3%) – посещают клубы, дискотеки, бары. Таким образом, основная масса (значительно больше половины) опрошиваемых детей ответили, что свободное время проводят, сидя в интернете, что не представляется удивительным, поскольку почти у каждого подростка сегодня имеется личный телефон с выходом в Интернет.

На вопрос чем именно они в Интернете занимаются, ответы были получены следующие: общаются в чатах и других социальных сетях (в том числе в «ВК», «Тik-Ток», «Telegram») – 36420 обучающихся (82,4%); ищут информацию для учебы, обучаются дистанционно, готовятся к экзаменам – 21858 обучающихся (49,4%); «качают» музыку, фильмы, фото – 18093 человек (40,9%); узнают последние новости в стране и мире – 17238 человек (38,9%); играют в on-line игры – 16978 человек (38,4%); совершают покупки, оплачивают услуги (телефон, интернет, др.) – 12786 (28,9%); принимают участие в интернет-акциях, голосованиях и др. – 2503 человек (5,7%); ведут виртуальный дневник (блог), свой сайт – 1838 человек (4,2%); просматривают сайты, которые родители запретили бы смотреть – 1408 человек (3,2%); просматривают запрещенные сайты – 1372 обучающихся (3,1%).

Ввиду стремительной информатизации и распространения Интернета, современные дети и подростки все чаще уходят в виртуальную жизнь, прежде всего общаясь друг с другом в социальных сетях, находя там новых друзей и единомышленников, увлекаются играми, получают интересующую их информацию и знания. Казалось бы, безобидное и даже полезное времяпрепровождение. Однако именно Интернет представляет собой огромное цифровое пространство, на просторах которого ребенок оказывается в опасности, которую сам не ощущает и о которой чаще всего не догадываются его родители и близкие. Это, прежде всего, множество различных сайтов, закрытых групп и сообществ, а также людей, которые могут оказать негативное влияние на несформировавшуюся психику и личность ребенка и подростка, внушить ему негативные, криминальные установки, ценности, подстрекать и вовлекать в совершение правонарушений и преступлений.

В ходе анонимного анкетирования также ставился вопрос о том, знают ли обучающиеся о таком явлении, как «криминальная субкультура»: слышали 20114 обучающихся (45,5%), не слышали – 24100 человек (54,5%). Информацию о криминальной субкультуре обучающиеся узнали: из интернета – 10912 человек (45,7%); из телевидения – 4330 (18,1%); из СМИ – 4065 (17%); от знакомых и родственников – 1765 обучающихся (7,4%). При этом к криминальной субкультуре относились безразлично 26630 обучающихся (60,2%); скорее отрицательно (насаждение криминальных порядков) – 15149 (34,3%); скорее положительно (хоть какой-то порядок на местах, есть к кому обратиться за справедливостью) – 2435 (5,5%).

В данном контексте вызывает опасения высокий процент (60,2%) обучающихся, равнодушно относящихся к криминальной субкультуре с ее массово распространяющимися элементами. Стоит предположить, что за «равнодушием» детей стоит молчаливое принятие и согласие, основанное на безвыходности ситуации и некой беспомощности по отношению к ней. Заметим также, что среди тех, кто положительно относится к криминальной субкультуре, считают, что благодаря ей есть хоть какой-то порядок на местах, есть к кому обратиться за справедливостью (2435) 197 человек являются студентами ВУЗов, что составляет 0,4% от общего количества выборки, 521 студент СПО (1,2%), 1717 обучающихся общеобразовательных учреждений (3,9%).

Преступные традиции и обычаи уже давно вышли из стен пенитенциарных учреждений, активно распространяются в обществе, в том числе через популярное интернет-пространство. Только в распространенной сети «ВКонтакте» подобных групп, пропагандирующих неписанные своды «криминальных законов», насчитывается около 4231. Основной контингент подобных групп – лица молодежного возраста (до 30 лет). Среди них есть немало и подростков в возрасте 14-18 лет. Подобные группы буквально затягивают подростков в свои виртуальные сети, обещая им различные бонусы, «лайки», вознаграждения. Как уже отмечалось, подобные группы в России сформировали целое движение «Арестантское уголовное единство». Общественная опасность подобных сообществ заключается в том, что они призывают к отрицанию и неприятию общепринятых моральных ценностей, навязывают культ насилия и безнравственности, дискредитируют правоохранительные органы и действующую власть, пропагандируют идеи борьбы с ними, что приводит к дезорганизации общественной жизни и росту преступности.

Так, в г. Югре осенью 2018 г. несовершеннолетние надругались над двумя подростками в гараже. Одного пытали паяльником, второго насильничали гаечным ключом, а также против воли склонили к оральному сексу. В ходе расследования следователи изучили личные страницы преступников в социальных сетях, и было выяснено, что несовершеннолетние подписаны на группы «АУЕ», АСАВ (all cops are bastards — с английского, все копы ублюдки) и другие в том же ключе. В Калужской области 14-летний подросток в присутствии двух 13-летних товарищей решил проучить 11-летнего ученика школы, и в помещении туалета совершил в отношении него насильственные действия сексуального характера. Виновный мальчик стоит на учёте, воспитывается в приемной семье. Его папа находится в местах лишения свободы, мама лишена родительских прав [4].

Подростки видят в совершении подобных действиях некий ритуал самоутверждения и победы над слабыми, безусловно, копируя поведение взрослых лиц, придерживающихся идеологии криминальной субкультуры, с ее тюремными традициями и идеалами, которые такими действиями «опускают» слабых и недостойных людей. И такие жестокие и бесчеловечные преступления встречаются в нашей стране все чаще.

Позитивной практикой в борьбе с подобным явлением выступило решение Верховного суда РФ от 17.08.2020 года о признании движения «Арестантское уголовное единство» экстремистским и запрете его деятельности на территории Российской Федерации [5]. Большинство пабликов и групп, связанных с движением АУЕ в сети Интернет, на территории нашей страны заблокировали в течении 2017-2018 года по инициативе судов различных субъектов федерации. Генеральная прокуратура РФ заявила, что в ходе проверки было заблокировано более 7 тысяч сайтов, которые содержали информацию, пропагандирующую и оправдывающее движение АУЕ [6].

В связи с распространением криминальных традиций и обычаев в современном социуме происходит так называемая криминализация населения. Это касается и взрослых, и детей. Углубление данной тенденции необходимо предотвратить, и Уголовный кодекс не должен выступать единственным методом борьбы с нею. Необходимо уже на ранней стадии осуществлять профилактику в виде комплексных и систематических мер в сфере образования, воспитания и культуры. К сожалению, на сегодняшний день никакие образовательные, воспитательные, социальные, спортивные учреждения, в соответствии с российским законодательством, не могут вмешиваться в жизнь подростка и его семьи, пока не случится какое-либо правонарушение или преступление. Тем самым нет правовой возможности без посредничества правоохранительных органов каким-то образом положительно повлиять на жизнь ребенка и его семьи, чтобы постараться предотвратить наступление более масштабных необратимых последствий, в частности, радикальных проявлений [7].

Современными исследованиями установлено, что преступления экстремистской направленности в большинстве своем совершают лица молодежного возраста от 14 до 30 лет, не имеющие на момент совершения преступления постоянного источника дохода, с низким образовательным и культурным уровнем [8, с. 13-14]. Можно предположить, что современные подростки, в силу большого количества свободного времени, попросту предоставлены самим себе. Отсутствуют родительское внимание и контроль за их деятельностью. Несмотря на желание свободы и вседозволенности, молодые люди, сами того не осознавая, нуждаются в авторитете, дисциплине и порядке, которые бы организовали и дали интерес их жизни. И криминальный мир все это предоставляет. Молодежь, особенно подростки, зачастую так увлекается, что готова следовать жестоким криминальным правилам, зная какие существуют бесчеловечные санкции за их нарушение. При этом подверженные такому негативному влиянию лица не желают жить по законным нормам, с их достаточно мягкими санкциями и предупреждениями, осуществляют настоящие зверства по отношению к людям любого возраста, идут на преступления и готовы отдать последнее что у них есть в «общак» для помощи абсолютно незнакомым лицам.

Современным детям необходимо дать альтернативу, показать, что есть и иные движения – без насилия, унижения, страха и смерти, что есть другие люди которые могут стать для них настоящими авторитетами и героями, которые обладают положительными качествами (заботливые, внимательные, искренние, способные показать и доказать, что доброта - это не слабость, а знания - не изъясн, что мир не делится на касты и страты, что всего можно достичь не совершая преступлений). Только формируя и возрождая добрые традиции, проверенные веками, можно создать мощный заслон распространению «воровской этики». Более того, требуется активизировать и работу по перевоспитанию самих преступников, с учетом того, что: «Преступник исправим только на базе созданных для него позитивных ценностных ориентаций» [9, с. 77].

Литература и источники

1. Гуров А.И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990. С..
2. Барабанов Н.П., Михайлин В.В., Моисеев Н.Д. Понятийная характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 16-25.
3. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Рецидивная преступность и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. №3 (21). С.32-37
4. В Калужской области СК возбудил дело из-за издевательств подростков над пятиклассником // [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/13506829> / Дата доступа: 12.02.2022
5. По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Российской Федерации запретил деятельность молодежного общественного движения «Арестантское уголовное единство» // [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://gen.proc.gov> / Дата доступа: 01.10.2021
6. Громов Д.В. АУЕ: Криминализация молодежи и моральная паника. ООО «Новое литературное обозрение». 2022.
7. Мартыанова С.А., Сунцова М.К. К вопросу о влиянии неформальной системы норм осужденных на правовую систему // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. №11 (63). Ноябрь. С.88-92.
8. Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014.
9. Анисимков В.М. Криминальная субкультура. - Уфа, 1998.

References and Sources

1. Gurov A.I. Professional'naya prestupnost'. Proshloe i sovremennost'. M., 1990. S..
2. Barabanov N.P., Mihajlin V.V., Moiseev N.D. Ponyatijnaya harakteristika kriminal'noj subkul'tury osuzhennyh // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. № 3 (21). S. 16-25.
3. Hisamutdinov F.R., Shalagin A.E. Recidivnaya prestupnost' i ee preduprezhdenie // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2015. №3 (21). S.32-37
4. V Kaluzhskoj oblasti SK vozбудил delo iz-za izdevatel'stv podrostkov nad pyatiklassnikom // [Elektronnyj resurs]. – 2021. – Rezhim dostupa: <https://tass.ru/proisshestiya/13506829> / Data dostupa: 12.02.2022
5. Po isku General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii Igorja Krasnova Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii zapretil deyatel'nost' molodyozhnogo obshchestvennogo dvizheniya «Arestantskoe ugovolnoe edinstvo» // [Elektronnyj resurs]. – 2021. – Rezhim dostupa: <http://gen.proc.gov> / Data dostupa: 01.10.2021
6. Gromov D.V. AUE: Kriminalizaciya molodezhi i moral'naya panika. ООО «Novoe literaturnoe obozrenie». 2022.
7. Mart'yanova S.A., Suncova M.K. K voprosu o vliyaniy neformal'noj sistemy norm osuzhdyonnyh na pravovuyu sistemu // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. 2021. №11 (63). Noyabr'. S.88-92.
8. Petryanin A.V. Protivodejstvie prestupleniyam ekstremistskoj napravlenosti: ugovolno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty. Dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2014.
9. Anisimkov V.M. Kriminal'naya subkul'tura. - Ufa, 1998.

МАРКОВА НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА - старший преподаватель, кафедра уголовного права и криминологии юридического факультета, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (mihahanovanadezhda@mail.ru).

MARKOVA, NADEZHDA S. - Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (mihahanovanadezhda@mail.ru).

ЧЕРЕМНОВА Н.А.
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КИБЕРБУЛЛИНГА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ И
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

Ключевые слова: виктимность, малолетние, несовершеннолетние, Интернет, кибербуллинг, травля, предупреждение, профилактика, условия, личные границы.

В статье исследуются проблемы кибербуллинга в отношении несовершеннолетних. Отмечается отсутствие в настоящее время целостного восприятия существующей в обществе ситуации. Автор рассматривает истинные причины явления, предлагает оптимальные пути изменения сложившегося положения дел, а также анализирует средства профилактики кибербуллинга среди несовершеннолетних и общей профилактики девиантного поведения подростков. В рамках целенаправленной работы с некорректным поведением в Интернете и предупреждения кибербуллинга выделяются два основных направления - совершенствование специальных технических средств защиты, ограничивающих нежелательный контент и обучение пользователей Интернета правилам безопасности и адекватного поведения в сети.

CHEREMNOVA, N.A.
PREVENTION OF CYBERBULLYING AGAINST MINORS AND MINORS

Key words: victimization, minors, minors, Internet, cyberbullying, bullying, prevention, prevention, conditions, personal boundaries.

The article explores the problems of cyberbullying in relation to minors. There is a lack of a holistic perception of the current situation in society. The author examines the true causes of the phenomenon, suggests the best ways to change the current state of affairs, and also analyzes the means of preventing cyberbullying among minors and the general prevention of deviant behavior in adolescents. Within the framework of purposeful work with incorrect behavior on the Internet and prevention of cyberbullying, two main areas are distinguished - the improvement of special technical means of protection that limit unwanted content and the training of Internet users in security rules and adequate behavior on the network.

В современном мире наблюдается тенденция все большего использования детьми и подростками интернет-ресурсов. Зависимость от общения в социальных сетях сочетается у подрастающего поколения с отсутствием навыков безопасных коммуникаций, осознания необходимости соблюдения этики взаимодействия. В связи с этим актуализируется потребность в формировании и соблюдении этических норм поведения в информационном пространстве, а также в формировании умения несовершеннолетних выстраивать грамотную коммуникацию и адекватно отстаивать личные границы.

Данная статья является продолжением начатого ранее исследования вопросов борьбы с таким распространившимся в последнее время явлением, как кибербуллинг в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц. Актуальность его изучения неуклонно растет, в связи с ростом масштабов проблемы. Ведь если раньше психологическое и физическое насилие в подростковой среде было явным и открытым, в связи с чем было более управляемым, то в настоящее время оно переходит в виртуальное пространство.

В предыдущих статьях исследованы факторы, способствующие появлению кибербуллинга, виды и участники этого явления. Также изучены обстоятельства, вызывающие агрессивное поведение одних подростков по отношению к малолетним и несовершеннолетним в Интернете, а также виктимное поведение другой части подростков. Изучены неблагоприятные последствия киберпреследования для участников данной коммуникации [1, 2]. В результате проведенного исследования обоснован вывод о том, что одной из приоритетных задач формирования гармоничного общества является сохранение психологического здоровья молодого поколения. В данной связи необходимо активно противодействовать различным проявлениям угроз в сети, и в этом плане важное значение имеет борьба с кибербуллингом.

Проанализирую важные, на мой взгляд, условия, способствующие успешной превенции кибербуллинга в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц.

Для положительных результатов в противостоянии кибербуллингу важно своевременно обнаружить и грамотно отреагировать на него. В силу специфики воздействия злоумышленника на жертву, родителям и учителям не всегда получается распознать проявления травли посредством Интернета на этапе ее возникновения. Чаще всего близкие узнают о фактах воздействия достаточно поздно, когда конфликт проявляется активно. Меры же профилактики конфликта, которые удается предпринять вовремя, способствуют его смягчению и препятствуют дальнейшему развитию.

Для предотвращения кибербуллинга необходимо осознавать механизм воздействия на жертву. Достаточно распространенными являются случаи создания специальных страниц, где

жертву называют обидными кличками, оскорбляют, размещают злобные карикатуры на нее, публикуют провокационные фото или видео (часто сексуального характера, с предложением соответствующих услуг), распространяют ложную, либо же дискредитирующую жертву истинную информацию (вопреки воле жертвы), осуществляют иного рода издевательства. Распространены и опасны случаи, когда подростков буквально закидывают в чате, на их страничке или в личных сообщениях комментариями с оскорблениями, угрозами, домогательствами, от которых жертва не может скрыться и найти для себя безопасное пространство. Также преследователи могут писать сообщения от лица жертвы ее близким и знакомым с различными угрозами, оскорблениями, просьбами перечислить деньги и пр. Распространенным способом издевательства над подростком является исключение его из чатов, групп в Интернете в связи с любым поводом для этого (рост, телосложение, недостаточная сообразительность либо, наоборот, хорошие знания).

Успешной профилактике данного явления, прежде всего, должно способствовать осознание обществом существенных последствий кибербуллинга как для жертвы, так и для преследователей и свидетелей этого процесса. В отличие от травли, происходящей в реальности, воздействие на жертву посредством телекоммуникационной связи нередко несет гораздо больший урон ее психическому здоровью и репутации, поскольку создает опасность распространения ложных порочащих ее сведений, происходит чаще всего анонимно, получает широкую огласку, проводится порой 24 часа в сутки. При этом необходимо осознавать сложность выявления подобных случаев, которая заключается в том, что жертвы зачастую боятся поделиться своими переживаниями о ситуации со взрослыми по разным причинам: отсутствие доверительных отношений в семье, страх осуждения и даже наказания со стороны близких, а также лишения доступа к Интернету. Именно это существенно затрудняет обнаружение и устранение травли в отношении подростков.

Знание симптомов и признаков психологического воздействия, оказываемого на ребенка, также способствует выявлению и профилактике подобных случаев на ранних стадиях возникновения.

Признаками эмоционального неблагополучия подростка в связи с травлей в Интернете чаще всего являются:

- ухудшение здоровья (появление головных болей, болей в животе, расстройство сна, частая смена настроения);
- изменение поведение (закрытость в себе, подросток много внимания уделяет играм, соцсетям, у него снижается успеваемость);
- пропажа вещей и денег из дома [3, с. 8].

Важнейшим условием превенции кибербуллинга является целенаправленная работа с некорректным поведением в Интернете. В данной работе выделяются два основных направления.

Первое направление по предупреждению кибербуллинга в отношении малолетних и несовершеннолетних детей обеспечивается специальными техническими средствами защиты, ограничивающими нежелательный контент. Так, для предупреждения виктимности малолетних и несовершеннолетних существуют различные фильтры для цензурирования контента; предусмотрена двухфакторная аутентификация при входе в аккаунты, когда от пользователя дополнительно требуется код подтверждения. Также разработаны различные встроенные средства родительского контроля и специализированные приложения: Google Family Link, Kaspersky SafeKids, Norton Family Parental Control, Mobile Fence Parental Control, Teen Time, Где мои дети [4].

Указанными приложениями обеспечиваются следующие функции:

- защита настроек родительского контроля паролем;
- ограничение времени пользования гаджетом (например, ребенок получает доступ к Интернету только в то время, когда родители будут дома, также есть возможность удаленной блокировки);
- ограничение использования определенных контента и приложений (игры, фильмы, музыка, установка нежелательных программ);
- веб-фильтрация (блокировка нежелательных для детей ресурсов);
- мониторинг местоположения (местоположение в конкретный момент и за месяц, выход за пределы оговоренной территории);

– контроль общения (статистика использования устройства и другие настройки конфиденциальности персональных аккаунтов. Родители могут увидеть список звонков, читать СМС-сообщения, смотреть содержание социальных сетей);

– SOS (ребёнок может подать сигнал тревоги, и родители узнают его местонахождение и звуки, которые слышны рядом).

Также существует обратная связь с разработчиками социальных сетей. В случае подозрения на неправомерные действия со стороны тех или иных сообществ или людей всегда можно сообщить об этом в службу поддержки напрямую или «пожаловаться на сообщество» в настройках.

Вторым направлением по предупреждению кибербуллинга в отношении малолетних и несовершеннолетних детей является обучение пользователей Интернета правилам безопасности и адекватного поведения в сети. Данные правила безопасности, на наш взгляд, следует разделить на две группы:

– обучение пользователей (как подростков и родителей, так и педагогов, психологов и других представителей помогающих профессий) техническим инструментам и алгоритму противодействия некорректному поведению со стороны других пользователей (какие фильтры и как настраивать, как написать в техподдержку и т.п.);

– обучение общим правилам безопасности в сети (рекомендации о размещении личной информации в открытом доступе; запрет переписки с незнакомыми лицами, предлагающими какие-либо сомнительные услуги, встречи и т.п., алгоритм поведения в случае, когда родители обнаруживают травлю в отношении их ребенка, и т.д.).

Информационные сайты, направленные на улучшение интернет-грамотности и обучение корректному поведению в сети Интернете, существуют в разных странах. Программы и социальные проекты, посвященные безопасному поведению в сети, получают все большее распространение. Эти программы разрабатываются с учётом особенностей пользователей. Программы, направленные на повышение уровня квалификации педагогов, врачей, психологов в сфере разрешения проблемных ситуаций, связанных с интернет-агрессией, целенаправленно внедряются во все сферы жизни. Проводятся различного рода игры, тренинги, максимально приближенно создающие ситуацию кибертравли и предлагающие выбор поведения [5].

Также особую значимость в профилактике кибервоздействия на малолетних и несовершеннолетних лиц играют мероприятия, направленные на выстраивание доверительных коммуникаций подростков со значимыми взрослыми. Например, проект «Ресурсный центр обучения детей с использованием дистанционных образовательных технологий» [6] содержит перечень детских безопасных сайтов, направленных на всестороннее развитие детей и подростков, общение, получение актуальной информации по интересующим темам и сферам жизни, знакомства, творческое развитие.

Многие программы обращают внимание на важность контроля родителей за поведением подростков в Интернете. Однако эта тема является достаточно дискуссионной, так как детям необходимо учиться быть самостоятельными в принятии решений, понимании особенностей построения адекватных взаимоотношений с людьми как в реальной жизни, так и в Интернете. При этом благоприятные отношения родителей и ребенка всегда способствуют наиболее оптимальной социализации последних как в сети, так и в обычной жизни. Для безопасного же взаимодействия подростков с другими людьми и снижения риска вовлечения в ситуацию киберпреследования важно формировать у них навыки осознанного поведения в Интернете и применения системы мер предосторожности [3, с. 11].

Одним из значимых условий профилактики кибербуллинга в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц является изучение внутреннего состояния и поведения жертвы, агрессора, свидетелей, а также изучение возможности решения проблем, возникающих в связи с киберпреследованием. Подобные исследования в последнее время проводятся все чаще, и их авторами даются различные рекомендации по поведению в той или иной ситуации.

На мой взгляд, в настоящий момент основной задачей профилактики кибербуллинга является психологическая работа с подростками, родителями и представителями помогающих профессий, в результате которой должны формироваться навыки адекватного поведения и умения гармонично выстраивать межличностную коммуникацию. Одним из ключевых аспектов здесь

выступает приобретение потенциальной жертвой навыков выстраивания личных границ и обеспечения их оптимальной устойчивости в разных ситуациях. Вместе с тем такие навыки возможно сформировать только на базе четкого восприятия себя как отдельного индивида с набором уникальных качеств и сторон личности, при этом имеющего понимание, какое воздействие со стороны является существенным вторжением в мир ценностей, превращая концепцию «Я» уже в «Не Я», опирающуюся, по моему мнению, на пирамиду ценностей А. Маслоу [7].

Конечно же, ключевым условием профилактики исследуемого явления является политика государства, направленная на реализацию в обществе профилактических мер, которые заключаются в формировании духовных, нравственных, культурных, семейных ценностей и традиций; воспитание целостной, психически здоровой личности, умеющей адекватно реализовывать свои задачи в обществе, грамотно выстраивать коммуникацию; развитие в людях милосердия и сочувствия, добра и взаимопомощи, уважения к старшему поколению. Важным этапом формирования зрелой личности станет пропаганда уважительного отношения к детям как к самостоятельным, талантливым личностям и направленность на развитие положительных качеств. Поддержка и укрепление профессий, формирующих нравственный и духовный потенциал общества, позволят обеспечить практическую реализацию указанных выше задач. В связи с этим важное значение приобретает выстраивание фокуса внимания на целостное восприятие всех протекающих процессов, происходящих в обществе, и исследование глубинных причин происходящих событий и явлений на всех уровнях, возрождение принципов преемственности поколений на уровне семьи, общества и государства.

Литература и источники

1. Бабури В.В., Черемнова Н.А. Травля в информационном пространстве (кибербуллинг) и виктимность малолетних и несовершеннолетних лиц // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3. С. 54-59.
2. Черемнова Н.А. Причины виктимности малолетних и несовершеннолетних лиц в информационном пространстве // Проблемы и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики органов внутренних дел»: мат-лы междунар. дистанционной науч.-практ. конф., посвященной 30-летию казахстанской полиции. Караганда: Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2022. С. 232-236.
3. Носова Н.В., Калинин Е.М., Камракова Н.Ю. Профилактика кибербуллинга среди обучающихся образовательной организации: учебное пособие. Вологда: Вологодский институт развития образования, 2019. 52 с.
4. ТОП-11 бесплатных программ родительского контроля // URL: <https://sdelai-comp.ru/obzori/programmi-roditelskogo-kontrolya.html> (дата обращения: 05.06.2023).
5. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник ГУУ. 2018. № 2.
6. Ресурсный центр обучения детей с использованием дистанционных образовательных технологий // URL: <https://nncdo.ru/detskie-bezopasnye-sajty-2/> (дата обращения: 05.06.2023).
7. Шэрон М. Невидимый часовой: как определить и укрепить личные границы // URL: <https://www.psychologies.ru/standpoint/nevidimyy-chasovoy-kak-opredelit-i-ukrepit-lichnyie-granitsyi/> (дата обращения: 05.06.2023).

References and Sources

1. Baburin V.V., Cheremnova N.A. Travlya v informacionnom prostranstve (kiberbulling) i viktimnost' maloletnih i nesovershennoletnih lic // Altajskij juridicheskij vestnik. 2022. № 3. S. 54-59.
2. Cheremnova N.A. Prichiny viktimnosti maloletnih i nesovershennoletnih lic v informacionnom prostranstve // Problemy i perspektivy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva i pravoprinenitel'noj praktiki organov vnutrennih del»: mat-ly mezhdunar. distancionnoj nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 30-letiyu kazahstanskoj policii. Karaganda: Karagandinskaya akademiya MVD Respubliki Kazahstan im. B. Bejsenova, 2022. S. 232-236.
3. Nosova N.V., Kalinkina E.M., Kamrakova N.Yu. Profilaktika kiberbullinga sredi obuchayushchihsya obrazovatel'noj organizacii: uchebnoe posobie. Vologda: Vologodskij institut razvitiya obrazovaniya, 2019. 52 s.
4. TOP-11 besplatnyh programm roditel'skogo kontrolya // URL: <https://sdelai-comp.ru/obzori/programmi-roditelskogo-kontrolya.html> (data obrashcheniya: 05.06.2023).
5. Bengina E.A., Grishaeva S.A. Kiberbulling kak novaya forma ugrozy psihologicheskomu zdorov'yu lichnosti podrostka // Vestnik GUU. 2018. № 2.
6. Resursnyj centr obucheniya detej s ispol'zovaniem distancionnyh obrazovatel'nyh tekhnologij // URL: <https://nncdo.ru/detskie-bezopasnye-sajty-2/> (data obrashcheniya: 05.06.2023).
7. Sheron M. Nevidimyy chasovoj: kak opredelit' i ukrepit' lichnye granicy // URL: <https://www.psychologies.ru/standpoint/nevidimyy-chasovoy-kak-opredelit-i-ukrepit-lichnyie-granitsyi/> (data obrashcheniya: 05.06.2023).

ЧЕРЕМНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Омская академия МВД России (zeremnova@list.ru).

CHEREMNOVA, NATALIA A. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

ТИХАНИН И.В.
**КЛАССИФИКАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Ключевые слова: антикоррупционные стандарты, уголовное судопроизводство, классификация, противодействие коррупции, международные организации, конвенции, национальные стандарты.

В статье рассматривается классификация антикоррупционных стандартов в российском уголовном судопроизводстве. В работе представлены результаты анализа данных стандартов и предложена комплексная классификация различных типов антикоррупционных стандартов, реализуемых в уголовно-юрисдикционной деятельности. Автор предлагает классификации, исходя из учета сферы деятельности, субъекта принятия антикоррупционного стандарта, степени обязательности исполнения, содержания, способа правового регулирования. Обоснован вывод о том, что, несмотря на наличие ряда нормативных актов, в настоящее время в России на законодательном уровне не разрешен вопрос о закреплении антикоррупционного стандарта в уголовно-юрисдикционной деятельности. Отсутствует и Федеральный закон, который мог бы раскрыть как дефиницию, так и содержание антикоррупционного стандарта в указанной процессуальной деятельности.

TIKHANIN, I.V.
CLASSIFICATION OF ANTI-CORRUPTION STANDARDS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Key words: anti-corruption standards, criminal proceedings, classification, anti-corruption, international organizations, conventions, national standards.

The article considers the classification of anti-corruption standards in Russian criminal proceedings. The paper presents the results of the analysis of these standards and proposes a comprehensive classification of various types of anti-corruption standards implemented in criminal jurisdictional activities. The author proposes classifications based on the field of activity, the subject of the adoption of the anti-corruption standard, the degree of mandatory execution, content, method of legal regulation. The conclusion is substantiated that, despite the existence of a number of regulations, at the present time in Russia at the legislative level the issue of fixing the anti-corruption standard in criminal jurisdictional activities has not been resolved. There is also no federal law that could reveal both the definition and the content of the anti-corruption standard in the specified procedural activity.

Проблема противодействия коррупции является для научной доктрины одной из наиболее актуальных и потому востребованных тем. В последние годы в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации этой проблематике был посвящен целый ряд коллективных [1-5] и индивидуальных [6-9] научных трудов, в которых отражены наиболее актуальные вопросы, возникающие в процессе реализации антикоррупционных стандартов и борьбы с коррупцией, предложены комплексные пути решения имеющихся задач.

На сегодняшний день ученые-юристы понятие антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве рассматривают в двух плоскостях. С одной стороны, под антикоррупционными стандартами подразумевают принятые на межгосударственном уровне правовые акты, содержащие общие принципы и правила деятельности государств-участников по вопросам противодействия коррупции (международные антикоррупционные стандарты (далее – МАС). С другой стороны, под антикоррупционными стандартами применительно к уголовному процессу подразумевают средство правового регулирования поведения участников уголовного судопроизводства.

Множество международных и национальных правовых актов, содержащих антикоррупционные стандарты и призванных противодействовать коррупции в уголовном судопроизводстве, можно условно подразделить по следующим основаниям.

Во-первых, по сфере деятельности различаются международные универсальные, региональные (территориальные) и двухсторонние, а также национальные антикоррупционные стандарты.

При этом, под универсальными МАС понимают стандарты, разрабатываемые государствами в ходе совместной работы в масштабах ООН. Как справедливо отметила академик РАН Хабриева Т.Я.: «отличительной чертой современного этапа международного сотрудничества в противостоянии коррупции является создание международных антикоррупционных стандартов как одного из сегментов международно-правового регулирования противодействия коррупции» [10]. Наиболее значимым примером такого сотрудничества выступает Конвенция ООН против коррупции [11] (далее – КПК ООН), регламентирующая достаточно широкий круг вопросов взаимодействия государств-членов по профилактике и противодействию коррупции. К этой же группе стандартов можно отнести Конвенцию ООН против транснациональной организованной

преступности [12] (далее – КПТОП), обозначившую в числе основных направлений деятельности содействие в борьбе с организованной преступностью, отмыванием преступных доходов и коррупцией, принятие мер по выявлению, отслеживанию и аресту преступных активов, уголовном преследовании за совершение преступлений, выдачу преступников и ряд других.

Под региональными МАС подразумевают международно-правовые документы регионального уровня, являющиеся результатом работы в рамках международных организаций, объединенных по территориальному признаку. Здесь следует отметить Совет Европы (далее – СЕ), который активно участвует в разработке антикоррупционных соглашений территориального уровня. Например, Конвенция СЕ об уголовной ответственности за коррупцию [13] предполагает активное сотрудничество правоохранительных органов при проведении расследования и разбирательства уголовных правонарушений, признаваемых таковыми Конвенцией.

Не менее важное значение для России имеют антикоррупционные соглашения, разрабатываемые в рамках Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС) [14, 15], Содружества независимых государств (далее – СНГ) [16] и других.

Под антикоррупционными стандартами двустороннего международного характера понимаются соглашения (договоры), заключённые между двумя государствами или международными организациями [17].

К национальным антикоррупционным стандартам можно отнести Федеральный закон «О противодействии коррупции» [18] (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ), Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [19] и другие нормативные правовые акты [20, 21].

Во-вторых, по субъекту принятия антикоррупционного стандарта различают стандарты, разработанные международными государственными или негосударственными организациями, транснациональными корпорациями, наднациональными структурами, национальными органами власти.

Например, к МАС, разработанным международными государственными организациями и органами, относят стандарты, принятые международными организациями. К таким организациям можно отнести: ООН, ЕС, ШОС, СНГ и другие. Указанные МАС закрепляются в международных договорах, которые в дальнейшем ложатся в основу национальной правовой системы.

Весомый вклад в противодействие коррупции вносят акты международных неправительственных организаций (далее – МНПО). Среди таких организаций следует выделить ФАТФ [22], в число задач которой входит выработка рекомендаций [23] по борьбе с отмыванием денег, финансированием терроризма и распространением оружия массового уничтожения, которые являются базовым международным документом и основой для создания эффективных национальных систем по борьбе с подобными вызовами и угрозами. Можно назвать и другие МНПО (неформальные объединения, площадки, форумы), принимающие антикоррупционные решения с участием России, например, Всемирный банк, «Группа восьми», Всемирный экономический форум и другие.

К числу национальных антикоррупционных документов, кроме федеральных законов, указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, можно отнести разрабатываемые правоохранительными органами страны Кодексы этики и служебного поведения федеральных государственных служащих [24].

В-третьих, по степени обязательности исполнения антикоррупционные стандарты подразделяются на обязательные и рекомендательные.

Так, к антикоррупционным стандартам, подлежащим обязательному исполнению, относятся международные договоры [25], нормативные правовые акты международных организаций, Конституция РФ и федеральные законы.

К антикоррупционным стандартам, носящим рекомендательный характер, в качестве примера можно отнести принятую в 2009 году Советом ОЭСР Рекомендацию по дальнейшей борьбе с подкупом иностранных публичных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок или разработанные Министерством труда России Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации [26], другие правовые акты [27].

Ученые ИЗиСП совершенно справедливо отмечают, что, «несмотря на «мягкий характер», рекомендации международных организаций оказывают влияние на формирование ориентиров и базовых принципов противодействия коррупции, тем самым содействуя имплементации международных антикоррупционных стандартов» [28, с. 16] в российское законодательство.

В-четвертых, антикоррупционные стандарты можно классифицировать по их содержанию на общие, отраслевые и специальные.

Так, под антикоррупционными стандартами, носящими общий характер, подразумевают документы по вопросам борьбы с коррупцией в целом или посвященные ее конкретным проблемам. Примером этому может служить КПК ООН, КПТОП ООН, Конституция РФ, Федеральный закон № 273-ФЗ и другие акты. Антикоррупционные стандарты, направленные на противодействие коррупции в определенной отрасли права, называют отраслевыми. Стандарты, направленные на противодействие коррупции в сфере уголовного судопроизводства, содержатся в уголовно-процессуальном кодексе РФ и других источниках процессуального закона. Специальные стандарты – это правовые акты, направленные на решение отдельных вопросов противодействия коррупции. К этой категории можно отнести антикоррупционные стандарты проведения отдельных следственных действий, принятия процессуальных решений либо, в зависимости от участника уголовного судопроизводства, антикоррупционные стандарты поведения следователя, прокурора, судьи, эксперта и других.

Кроме этого, по способу правового регулирования антикоррупционные стандарты можно подразделить на гарантии, запреты, ограничения и дозволения. Так, например, уголовно-процессуальный кодекс включает в себя ряд норм, в структуре которых содержатся дозволения. Например, права участников процесса, предусмотренные ст. ст. 42, 44, 46, 47 УПК РФ, которые сочетаются с обязанностью суда, прокурора, следователя, лица, проводящего дознание, их разъяснить и обеспечить. Установление запретов на участие должностных лиц в расследовании и рассмотрении дела (глава 9 УПК РФ) применяется в сочетании с процессуальным правом лиц, вовлеченных в сферу уголовной юстиции, на заявление отводов.

В заключение следует отметить, что с момента принятия Федерального закона «О противодействии коррупции», на законодательном уровне не разрешен вопрос о закреплении антикоррупционного стандарта в уголовно-юрисдикционной деятельности. Отсутствует и Федеральный закон, который мог бы раскрыть как дефиницию, так и содержание антикоррупционного стандарта в указанной процессуальной деятельности. Указанная проблема позволяет говорить о том, что реализация антикоррупционных стандартов в российском уголовном судопроизводстве требует дальнейшего изучения и развития, а также выработки законодательных решений.

Литература и источники

1. Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2012. 688 с.
2. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: научно-практическое пособие / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: ИЗиСП: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2021. 284 с.
3. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель; ИЗиСП. М.: ООО «Юридическая фирма Контракт», 2021. 320 с.
4. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях: научно-практический комментарий к главе 23 Уголовного кодекса Российской Федерации / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: Проспект, 2022. 136 с.
5. Конституционно-правовые ориентиры противодействия коррупции. Противодействие коррупции как национальный приоритет в практике, науке и образовании: материалы Десятого и Одиннадцатого Евразийских антикоррупционных форумов (Москва, 20 апреля 2021 г., 20 апреля 2022 г.) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: ИЗиСП; ИД «Юриспруденция», 2023. 448 с.
6. Зайцев О.А., Нудель С.Л. Реализация Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года и ее роль в обеспечении национальной безопасности: уголовно-правовой аспект // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 8. С. 86-103.
7. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Укрепление правопорядка и противодействие коррупции в условиях евразийской интеграции // Общественные науки и современность. 2017. № 1. С. 5-19.
8. Ястребов В.Б., Молчанова М.А. Проблемы имплементации международных антикоррупционных соглашений в законодательство государств, возникших на постсоветском пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 127-135.
9. Тиханин И.В. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве как средство противодействия коррупции // Право и управление. 2023. №2. С.282-288.
10. Антикоррупционные стандарты Организации экономического сотрудничества и развития и их реализация в Российской Федерации: монография / С.В. Борисов, А.А. Каширкина, А.Н. Морозов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова. М.: ИЗиСП, 2015. // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 16.04.2023).

11. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН)// Бюллетень международных договоров. 2006. №10.
12. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2.
13. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию ETS N 173 от 27.01.1999 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 16.04.2023).
14. Стратегия развития ШОС до 2025 г. // <http://www.infoshos.ru/ru/?id=125> (дата обращения 17.04.2023)
15. Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 10.06.2018 // <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения 16.04.2023).
16. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в противодействии коррупции от 14.10.2022 // <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/6631#documentCard> (дата обращения 10.04.2023).
17. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией от 25.12.2013 // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408110001?rangeSize=50> (дата обращения 28.05.2023).
18. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.05.2023).
19. Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.05.2023).
20. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы» // СЗ РФ. 23.08.2021. № 34. ст. 6170.
21. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. ст. 2902.
22. ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег - Financial Action Task Force, FATF) учреждена «семеркой» при участии Европейской комиссии в ходе Парижской встречи G7 в июле 1989 года. Российская Федерация принята в члены в июне 2003 года // <https://www.fedsfm.ru/activity/fatf> (дата обращения 25.05.2023).
23. В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1617 (2005) 40+9 рекомендаций ФАТФ являются обязательными международными стандартами для выполнения государствами-членами ООН // <https://www.fedsfm.ru/activity/fatf> (дата обращения 25.05.2023).
24. «Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации» (утв. Следственным комитетом РФ 11.04.2011) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 14.05.2023).
25. Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок от 21 ноября 1997 г. // СЗ РФ. 2012. № 17. Ст. 1899.
26. «Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации» (утв. Минтрудом России) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 28.05.2023).
27. Глобальные стандарты по борьбе с коррупцией в полицейских силах/службах: приняты 24.10.2002 Генеральной ассамблеей Интерпола.
28. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции и практики его применения / О.А. Плохой, Н.Г. Семилютина, А.М. Цирин и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2014.

References and Sources

1. Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodejstvie. Monografiya / otv. red. akademik RAN T.Ya. Habrieva. M.: ID «Yurisprudenciya», 2012. 688 s.
2. Ugolovno-pravovaya ohrana finansovo-byudzhetoj sfery: nuchno-prakticheskoe posobie / otv. red. I.I. Kucherov, O.A. Zajcev, S.L. Nudel'. M.: IZiSP: ООО «Yuridicheskaya firma Kontrakt», 2021. 284 s.
3. Ekonomicheskaya bezopasnost' (ugolovno-pravovye mekhanizmy obespecheniya): monografiya / otv. red. I.I. Kucherov, O.A. Zajcev, S.L. Nudel'; IZiSP. M.: ООО «Yuridicheskaya firma Kontrakt», 2021. 320 s.
4. Prestupleniya protiv interesov sluzhby v kommercheskih i inyh organizacijah: nauchno-prakticheskij kommentarij k glave 23 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii/ otv. red. I.I. Kucherov, O.A. Zajcev, S.L. Nudel'. M.: Prospekt, 2022. 136 s.
5. Konstitucionno-pravovye orientiry protivodejstviya korruptcii. Protivodejstvie korruptcii kak nacional'nyj prioritet v praktike, nauke i obrazovanii: materialy Desyatogo i Odinnadcatogo Evrazijskih antikorrupcionnyh forumov (Moskva, 20 aprelya 2021 g., 20 aprelya 2022 g.) / otv. red. T.Ya. Habrieva. M.: IZiSP; ID «Yurisprudenciya», 2023. 448 s.
6. Zajcev O.A., Nudel' S.L. Realizaciya Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2030 goda i ee rol' v obespechenii nacional'noj bezopasnosti: ugolovno-pravovoj aspekt // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. T. 25. № 8. S. 86-103.
7. Habrieva T.Ya., Chernogor N.N. Ukreplenie pravoporyadka i protivodejstvie korruptcii v usloviyah evrazijskoj integracii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2017. № 1. S. 5-19.
8. Yastrebov V.B., Molchanova M.A. Problemy implementacii mezhdunarodnyh antikorrupcionnyh soglashenij v zakonodatel'stvo gosudarstv, vznikshih na postsovet'skom prostranstve // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2016. № 3 (58). S. 127–135.
9. Tihanin I.V. Cifrovye tekhnologii v ugolovnom sudoproizvodstve kak sredstvo protivodejstviya korruptcii // Pravo i upravlenie. 2023. №2. S.282-288.
10. Antikorrupcionnye standarty Organizacii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya i ih realizaciya v Rossijskoj Federacii: monografiya / S.V. Borisov, A.A. Kashirina, A.N. Morozov i dr.; pod red. T.Ya. Habrievoj, A.V. Fedorova. M.: IZiSP, 2015. // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya 16.04.2023).
11. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv korruptcii (prinyata v g. N'yu-Jork 31.10.2003 Rezolyuciej 58/4 na 51-om plenarom zasedanii 58-oj sessii General'noj Assamblei OON)// Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2006. №10.
12. Konvenciya Organizacii Ob"edinennyh Nacij protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti ot 15.11.2000 // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2005. № 2.
13. Konvenciya ob ugolovnoj otvetstvennosti za korruptsiyu ETS N 173 ot 27.01.1999 // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya 16.04.2023).
14. Strategiya razvitiya ShOS do 2025 g. // <http://www.infoshos.ru/ru/?id=125> (data obrashcheniya 17.04.2023)
15. Cindaoskaya deklaraciya Soveta glav gosudarstv – chlenov Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva ot 10.06.2018 // <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (data obrashcheniya 16.04.2023).
16. Soglashenie o sotrudnichestve gosudarstv – uchastnikov Sotrudzhestva Nezavisimyh Gosudarstv v protivodejstvii korruptcii ot 14.10.2022 // <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/6631#documentCard> (data obrashcheniya 10.04.2023).

17. Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Belarus' o povyshenii effektivnosti sotrudnichestva v sfere bor'by s korrupciej ot 25.12.2013 // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408110001?rangeSize=50> (data obrashcheniya 28.05.2023).
18. Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ (red. ot 06.02.2023) «O protivodejstvii korrupcii» // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya 25.05.2023).
19. Federal'nyj zakon ot 17.07.2009 № 172-FZ (red. ot 05.12.2022) «Ob antikorrupcionnoj ekspertize normativnyh pravovyh aktov i proektov normativnyh pravovyh aktov» // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya 25.05.2023).
20. Ukaz Prezidenta RF ot 16.08.2021 № 478 «O Nacional'nom plane protivodejstviya korrupcii na 2021 - 2024 gody» // SZ RF. 23.08.2021. № 34. st. 6170.
21. Ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2017 № 208 «O Strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // SZ RF. 15.05.2017. № 20. st. 2902.
22. FATF (Gruppa razrabotki finansovyh mer po bor'be s otnyvaniem deneg - Financial Action Task Force, FATF) uchrezhdena «semerkoj» pri uchastii Evropejskoj komissii v hode Parizhskoj vstrechi G7 v iyule 1989 goda. Rossijskaya Federaciya prinyata v chleny v iyune 2003 goda // <https://www.fedsfm.ru/activity/fatf> (data obrashcheniya 25.05.2023).
23. V sootvetstvii s rezolyuciej Soveta Bezopasnosti OON № 1617 (2005) 40+9 rekomendacij FATF yavlyayutsya obyazatel'nymi mezhdunarodnymi standartami dlya vypolneniya gosudarstvami-chlenami OON // <https://www.fedsfm.ru/activity/fatf> (data obrashcheniya 25.05.2023).
24. «Kodeks etiki i sluzhebno govedeniya federal'nyh gosudarstvennyh sluzhashchih Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii» (utv. Sledstvennym komitetom RF 11.04.2011) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya 14.05.2023).
25. Konvenciya po bor'be s podkupom inostrannyh dolzhnostnyh lic pri osushchestvlenii mezhdunarodnyh kommercheskih sdelok ot 21 noyabrya 1997 g. // SZ RF. 2012. № 17. St. 1899.
26. «Rekomendacii po porjadku provedeniya ocenki korrupcionnyh riskov v organizacii» (utv. Mintrudom Rossii) // SPS «Konsul'tant Plyus» (data obrashcheniya 28.05.2023).
27. Global'nye standarty po bor'be s korrupciej v policejskih silah/sluzhbah: prinyaty 24.10.2002 General'noj assambleej Interpola.
28. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o protivodejstvii korrupcii i praktiki ego primeneniya / O.A. Plohoj, N.G. Semilyutina, A.M. Cirin i dr.; pod red. T.Ya. Habrievoj. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2014.

ТИХАНИН ИЛЛАРИОН ВИКТОРОВИЧ – аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (larik_t73@mail.ru)
TIKHANIN ILLARION VIKTOROVICH – Ph.D. Student, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (larik_t73@mail.ru).

УДК 343.34

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-92-97

РЫВКИН С.Ю.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДНК–ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: гибель военнослужащих, результаты генетических экспертиз, ДНК–дактилоскопия, ДНК–фенотипирование, ДНК–профилей подозреваемых, ДНК маркеры, ДНК-химеры.

В статье обосновывается актуальность использования современных методов исследования биологического материала человека, которые прочно вошли в судебно-медицинскую и следственную практику. В настоящее время обнаружение на месте происшествия даже ничтожно малого количества следов биологического происхождения (крови, спермы, слюны, волос и др.) позволяет проводить идентификационные исследования в целях установления личности преступника, потерпевшего, неопознанного трупа. Отмечается, что ДНК–дактилоскопия является высоконаучным и точным методом, способным решать сложные задачи военно-прикладной криминалистики, особенно в условиях боевых столкновений. Вместе с тем выявлен спектр проблем, который негативно отражается, прежде всего, на достоверности полученных экспертных заключений. Причем эти проблемы связаны как с объективными причинами - недостаточным развитием криминалистических знаний, так и с субъективными - недобросовестностью вовлеченных в процесс ДНК-анализа субъектов. Отрицательно сказывается на практике применения ДНК-анализа отсутствие полноценных баз геномной регистрации. В настоящее время требуется проведение глубоких методологических исследований использования генной инженерии, ДНК-химер, антивирусных препаратов, способных вызвать определенные изменения в молекулярных структурах и затруднить процессы криминалистической индентификации.

RYVKIN, S.Yu.

FORENSIC FUNDAMENTALS OF THE USE OF DNA RESEARCH

Key words: the death of military personnel, the results of genetic examinations, DNA fingerprinting, DNA phenotyping, DNA profiles of suspects, DNA markers, DNA chimeras.

The article substantiates the relevance of the use of modern methods for the study of human biological material, which have long been included in forensic and investigative practice. Currently, the detection at the scene of an incident of even a negligible number of traces of biological origin (blood, semen, saliva, hair, etc.) allows identification studies to be carried out in order to establish the identity of the perpetrator, the victim, an unidentified corpse. It is noted that DNA fingerprinting is a highly scientific and accurate method capable of solving complex tasks of military-applied criminology, especially in the conditions of combat collisions. At the same time, a range of problems has been identified, which negatively affects, first of all, the reliability of the expert opinions received. Moreover, these problems are associated with both objective reasons - insufficient development of forensic knowledge, and subjective ones - the dishonesty of the subjects involved in the DNA analysis process. The lack of full-fledged genomic registration databases negatively affects the scope of DNA analysis. Currently, deep methodological studies of the use of genetic engineering, DNA chimeras, antiviral drugs that contribute to causing certain changes in molecular structures and complicate the processes of forensic identification are required.

Самым надежным способом избежать ответственности за содеянное во все времена считалось не только бегство с места преступления, но и из страны пребывания. Чем серьезнее бывает преступление, тем сильнее желание уйти от ответственности. В стремлении быть

неузнанным в новом месте пребывания преступники используют поддельные документы, меняют фамилию, изменяют внешность, образ жизни. Поэтому одним из главных и эффективных способов борьбы с преступностью, а равно изобличения преступника является его идентификация по биологическим материалам.

Эволюция общественных отношений, обусловленная беспрецедентным научным, техническим и информационным прогрессом, к сожалению, влияет и на преступность. Соответственно, возникает потребность в создании инновационных средств борьбы с ней, в разработке новых методов расследования, что невозможно без развития отраслей криминалистической техники. Одними из инновационных методов в криминалистике и судебной экспертизе является генетическая дактилоскопия, являющаяся высокоточным инструментом идентификации на основе различного биологического материала человека, содержащего в себе ДНК. Результаты генетических экспертиз - весомое доказательство в уголовном деле, более того возможность их проведения благотворно сказывается на эффективности и оперативности расследования преступлений. Как любой другой метод криминалистической техники, в генетической дактилоскопии есть проблемы, требующие своего разрешения. Комплексный анализ данного метода, проведенный в статье включает выявление исторических особенностей зарождения ДНК-исследований и их использования в криминалистике, а также изучение его потенциала для расследования преступлений, связанных с гибелью военнослужащих. При этом анализируются проблемы, отрицательно влияющие на практическое использование метода генетической дактилоскопии, а также проводится мысль, что даже такой высокоточный инновационный продукт как ДНК-дактилоскопия все же не является абсолютно совершенным методом сбора доказательств.

В современной преступности, как в любом общественном явлении, отражаются все тенденции общесоциального развития, в том числе инновационные, научные, высокотехнические и т.д. Перед правоохранительными органами ставится задача создания и овладения новыми средствами и методами выявления, расследования и раскрытия преступлений. Формирование полноценной доказательственной базы по любому уголовному делу – одна из основных задач органов предварительного расследования. В этом процессе ведущая роль отводится инструментам криминалистической техники, особенно инновационным и высокотехнологичным, позволяющим получить положительные результаты в сложных условиях.

Одним из перспективных инструментов является ДНК- или геномная дактилоскопия, основное предназначение которой в настоящее время заключается в идентификации человека по его биологическим материалам.

Помимо идентификационных задач, ДНК-исследования позволяют решать диагностические задачи; определяют принадлежность частей тела человека, биологическое родство; перспективны для определения причины и давности смерти; телесных повреждений и т.д.; перспективным направлением является ДНК-фенотипирование. Объектом ДНК-анализа может быть любая часть или субстанция человеческого организма, даже микроскопическая, включая гистологические препараты, цитологические мазки и потожировые следы пальцев. Следует отметить, что степень сложности геномного исследования напрямую зависит от вида экспертного образца.

В настоящее время, к сожалению, еще возникают локальные вооруженные конфликты, сопровождающиеся гибелью военнослужащих, также их смерть может быть результатом выполнения других задач, связанных с военной службой или несчастного случая (испытания оружия или военной техники и т.д.). Расследование преступлений по факту гибели военнослужащих, проводимое военными следственными отделами, должно опираться на инновационные достижения криминалистики, судебной экспертизы и личного опыта их использования. Сформировавшаяся судебно-следственная практика с очевидностью свидетельствует, что одним из условий оперативного раскрытия и расследования преступлений, осложнённых условиями боевой обстановки и другими факторами, связанными с военной службой, является ДНК-дактилоскопирование.

Теоретические выкладки применения криминалистических основ генотипоскопического метода идентификации встречаются в работах видных отечественных ученых: О.С. Кучина [1], И.О. Перепечиной [2], Е.Е. Босак и Е.Н. Холоповой [3], О.С. Бондаренко [4], В.А. Казакова и А.Б.

Перепелицына [5].

Автору статьи приходилось осуществлять служебную деятельность, находясь в режиме проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе [6, 7], что позволило на личном опыте уяснить специфику расследования уголовных дел с использованием современных методов. Очевидна перспективность использования в криминалистической деятельности в условиях боевой обстановке ДНК-технологий. Возможность таких исследований должно быть обеспечено наличием специализированных лабораторий, функционирующих на базе военных медицинских учреждений, территориально приближенные к месту военных действий. ДНК-исследования могут проводиться при наличии сравнительного образца, что актуализирует создание специального банка ДНК данных российских военнослужащих, эта проблема в настоящее время, не решенная.

Зарождение основ ДНК-дактилоскопии не было результатом специального научного поиска, ДНК было обнаружено случайно в процессе генетического исследования наследственных заболеваний в 1984 году. При этом сразу сформировалось отдельное направление научной мысли, связанное с геномом человека, которое стремительно развивалось, в том числе и в сфере установления фактов, имеющих доказательственное значение как в гражданском, так и в уголовном процессе. Более того, именно геномные исследования позволяют идентифицировать сохранившиеся останки людей, принадлежащих историческим личностям. Так, именно ДНК-исследования позволили идентифицировать личность Йозефа Менгеле, скрывавшегося в Аргентине и долгое время выдававшего себя за другое лицо [8]; установить принадлежность останков алтайской принцессы Укока к европеоидной расе [9]. Особенностью рассматриваемого метода является высокая точность, что позволяет ему постепенно вытеснять традиционные биохимические и серологические исследования, при условии наличия технической возможности провести ДНК-анализ [10].

Впервые рассматриваемый метод оказал помощь в раскрытии серии убийств с изнасилованием в 1987 году в Великобритании. Исследования по этому делу проводил сам его создатель Алек Джефферис. В деле был подозреваемый, но показания его были крайне противоречивые и не совпадали с установленными обстоятельствами содеянного. В итоге, проведенная экспертиза показала его непричастность к преступлениям. С целью установления виновного английские полицейские смогли собрать образцы ДНК мужского населения из числа лиц, проживающих около места совершения убийства, и установить виновное лицо. Ушел на это целый год. Можно сказать, что это был первый опыт организации геномной регистрации [11].

Научная деятельность в области ДНК в СССР связана с именем П.Л. Иванова, который проводил геномные исследования параллельно со своими зарубежными коллегами. Именно на основании его научной деятельности были сформированы основы ДНК-идентификации, которые с успехом были апробированы при идентификации останков тел членов царской семьи, останков жертв аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, тела генерал-майора МВД Геннадия Шпигуна, содержащегося в плену у чеченских боевиков [12]. Этот ученый непосредственно оказал влияние на становление геномной регистрации, правовые основы которой регламентируются Федеральным закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» [13].

Как любой метод, используемый в криминалистике, метод геномной идентификации имеет свои недостатки, связанные, прежде всего с фальсификацией результатов [14]. При этом существующие негативные факторы условно можно разделить на технологические, биологические и человеческие.

Технологический фактор непосредственно связан с загрязнением биологического материала, переданного на исследование, чужеродным ДНК (явление, получившее название «контаминация»). В такой ситуации возрастает риск фальсификации из-за спутывания ДНК непричастного к преступлению лица и ДНК преступника [15]. Здесь необходимы профилактические меры, связанные с изъятием образца с места происшествия, а также использование специальных химических реактивов и оборудования. При этом химические реактивы применяются в крайнем случае, так как велик риск получить нежелательную химическую реакцию и испортить образец. Отметим, что в зарубежной практике с успехом применяются системы мер недопущения таких последствий [16].

Биологический фактор связан с распространением донорства как крови, так и органов. В результате человек приобретает ДНК донора, при этом последние могут доминировать на собственными. Такие случаи описаны в зарубежных источниках. Очевидно, что эти явления серьезно осложняют предварительное расследование [17]. Кроме того, в настоящий момент созданы и применяются технологии умышленного искусственного создания генетического материала [18].

Человеческий фактор непосредственно затрагивает несоблюдение правил работы с генетическим материалом и элементарную небрежность. Так, в 2011 году в Великобритании был зафиксирован случай вторичного использования расходных материалов в процессе ДНК-исследований, на основании полученного фальсифицированного результата невиновный человек обвинялся в сексуальном преступлении [19]. Чтобы исключить такие случаи, в Великобритании приняты особые кодексы практики и поведения, предписаниям которых эксперты должны следовать неукоснительно [20].

В зарубежной практике описаны примеры, когда сам человек является переносчиком чужеродного ДНК (например, медицинский сотрудник) [21]. Интересен случай, когда на местах происшествий обнаруживался единый ДНК, который принадлежал женщине- работницы завода, на своем рабочем месте она упаковывала «стерильные» ватные палочки, именно ими производились заборы биологического материала с мест происшествия [22].

Ошибки, допускаемые в процессе генетических исследований, обусловленные человеческим фактором, изучались П.Л. Ивановым, который относил к ним и сознательное искажение участниками уголовного процесса результатов геномных экспертиз. Вопросы допустимости судебных доказательств, полученных на основе ДНК-анализа актуальны и в зарубежной практики [23]. Так, по одному из дел, рассмотренных судебными инстанциями Канады остались неразрешенными противоречивые позиции экспертов со стороны обвинения и со стороны защиты, при этом суд первой инстанции не посчитал это критичным, в отличие от Верховного суда, который не принял окончательное решение из-за сомнений в допустимости ДНК-экспертизы [24].

Также существует проблема использования ДНК-маркеров- небольшого участка генома, комбинация которого собственно и идентифицирует человека.

В мировой практике количество используемых генетических маркеров для ДНК-идентификации строго регламентировано. Так, в США база CODIS с 1998 по 2016 г. содержала генетическую информацию по 13 маркерам, а начиная с 2017 г. число ДНК маркеров было увеличено до 20 [25]. В российской правовой системе такого единообразия нет. Эксперты используют панели с разным количеством и перечнем маркеров даже при проведении экспертиз в рамках одного уголовного дела, что негативно сказывается на сравнение образцов. Это также отрицательно отражается на отечественной базе генетической информации.

Относительно количества и перечня используемых ДНК-маркеров должны быть введены единые обязательные стандарты, которым экспертные подразделения будут придерживаться, передавая генетическую информацию в общую базу данных.

Существует проблема создания геномного банка данных военнослужащих. В настоящее время обязательная геномная регистрация военнослужащих отсутствует и в случаях необходимости идентификации их тел или останков сравнительные исследования проводятся с генетическими профилями родственников (как правило, ближайших), если таких родственников нет, то встает неразрешимая задача. Следует отметить, что отсутствие полноценного банка геномных профилей – это проблема всей системы геномной регистрации в Российской Федерации.

Очевидна необходимость в создании генетической базы военнослужащих, направляемых в зону боевых действий. Во многих государствах такие базы данных сформированы. Так, в США на базе военного ведомства создана ДНК-база всех военнослужащих (6 миллионов геномных профилей). Новобранцы сдают кровь, которая хранится в базе до момента увольнения. Использовать профиль без разрешения нельзя, но в случае гибели военнослужащего, идентификация проводится с помощью этого материала, что сильно упрощает и удешевляет геномное исследование [26].

Изложенное позволяет сделать вывод, что ДНК-дактилоскопия является высоконаучным и точным методом, способным решать сложные задачи военно-прикладной криминалистики,

особенно в условиях боевых столкновений. Разумеется, при условии добросовестности вовлеченных в процесс ДНК-анализа субъектов. Отрицательно сказывается на сфере применения ДНК-анализа отсутствие полноценных баз геномной регистрации.

В настоящее время требуется глубоких методологических исследований использования геномной инженерии, ДНК-химер, противовирусных препаратов, способствующих вызвать определенные изменения в молекулярных структурах и затруднить процессы криминалистической идентификации [27].

Все эти аспекты нивелирует значимость метода ДНК–дактилоскопии и требует вмешательства как отечественного законодателя, так и дальнейшего развития соответствующих технологий через призму применения научных результатов в криминалистической деятельности, в том числе специализированных учетов [28].

Литература и источники

1. Кучин О.С. Негласная идентификация личности фиктивно пропавшего лица // Российский следователь. 2020. №5.
2. Перепечина И.О. Правовое обеспечение судебной ДНК-идентификации в контексте защиты прав личности // СПС Консультант плюс (дата обращения 15.06.2023).
3. Босак Е.Е., Холопова Е.Н. Обязательная геномная регистрация осужденных (проблемы практики) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. № 1.
4. Бондаренко, О.С. Взаимодействие между вооруженными силами и мккк в мирное время и в период вооруженного конфликта // СПС Консультант плюс (дата обращения 15.06.2023).
5. Казаков В.А., Пеленицын А.Б. О валидности и эффективности некоторых методов получения доказательственной информации // Российский судья. 2021. № 9.
6. Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими. Дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 178 с.
7. Рывкин С.Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 30с.
8. Клещенко Е. ДНК и ее человек. Краткая история ДНК–идентификации. Учебное пособие. М.: Альпина нон–фикшн, 2019 г. 320 с.
9. Принцесса Уока: диагноз спустя 2500 лет // Официальный сайт телеканала «Моя планета». - URL: https://moya-planet.ru/travel/view/princessa_ukoka_diagnoz_sputya_25_tysyachi_let_15800 (дата обращения 25.05.2021).
10. ДНК в опасности. Почему раскрытие серийных убийств расстроило американцев // Сетевое издание РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20190207/1550431030.html> (дата обращения 25.05.2021).
11. Killer breakthrough – the day DNA evidence first nailed a murderer // «The Guardian». Text:electronic – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/jun/07/killer-dna-evidence-genetic-profiling-criminal-investigation> (дата обращения 25.05.2021).
12. Профессор на тропе войны // сайт медиахолдинга «Эксперт». – URL: https://expert.ru/russian_reporter/2014/14/professor-na-trope-vojni/ (дата обращения 25.05.2021).
13. Ф3 от 3 декабря 2008 г. № 242-Ф3 «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (ред. от 17 декабря 2009 г.) – URL: <http://base.garant.ru/12163758/e88847e78ccd/>(дата обращения: 25.05.2021 г.).
14. Генетика в помощь: ДНК как доказательство // сайт «ПРАВО.ру» – URL: <https://pravo.ru/process/view/145542/> (дата обращения 25.05.2021).
15. Рывкин С.Ю., Борисанова М.П. Криминалистическое значение генотипоскопической идентификации (ДНК) человека. // Моя профессиональная карьера. 2019. № 7. Т. 4. С.96-101.
16. Forensic Science Laboratories: Handbook for Facility Planning, Design, Construction, and Relocation // NIST. Text: electronic – URL: <https://www.nist.gov/publications/forensic-science-laboratories-handbook-facility-planning-design-construction-and> (дата обращения 25.05.2021).
17. When a DNA Test Says You’re a Younger Man, Who Lives 5,000 Miles Away // The New York Times. Text:electronic – URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/07/us/dna-bone-marrow-transplant-crime-lab.html> (дата обращения 25.05.2021).
18. Authentication of forensic DNA samples // Website «FSIgenetics». Text: electronic – URL: [https://www.fsi-genetics.com/article/S1872-4973\(09\)00099-4/fulltext](https://www.fsi-genetics.com/article/S1872-4973(09)00099-4/fulltext) (дата обращения 25.05.2021).
19. Forensic Science Regulator's report on the DNA contamination case at LGC Forensics // Website of The UK Government. Text: electronic – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/forensic-science-regulators-report-on-the-dna-contamination-case-at-lgc-forensics> (дата обращения 25.05.2021).
20. Forensic science providers: codes of practice and conduct // Website of TheUK Government. Text: electronic – URL: <https://www.gov.uk/government/collections/forensic-science-providers-codes-of-practice-and-conduct> (дата обращения 25.05.2021).
21. Lukis Anderson: almost wrongly convicted by his own DNA // «Lockyer Campbell Posner Barristers & Solicitors - Criminal Lawyer». Text: electronic – URL: <https://www.lcp-law.com/lukis-anderson-almost-wrongly-convicted-by-his-own-dna/> / (дата обращения 25.05.2021).
22. Germany's Phantom Serial Killer: A DNA Blunder // «TIME». Text:electronic – URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1888126,00.html> (дата обращения 25.05.2021).
23. Рывкин С.Ю., Сенькина М.А. Следственные действия: Основы доказывания, процессуальные аспекты: учебное пособие. М.: Наука, 2015. 72 с.
24. Case: R. v. Awer, 2017 SCC 2 (CanLII), [2017] 1 SCR 83 // «CanLII». Text:electronic – URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2017/2017scc2/2017scc2.html?resultIndex=2#document> (дата обращения 25.05.2021).
25. Гостев А.А. По биологическим следам // Полиция России. 2017. № 1. С. 24-25.
26. Сафронова В. Лет через сто в нашем зоопарке будет бегать мамонт // Русская планета. - URL: <https://rusplt.ru/info/about-cory/>(дата обращения 25.05.2021).

27. Белов О.А., Белова О.Н. Учет ДНК подозреваемых, обвиняемых и осужденных к лишению свободы: вопросы правовой регламентации // Пенитенциарная наука. 2016. №5.
28. Рывкин С.Ю., Малышкин С.П. Инновационные основы применения ДНК-дактилоскопии при расследовании преступлений // Современный ученый. 2020. №1. С. 299-303.

References and Sources

1. Kuchin O.S. Neglasnaya identifikaciya lichnosti fiktivno propavshego lica // Rossijskij sledovatel'. 2020. №5.
2. Perepechina I.O. Pravovoe obespechenie sudebnoj DNK-identifikacii v kontekste zashchity prav lichnosti // SPS Konsul'tant plyus (data obrashcheniya 15.06.2023).
3. Bosak E.E., Holopova E.N. Obyazatel'naya genomnaya registraciya osuzhdennyh (problemy praktiki) // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2023. № 1.
4. Bondarenko, O.S. Vzaimodejstvie mezhdoooruzhennymi silami i mkkk v mirnoe vremya i v period vooruzhennogo konflikta // SPS Konsul'tant plyus (data obrashcheniya 15.06.2023).
5. Kazakov V.A., Pelenicyn A.B. O validnosti i effektivnosti nekotoryh metodov polucheniya dokazatel'stvennoj informacii // Rossijskij sud'ya. 2021. № 9.
6. Ryvkin S.Yu. Osobennosti rassledovaniya i preduprezhdeniya ubijstv, sovershennyh voennosluzhashchimi. Dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2005. 178 s.
7. Ryvkin S.Yu. Osobennosti rassledovaniya i preduprezhdeniya ubijstv, sovershennyh voennosluzhashchimi. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2005. 30s.
8. Kleshchenko E. DNK i ee chelovek. Kratkaya istoriya DNK–identifikacii. Uchebnoe posobie. M.: Al'pina non–fikshn, 2019 g. 320 s.
9. Princessa Ukoka: diagnoz spustya 2500 let // Oficial'nyj sajt telekanala «Moya planeta». - URL: https://moya-planeta.ru/travel/view/princessa_ukoka_diagnoz_spustya_25_tysyachi лет_15800 (data obrashcheniya 25.05.2021).
10. DNK v opasnosti. Pochemu raskrytie serijnyh ubijstv rasstroilo amerikancev // Setevoe izdanie RIA Novosti. - URL: <https://ria.ru/20190207/1550431030.html> (data obrashcheniya 25.05.2021).
11. Killer breakthrough – the day DNA evidence first nailed a murderer // «The Guardian». Text:electronic – URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2016/jun/07/killer-dna-evidence-genetic-profiling-criminal-investigation> (data obrashcheniya 25.05.2021).
12. Professor na trope vojny // cajt mediaholdinga «Ekspert». – URL: https://expert.ru/russian_reporter/2014/14/professor-na-trope-vojni/ (data obrashcheniya 25.05.2021).
13. FZ ot 3 dekabrya 2008 g. № 242-FZ «O gosudarstvennoj genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii» (red. ot 17 dekabrya 2009 g.) – URL: <http://base.garant.ru/12163758/e88847e78ccd/>(data obrashcheniya: 25.05.2021 g.).
14. Genetika v pomoshch': DNK kak dokazatel'stvo // cajt «PRAVO.ru» – URL: <https://pravo.ru/process/view/145542/> (data obrashcheniya 25.05.2021).
15. Ryvkin S.Yu., Borisanova M.P. Kriminalisticheskoe znachenie genotiposkopicheskoj identifikacii (DNK) cheloveka. // Moya professional'naya kar'era. 2019. № 7. T. 4. S.96-101.
16. Forensic Science Laboratories: Handbook for Facility Planning, Design, Construction, and Relocation // NIST. Text: electronic – URL: <https://www.nist.gov/publications/forensic-science-laboratories-handbook-facility-planning-design-construction-and> (data obrashcheniya 25.05.2021).
17. When a DNA Test Says You're a Younger Man, Who Lives 5,000 Miles Away // The New York Times. Text:electronic – URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/07/us/dna-bone-marrow-transplant-crime-lab.html> (data obrashcheniya 25.05.2021).
18. Authentication of forensic DNA samples // Website «FSIgenetics». Text: electronic – URL: [https://www.fsi-genetics.com/article/S1872-4973\(09\)00099-4/fulltext](https://www.fsi-genetics.com/article/S1872-4973(09)00099-4/fulltext) (data obrashcheniya 25.05.2021).
19. Forensic Science Regulator's report on the DNA contamination case at LGC Forensics // Website of The UK Government. Text: electronic – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/forensic-science-regulators-report-on-the-dna-contamination-case-at-lgc-forensics> (data obrashcheniya 25.05.2021).
20. Forensic science providers: codes of practice and conduct // Website of TheUK Government. Text: electronic – URL: <https://www.gov.uk/government/collections/forensic-science-providers-codes-of-practice-and-conduct> (data obrashcheniya 25.05.2021).
21. Lukis Anderson: almost wrongly convicted by his own DNA // «Lockyer Campbell Posner Barristers & Solicitors - Criminal Lawyer». Text: electronic – URL: <https://www.lcp-law.com/lukis-anderson-almost-wrongly-convicted-by-his-own-dna/> (data obrashcheniya 25.05.2021).
22. Germany's Phantom Serial Killer: A DNA Blunder // «TIME». Text:electronic – URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1888126,00.html> (data obrashcheniya 25.05.2021).
23. Ryvkin S.Yu., Sen'kina M.A. Sledstvennye dejstviya: Osnovy dokazyvaniya, processual'nye aspekty: uchebnoe posobie. M.: Nauka, 2015. 72 s.
24. Case: R. v. Awer, 2017 SCC 2 (CanLII), [2017] 1 SCR 83 // «CanLII». Text:electronic – URL: <https://www.canlii.org/en/ca/scc/doc/2017/2017scc2/2017scc2.html?resultIndex=2#document> (data obrashcheniya 25.05.2021).
25. Gostev A.A. Po biologicheskim sledam // Policiya Rossii. 2017. № 1. S. 24-25.
26. Safronova V. Let cherez sto v nashem zooparke budet begat' mamont // Russkaya planeta. - URL: <https://rusplt.ru/info/about-copy/>(data obrashcheniya 25.05.2021).
27. Belov O.A., Belova O.N. Uchet DNK podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh k lisheniyu svobody: voprosy pravovoj reglamentacii // Penitenciar'naya nauka. 2016. №5.
28. Ryvkin S.Yu., Malyshekin S.P. Innovacionnye osnovy primeneniya DNK-daktiloskopii pri rassledovanii prestuplenij // Sovremennyy uchenyj. 2020. №1. S. 299-303.

РЫВКИН СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и процесса, Санкт-Петербургский институт (филиал) Российской академии правосудия Минюста России (ryvkin_stanislav@mail.ru).

RYVKIN, STANISLAV Yu. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, St. Petersburg Institute (branch) of the Russian Academy of Justice of the Ministry of Justice of Russia (ryvkin_stanislav@mail.ru).

УДК 343.156

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-97-101

МАКАРОВА К.В.

ПРАКТИКА АПЕЛЛЯЦИОННОГО ОБЖАЛОВАНИЯ ПРИГОВОРОВ В 2022 Г. (НА МАТЕРИАЛАХ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Ключевые слова: УК РФ, апелляционное представление, апелляционная инстанция, государственный обвинитель, Верховный суд, Черкесский городской суд.

В статье исследуются вопросы, связанные с особенностями обжалования в апелляционном порядке судебных решений. На основе материалов судебных приговоров Карачаево-Черкесской республики, вынесенных в первом полугодии 2022 г. в связи с

обжалованием ранее вынесенных постановлений судов, показано, что за 6 месяцев 2022 года судами республики рассмотрено 1039 (1128) уголовных дел в отношении 1090 (1201) лиц. По итогам рассмотрения уголовных дел (1025/1120) решений оправданы были лишь 4 лица, причем оправдательный приговор в отношении 1 лица в итоге был отменен по апелляционному представлению государственного обвинителя, а решения в отношении 3 лиц в законную силу не вступили. В то же время, в рамках периода государственные обвинители внесли 126 (56) апелляционных представлений, из них были удовлетворены 91 (46) с отклонением 16 (7). Общий процент удовлетворяемости апелляционных представлений составил 85%. В основном отмечалось снижение назначенного наказания судом первой инстанции в связи с признанием дополнительных смягчающих наказание обстоятельств, а также в связи с нарушениями норм уголовного закона, допущенными при постановлении приговора, (необоснованное признание рецидива, изменение квалификации).

МАКАРОВА, К.В.

THE PRACTICE OF APPEALS OF SENTENCES IN 2022 (BY THE MATERIALS OF THE KARACHAYEV-CHERKESSIA REPUBLIC)

Key words: Criminal Code of the Russian Federation, appeal presentation, appellate instance, public prosecutor, Supreme Court, Cherkessk City Court

The article examines issues related to the peculiarities of appealing court decisions in the appellate procedure. Based on the materials of court verdicts of the Karachay-Cherkess Republic, issued in the first half of 2022 in connection with an appeal against earlier court decisions, it is shown that for 6 months of 2022, the courts of the republic considered 1039 (1128) criminal cases against 1090 (1201) persons. As a result of the consideration of criminal cases (1025/1120), only 4 persons were acquitted, and the acquittal against 1 person was eventually canceled on appeal by the public prosecutor, and the decisions against 3 persons did not enter into legal force. At the same time, within the framework of the period, the public prosecutors made 126 (56) appeal submissions, of which 91 (46) were satisfied with a rejection of 16 (7). The overall satisfaction rate for appeal submissions was 85%. It was mainly noted that the sentence imposed by the court of first instance was reduced due to the recognition of additional mitigating circumstances, as well as in connection with violations of the norms of the criminal law committed during the sentencing (unreasonable recognition of recidivism, change in qualifications).

Порядок апелляционного обжалования обвинительного и оправдательного приговоров регламентирован главой 45.1 УПК РФ и во многом схож. «Общепризнанно, что апелляционное производство по уголовному делу представляет собой повторное или новое судебное разбирательство, а это означает, что все судебные факты должны быть проверены заново» [Машовец, 2013, с.144]. Вместе с тем, существуют некоторые особенности апелляционного пересмотра оправдательного приговора, на которые следует обратить внимание.

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ч. 2 от. 389.24) строго ограничивает круг субъектов, наделенных правом поставить перед судом апелляционной инстанции вопрос об отмене приговора в связи с незаконностью и необоснованностью оправдания подсудимого. Такими полномочиями обладают лишь прокурор, потерпевший, частный обвинитель, их законные представители и представители.

На первый взгляд наделение именно прокурора полномочием оспорить в апелляционном порядке оправдательный приговор никаких вопросов не вызывает. За 6 месяцев 2022 года судами республики рассмотрено 1039 (1128) уголовных дел в отношении 1090 (1201) лиц. По итогам рассмотрения уголовных дел вынесено 1025 (1120) решений, в отношении 1075 (1193) лиц, в том числе с постановлением приговора рассмотрено 928 (930) дел в отношении 973 (987) лиц. Вынесением приговора завершено разбирательство по 89,3% (82,4 %) уголовным делам. В первом полугодии 2022 года оправданы лишь 4 лица, причем оправдательный приговор в отношении 1 лица отменен по апелляционному представлению государственного обвинителя, а решения в отношении 3 лиц в законную силу не вступили.

В порядке ст. 237 УПК РФ, возвращено прокурорам 16 (5) уголовных дел, обжалованы прокурорами в апелляционном порядке 7 судебных решений, из них удовлетворено – 3. Вступили в законную силу 11 постановлений.

Причинами возвращения уголовных дел прокурору явились существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные органами предварительного следствия, в том числе при составлении обвинительного заключения (акта), не устранимые в судебном заседании.

За указанный период государственными обвинителями принесено 126 (56) апелляционных представлений, из них удовлетворено 91 (46) апелляционное представление, отклонено 16 (7), общий процент удовлетворяемости апелляционных представлений составил – 85% (АППГ - 86 %), удовлетворяемость на итоговые решения составила 91% (АППГ - 92%). Из общего числа внесенных и рассмотренных апелляционных представлений, 21 представление в отношении 21 лица принесено на судебные решения мировых судей, по результатам рассмотрения которых 20

ПРАВО

апелляционных представлений в отношении 20 лиц удовлетворены, 1 апелляционное представление отклонено.

По жалобам других участников уголовного судопроизводства (не по доводам апелляционных представлений) отменено (изменено) 18 судебных решений в отношении 18 лиц (Черкесск - 12, Хабезский район - 2, Урупский, Зеленчукский, Прикубанский районы, аппарат прокуратуры республики - по одному). Основными результатами изменения судебных решений явилось снижение назначенного наказания судом первой инстанции в связи с переоценкой и признанием дополнительных смягчающих наказание обстоятельств (12 судебных решений). Также основания изменения (отмены) судебных решений связаны с нарушениями норм уголовного закона, допущенными при постановлении приговора, (необоснованное признание рецидива, изменение квалификации).

Так, по приговору Черкесского городского суда Кургов Д.Х. осужден по ч.1 ст.134, ч.1 ст.135, ч.1 ст.135 УК РФ, ему назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении. Апелляционным постановлением Верховного Суда КЧР наказание снижено до 1 года 8 месяцев лишения свободы. Суд апелляционной инстанции, в соответствии с ч.2 ст.61 УК РФ, признал смягчающим наказание обстоятельством тот факт, что Кургов Д.Х. является участником боевых действий на территории Северо-Кавказского региона.

По приговору Урупского районного суда Биджиев А.Б осужден по ч.3 ст.260 УК РФ к наказанию в виде 1 года лишения свободы. Решением апелляционной инстанции дополнительно в качестве смягчающего вину обстоятельства признано наличие у осужденного на иждивении пожилого отца, который является инвалидом 1 группы по зрению (соответствующие документы были предоставлены в суде второй инстанции). Наказание снижено до 8 месяцев лишения свободы.

По приговору Черкесского городского суда Худяков Ю.С. осужден по ч.3 ст.30, п.г ч.2 ст.161 УК РФ к наказанию в виде 2 лет 6 месяцев лишения свободы. Апелляционным определением Верховного Суда КЧР наказание снижено до 1 года 6 месяцев лишения свободы. Суд апелляционной инстанции в соответствии с ч.2 ст.61 УК РФ признал смягчающим наказание обстоятельством наличие у осужденного хронического заболевания и частичное признание вины.

По приговору Черкесского городского суда Аджиев А.З. осужден по ч.2 ст.159, (2 эп.), ч.3 ст.159 (3 эп.) УК РФ к наказанию в виде 2 лет 6 месяцев лишения свободы. Апелляционным определением Верховного Суда КЧР наказание назначено с применением положений ст.73 УК РФ с испытательным сроком 2 года. Суд апелляционной инстанции, в соответствии с ч.2 ст.61 УК РФ, признал смягчающим наказание обстоятельством частичное погашение осужденным ущерба, причиненного потерпевшему, а также инвалидность его родителей, которые проживают с осужденным.

По приговору Черкесского городского суда Хаджимустафов Р.Б. осужден по ч.4 ст.159, ч.2 ст.159 (19 эп.) УК РФ к наказанию в виде 6 лет 6 месяцев лишения свободы. Апелляционным определением ВС КЧР вышеуказанный приговор изменен, исключен рецидив преступлений в части эпизодов, совершенных Хаджимустафовым Р.Б., поскольку они были совершены после погашения судимости. Также указано на наличие обстоятельства, смягчающего наказание, предусмотренного п. «и» ч.1 ст. 61 УК РФ, в двух эпизодах, по которым осужденный давал признательные показания в ходе предварительного расследования. Указанные показания исследовались в судебном заседании, однако не были отражены в приговоре суда первой инстанции и не учтены при назначении наказания. В связи с изложенным, судом апелляционной инстанции назначенное Хаджимустафову Р.Б. наказание смягчено и снижено до 6 лет лишения свободы.

За период 1 полугодия 2022 года судом апелляционной инстанции отклонено 8 (3) апелляционных представлений государственных обвинителей на итоговые судебные решения в отношении 8 (3) лиц. Из них на решения Черкесского городского суда – 4, Урупского районного суда – 1, Карачаевского городского суда – 1, Зеленчукского районного суда – 1 и Усть-Джегутинского районного суда – 1.

К примеру, апелляционным постановлением Верховного суда КЧР отклонено апелляционное представление государственного обвинителя на приговор Черкесского городского суда от 13.01.2022 в отношении Тохчукова Э.С. осужденного по ч.1 ст.158, ч.1 ст.161 УК РФ, ему

назначено наказание в виде 7 месяцев исправительных работ. В данном случае в апелляционном представлении государственный обвинитель не указал на несправедливость приговора ввиду чрезмерной мягкости и не сослался на необоснованное применение смягчающего обстоятельства по ч.1 ст.161 УК РФ. Суд апелляционной инстанции был лишен возможности ухудшить положение Тохчукова Э.С., поскольку, в соответствии со ст.389.24 УПК РФ, изменение приговора в сторону ухудшения возможно только по апелляционному представлению прокурора. Апеллятор также не мог дополнить апелляционное представление, так как в соответствии со ст. 389.8 УПК РФ в дополнениях не может быть поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного. Ввиду указанных нарушений апелляционное представление отклонено.

Апелляционным определением Верховного суда КЧР было отклонено апелляционное представление государственного обвинителя на приговор Урупского районного суда в отношении Шидакова М.М., обвинявшегося в совершении преступлений, предусмотренных ч.1 ст.105, ч.1 ст.222 УК РФ. Судом первой инстанции действия Шидакова М.М. переквалифицированы с ч.1 ст.105 УК РФ на ч.1 ст.108 УК РФ, по ч.1 ст.222 УК РФ оправдан, назначено наказание в виде 1 года 11 месяцев лишения свободы, освобожден от наказания в связи с отбытием наказания.

В апелляционном представлении государственный обвинитель, указывая на незаконность переквалификации и частичного оправдания действий Шидакова М.М. ввиду неверных выводов суда, просил приговор в отношении Шидакова М.М. отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции. По результатам рассмотрения, суд апелляционной инстанции, не согласившись с доводами апелляционного представления, счел приговор законным и обоснованным, оставив его без изменений.

Апелляционным определением Верховного суда КЧР было отклонено апелляционное представление государственного обвинителя на приговор Карачаевского городского суда в отношении Лепшакова Х.С., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п.«б» ч.5 ст.290 УК РФ. Судом первой инстанции действия Лепшакова Х.С. были переквалифицированы с п. «б» ч.5 ст.290 УК РФ на ч.1 ст.291.2 УК РФ. Ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 100 000 рублей, с освобождением от наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

В апелляционном представлении государственный обвинитель, указывая на незаконность переквалификации действий Лепшакова Х.С. ввиду неверных выводов суда, просил приговор в отношении него отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции. По результатам рассмотрения, суд апелляционной инстанции, не согласившись с доводами апелляционного представления, счел приговор законным и обоснованным, оставив его без изменений.

Апелляционным определением Верховного суда отклонено апелляционное представление государственного обвинителя на приговор Черкесского городского суда в отношении Татаршао С.Н., обвинявшегося в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст.30 – ч.1 ст.131, ч.2 ст.139, п. «г» ч.2 ст.161, ч.1 ст.119 УК РФ. Судом первой инстанции Татаршао С.Н. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст.30 – ч.1 ст.131, ч.2 ст.139, п. «г» ч.2 ст.161 УК РФ (по ч.1 ст.119 УК РФ оправдан).

В апелляционном представлении государственный обвинитель просил отменить вышеуказанный приговор, при этом не указал основанием отмены ввиду чрезмерной мягкости назначенного наказания. Чем лишил суд апелляционной инстанции возможности принять решение в сторону ухудшения осужденного. Апеллятор также не мог дополнить апелляционное представление, так как в соответствии со ст. 389.8 УПК РФ в дополнениях не может быть поставлен вопрос об ухудшении положения осужденного.

Апелляционным постановлением Верховного суда КЧР было отклонено апелляционное представление государственного обвинителя на приговор Черкесского городского суда от 31.01.2022 в отношении ранее судимого Кишмахова А.Р., осужденного по ст.264.1 УК РФ. Ему назначили наказание в виде 6 месяцев лишения свободы условно, с испытательным сроком 1 год, с лишением права управления транспортными средствами сроком на 2 года. В апелляционном представлении государственный обвинитель просил изменить приговор в отношении Кишмахова А.Р. ввиду чрезмерной мягкости, и назначить наказание без применения положений ст.73 УК РФ.

Суд апелляционной инстанции назначенное Кишмахову А.Р. наказание достаточным и соразмерным совершенному преступлению.

Это лишь некоторые особенности пересмотра в апелляционном порядке приговоров.

Литература и источники

1. Машовец А.О. Особенности судебного следствия при апелляционном производстве по уголовному делу// Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4.
2. Палиева О.Н. Апелляционное производство в уголовном процессе России. Дис. ...канд. юрид. Наук. М., 2005.
3. Потапов В.Д. Участие сторон при разбирательстве дела в суде апелляционной инстанции// Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 4.
4. Чурилов Ю.Ю. Актуальные проблемы постановления оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве /под ред. З.Ф. Ковриги. М: ВолтерсКлувер, 2010 // [электронный ресурс] Доступ из СПС «Консультант Плюс»

References and Sources

1. Mashovets A.O. Osobennosti sudebnogo sledstviya pri apellyacionnom proizvodstve po ugovolnomu delu// Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2013. № 4.
2. Palieva O.N. Apellyacionnoe proizvodstvo v ugovolnom processe Rossii. Dis. ...kand. jurid. Nauk. M., 2005.
3. Potapov V.D. Uchastie storon pri razbiratel'stve dela v sude apellyacionnoj instancii// Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2011. № 4.
4. Churilov Yu.Yu. Aktual'nye problemy postanovleniya opravdatel'nogo prigovora v rossijskom ugovolnom sudoproizvodstve /pod red. Z.F. Kovrigi. M: VoltersKluver, 2010 // [elektronnyj resurs] Dostup iz SPS «Konsul'tant Plyus»

МАКАРОВА КРИСТИНА ВИКТОРОВНА – помощник прокурора города Черкесска Карачаево-Черкесской Республики; аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации.

MAKAROVA KRISTINA V. – Assistant Prosecutor of the City of Cherkessk, Karachay-Cherkess Republic, Postgraduate student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347.1

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-101-108

ВИЛЬДАНОВА М.М.

ПАРТНЕРСКОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ДЛЯ БЛАГОПРИЯНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: партнерское финансирование, заем, кредит, малый и средний бизнес, иностранные инвестиции, участие в капитале, лизинг, предоставление поручительства, экспериментальный режим, риски

В статье рассматриваются возможные особенности нового правового регулирования в России финансовой деятельности, при которой запрещено проведение ссудных операций и осуществление своего рода различных финансовых спекулятивных сделок. В частности, описывается пилотный проект, который будет проводиться в Башкирии, Дагестане, Татарстане и Чечне, в котором предполагается создание системы финансирования, аналогичной во многом исламскому банкингу. Рассматриваются также особенности внесенного в Государственную Думу Российской Федерации проекта федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отношении участников специальной военной операции».

VILDANOVA, M.M.

PARTNER FINANCING A CONDITION FOR THE FAVORABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

Key words: partner financing, loan, credit, small and medium- sized businesses, foreign investments, equity participation, leasing, provision of sureties, experimental mode, risks

The article discusses the possible features of the new legal regulation in Russia of financial activity, in which it is prohibited to conduct loan operations with interest and making various speculative transactions. In particular, it describes a pilot project to be carried out in Bashkiria, Dagestan, Tatarstan and Chechnya, in which it is supposed to create a financing system similar in many respects to Islamic banking. The article also discusses the features of the draft federal law submitted to the State Duma of the Russian Federation "On conducting an experiment on the establishment of special regulation in order to create the necessary conditions for the implementation of partner financing activities in relation to participants in a special military operation."

В условиях ухода зарубежных инвесторов из российской экономики, введения санкций недружественных государств и необходимости восстановления рынка капитала в России представляется востребованным создание стимулов и инструментов для направления средств на финансирование проектов, вносящих вклад в процессы трансформации российской экономики.

Особенностью современного этапа эволюции новых подходов к инвестициям заключается в привлечении международных инвесторов, которые уделяют существенное внимание этическим и религиозным аспектам, в частности нормам шариата. Шариат в переводе – это правильный путь.

Как отмечено, главой Комитета Совета Федерации по международным делам Г. Карасиным: «в соответствии с заявлениями международных экспертов сейчас финансовые организации, работающие на принципах исламского банкинга, действуют в 105 странах, а их

совокупный актив составляет более двух триллионов долларов» [1]. Таким образом, исламское право получило широкое распространение.

Согласно общей концепции шариата запрещено финансирование проектов, которые могли бы нанести вред людям и послужить причиной социальной несправедливости. Исламское право направлено на реализацию поддержания реальных отраслей экономики, стабилизацию финансового и товарного рынка и воплощение в жизнь устойчивой и этической модели развития бизнеса. Речь идет, в первую очередь, о возможности предотвращения создания противозаконных деяний, которые порой имеют вид благочестия, но сути являются противоправными. Такие деяния могут быть пресечены в превентивном порядке и это наиболее благородная и важная цель деятельности. Как справедливо указывали И. Тенберг, А.Д. Рудоквас, Д.Я. Примаков: «... в исламском праве основной акцент в регулировании делается не на контроле правомерности действий участников оборота *ex post* т.е. уже после совершения ими юридически значимых действий, правомерность которых становится предметом судебного разбирательства по инициативе заинтересованного лица, а на их контроле *ex ante* – еще до их совершения» [2].

В настоящее время речь идет о внедрении в российское законодательство элементов исламского права, в основе которого лежит принцип, заключающийся в запрете ростовщичества, что диктует создание своеобразной системы правоотношений. Для мусульман не приемлемы стандартные кредиты, депозиты и другие банковские продукты, предполагающие получение ссудных процентов.

Исламское право устанавливает ряд принципиальных подходов к финансированию, в частности запретов и ограничений. Так, запрещена выплата процентов по займам, кредитам и депозитам. Установлен запрет на некоторые виды сделок с производными финансовыми инструментами. Например, не допускаются к обороту процентные свопы, которые активно используются в спекулятивных операциях и являются производными финансовыми инструментами в форме соглашения между сторонами об обмене периодическими процентными выплатами по некоторой определенной сумме установленного номинала, называемого условным номиналом. Изначально процентные свопы использовали для хеджирования процентного риска, однако со временем их стали активно использовать и в спекулятивных операциях, что привело к тому, что процентные свопы стали одним из ликвидных и популярных инструментов на мировом финансовом рынке. Но исламский банкинг не допускает использование таких инструментов.

Под запретом также фьючерсы. Финансовые институты инвестируют только в производство реальных продуктов. При этом обязательна идентификация реальных активов, лежащих в основе сделок. Финансирование любой нематериальной продукции запрещено.

Установлен общий запрет на спекуляцию, в том числе с ценными бумагами, что объясняется высоким риском потерять вложения клиентов.

Шариат запрещает финансировать следующие виды деятельности, поскольку они могут причинить вред людям:

- производство оружия и боеприпасов;
- изготовление и сбыт наркотических средств;
- производство и продажа табака и алкогольной продукции;
- предпринимательство в области азартных игр;
- производство продуктов из мяса животных, которые умерли своей смертью, в том числе из свинины.

В финансовом секторе установлен принцип разделения получения прибыли и рисков причинения убытков между финансовой организацией и клиентом по совершаемым сделкам. «...Такую деятельность именуют еще и термином «партнерский банкинг», который представляет собой финансовую деятельность по обслуживанию предпринимательской деятельности, сопряженную с разделением доходов и рисков между кредитором (инвестором) и получателем кредита» [3].

Исламское право позволяет любой финансовой организации заниматься исламским банкингом на следующих условиях:

- управление организации, осуществляющей деятельность, связанную с исламским банкингом, должно быть отделено от обычной управленческой деятельности финансовой организации;

- все финансовые инструменты должны соответствовать принципам шариата;
- бухгалтерский учет должен вестись отдельно от бухгалтерского учета деятельности, не связанной с соблюдением принципов шариата.

Основными институтами финансирования признаются: финансирование плюс затраты – мурабаха (*murābahah*), лизинг - иджара (*Ijarah*), партнерское финансирование в совместное предприятие - мушарака (*musharakah*), трастовое финансирование - мудараба (*mudarabah*).

Одним из самых древних и исторически сложившихся операций, характерных для исламского права, является мурабаха, суть которой заключается в финансировании торговых операций. По обращению клиента банк осуществляет следующую сделку: приобретает для перепродажи определенный товар, осуществляет организацию продажи и в случае необходимости хранение и/или перевозку. Товар перепродается банком клиенту, а его цена подвергается наценке, которая заранее была оговорена в договоре. В данном случае доходом банка является не процент за пользование деньгами, а наценка. Клиент вправе погасить сумму, оговоренную в договоре, определенными частями постепенно или единовременно в любое время. Данный институт подвергается видоизменениям в зависимости от правовой системы страны, в которой совершается сделка.

Такой инструмент, как иджара, в целом схож с лизингом, существующим в современном бизнесе многих стран. На основании соглашения с клиентом банк покупает необходимое клиенту недвижимое и/или движимое имущество и сдает его клиенту в лизинг. Лизинговые платежи, их фиксация, а также продолжительность лизинга согласуются сторонами. Вместе с тем, в стандартной ситуации при лизинге лизингополучатель несет издержки, связанные со страховкой, амортизацией имущества и налогами. В рассматриваемом соглашении эти издержки несет лизингодатель. В соглашениях среднесрочного и долгосрочного характера иногда предусмотрена продажа банком клиенту права пользования своей собственностью и доходами от неё.

При использовании инвестиционного инструмента мушарака (совместное предприятие) банк и клиент подписывают соглашения о партнёрстве, согласно которым стороны обязуются совместно финансировать проект. Стороны предусматривают пропорции при распределении полученной прибыли от предпринимательской деятельности, а также оплату возможных потерь. Банк вправе заранее выплатить клиенту часть предполагаемой прибыли. Иногда заключаются многосторонние соглашения и в управлении могут участвовать, как каждая из сторон, так и назначенный управляющий.

Мудараба (трастовое финансирование) – это соглашение, в рамках которого одна из сторон полностью осуществляет требуемые денежные инвестиции в проект, а другая – обеспечивает управление путем предоставления своего опыта и знаний, необходимых для реализации управления инвестиционным проектом. В соглашении заранее фиксируются соотношение причитающихся долей при распределении прибыли. По сути это трастовое финансирование. В рамках реализуемого проекта юридическое лицо вправе при наличии разрешения банка направлять полученные от банка денежные средства на цели, не предусмотренные соглашением для реализации проекта, а также привлекать иные источники финансирования.

Если обратиться к опыту правового регулирования исламских финансовых инструментов в зарубежных странах, то безусловно значимым является законодательное регулирование Малайзии, в которой действуют: Закон о финансовых инструментах 2013 г., регулирующий банковскую систему; и Закон об исламских финансовых услугах 2013 г., устанавливающий аналог регламентации применительно к сектору исламских финансовых инструментов. Таким образом, имеет место определенный дуализм финансовой системы, т.е. наряду с традиционной банковской системой работает исламская банковская система.

Заслуживает внимания также опыт ОАЭ, где в основе правового регулирования лежат Федеральный закон от 1985 г. № 5 «О гражданских сделках» (Гражданский кодекс ОАЭ) и Федеральный закон от 2018 г. №14 «О Центральном банке и организации финансовых учреждений и финансовой деятельности». Согласно Конституции ОАЭ, главный инструментом правового регулирования является шариат.

В европейских странах есть также правовое регулирование исламских финансов. Весьма распространенной является практика их применения во Франции, где с учетом концепции свободы договора не требуется никаких конкретных поправок к французским правовым нормам для учета

исламских сделок. Апеллируя к общим принципам свободы договора «соглашение действительно для тех, кто их заключил». Для осуществления деятельности на территории Франции исламским банкам нужно получить лицензию на банковскую деятельность от Управления по пруденциальному надзору Франции.

Исламские институты реализуются с учетом норм французского законодательства следующим образом:

- мурабаха, финансирование плюс затраты – через существующий во французском праве договор о затратах плюс прибыль, при котором банк приобретает право собственности на актив от третьей стороны, а затем передает право собственности клиенту;

- иджара - через финансирование, при котором сначала клиент приобретает право собственности, а затем (после вступления в финансирование иджара) собственность переходит к банку. По истечении срока аренды право собственности должно вернуться к покупателю (при условии, что контрагент выполнит свои обязательства по иджаре);

- мушарака - через соглашение о совместном предприятии;

- мудараба, трастовое финансирование - через партнерство, разделяющее ответственность за капиталовложения и управление в форме товариществ с ограниченной ответственностью.

Лидером среди членов СНГ по внедрению исламского банкинга стал Казахстан, где операции банкинга были установлены еще в 2009 году. Аналогичные услуги начали предоставляться в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане.

Как было указано в документе для общественного обсуждения «Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях», подготовленном Банком России (Москва, 2022), «в изменившихся условиях может усилиться роль партнерского финансирования как одного из источников ресурсов для экономического развития». Законодательство Российской Федерации не запрещает предоставление услуг по партнерскому финансированию, но оказание подобных услуг затруднено из-за отсутствия специального законодательного регулирования. Для развития рассматриваемого направления финансовой деятельности сначала планировалось проведение эксперимента в таких регионах Российской Федерации, как Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Республика Татарстан и Чеченская Республика. От успешного проведения указанного эксперимента зависело создание возможно благоприятных условий для партнерского финансирования на всей территории Российской Федерации, что способствовало задачам экономического развития страны и привлечению зарубежных инвестиций из стран, являющихся членами Организации исламского сотрудничества. Создание условий для реализации проекта актуально в условиях возрастающего санкционного давления недружественных государств.

В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации готовятся к рассмотрению два внесенных законопроекта по установлению партнерского взаимодействия между Россией и исламскими странами.

Так, подготовлен проект федерального закона № 198584-8 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации» (далее-законопроект). В нем закладываются правовые основы для развития на российском финансовом рынке партнерских финансовых инструментов для международных инвесторов, уделяющих внимание этическим и религиозным аспектам инвестирования. Речь идет, прежде всего, об исламском банкинге, предполагающем отсутствие каких-либо процентных доходов, а также запрет на финансирование определенных секторов экономики: производство и продажа табака и алкогольной продукции, предпринимательство в области азартных игр и др. Осуществление указанной финансовой деятельности по обслуживанию предпринимательства подразумевает разделение доходов и рисков между кредитором и получателем капитала, т.е. установление партнерских отношений.

С учетом существующей банковской системы и всего финансового сектора России и предполагаемой системой, создаваемой на основе исламских правовых, представляется, что в будущем финансовая система будет состоять финансово-кредитного и инвестиционно-доверительного секторов. Законопроектом устанавливаются основные принципы экспериментального правового режима осуществления деятельности по партнерскому финансированию и перечень лиц, которые вправе приобрести статус участника такого режима.

ПРАВО

Согласно законопроекту, Банк России принимает решение о внесении сведений о юридическом лице в реестр участников экспериментального правового режима на основании их заявлений и прилагаемых документов, основные требования к которым определяются нормативными актами Банка России.

Совершение следующих операций и сделок предоставляется участникам экспериментального правового режима при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию:

- предоставление денежных средств юридическим и физическим лицам без взимания вознаграждения в виде процентов;
- привлечение денежных средств путем заключения договоров партнерского инвестирования;
- привлечение денежных средств и (или) иного имущества в виде участия в капитале участника экспериментального правового режима;
- финансирование физических и юридических лиц путем заключения договоров купли-продажи движимого и недвижимого имущества с условием о рассрочке платежа или на основе заключенных договоров лизинга;
- финансирование деятельности путем участия в уставных капиталах юридических лиц и/или на условиях партнерства;
- предоставление поручительств и других видов обеспечения исполнения обязательств;
- иные операции и сделки, не противоречащие законодательству Российской Федерации.

В первую очередь, следует отметить, что в законопроекте не получил регламентации вопрос о содержании договора партнерского инвестирования, связанный, прежде всего, с условиями, обеспечивающими защиту прав лиц, передающих денежные средства участнику экспериментального правового режима, с чем вряд ли можно согласиться.

Правда, подразумевается разделение рисков между финансирующей и принимающей сторонами. При этом участник экспериментального правового режима и (или) клиенты по договору партнерского инвестирования приобретают право общей долевой собственности на имущество, полученное за счет их денежных средств. В законопроекте предусмотрено обязательное обособление имущества, привлеченного и размещенного участником экспериментального правового режима, от иного имущества, привлекаемого и размещаемого в рамках иной деятельности. Однако представляется, что этого недостаточно.

Законопроект устанавливает минимальные требования к размеру собственных средств (капитала) участника экспериментального правового режима, не являющегося кредитной организацией или некредитной финансовой организацией, на срок проведения эксперимента. Внесение в уставный капитал заемных средств и имущества, находящегося в залоге, запрещена. Не допускается также оплата уставного капитала путем зачета требований. Предусмотрено лишь одно исключение из указанного правила: возможно внесение в уставный капитал денежных требований о выплате объявленных дивидендов в денежной форме.

Поскольку лицо, приобретшее статус участника экспериментального правового режима, становится лицом с правами и обязанностями организации партнерского финансирования, то одной из групп его обязанностей становится обязанность поднадзорного субъекта Банка России.

При этом законопроект наделяет Банк России полномочиями по принятию соответствующих нормативных актов, регламентирующих процедуры надзорной деятельности, а также полномочиями по осуществлению самого надзора (внесение сведений о юридическом лице в реестр участников экспериментального режима, отказ во внесении сведений о юридическом лице в реестр участников экспериментального режима, регулирование деятельности участников экспериментального режима и надзор за соблюдением ими требований законодательства Российской Федерации и нормативных актов Банка России).

На этом основании возникают вопросы не только об использовании режима регулирования, но и режима надзора, включая применение мер воздействия. В частности, требует уточнения предусмотренная в законопроекте (статья 11) мера воздействия, заключающаяся в предписании Банка России об ограничении деятельности участника экспериментального правового режима. Необходимо конкретизировать содержание подобного ограничения и срок его действия с учетом ранее принятых такой организацией обязательств по участию в партнерском финансировании.

При предварительном обсуждении положений законопроекта в различных публикациях по этому поводу в прессе предполагалось, что рассматриваемые услуги будут оказываться некредитными финансовыми организациями. В законопроекте предусмотрено, что статус участника экспериментального правового режима вправе приобрести кредитная организация, некредитная финансовая организация, юридическое лицо, зарегистрированное в форме потребительского общества, фонда, автономной некоммерческой организации, хозяйственного общества или товарищества. Представляется, что указанная формулировка представляет неоднородное перечисление коммерческих и некоммерческих организационно-правовых форм, а также включение в список юридических лиц в различных сферах деятельности. Полагаем, что целесообразно скорректировать указанный перечень.

Осуществление предусмотренных в законопроекте сделок и операций требуют определенной квалификации работников при создании финансовых инструментов. Предлагаемое законопроектом регулирование предполагает возложение на Банк России дополнительных функций по регулированию и надзору за деятельностью участников эксперимента, что может повлечь возникновение дополнительных кадровых и финансовых издержек. Кроме того, в связи с отсутствием у участников эксперимента компетентных кадров, готовых работать с новыми финансовыми продуктами, нельзя исключить возникновения нарушений законодательства Российской Федерации. В связи с вышеуказанным полагаем, что в период эксперимента следует ограничиться такими участниками экспериментального правового режима, как кредитные организации и некредитные финансовые организации, осуществляющие деятельность на финансовых рынках, регулирующую на протяжении многих лет Банком России.

Несмотря на то, что российское законодательство не запрещает предоставления услуг партнерского финансирования или аналогичных инструментов, но четко описанная терминология отсутствует. В некоторых случаях оказание этих услуг может быть затруднено без специального регулирования.

В законопроекте указано, что финансирование физических и юридических лиц осуществляется путем заключения договоров купли-продажи движимого и недвижимого имущества с условием о рассрочке платежа или договоров лизинга. Поскольку исходя из контекста можно сделать вывод о том, что речь идет о финансировании в качестве торгового посредника, то целесообразно уточнить формулировку. В России есть запрет на осуществление торговой деятельности для кредитных организаций и некредитных финансовых организаций. Соответственно необходимо внести соответствующие коррективы в законодательство.

В частности, представляется целесообразным внести следующие изменения в Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», дополнив его предложением следующего содержания: «Ограничения на занятие торговой деятельностью не распространяется на участников экспериментального правового режима при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию в соответствии с федеральными законами.». Далее статью 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» необходимо дополнить новой частью 2 следующего содержания: «Некредитные финансовые организации вправе осуществлять деятельность участника экспериментального правового режима в рамках осуществления деятельности по партнерскому финансированию в соответствии с федеральными законами».

До внесения изменений в банковское законодательство ряд российских банков начал осуществлять в рамках действующей нормативной базы операции, сходные с исламским банкингом. В случае, когда банки стали кредитовать приобретение недвижимости, они действовали через торговые организации. После подачи клиентом заявки на получение кредита и одобрения его предоставления кредитным комитетом банка денежные средства направлялись в торговую организацию, которая выкупала недвижимость у продавца и с наценкой по договору купли-продажи продавала ее клиенту. Но такие операции не получили широкого распространения, так как повлекли за собой их удорожание, а, следовательно, сделали менее конкурентными, чем привычные в России банковские продукты. Из этого следует, что исламские инструменты в России могут быть востребованы только после внесения необходимых изменений в законодательство.

Как указано в части 1 статьи 3 законопроекта, деятельность по партнерскому финансированию состоит в совершении определенных сделок. При этом участники эксперимента

не вправе совершать в рамках осуществления этой деятельности указанные сделки за пределами территории эксперимента (часть 7 статьи 3). Целесообразно было бы уточнить содержание данного запрета (речь идет о заключении таких сделок только на территории проведения эксперимента, должен ли объект сделки находиться на территории эксперимента, могут ли быть участниками сделки только лица, проживающие или находящиеся на территории эксперимента и т.д.). Встает также весьма непростой вопрос о том, что, если финансирование осуществляется через филиал или дополнительный офис московского банка, расположенного допустим в Казани, то можно ли считать, что требования о территории эксперимента соблюдены. В проекте также не определены последствия нарушения такого запрета.

Вопрос о требованиях к капиталу участников экспериментального режима понимался в Государственной Думе Российской Федерации, были предложения увеличить размер капитала с 10 млн. до 25 млн. рублей с 1 января 2024 года, однако по информации в прессе в Государственной Думе Российской Федерации считают целесообразным увеличение до 15 млн. рублей.

Законопроект предусматривает ограничения деятельности участников эксперимента, а именно: им запрещено финансировать производство и реализацию табака, алкогольной продукции, производство оружия и боеприпасов, предпринимательство в области азартных игр. Полный запрет установлен на взимание вознаграждения в виде ссудного процента.

Поскольку Россия - многоконфессиональное светское государство с вековыми собственными традициями, процесс отказа от взимания и выплаты процентов требует времени и комплексного подхода. В связи с этим представляется возможным впоследствии разделить два финансовых сектора: кредитно-расчетный и инвестиционно-доверительный. Но дальнейшая регламентация данного дуализма целесообразна с учетом опыта предполагаемого эксперимента.

В начале декабря 2022 г. продукты, аналогичные исламскому банкингу, уже начали тестироваться в «Сбер», открыв специальный офис в Казани. Как сообщали тогда в кредитной организации, в банке представлены продукты партнерского финансирования: мудараба, халяльные инвестиционные инструменты (высоколиквидные инвестиции в соответствии с нормами шариата), поручительства, а также расчетно-кассовое обслуживание.

Представляется, что вопрос относительно перечня экспериментальных регионов решен не окончательно, поскольку на рассмотрении в Государственной Думе Российской Федерации находится еще один законопроект в области партнерского финансирования: проект федерального закона № 329003-8 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отношении участников специальной военной операции» (далее – проект), внесенный депутатами Государственной Думы О.А. Ниловым и М.Г. Делягиным. Проектом предлагается установить экспериментальный правовой режим осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отношении лиц, принимавших участие в специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской области, а также в отношении юридических лиц, совокупная доля названных физических лиц в капитале которых превышает 50%. При этом в проекте указано, что экспериментальный правовой режим осуществления деятельности по партнерскому финансированию устанавливается на всей территории Российской Федерации. Текст проекта во многом аналогичен принятому в первом чтении проекту федерального закона № 198584-8 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации». Если не будет принято решение об объединении двух законопроектов, что было бы логичным, то, целесообразно установление в двух законопроектах определенного единообразия в регулировании территории эксперимента при внедрении принципов партнерского финансирования.

Представляется в целом, что ограничение территории проведения эксперимента вряд ли оправдано. Так, Москва традиционно является участником различного рода проводимых экспериментов, создающих условия развития экономики Российской Федерации. Духовное управление мусульман Российской Федерации находится в Москве, а также Московский исламский институт, осуществляющий обучение по программам высшего образования.

Москва – центр международной торговли и расчетов. Здесь сосредоточены основные элементы инфраструктуры финансового рынка России. Национальный расчетный депозитарий (НРД) расположен в Москве и является инфраструктурной основой экосистемы финансового рынка. Обладая статусом центрального депозитария Российской Федерации, НРД осуществляет обслуживание российских и иностранных ценных бумаг. НРД является активным членом международного сообщества. Интеграция в глобальную финансовую систему, мосты взаимодействия с иностранными депозитариями обеспечат клиентам эффективную работу на зарубежных рынках. Необходимые квалифицированные кадры московских компаний имеют опыт работы со сложными финансовыми инструментами. В период кризисных явлений в экономике наименее затратным представляется привлечение к эксперименту готовых специалистов.

В связи с вышеуказанным предлагается не ограничиваться какими-либо перечнями субъектов Российской Федерации, на территории которых предполагается введение экспериментального правового режима осуществления деятельности по партнерскому финансированию.

Литература и источники

1. Карасин Г. // <https://www.pnp.ru/economics/karasin-rasskazal-o-sovokupnom-aktive-organizaciy-islamskogo-bankinga.html>
2. Тенберга И., Рудоквас А.Д., Примаков Д.Я. Правовая природа деятельности исламских банков // Закон. 2021. №6.
3. Шахназаров Б.А. Правовое регулирование исламских финансовых инструментов в современных условиях // Банковское право. – 2021. - № 3.
4. Иванов О.М. Регулирование партнерского финансирования: правовой эксперимент и его участники // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. №1.
5. Михеева И.Е. Правовые особенности договора мудараба по исламскому праву // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3.
6. В России хотят провести эксперимент по внедрению исламского банкинга в ряде регионов. 26.09.2022 // <https://advgazeta.ru/novosti>
7. Михрина Е. Исламские банки в России: принципы работы, отличия и перспективы развития» // <https://vsezaimyonlin.ru/reviews/islamskie-banki.html>
8. Финансовый рынок: новые задачи в современных условиях», документ для общественного обсуждения / Центральный Банк Российской Федерации. М., 2022.

References and Sources

1. Karasin G. // <https://www.pnp.ru/economics/karasin-rasskazal-o-sovokupnom-aktive-organizaciy-islamskogo-bankinga.html>
2. Tenberga I., Rudokvas A.D., Primakov D.Ya. Pravovaya priroda deyatelnosti islamskih bankov // Zakon. 2021. №6.
3. Shahnazarov B.A. Pravovoe regulirovanie islamskih finansovyh instrumentov v sovremennyh usloviyah // Bankovskoe pravo. – 2021. - № 3.
4. Ivanov O.M. Regulirovanie partnerskogo finansirovaniya: pravovoj eksperiment i ego uchastniki // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina. 2023. №1.
5. Miheeva I.E. Pravovye osobennosti dogovora mudaraba po islamskomu pravu // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2017. № 3.
6. V Rossii hotyat provesti eksperiment po vnedreniyu islamskogo bankinga v ryade regionov. 26.09.2022 // <https://advgazeta.ru/novosti>
7. Mihrina E. Islamskie banki v Rossii: principy raboty, otlichiya i perspektivy razvitiya» // <https://vsezaimyonlin.ru/reviews/islamskie-banki.html>
8. Finansovyy rynek: novye zadachi v sovremennyh usloviyah», dokument dlya obshchestvennogo obsuzhdeniya / Central'nyj Bank Rossijskoj Federacii. M., 2022.

ВИЛЬДАНОВА МАРИНА МИХАЙЛОВНА – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (vildanovamarina@mail.ru).
VILDANOVA MARINA M. - PhD in Law, Lead Researcher, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (vildanovamarina@mail.ru).

УДК 347.45:368.91

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-108-113

ПУСУРМАНОВ Г.В. ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОЛЕВОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ

Ключевые слова: законопроект, долевое страхование жизни, страхование жизни с инвестиционной составляющей.

В статье анализируются проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об инвестиционных фондах», которым предусмотрено введение в российское законодательство нового вида страхования - долевое страхование жизни. Обращается внимание на достаточную распространенность данного вида страхования жизни в зарубежных странах и его принципиальные отличия от накопительного страхования жизни и инвестиционного страхования жизни (участия в инвестиционном доходе), которые в настоящее время активно используются российскими страховыми организациями в России. На основе выявленных недостатков законопроекта делается вывод о преждевременности введения такого вида страхования в Российской Федерации.

PUSURMANOV, G.V.
LEGAL AND SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF SHARED LIFE INSURANCE

Key words: draft law, shared life insurance, life insurance with an investment component

The article analyzes the draft Federal Law "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On the Organization of Insurance Business in the Russian Federation" and the Federal Law "On Investment Funds", which provides for the introduction into Russian legislation of a new type of insurance - equity life insurance. Attention is drawn to the sufficient prevalence of this type of life insurance in foreign countries and its fundamental differences from cumulative life insurance and investment life insurance (participation in investment income), which are currently actively used by Russian insurance organizations in Russia. Based on the identified shortcomings of the draft law, it is concluded that the introduction of this type of insurance in the Russian Federation is premature.

Российское государство, являясь социальным государством, предпринимает значительные усилия по предоставлению возможностей своим гражданам улучшать свое финансовое благополучие и качество жизни.

Одной из последних инициатив стало направление в Государственную Думу Российской Федерации в октябре 2022 года проекта Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» (далее – «Законопроект») [1], подготовленный Министерством финансов Российской Федерации. Данный законопроект предусматривает введение нового для страхового рынка нашей страны финансового инструмента – «долевое страхование жизни».

Данный вид страхования давно известен и достаточно распространен в западных странах: «Там долевое страхование жизни, как еще называют Unit linked, занимает, по разным оценкам, от 40% до 70% рынка страхования жизни. В некоторых странах ЕС Unit-linked фантастически популярен, например, в Польше на него приходится 90% доходов от продаж по страхованию жизни» [2]. Популярность долевого страхования жизни в зарубежных странах объясняется тем, что этот вид страхования жизни позволяет получить больший доход путем управления своим паем, переданным страховой организации.

По существу, долевое страхование жизни, несмотря на название, представляет собой разновидность инвестиционного страхования, при котором основной акцент делается на доходность портфеля, а не на страховую защиту при наступлении смерти человека. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что: «Unit-linked появился в середине XX века и изначально применялся к трастовым фондам. Со временем потребители оценили его преимущества, и он был успешно перенесён в страхование жизни и пенсионные программы. Так на Западе появилось долевое страхование жизни. Впервые страховые продукты на принципах unit-linked предложили в Великобритании в начале 1960-х г., а к концу 1990-х годов на долю подобных решений приходилось от 30% до 50% рынка в Европе, 54% - в Канаде и 40% - в США» [3].

Долевое страхование жизни заключается в том, что страхователь – физическое лицо, заключив договор со страховщиком – страховой организацией, самостоятельно осуществляет управление своим паем (частью уплаченной им страховой премии), который размещается в потенциально доходные инструменты, при этом данные инструменты могут меняться по желанию клиента. Страхование жизни также включается в страховое покрытие, но не в качестве основного риска. В этом состоит принципиальное отличие предлагаемого вида страхования от накопительного и инвестиционного страхования жизни (участия в инвестиционном доходе), соединенного со страхованием жизни, которые в настоящее время активно продвигаются российскими страховыми организациями. Последние предполагают, прежде всего, обеспечение страховой защиты человека от рисков причинения вреда здоровью и наступления смерти. Инвестиционная составляющая в этих видах страхования находится в руках страховых организаций, которые размещают часть полученной от страхователя премии (взносов) в финансовые активы.

Накопительное страхование жизни предполагает защиту жизни и здоровья гражданина с возможностью получить определенный доход по окончании договора страхования. «Накопительное страхование жизни предусматривает периодическую уплату страхователем страховых взносов, а в случае дожития до окончания срока действия договора – выплату страховщиком оговоренной суммы. Страховая выплата осуществляется и в том случае, если застрахованное лицо не доживает до окончания срока договора» [4, с. 139].

Страхователем определяется страховая сумма, которую он предполагает накопить к окончанию срока действия договора, исходя из которой страховой организацией устанавливается размер регулярных платежей. Данный вид страхования жизни наиболее консервативен, так как он предполагает вложение страховой организацией по своему усмотрению части уплаченной

страхователем страховой премии (за вычетом накладных расходов) в надежные инвестиционные инструменты (акции, облигации и т.п. финансово устойчивых организаций), что гарантирует получение определенного дохода. Проценты по инвестиционному доходу могут быть установлены на весь срок действия договора, но могут ежегодно изменяться страховой организацией. По истечении действия договора, если страховой случай не наступил, владелец полиса получает все внесенные деньги и определенный процент дохода. При наступлении страхового случая страхователь (выгодоприобретатель) получает всю страховую сумму независимо от сделанных взносов [5].

К плюсам накопительного страхования жизни следует отнести то, что: накопленная сумма гарантированно выплачивается страховой организацией; при утрате трудоспособности, не позволяющей вносить страховые взносы (платежи), страховая организация обязана исполнять эту обязанность за страхователя до окончания действия договора (как правило, это считается дополнительным риском, который оплачивается страхователем отдельно); страхователь имеет право на социальные налоговые вычеты, если договор был заключен на срок не менее пяти лет, в размере 13%, но не более 120 тысяч рублей за налоговый период - статья 219 Налогового кодекса Российской Федерации [6]. Из минусов накопительного страхования жизни является то: что страховщик не гарантирует получение инвестиционного дохода; низкая доходность, вызванная дефицитом инвестиционных инструментов; невозможность страхователем расторжения договора страхования, как правило, в первые годы действия договора страхования.

Инвестиционное страхование жизни (участие в инвестиционном доходе), так же, как и накопительное, покрывает риски «жизнь» и «здоровье», а также предусматривает получение возможного инвестиционного дохода. Но инвестиционное страхование жизни предполагает более рискованную инвестиционную политику, так как уплаченная страхователем премия (взносы) распределяется на две составляющих: одна часть с гарантированной доходностью и вторая - с рисковой доходностью. Гарантированная часть размещается страховой организацией по своему усмотрению, как и по накопительному страхованию жизни в надежные финансовые инструменты (как правило, с низкой доходностью), а рискованная часть - в соответствии с избранной страхователем стратегии в высокорисковые инвестиционные активы в целях получения более высокого дохода. Вместе с тем, инвестиционное страхование жизни обладает практически теми же недостатками, которые свойственны накопительному страхованию жизни. К ним можно добавить такие как рост числа жалоб граждан на качество предоставляемых услуг по данному виду страхования жизни; уплаченная страховая премия не подлежит страхованию в отличие от банковских депозитов; невозможность полного досрочного возврата страховой премии [7, с. 9].

Исходя из инвестиционной составляющей, ныне действующие виды страхования жизни предполагают долгосрочное действие договора страхования – от 5 до 30 лет, в зависимости от выбранной страхователем программы. При этом, нужно отметить, что цели страхователей, как правило, различны: накопительное страхование жизни используется гражданами, чтобы гарантированно накопить крупную сумму при одновременной страховой защите жизни и здоровья. Инвестиционное страхование жизни - для получения инвестиционного дохода» [8]. Наряду с этим, как отмечает ряд ученых, страхование жизни с инвестиционной составляющей, в последнее время теряет свою привлекательность, так как отсутствует государственная поддержка и гарантии при размещении денежных средств страховыми организациями, вследствие чего, последние склонны использовать только надежные финансовые инструменты с низкой доходностью, которая не превышает среднерыночную процентную ставку по депозиту [9, с. 35]. Как представляется, это явилось одним из факторов разработки рассматриваемого Законопроекта.

Обращаясь к проекту Закона о долевом страховании жизни следует отметить, что оно более сродни инвестиционному страхованию жизни, так как основной упор был сделан на инвестиционной составляющей. Однако, долевое страхование жизни предполагает большую свободу действий самому страхователю. Разработчики Законопроекта сохранили сущность долевого страхования жизни в том понимании, которое ему придается в зарубежных странах. Так, в абзаце четвертом пункта «б» статьи 1 Законопроекта указано, что: «При осуществлении долевого страхования жизни часть страховой премии, предназначенная для приобретения инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, может быть направлена страховыми организациями на приобретение инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, за исключением

инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов, предназначенных для квалифицированных инвесторов (далее – инвестиционные паи)» [1].

В Пояснительной записке Министерства финансов Российской Федерации к Законопроекту отмечается: «В отличие от действующих видов долгосрочного страхования жизни – накопительного страхования жизни и инвестиционного страхования жизни, ДСЖ позволяет инвестировать средства в широкий перечень активов. Это потенциально может обеспечить большую доходность и делает ДСЖ экономически более привлекательным инструментом» [10].

Однако, рассматриваемый Законопроект предполагает достаточно кардинальные изменения действующего законодательства России. Так, страховым организациям, имеющим лицензии на осуществление добровольного страхования жизни, нужно будет также получить лицензию управляющей компании на осуществление деятельности по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами либо заключить договор доверительного управления с данными организациями. Выбор инвестиционных паев, приобретаемых страховой организацией при осуществлении долевого страхования жизни, осуществляется страхователем. При этом, часть страховой премии, предназначенная для приобретения инвестиционных паев, а также денежная компенсация в связи с погашением инвестиционных паев зачисляются на номинальный счет страховщика, открываемый для совершения операций с денежными средствами страхователей при осуществлении долевого страхования жизни (статья 1 Законопроекта) [1].

В этой связи, существенные замечания высказали эксперты Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, подготовившие проект своего Заключения по рассматриваемому Законопроекту. В данном проекте Заключения вполне обоснованно отмечается, что предлагаемый вид страхования жизни потребует внесения изменений и дополнений не только в указанные в Законопроекте федеральные законы, но и в основной законодательный акт гражданского права - Гражданский кодекс [11]. Наряду с этим, эксперты обратили внимание и на ряд других недостатков Законопроекта: проект не позволяет определить хотя бы в общем виде ни содержание, ни специфику названного страхования; проект не позволяет установить правовой режим имущества или средств, формируемых за счет страховых выплат, являющихся одновременно и источником обеспечения страховых обязательств, и источником инвестирования, в активы для получения инвестиционного дохода, проект никак не разграничивает эти средства, создавая ничем не обоснованные риски для страхователя; учитывая, что управление такими средствами будет осуществляться страховой организацией на основании договора доверительного управления, неясно, с кем предполагается заключение такого договора, если они становятся средствами страховщика, тогда как при доверительном управлении переданное в управление имущество остается в собственности учредителя доверительного управления. Также непонятно, каким образом будет обеспечиваться страховая защита при отсутствии инвестиционного дохода; имеются и внутренние противоречия в проекте, в частности, он предусматривает, что Банк России имеет право запретить совершение операций по инвестированию денежных средств, когда у страховой организации, имеющей лицензию управляющей компании, отозвана лицензия на заключение договоров страхования жизни. В то же время, отзыв лицензии на осуществление добровольного страхования жизни является безусловным основанием для аннулирования лицензии на инвестиционную деятельность. Однако подобное основание лишения лицензии управляющей компании не только противоречит проектируемому подпункту 13 пункта 2 статьи 61.1 Закона об инвестиционных фондах, но и повлечет в случае принятия проекта весьма серьезные последствия, в частности, для судьбы инвестиционных фондов, находившихся в управлении страховых организаций, после отзыва у них лицензии на осуществление добровольного страхования жизни [11].

Достаточно серьезная критика рассматриваемого законопроекта была высказана и страховым сообществом. Как считает Всероссийский союз страховщиков, который в конце 2021 года направил в Министерство финансов России свой отзыв на Законопроект, введение нового вида страхования жизни повлечет за собой полное изменение существующего регулирования страхования жизни, а также высказываются опасения, что данный Законопроект фактически прекращает существование накопительного и инвестиционного страхования жизни» [12]. Вместе с тем, в данном письме обращается внимание на то, что существующие виды страхования жизни

доказали свою эффективность: «За первое полугодие размер собранных премий по договорам НСЖ и ИСЖ достиг 160 млрд руб. На эти два сегмента приходится 67,3% всех сборов страховщиков по страхованию жизни» [12].

Принятие новой модели страхования жизни должно повлечь принципиальные изменения действующего гражданского законодательства России. По нашему мнению, современный рынок страхования в России еще не созрел для подобных изменений. Думается, что рассматриваемому законопроекту уготована непростая судьба, учитывая такие негативные факторы как несовершенство законодательной политики в этой сфере; неразвитость фондового рынка в нашей стране, ограниченность инвестиционных инструментов и низкий уровень финансовых вложений населения; санкционное давление недружественных стран, перекрывших доступ к инвестиционным инструментам в иностранной валюте; финансовая безграмотность населения и недоверие граждан к финансовым институтам и страхованию в целом; неспособность страховых организаций грамотно использовать имеющиеся финансовые инструменты; неустойчивость положения страховых организаций, занимающихся страхованием жизни.

Литература и источники

1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» [Электронный ресурс] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/216703-8> (дата обращения 15.05.2023).
2. Столяров А. В России может появиться долевое страхование [Электронный ресурс] // URL: <https://www.if24.ru/rossia-dolevoe-strahovanie/> (дата обращения 15.05.2023).
3. Павлов К. Что такое долевое страхование жизни и зачем оно инвестору [Электронный ресурс] // URL: <https://sberova.ru/sections/invest/ad8c2> (дата обращения 15.05.2023).
4. Авакян А.М. Страхование жизни: зарубежный опыт и необходимость развития в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 15. С. 137-139.
5. Что такое накопительное страхование жизни [Электронный ресурс] // URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10980607> (дата обращения 15.05.2023).
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.04.2023) [Электронный ресурс] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/946cbfc58c05e1392615a251973beb32dc79f94e/ (дата обращения 15.05.2023).
7. Букин Б.И., Захарова Е.В. Инвестиционное страхование жизни // Journal of Economy and Business. 2019. Vol.5-1. P. 92-95.
8. Накопительное и инвестиционное страхование жизни [Электронный ресурс] // URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f6dfd407a8aa9bc6b86918b> (дата обращения 15.05.2023).
9. Кузнецова Н. В., Дьяконова Е. И. Тенденции развития инвестиционного страхования жизни // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1. С. 32-37.
10. Минфин России разработал законопроект о долевом страховании жизни [Электронный ресурс] // URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/75817.html> (дата обращения 15.05.2023).
11. Экспертное заключение по проекту федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об инвестиционных фондах» [Электронный ресурс] // URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/485/2lcyr4ix7rsjgrcy3dl5ntv1kt7sm16t/4.2%20Проект%20заклучения%20_страховое%20дело.pdf (дата обращения 15.05.2023).
12. Страховщики раскритиковали законопроект Минфина о долевом страховании жизни [Электронный ресурс] // URL: https://taexpert.ru/researches/publications/vedomosti_nov11_2021/ (дата обращения 15.05.2023).

References and Sources

1. Projekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii» i Federal'nyj zakon «Ob investicionnyh fondah» [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/216703-8> (data obrashcheniya 15.05.2023).
2. Stolyarov A. V Rossii mozhет poyavit'sya dolevoe strahovanie [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.if24.ru/rossia-dolevoe-strahovanie/> (data obrashcheniya 15.05.2023).
3. Pavlov K. Chto takoe dolevoe strahovanie zhizni i zachem ono investoru [Elektronnyj resurs] // URL: <https://sberova.ru/sections/invest/ad8c2> (data obrashcheniya 15.05.2023).
4. Avakyan A.M. Strahovanie zhizni: zarubezhnyy opyt i neobhodimost' razvitiya v Rossii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 15. S. 137-139.
5. Chto takoe nakopitel'noe strahovanie zhizni [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10980607> (data obrashcheniya 15.05.2023).
6. Nalogovyy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 № 117-FZ (red. ot 28.04.2023) [Elektronnyj resurs] // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/946cbfc58c05e1392615a251973beb32dc79f94e/ (data obrashcheniya 15.05.2023).
7. Bukin B.I., Zaharova E.V. Investicionnoe strahovanie zhizni // Journal of Economy and Business. 2019. Vol.5-1. P. 92-95.
8. Nakopitel'noe i investicionnoe strahovanie zhizni [Elektronnyj resurs] // URL: <https://plus.rbc.ru/news/5f6dfd407a8aa9bc6b86918b> (data obrashcheniya 15.05.2023).
9. Kuznecova N. V., D'yakonova E. I. Tendencii razvitiya investicionnogo strahovaniya zhizni // Biznes. Obrazovanie. Pravo. 2022. № 1. S. 32-37.
10. Minfin Rossii razrabotal zakonoproekt o dolevom strahovanii zhizni [Elektronnyj resurs] // URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/75817.html> (data obrashcheniya 15.05.2023).
11. Ekspertnoe zaklyuchenie po projektu federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii «Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii» i Federal'nyj zakon «Ob investicionnyh fondah» [Elektronnyj resurs] // URL: https://privlaw.ru/upload/iblock/485/2lcyr4ix7rsjgrcy3dl5ntv1kt7sm16t/4.2%20Proekt%20zaklyucheniya%20_strahovoe%20delo.pdf (data obrashcheniya 15.05.2023).
12. Strahovshchiki raskritikovali zakonoproekt Minfina o dolevom strahovanii zhizni [Elektronnyj resurs] // URL: https://raexpert.ru/researches/publications/vedomosti_nov11_2021/ (data obrashcheniya 15.05.2023).

ПУСУРМАНОВ ГАМАЛЬ ВИКТОРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского права, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (pgamal@mail.ru)
PUSURMANOV GAMAL V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (pgamal@mail.ru).

УДК 346.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-113-117

КУЗИН Н.Н., РАШИДОВА А.И., ШУБНИКОВ Ю.Б.
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ПО
ОСНОВНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ НАЛОГОВЫХ
ПЛАТЕЖЕЙ

Ключевые слова: предприниматель, предпринимательская деятельность, уточнённая налоговая декларация, финансово-экономические работники, собственники организации, налоговые платежи, штрафы, пени.

В статье изложены проблемы, определяющие регламент деятельности финансово-экономических работников в сфере взаимодействия с исполнительными органами власти в ходе осуществления и обеспечения качества функционирования налогового механизма в системе налоговых платежей и внутрихозяйственного взаимодействия между коммерческими организациями всех организационно-правовых форм и органами государственного налогового контроля. Даны развернутые рекомендации по осуществлению налоговых платежей для специалистов финансово-экономического направления коммерческих организаций любых организационно-правовых форм. Авторы предлагают дополнить соответствующие положения об организациях по видам экономической деятельности разделом «Рекомендации финансово-экономическим работникам по взаимодействию с налоговыми органами».

KUZIN, N.N., RASHIDOVA, A.I., SHUBNIKOV, Yu.B.
RESPONSIBILITY OF FINANCIAL AND ECONOMIC WORKERS ON THE MAIN ISSUES OF ENTREPRENEURS
IN THE TAX PAYMENT SYSTEM

Key words: entrepreneur, business activity, refined tax return, financial and economic employees, owners of the organization, tax payments, fines, penalties.

The article outlines the problems that determine the regulation of the activity of financial and economic workers in the field of interaction with executive authorities in the course of implementation and ensuring the quality of the functioning of the tax mechanism in the system of tax payments and intra-economic interaction between commercial organizations of all organizational and legal forms and state tax control bodies. Detailed recommendations are given on the implementation of tax payments for specialists in the financial and economic direction of commercial organizations of any organizational and legal forms. The authors propose to supplement the relevant provisions on organizations by type of economic activity with the section “Recommendations for financial and economic workers on interaction with tax authorities”.

В статье рассматриваются три основных вопроса, связанных с предпринимательской деятельностью физических и юридических лиц по проблемам осуществления налоговых платежей, в соответствии с налоговым законодательством Российской Федерации. С учётом разнонаправленности налоговых баз в системе исчисления налоговых платежей законодатель осуществляет внесение изменений в нормативное регулирование, которое перспективно обеспечивает удобство и осуществление деятельности соответствующих специалистов финансово-экономических категорий [1].

Рассмотрим три основных вопроса, касающихся регулирования видов деятельности юридических и физических лиц: по уточнённым налоговым декларациям; подаче пояснений; ответственности финансово-экономических работников в делах руководителя организации.

Начнём с *уточнённых налоговых деклараций*. Исходя из требований, закреплённых в Налоговом кодексе РФ, все организации, включённые в систему налоговых платежей, обязаны подавать соответствующие декларации до двадцать пятого числа месяца, следующего за отчётным периодом. Исходя из практики осуществления подачи деклараций, налоговыми органами выявляются ошибки по поданным декларациям, а также визуализируются те декларации, которые не отражают всей информации, либо не содержат информацию, которую необходимо было бы представить в связи с вновь открывшимися обстоятельствами (ст. 392 ГПК). Другими словами, это тот момент, когда реальная ситуация изменена по факту налоговой деятельности финансово-экономического работника, но не учтена им в силу отсутствия достоверной информации, и как следствие искажает реальность исчисления налоговых баз. Эти обстоятельства изменяются во времени, и предполагается, что добросовестный финансово-экономический работник сдаёт декларацию двадцать четвёртого числа, а недобросовестный контрагент присылает аванс двадцать пятого числа, то есть на следующий день. Законность ситуации вроде бы и не вызывает сомнений, но контрагент такими действиями подводит налогоплательщика к замене декларации.

Возможен и второй вариант, когда работник, заполняющий налоговую декларацию, совершает ошибки, обусловленные так называемым человеческим фактором, и не учитывает все первичные учётные документы. В данном случае может случиться утрата счетов-фактур с последующим их восстановлением и уведомлением финансово-экономического работника об их обнаружении.

К третьему варианту, с известной долей условности, можно отнести банальную техническую ошибку. Требования законодателя о погашении технической ошибки неизменной суммой налогов вполне оправданы, так как в этом случае не требуется пересмотр и переоформление налоговой декларации через форму уточненной декларации. Во всех случаях, прямой ответственности за ошибки в декларациях которую бы нес финансово-экономический работник, не предусмотрено. Однако не исправленная работником ошибка, но обнаруженная уже специалистами ФНС, является поводом для внимания налоговых органов [2].

Первая рекомендация финансово-экономическому работнику организации-налогоплательщика, которую можно сформулировать, это необходимость понимания того, что сроки подачи уточнённой декларации и первого экземпляра декларации не имеют юридической привязки друг к другу, то есть подать уточняющую информацию можно в течение трёх лет. Если учитывать одинаковый юридический статус обеих деклараций, а различать только технические требования к ним, то также необходимо понимать, что корректирующую информацию, содержащуюся в уточнённой декларации необходимо подавать по той форме, которая была принята в период уточняющих действий [3].

Вторая рекомендация относится к правильному пониманию смены юридического адреса и районной налоговой инспекции, которая влечёт осуществление процедуры уточнения в новом адресе налоговой инспекции по месту передислокации юридического (физического) лица.

Третья рекомендация состоит в осознании финансово-экономическим работником и руководством организации встречных действий налоговой службы на подачу уточнённых налоговых деклараций, содержащих сведения по повышению или понижению уровня налоговых платежей. Нужно учитывать, что любое понижение, отражённое во втором варианте декларации вызовет встречные действия от районной инспекции, как минимум выражающиеся в запросе пояснений и документов с подробным указанием причин понижающих изменений, особенно после прохождения документа камеральной проверки. В итоге, изменения в документах прошлых отчётных периодов это вызовет пристальное внимание налоговой службы, и по праву. В данном случае предусмотрены штрафы согласно ст. 122 НК РФ – 20% от неоплаченной суммы налога. При усмотрении схемы ухода от налога могут вменить 40% от неоплаченной суммы налога.

Теперь рассмотрим *подачу пояснений* и приведем несколько примеров, связанных с подачей налоговых деклараций и иных документов по запросам налоговой службы, не взирая на контекст требований, в течение пяти рабочих дней. Сразу отразим меру административного воздействия в размере пяти тысяч рублей штрафа или блокировки расчётного счёта и иных счетов предпринимателя (юридического и физического лица). Налоговая инспекция в этом случае ждёт от организации или индивидуального предпринимателя конструктивных ответов, а не отписок, вызывающих усиление действий специалистов налоговых служб. В случае с постоянной убыточной декларацией, интерес государственных органов будет постоянным, так как вопросы о налоговых платежах будут стоять остро.

Четвёртая рекомендация финансово-экономическому работнику состоит в своевременном осведомлении руководителя организации о показанных в декларациях убытках несколько кварталов подряд. Как показывает практика, три и более квартала убыточной деятельности может вызвать выездную налоговую проверку со стороны налоговой службы, а также осуществить запрос плана по выходу из кризиса.

Пятая рекомендация вытекает из четвёртой, так как специалисту, в указанном случае, необходимо перепроверить декларацию и баланс на предмет ошибок и составления детализированного ответа на требование налоговой службы. В ответе целесообразно указывать приводящие к организации к убыткам факты, такие как убыток из-за снижения уровня выручки от основного вида деятельности, вызванный различными причинами (инфляция, ограничения, экономический спад), несмотря на стабильность затрат и рост косвенных расходов.

Необходимо отметить тот факт, что под подозрение налоговой службы [4] попадают и первичные декларации, содержащие данные по положительной прибыли с указанием, в том числе, убытков. Учитывая, что разные виды деятельности приносят разные результаты, можно отметить, что наличие, например, прибыли по услугам и убытка по продажам является вполне естественной ситуацией с юридической точки зрения. Интересом для инспекции в этом случае будет являться компетенция специалиста, проводившего расчёты налоговых баз и применявшего ставки к ним, а также разъяснения по поводу полученных конечных результатов. Периодизация ошибок не имеет чёткого юридического определения в нормативных документах и содержит субъективный подход к ним и экспертные знания инспектора. Ошибочные записи могут действительно не соответствовать во времени по соотношению, например, результатов каждого вида деятельности или списанию расходов товара, реализованного юридически, но фактически ещё находящегося на складе. Данная компетенция является скрытой от финансово-экономического работника, и ошибка может быть вполне естественной. Однако, при обнаружении такой ошибки начинается процедура её исправления с последующей доплатой налога с пени и подачей уточнённой налоговой декларации.

Указанная выше ситуация относится к неразрешённым законодателем окончательно и урегулирована административной ответственностью в виде пени. На наш взгляд, обязательность пени в этом случае носит сомнительный характер, так как ошибка специалиста по факту является не столько ошибкой, сколько заблуждением, не снижающим уровень компетенции профессионала. Вместе с тем, разрешение спора по необходимости применения пени, между инспектором налоговой службы и финансово-экономическим работником налогоплательщика, возможен при камеральных и выездных налоговых проверках, налоговом мониторинге, когда инспекция действительно вправе проводить осмотр территорий налогоплательщика. Это означает, что в принципе, идеальный подход к обсуждению правильности применённой пени имеет ретроспективный характер, то есть тогда, когда все налоговые платежи уже осуществлены вместе с пенями.

Решение указанной выше проблемы в текущем периоде налоговых платежей, к сожалению, невозможно, так как требует постоянного (ежедневного) присутствия налогового инспектора на территории организации-налогоплательщика, что бесперспективно.

В этом случае предлагается *шестая рекомендация*, которая выражается в обоснованном пояснении финансово-экономическим работником уточнения о том, что организация-налогоплательщик обосновывает свой подход по развитию оказания услуг с целью уменьшения расходов на аренду склада и как следствие, реализации товаров потребителю по закупочной цене с полученным результатом в виде убытка. Данный подход возможен при полном отсутствии в декларациях любых ошибок: технических, арифметических и др.

В завершение рассмотрим ответственность финансово-экономических работников в делах руководителя организации. Будем исходить из того, что оптимизация налогов приняла тотальный характер и каждый предприниматель стремится к такой оптимизации с целью прогнозирования прибыли в заданных параметрах. Такой подход обуславливает сочетание систем предпринимательского и налогового права. С одной стороны, хозяйствующий субъект осуществляет свою деятельность исходя только из определённой цели – прибыли, а с другой стороны публичные интересы государства диктуют условия обязательных платежей по результатам использования имущества предпринимателя и являются не вполне нейтральными к механизму ценообразования налогоплательщика, ведущего предпринимательскую деятельность. Существующие подходы к увеличению прибыли и снижению затрат в виде зарплат в конвертах, дробления предпринимательской деятельности, банальной покупки НДС носят необоснованный характер с обобщением схем ухода от налогов в сторону теневой деятельности, которая является криминальной, так как нарушение норм налогового законодательства предпринимателем влечёт признание источника доходов нелегальным.

В связи с этим, финансово-экономический работник должен осознавать, что налоговая служба является не только органом, занимающимся сбором налогов, но и контрольным органом, который призван контролировать предпринимательскую деятельность по всем видам экономической деятельности. На сегодняшний день прибыль может быть признана полученной незаконным путём даже при нарушении технических условий производства или охраны труда.

КУЗИН НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ - кандидат технических наук, доцент, кафедра гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; кафедра финансово-хозяйственной деятельности, Санкт-Петербургский университет МВД России (nn.kuzin@mail.ru).

РАШИДОВА АСЕЛЬ ИБРАГИМОВНА – доцент, кафедра гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (aselisa@mail.ru).

ШУБНИКОВ ЮРИЙ БОРИСОВИЧ - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (shubnikovub@mail.ru).

KUZIN, NIKOLAI N. – Ph.D. in Technical Sciences, Associate Professor, Department of Civil Law of the A.I. Herzen, Russian State Pedagogical University; Department of Financial and Economic Activities of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (nn.kuzin@mail.ru).

RASHIDOVA, ASEL I. - Associate Professor, Department of Civil Law, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (aselisa@mail.ru).

SHUBNIKOV, YURI B. - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (shubnikovub@mail.ru).

УДК 347.78

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-117-121

БОРИСОВА Л. В.

О ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОДХОДАХ К ОХРАНЕ И ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Ключевые слова: искусственный интеллект, защита, охрана, произведение, автор, человек, творчество, личные неимущественные и имущественные авторские права, правосубъектность.

В статье исследована проблема правовой охраны произведений, созданных искусственным интеллектом или с его использованием. Показаны существующие в юридической доктрине научные подходы к определению модели возможного урегулирования данных отношений, показаны их положительные стороны и недостатки. Затронута проблема принадлежности прав автору после его смерти. Исходя из практики принадлежности личных неимущественных прав автору после его смерти, предложено условно приравнять к нему искусственный интеллект, который также не обладает правосубъектностью и, соответственно, признать за ним личные неимущественные авторские права. При этом обязанность по их охране, а также осуществление имущественных авторских прав возложить на законного владельца искусственного интеллекта.

BORISOVA, L.V.

ON DOCTRINAL APPROACHES TO PROTECTION AND PROTECTION COPYRIGHT TO WORKS CREATED ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Key words: artificial intelligence, protection, protection, work, author, person, creativity, personal non-property and property copyrights, legal personality.

The article explores the problem of legal protection of works created by artificial intelligence or with its use. The scientific approaches existing in the legal doctrine to the definition of a model for the possible settlement of these relations are shown, their positive aspects and shortcomings are shown. The problem of ownership of copyright after the death of the author is touched upon. Based on the practice of ownership of personal non-property rights by the author after his death, it is proposed to conditionally equate artificial intelligence with him, which also does not have legal personality and, accordingly, recognize personal non-property copyrights for him. At the same time, the obligation to protect them, as well as the exercise of property copyrights, shall be assigned to the legal owner of artificial intelligence.

Технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) все больше развиваются и оказывают влияние на самые различные сферы нашей жизни: медицину, образование, промышленность, сельское хозяйство и т. д., а также сферу интеллектуальной творческой деятельности. Так, используя созданного на основе нейросети компанией OpenAI робота-ассистента, российские пользователи имеют возможность получать тексты по заданным направлениям, посредством ИИ ChatGPT — писать научные произведения.

Произведения, созданные ИИ или с его участием используются в театральной практике, в бизнесе, в сфере изобразительного искусства [1] и др. Так, в Амстердаме была впервые открыта художественная выставка картин, созданных ИИ [2], а на конкурсе фотографий, прошедшем в 2023 г. в Лондоне, изображение, созданное ИИ было признано одним из победителей [3].

Применение ИИ считается допустимым в сфере правосудия, например, для оформления взыскания долгов по упрощенной процедуре в приказном производстве, а также в целях автоматизированной подготовки проектов судебных приказов [4].

Несмотря на расширение спектра использования ИИ, существующее на сегодняшний день законодательство четко не регламентирует авторство таких произведений: непосредственно ИИ, его законный владелец, лицо, запрограммировавшее систему ИИ, правообладатель патентов на изобретения в основе ИИ и др.

В правовой доктрине предлагаются различные подходы к определению модели

возможного урегулирования данных отношений.

Согласно концепции, основанной на содержании норм действующего законодательства, произведения, созданные ИИ, не подлежат правовой охране, поскольку автором результата интеллектуальной деятельности может быть только человек, творческим трудом которого такой результат создан (ч. 1 ст. 1228 ГК РФ). Представители данного подхода отмечают, что произведение, созданное ИИ, не может отвечать критерию творчества, поскольку на данном уровне развития технологий ИИ «способен лишь генерировать объекты на основании загруженных в его алгоритм данных, что не может быть признано творчеством» [5, с. 532].

Аналогичного подхода придерживаются суды при принятии решений, учитывая разъяснение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10, согласно которому «результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека..., объектами авторского права не являются» [6].

Уместно заметить, что ГК РФ предусматривает презумпцию творчества лица, указанного в качестве автора произведения, которой суды охотно пользуются и исходят из того, что пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом данного автора. Так, согласно материалам гражданского дела, И. обратился в суд с иском к ООО «Сити Групп Девелопмент», указав на то, что в видеоролике, размещенном на сайте, посвященном продажам недвижимости, без согласования с ним были использованы фрагменты видео, автором которого он является. По данному делу суд исходил из авторства И. на фрагменты видео, которое ответчиком не оспаривалось. Учитывая отсутствие лицензионного договора на использование данного произведения, исковые требования истца были удовлетворены в части взыскания в его пользу компенсации за нарушение имущественных авторских прав и морального вреда [7].

Безусловно, преимуществом рассмотренного подхода является то, что он не требует внесения изменений в существующее законодательство и позволяет разрешать возникающие на практике вопросы на основании его норм. Тем не менее, этот подход не стимулирует разработку и дальнейшее развитие ИИ и, как верно отмечено в юридической литературе, ослабляет охрану произведений ИИ, в которых человек не принимал активного участия [8, с. 21]. Хотя, как верно отметила Ю. С. Харитоновна, создатели ИИ и их владельцы заинтересованы в коммерциализации его результатов. Заказ на получение легальной возможности охранять результаты ИИ также сформирован [9, с. 53].

Представители еще одного из подходов считают возможной охрану произведений ИИ в рамках смежных прав по модели защиты прав публикатора, когда произведение переходит в общественное достояние, а лицо, организовавшее его создание, приобретает исключительное право публикатора на такое обнародованное произведение [10].

С точки зрения А.И. Балашовой, для охраны компьютерно-сгенерированных произведений, вполне применим правовой режим фонограммы: правовые нормы о сроке действия исключительного права на фонограмму, способах ее использования. Исключительное право на фонограмму возникает у инициатора первой записи звуков исполнения или других звуков либо отображений этих звуков. Данная концепция не предъявляет требование о наличии творческого вклада в создание фонограммы [11, с. 96].

Отдельные авторы предлагают закрепление самостоятельной категории смежных прав на произведения, созданные ИИ за лицом, организовавшим процесс его использования [8, с. 27-28].

Заметим, что подход к охране произведений, созданных ИИ или с его использованием в рамках смежного права признается сегодня наиболее популярным, поскольку данное право отражает косвенно связанные с творческой деятельностью области, а также позволяет на практике не прибегать к существенному изменению и расширению действующего законодательства. Например, использование данной модели является наиболее разумным по мнению представителей Высшей школы экономики, предлагающих предоставить лицу, организовавшему создание результата интеллектуальной деятельности с использованием ИИ самостоятельного смежного права на срок от 25 до 50 лет по конструкции изготовителя фонограммы, базы данных или публикатора [8, с. 28]. Недостатком рассматриваемой модели является небольшой срок и объем охраны, нежели объектов авторского права.

Приверженцы следующего научного подхода предлагают распространить на

произведения ИИ режим общественного достояния. Как известно, данный режим предполагает соблюдение определенных правил, например, указание имени автора произведения (ст. 1282 ГК РФ). Применяется такой режим к результатам интеллектуальной деятельности, исключительное право на которые прекратилось. Однако для объектов, созданных ИИ, предлагается несколько иное истечение срока охраны, а именно, в момент создания объекта.

Минусом данного подхода является снижение стимула создателей и пользователей ИИ по получению выгоды от использования его произведений, а также невозможности его владельца осуществлять полноценную экономическую эксплуатацию созданных ИИ объектов.

В правовой доктрине также предложена охрана авторских прав на созданное ИИ произведение в рамках норм о служебном произведении. В таком варианте ИИ выступает как работник, создающий произведение под надзором работодателя [12, с. 395-396]. Данная концепция тоже имеет свои недостатки, один из которых связан с определением правосубъектности ИИ, поскольку как отмечалось, согласно ст. 1257 ГК РФ, автором произведения науки, литературы или искусства признается только гражданин, творческим трудом которого оно создано.

В правовой литературе предлагается обеспечение правовой охраны произведений, созданных ИИ посредством создания института, аналогичного правовому регулированию норм об авторском заказе [13] или ноу-хау для случаев, когда обладатель не планирует их раскрывать [5, с. 538].

Интересны научные концепции, включающие в себя разграничение правового положения ИИ при создании произведения. Так, с точки зрения влияния ИИ на конечный результат предлагается различать:

- слабое влияние ИИ на содержание произведения;
- использование ИИ в качестве инструмента;
- самостоятельность ИИ при создании произведения [14].

Заметим, что в зарубежном законодательстве универсальный подход к определению правообладателя на произведения ИИ также отсутствует. Например, в Новой Зеландии, Ирландии, Индии и др. для произведений, созданных программами для ЭВМ предусмотрен специальный законодательный режим, включающий авторство таких произведений за лицом, которое является инициатором или приняло меры для создания произведения, а также срок охраны таких произведений, например, в Великобритании 50 лет с момента их создания [11, с. 96]. По законодательству США автором произведения науки или искусства может быть только человек. Произведение, в котором отсутствует творческий вклад сознания автора, объектом авторского права не признается.

Таким образом, в российской, а равно в зарубежной правовой доктрине и законодательстве не сформировано единого подхода к модели возможного урегулирования рассматриваемых отношений. При этом учеными, как правило, проводится разграничение между произведениями, созданными человеком с использованием ИИ, а также произведениями, созданными ИИ без творческого участия человека.

По нашему убеждению, для решения проблемы авторства на произведения, созданные исключительно ИИ, можно использовать аналогию правовой охраны произведений после смерти автора, который, как и ИИ не обладает правосубъектностью.

Как известно, со смертью автора его имущественные, а также личные неимущественные права на произведение прекращаются. При этом как следует из содержания ч. 2 ст. 1267 ГК РФ, к наследникам автора переходит право на осуществление охраны личных неимущественных авторских прав: права авторства, права на имя и неприкосновенность произведения.

На наш взгляд, несмотря на указанное общее правило, можно говорить о принадлежности автору и после смерти личных неимущественных авторских прав. В этом отношении Д. В. Пятков справедливо задается вопросом о том, как «можно сохранить право авторства и право на имя в качестве объектов охраны, если нет субъекта этих прав? Если нет прав автора, трудно говорить и о чьих-либо обязанностях, о правоотношениях, тогда и о правовой защите трудно говорить» [15, с. 117].

В правовой доктрине подтверждение того, что гражданские права могут существовать у умерших, можно найти в теоретических моделях Л.И. Портажицкого, а также Г.Ф.

Шершеневича, который применительно к делам о банкротстве указывал, что «смерть должника, торговые дела которого пошли в расстройство, не составляет препятствий для объявления несостоятельности» [16, с. 321].

В существующей на сегодняшний день судебной практике смерть стороны договора не препятствует государственной регистрации перехода права собственности. Такой вывод следует из практики Верховного Суда Российской Федерации (далее - Верховный Суд РФ).

Так, согласно материалам гражданского дела [17], между М. и Ч. был заключен договор пожизненного содержания с иждивением, согласно которому Ч. должна была содержать М., с сохранением за ней права бесплатного пользования квартирой. После заключения договора и подачи документов для государственной регистрации перехода права собственности на квартиру к Ч., гр. М. умер. Переход права собственности на квартиру был зарегистрирован на основании договора после смерти Ч. По данному делу нижестоящие суды пришли к выводу о невозможности зарегистрировать переход права собственности к Ч., поскольку правоспособность М. прекратилась со смертью. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с данным выводом. Сторонами было достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора, соблюдена предусмотренная законом нотариальная форма. При жизни М. с требованием о расторжении договора не обращалась, подала заявление на регистрацию перехода права собственности за плательщиком ренты, которая не требует совершения сторонами каких-либо юридически значимых действий и осуществляется компетентным органом. Учитывая изложенное, факт смерти М., не препятствовал по мнению Верховного Суда РФ государственной регистрации перехода права собственности на квартиру за Ч., а лишь прекратил ее обязательство пожизненной ренты.

Таким образом, с учетом вывода о принадлежности личных неимущественных прав автору после его смерти, считаем возможным условно приравнять к нему ИИ, который также не обладает правосубъектностью и признать за ним личные неимущественные авторские права, а обязанность по их охране, а также осуществление имущественных авторских прав возложить на законного владельца ИИ.

Литература и источники

1. Будылин С. На полпути к копирайту. Авторские права на произведения искусственного интеллекта // URL : https://zakon.ru/blog/2023/3/2/na_polputi_k_kopirajtu_avtorskie_prava_na_raboty_iskusstvennogo_intellekta (дата обращения: 16.05.2023).
2. В Амстердаме впервые открыта выставка картин, созданных искусственным интеллектом // URL: <https://baltija.eu/2023/04/01/v-amsterdame-vpervye-otkryta-vystavka-kartin-sozdannyh-ii-ne-vse-ee-ocenili/> (дата обращения: 05.06.2023).
3. Скандал: на престижном конкурсе фотографии победил снимок, сделанный нейросетью // URL: https://dzen.ru/a/ZEEIWQVoDBX7la_e (дата обращения: 05.06.2023).
4. Глава Верховного суда РФ не исключил применения ИИ для взыскания долгов по кредитам — Верховный Суд Российской Федерации // URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31548/ (дата обращения: 01.06.2023).
5. Наумов В.Б., Тютюк Е.В. К вопросу о правовом статусе «творчества» искусственного интеллекта // Правоведение. 2018. Т. 62. № 3.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 17.05.2023).
7. Решение Кировского районного суда города Астрахани № 2-5527/2016, 2-5527/2016-М-7105/2016, М-7105/2016 от 31 октября 2016 г. по делу № 2-5527/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZqVmhasvKXNT/>(дата обращения: 01.06.2023).
8. Проблема машинного творчества в системе права: регулирование создания и использования результатов интеллектуальной деятельности с применением искусственного интеллекта, зарубежный опыт и российские перспективы // Доклад НИУ ВШЭ; под рук. В. О. Калятина. М., 2021.
9. Харитонов Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. №1.
10. Пчелкин А. Авторские правки: кому принадлежат права на творчество ИИ. // URL : <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles/author-s-corrections-who-owns-the-rights-to-creativity-in-ai> (дата обращения: 13.05.2023).
11. Балашова А.И. Искусственный интеллект в авторском и патентном праве: объекты, субъектный состав правоотношений, сроки правовой охраны // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2022. № 2 (36).
12. Михович Е. А. Правовой режим произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта // Скиф. 2022. №5 (69).
13. Дзобоев Т. Авторские права на произведения, сгенерированные нейросетями. // URL: https://zakon.ru/blog/2022/10/07/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sgenerirovannye_nejrosetyami (дата обращения: 22.05.2023).
14. Zemer L. Is Intention To Co-Author an Uncertain Realm of Policy? // Columbia Journal of Law & Arts. 2007. Vol. 30. № 3/4. P. 611–624.
15. Пятков Д. В. Смерть человека в контексте учения о лицах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3.
16. Петражицкий Л. И. Теория государства в связи с теорией нравственности. СПб: Лань, 2000.
17. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 5-КГ17-242 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71789462/> (дата обращения: 08.06.2023).

References and Sources

1. Budylin S. Na polputi k kopirajtu. Avtorskie prava na proizvedeniya iskusstvennogo intellekta // URL : https://zakon.ru/blog/2023/3/2/na_polputi_k_kopirajtu_avtorskie_prava_na_raboty_iskusstvennogo_intellekta (data obrashcheniya: 16.05.2023).
2. V Amsterdame vpervye otkryta vystavka kartin, sozdannyh iskusstvennym intellektom // URL: <https://baltija.eu/2023/04/01/v-amsterdame-vpervye-otkryta-vystavka-kartin-sozdannyh-ii-ne-vse-ee-ocenili/> (data obrashcheniya: 05.06.2023).
3. Skandal: na prestizhnom konkurse fotografii pobedil snimok, sdelannyj nejroset'yu // URL: https://dzen.ru/a/ZEEIWQVoDBX7la_e (data obrashcheniya: 05.06.2023).
4. Glava Verhovnogo suda RF ne iskluchil primeneniya II dlya vyzskaniya dolgov po kreditam — Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii // URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31548/ (data obrashcheniya: 01.06.2023).
5. Naumov V.B., Tytyuk E.V. K voprosu o pravovom statuse «tvorchestva» iskusstvennogo intellekta // Pravovedenie. 2018. T. 62. № 3.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.04.2019 № 10 "O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (data obrashcheniya: 17.05.2023).
7. Reshenie Kirovskogo rajonnogo suda goroda Astrahani № 2-5527/2016, 2-5527/2016-M-7105/2016, M-7105/2016 ot 31 oktyabrya 2016 g. po delu № 2-5527/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZqVmhasvKXNT/> (data obrashcheniya: 01.06.2023).
8. Problema mashinnogo tvorchestva v sisteme prava: regulirovanie sozdaniya i ispol'zovaniya rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti s primeneniem iskusstvennogo intellekta, zarubezhnyj opyt i rossijskie perspektivy // Doklad NIU VShE; pod ruk. V. O. Kalyatina. M., 2021.
9. Haritonova Yu.S. K voprosu ob ohranospособnosti rezul'tata deyatel'nosti iskusstvennogo intellekta // Pravo budushchego: Intellektual'naya sobstvennost', innovacii, Internet. 2018. №1.
10. Pchelkin A. Avtorskie pravki: komu prinadlezhat prava na tvorchestvo II. // URL : <https://www.pgplaw.ru/analytics-and-brochures/articles/author-s-corrections-who-owns-the-rights-to-creativity-in-ai> (data obrashcheniya: 13.05.2023).
11. Balashova A.I. Iskusstvennyj intellekt v avtorskom i patentnom prave: ob"ekty, sub"ektnyj sostav pravootnoshenij, sroki pravovoj ohrany // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2022. № 2 (36).
12. Mihovich E. A. Pravovoj rezhim proizvedenij, sozdannyh s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta // Skif. 2022. №5 (69).
13. Dzeboev T. Avtorskie prava na proizvedeniya, sgenerirovannye nejroset'yami. // URL: https://zakon.ru/blog/2022/10/07/avtorskie_prava_na_proizvedeniya_sgenerirovannye_nejroset'yami (data obrashcheniya: 22.05.2023).
14. Zemer L. Is Intention To Co-Author an Uncertain Realm of Policy? // Columbia Journal of Law & Arts. 2007. Vol. 30. № 3/4. P. 611–624.
15. Pyatkov D. V. Smert' cheloveka v kontekste ucheniya o lichah // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2020. № 3.
16. Petrazhickij L. I. Teoriya gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti. SPb: Lan', 2000.
17. Opredelenie SK po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 13 fevralya 2018 g. № 5-KG17-242 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71789462/> (data obrashcheniya: 08.06.2023).

БОРИСОВА ЛИЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора процессуального права, Институт государства и права Российской академии наук (lilya-borisova@yandex.ru).

BORISOVA, LILIA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Procedural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (lilya-borisova@yandex.ru).

УДК 346.2

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-121-127

МАТВЕЕВА Д.М.

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ

Ключевые слова: регулирование роботов, право и робототехника, этические нормы регулирования робототехники.

Этика и право переплетены в современном обществе, и многие юридические решения обусловлены восприятием определенных этических вопросов. Искусственный интеллект и робототехника, в частности, придают этим вопросам новое измерение. Отношение общества к автономным системам, будь то роботы или что-то другое, и наша переоценка их роли в обществе и их места среди нас, оказывают непосредственное влияние на правовое регулирование этих систем. Этические установки общества позволяют ему решать, что важно для общества и является ли искусственный интеллект субъектом, имеющим права и обязанности. В статье проведен компаративный анализ правового регулирования робототехники в разных странах.

MANVEEVA, D.M.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF ROBOTICS

Key words: regulation of robots, law and robotics, ethical regulations of robotics.

Ethics and law are inextricably linked in modern society, and many legal solutions arise from the perception of certain ethical problems. Artificial intelligence and robotics, in particular, add a new dimension to these issues. Society's attitude to autonomous systems, whether robots or something else, our rethinking of their role in society and position among us, directly affects their legal regulation. The ethical attitude of society determines what is important for society and allows us to decide whether «something» is a valuable and appropriate object for the possession of rights and obligations. The article presents a comparative legal analysis of legal and ethical strategies for regulating relations in the field of robotics

Актуальность статьи определяется тем, что на сегодняшний день законодательная и судебная база, регулирующая отношения в области робототехники и искусственного интеллекта, крайне несовершенна. Не существует единой терминологической системы. Даже такие ключевые термины как «робототехника» и «искусственный интеллект» не определены в законодательстве некоторых стран или определены в других странах частично. Цель статьи – сравнительно-правовой анализ текущей практики регулирования робототехники, выявление предпосылок создания комплексного правового регулирования данного института. Основные задачи состоят в том, чтобы провести компаративный анализ правового регулирования робототехники в разных странах, выявить тенденции эволюции правового регулирования робототехники, определить

правовой потенциал России в области развития регулирования робототехники. Методы исследования: сравнительно-правовой, анализ, синтез, дедукция.

Переходя к анализу проблемы, прежде всего, отметим, что рост использования роботов приводит к возникновению определенных правовых проблем. Американско-российский писатель-фантаст Айзек Азимов вывел три закона робототехники [1, с. 69], которые сегодня стали эталоном и в юридических исследованиях, касающихся надзора за роботами. Согласно этим законам, «робот не может причинить вред человеку или, оставаясь пассивным, позволить человеку подвергнуться опасности; робот должен подчиняться приказам, отдаваемым ему человеком, если только такие приказы не противоречат первому закону; робот должен защищать свое существование до тех пор, пока эта защита не противоречит первому или второму закону».

В частности, именно эти законы вдохновили Южную Корею на разработку Хартии этики роботов, основная идея которой заключается в защите людей от роботов, а также в защите роботов от людей [2]. Эта хартия была объявлена правительством Южной Кореи в 2007 году с намерением определить «этические принципы, касающиеся роли и функций роботов», поскольку роботы обладают потенциалом для «развития острого интеллекта». Хотя этот текст никогда не публиковался, в настоящее время он является первым, в котором закон о роботах рассматривается через призму этики, в частности, для случаев, связанных с отношениями между людьми и роботами, способными принимать решения и, следовательно, обладающими искусственным интеллектом [3]. Хартия является частью планов Южной Кореи по смягчению последствий низкого прироста населения, связанного с его старением. Роль роботов при этом заключается в том, чтобы служить компаньонами людям при выполнении ими повседневных задач. Принятие программы также объясняется важностью рынка робототехники для южнокорейской экономики, которая является одним из мировых лидеров в области роботов. Структура текста документа имеет три основных части. Во-первых, в хартии закреплены производственные стандарты, во-вторых выделяются права и обязанности пользователей и владельцев и, наконец, в-третьих, права и обязанности роботов [4].

Еще одним лидером среди государств, заинтересованных в проблеме роботов, является Великобритания. В апреле 2016 года Британский институт стандартов опубликовал документ, озаглавленный «Роботы и робототехнические устройства. Руководство по этичному проектированию и применению роботов и робототехнических систем». Этот текст не имеет юридической силы, но содержит рекомендации для создателей роботов, учитывающие этические риски, связанные с разработкой роботов, к примеру, такие как опасность расистского поведения. Таким образом, цель документа состоит в том, чтобы избежать «неуважения к культурному разнообразию или плюрализму» [5] в процессе роботизации. Более того, решая проблему ответственности роботов, авторы этого текста придерживаются позиции, согласно которой она полностью возлагается на людей. Они настаивают на том, что лицо, ответственное за робота, должно быть четко идентифицируемым.

В настоящее время этот текст является одним из самых современных в том, что касается этики роботов. Но Великобритания сделала его не с первой попытки. Еще в сентябре 2010 года там была организована рабочая группа «Принципы робототехники», включавшая ряд известных ученых и специалистов, работавших над разработкой проблем робототехники и, особенно, ее применения в реальном мире. Причем данный проект исходил из признания роботов юридическими лицами [6].

В Соединенных Штатах роботы играют важную роль в экономике, на рынке труда, причем до такой степени, что они уже представляют угрозу для низкоквалифицированных рабочих мест [7]. Однако в США практически не существует закона, касающегося правового статуса роботов.

Вероятно, это лишь вопрос времени, поскольку, к примеру, Национальное управление безопасности дорожного движения (NHTSA) уже предложило Google проработать вопрос предоставления статуса водителя своим автономным автомобилям, которые, следовательно, должны будут нести соответствующую ответственность [7]. Помимо этого, в штате Калифорния принят законодательный акт, обязывающий производителей автономных автомобилей получать специальные разрешения для проведения дополнительных тестов на дорогах. Данный законодательный акт также устанавливает правила использования данных автомобилей и требования к их безопасной эксплуатации.

Также существует несколько законов и нормативных актов, которые ограничивают использование определенных типов роботизированных устройств. Например, Федеральная комиссия по связи США (FCC) имеет полномочия контролировать и ограничивать радиочастотные помехи со стороны устройств, работающих на основе радиочастотной связи. Также Федеральное управление по автоматической безопасности дорожного движения (NHTSA) имеет полномочия регулировать автоматические системы управления транспортными средствами. Кроме того, в США действует закон о защите конфиденциальности потребителей (CCPA), который требует от производителей роботов предоставлять информацию о том, какие данные о пользователе собираются и хранятся на устройстве [7]. Также США имеет законы об авторском праве и патентах, которые могут применяться к робототехнике.

В Европе в последние годы значительное внимание уделяется созданию единой системы безопасности и защиты потребителей при использовании робототехники.

Так, депутат Европарламента от Люксембурга Мади Дельво предложила парламенту резолюцию об этике в сфере робототехники, которая была принята 16 февраля 2017 года подавляющим большинством (396 голосов «за», 123 «против», 85 воздержавшихся). Эта резолюция призывает Европейскую комиссию работать над установлением этических правил, касающихся робототехники и искусственного интеллекта, «чтобы в полной мере использовать их экономический потенциал и гарантировать стандартный уровень безопасности» [8]. Среди тем, по которым в отчете Комиссии было предложено проявить интерес, первоначально было предоставление роботам электронной личности. По словам Мэди Дево, «это был бы тот же принцип, который сейчас применяется к компаниям. Однако для реализации этого решения потребовалось бы время. Согласно резолюции, электронным человеком потенциально может быть «любой робот, который разумно принимает автономные решения или независимо взаимодействует с третьими лицами. Однако Комиссия еще не приняла это понятие электронной личности. Кроме того, Европейский экономический и социальный комитет (EESC) выступил против признания любой формы правосубъектности роботов. В заключении от 4 мая 2017 года он счел, что это было бы «угрозой открытой и равноправной демократии». Однако EESC может выносить только заключения, которые не имеют юридической силы [8].

В целом, в ЕС действует общий закон GDPR (Общая Регламентация о защите Данных), который требует от производителей обеспечить безопасность данных при использовании автоматических систем. Кроме того, ЕС имеет свойственную для них программу CE-маркировка для продуктов – сертификат соответствия определенным стандартам, который должен быть получен производителем робота. Также в Европе существует закон о медицинской технике (MDR), который регулирует использование медицинских роботов. Закон устанавливает правила для сертификации и надзора за медицинскими устройствами.

Стоит заметить, что европейские законодатели, принимающие решения, спешат создать основу правил в отношении роботов, которые были бы применимы к государствам-членам, поскольку они опасаются, что государства начнут принимать законы самостоятельно. Это вызвало бы проблемы гармонии и в то же время подорвало бы стабильность европейской правовой базы, особенно если государства принимают стандарты, которые отличаются или даже противоречат друг другу в разных государствах. Кроме того, для них также важно унифицировать будущие стандарты робототехники ввиду сильной конкуренции со стороны других географических секторов, которые уже находятся на переднем крае в этой области, таких как Азия или Соединенные Штаты [9].

Хотя европейские государства все еще сильно отстают, например, от Южной Кореи, они рассматривают возможность признания правосубъектности роботов. Так обстоит дело во Франции, где были предприняты некоторые усилия, чтобы ответить на вопросы такого рода. Примерами могут служить отчет, принятый 29 марта 2017 года Парламентским управлением по оценке выбора науки и технологий (OPESCT), или стратегический план IA Франции, представленный в январе 2017 года Аксель Лемер, тогдашним государственным секретарем по цифровым технологиям и инновациям [8]. Однако Франция все еще далека от достижения конкретных решений, в частности, из-за сильной доктринальной оппозиции. Действительно, большинство авторов выступают против признания правосубъектности роботов, приводя такие аргументы, как эффективность существующих правовых режимов или неопределенность в

отношении развития роботизированных инноваций. Ряд специалистов, например Ален Бенсуссан, считают, что принятие режима индивидуальности, характерного для роботов, необходимо сегодня из-за свободы принятия решений роботом благодаря искусственному интеллекту [9].

В Китае, как и в большинстве других стран, процесс создания законодательства находится на начальной стадии разработки. Однако уже существует несколько проектов, регулирующих использование автоматических технологий в государственных органах. Для Китая промышленная автоматизация является средством роста его экономики. Однако вместо законов о роботах Китай сосредотачивается на патентах. Он хочет контролировать не то, как используются промышленные роботы, а то, откуда они берутся. При этом Китай быстро внедряет промышленную автоматизацию. Ожидается, что он превзойдет остальной мир в области внедрения робототехники.

В конце 2015 года вице-президент Китая Ли Юаньчао предложил план, направленный на замену миллионов низкооплачиваемых работников роботами. Основное внимание уделяется промышленным роботам для производства. К 2027 году продажи роботов в Китае достигнут 100 000, и в том же году, по прогнозам, на заводах будет работать больше роботов, чем в любой другой стране мира. Промышленная автоматизация настолько важна для экономической стратегии Китая, что в его проекте «Сделано в Китае 2025» «автоматизированные машины и робототехника» являются вторым по приоритету сектором после «новых передовых информационных технологий». Проблема в том, что четыре из пяти промышленных роботов в Китае производятся зарубежными странами. В 2014 году в Китае было продано 56 000 промышленных роботов, что составляет 25 процентов всех продаж промышленных роботов во всем мире. Но только 16 000 (30 процентов) поступили от китайских компаний. Чтобы изменить это, 22 января 2016 года Китай создал патентный пул для технологий промышленной робототехники. В 2015 году город Гуанчжоу объявил, что планирует потратить 943 миллиарда юаней (145 миллионов долларов) на замену людей роботизированным трудом в течение следующих трех лет. К 2025 году город хочет автоматизировать 80 процентов своего производства. В Гуанчжоу и других городах патентный пул Китая будет играть роль в развитии отечественной промышленной автоматизации. Эти патенты следует интерпретировать как отправную точку политики Китая в области робототехники. Следующим шагом может стать закон о роботах, но всеобъемлющей целью Китая, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, будет оставаться рост его экономики [10].

В январе 2018 года КНР выпустила свою первую национальную стандартизированную систему для роботов AI (ИИ) и IoT – QCAiRS. Система содержит более 70 стандартов, которые покрывают такие аспекты как безопасность, надежность и качество продукта.

В КНР также действует закон об авторском праве, патентах и знаках товарных знаков, которые могут распространяться на роботов.

Помимо отдельных стран, существуют международные организации по стандартизации и сертификации роботизированных систем. Например, Международная организация по стандартизации (ISO) разрабатывает нормы безопасности и качества для всей робототехнической индустрии. Также можно выделить Рамочную конвенцию ООН об электронной коммерции 1996 года, которая определяет юридическое значение электронных документов и подписей. Данная конвенция предусматривает возможность использования электронных подписей вместо обычных, что очень важно при работе с роботизированными системами.

Таким образом, современная робототехника требует установления правовых норм и стандартов безопасности для защиты потребителей. В каждой стране создание законодательства по использованию роботизированных систем является процессом длительным и сложным. Однако уже существующие международные организации по стандартизации и сертификации могут помочь разработать единую систему правил и стандартов для всего мира.

По мере того, как все больше стран внедряют промышленную автоматизацию, государственная политика в отношении этой технологии будет приобретать все большее значение. Соответственно, правительствам необходимо найти баланс между обеспечением того, чтобы люди могли безопасно сосуществовать с роботами, и тем, чтобы компании, использующие эти машины, могли в полной мере использовать их. Этот баланс закона роботов является частью более широкой картины, где промышленная автоматизация используется для повышения производительности и роста экономики. Несколько стран создали или создают нормативно-правовую базу для защиты безопасности работников наряду с промышленными роботами. Как отмечалось, Южная Корея

ПРАВО

разработала Хартию этики роботов, Европейский союз запустил свой проект RoboLaw, а, например, Германия экспериментирует с «медицинскими/биомеханическими» требованиями к сотрудничеству человека и робота на заводах.

Проведем компаративный анализ разных стран в формате матрицы, представленный в таблице 1.

Таблица 1.

Компаративный анализ регулирования робототехники в разных странах

Критерий	Республика Корея	Япония	Германия	Россия
Нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы разработки и использования робототехники	+	-	-/+	-
Государственная программа развития робототехники	+	+	+	+
Органы государственной власти и иные государственные организации, ответственные за регулирование в области робототехники	+	-	-	-
«Регуляторные песочницы»	+	+	+	+

Для всесторонней оценки национального регулирования и поддержки робототехники обратимся к опыту наиболее успешных в исследуемой сфере стран.

Заслуживает внимания опыт Республики Корея. Успех Республики Корея - не случайность, а результат последовательной политики правительства по поддержке развития робототехники. Например, в 2008 году был принят Закон о содействии развитию и распространению умных роботов (Intelligent Robots Development And Distribution Promotion Act, Закон № 9014). Этот закон является одним из первых специальных документов такого рода в мире и включает в себя как нормативные элементы робототехники, так и национальную стратегию промышленного развития [2]. Важным нововведением стало создание в 2008 году Корейского агентства по продвижению робототехнической промышленности (KIRIA). KIRIA назначено ведущим агентством, ответственным за регулирование и развитие робототехнической промышленности. Закон о содействии развитию и распространению умных роботов предусматривает разработку пятилетнего грандиозного плана развития интеллектуальных роботов. С февраля 2018 года в Республике Корея реализуется третий план – «Стратегия развития производства интеллектуальных роботов» [3].

Особого внимания заслуживают положения Закона [2], которые имеют отношение к реализации проекта специальной экономической зоны «Роботландия». Согласно информации, доступной на момент проведения данного исследования, в Республике Корея существует два тематических технологических парка - Masan Robotland в городе Чханвон на юго-востоке Корейского полуострова и Incheon Robotland в городе Инчхон на северо-западе. В Республике Корея также существует специальная правовая система для роботов, которая позволяет экспериментировать с новыми технологиями. Например, благодаря существующей «нормативной песочнице» роботы, оснащенные искусственным интеллектом, смогли доставлять заказы на продукты питания и другие товары без контакта с жителями районов Магок и Кангсео в Сеуле во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 [4].

Интересен также опыт Японии – ближайшего конкурента Кореи в секторе робототехники. На современном этапе в Японии представлены не все элементы общей системы регулирования робототехники. В частности, нам не удалось выявить наличие единого национального закона о регулировании [11]. Однако важным национальным инструментом в области робототехники является принятая в 2015 году Новая стратегия роботов, определившая пятилетний план Инициативы революции в робототехнике [11]. Учитывая демографические особенности Японии, такие как старение населения и снижение рождаемости, несомненно, японское правительство должно продолжить разработку гибкого законодательства и создать систему эффективного управления робототехнической промышленностью.

Интересен опыт Германии, которая крупным игроком на мировом рынке робототехники. Здесь использование робототехники рассматривается не с точки зрения отдельного сектора, а в широком контексте, как часть обновления экономики в целом и создания новых экономических моделей [12]. С 2011 г. там разрабатывается и реализуется национальная программа «Индустрия 4.0» (часть национальной стратегии «Стратегия высоких технологий 2020»). В настоящее время в Германии разрабатывается новая национальная стратегия развития высоких технологий до 2025

года (High-Tech Strategy 2025), приоритетом которой являются разработки в сфере искусственного интеллекта [12]. Отметим поправки к Закону о дорожном движении, регулирующие использование высокоавтоматизированных транспортных средств. Важной особенностью этого закона является оплата ущерба, причиненного в результате использования этих транспортных средств [13].

В то же время этот документ является примером регулирования в специфическом секторе. Комплексных правовых норм, регулирующих различные аспекты использования роботов в Германии, на момент проведения данного исследования не существовало.

Стоит отметить, что некоторые основы регулирования робототехники в России также уже заложены. Для этого в рамках федерального проекта «Цифровые технологии» национального проекта «Цифровая экономика» была разработана дорожная карта развития робототехники, на которую было выделено около 133 млрд рублей [14].

По инициативе Дмитрия Гришина, председателя совета директоров Mail.ru Group, был подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный гражданский кодекс РФ в целях совершенствования правового регулирования отношений в сфере робототехники», который является первым в своем роде в Российской Федерации. Законопроект предусматривает, в частности, создание единого государственного реестра робототехнических посредников, применение норм Гражданского кодекса о юридических лицах к отношениям с участием робототехнических посредников, регулирование вопросов собственности и ответственности и ряд других положений [15].

Важным шагом в решении указанных проблем стало утверждение распоряжением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 года № 2129-р Концепции регулирования отношений в области искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, определяющей основные подходы к трансформации системы регулирования для обеспечения создания и внедрения технологий (искусственного интеллекта и робототехники) в различные сферы экономики при соблюдении прав граждан и обеспечении личной, общественной и государственной безопасности [16]. Примечательно, что в России разработаны правовые условия для развития робототехники в рамках «регуляторной песочницы»: Постановлением Правительства РФ № 1750 от 28.10.2020 роботы утверждены в составе перечня технологий, подлежащих внедрению в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций [17].

Изучив подходы к управлению робототехнической индустрией в разных странах, можно отметить, что единого законодательства и специализированных государственных органов по робототехнике не существует, однако при формулировании формы отраслевого регулирования рекомендуется обратиться к опыту Республики Кореи, где создана комплексная система управления отраслью. Правовое регулирование робототехники имеет свои особенности в каждой стране. Некоторые страны разработали более развитую систему нормативно-правовых актов для контроля использования и создания новых типов роботизированных устройств. Однако, в целом, правовое регулирование робототехники еще находится в стадии развития и требует дополнительного изучения и нормативного урегулирования. Поскольку развитие робототехники активно влияет на общество, очевидна необходимость создания юридической базы для ее использования. Каждая страна должна законодательно определить основные правила этики и юридической ответственности для работы с роботами. Это позволит установить нужный баланс между развитием технологий и защитой интересов людей.

Литература и источники

1. Азимов А. Я, робот. М.: ЭКСМО, 2019.
2. Исследовательский центр проблем регулирования робототехники. Закон о содействии развитию и распространению умных роботов [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008
3. Sang-mo K. Policy directions for S. Korea's robot industry [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=24394>
4. Jin-young C. Korea to promote collaborative robotics for manufacturing field [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=20497>
5. Do no harm, don't discriminate: official guidance issued on robot ethics [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2016/sep/18/official-guidance-robot-ethics-british-standards-institute>
6. Au-delà d'Asimov : le Royaume-Uni publie des règles d'éthique pour la fabrication de robots [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique-et-universitaire/veille-scientifique-et-technologique/royaume-uni/article/au-dela-d-asimov-le-royaume-uni-publie-des-regles-d-ethique-pour-la-fabrication>
7. [Etats-Unis] L'intelligence artificielle peut-elle avoir un statut de conducteur? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.journaldudgeek.com/2016/02/12/lintelligence-artificielle-conducteur-google/>

8. Le droit et l'intelligence artificielle [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://pierre-antoine-rizk.com/2018/04/26/the-legal-status-of-robots-in-different-countries/>
9. Intelligence artificielle: faut-il légiférer? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://iredic.fr/2017/10/30/intelligence-artificielle-faut-il-legiferer/>
10. China Robot Law [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.china/o/about.html>
11. Japan Robot Association. Major activities [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.lapan.jp/e/about/activities.html>
12. Federal Ministry of Education and Research of Germany. The high-tech strategy 2025. The Federal Government [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.bmbf.de/upload_filestore/pub/Research_and_innovation_that_benefit_the_people
13. Исследовательский центр проблем регулирования робототехники. Восьмой закон о внесении изменений в Закон о дорожном движении от 16 июня 2017 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://robopravo.ru/iniatsiivny_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013_2
14. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии. «Компоненты робототехники и сенсорики» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019robototekhnika-i-sensorika.pdf>
15. Гришин Д.С. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники». Исследовательский центр проблем регулирования робототехники // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/My74kF>
16. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19.08.2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СЗ РФ. 2020. № 35. ст. 5593.
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.10.2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СЗ РФ. 2020. № 44. ст. 7003.

References and Sources

1. Azimov A. Ya, robot. M.: EKSMO, 2019.
2. Issledovatel'skij centr problem regulirovaniya robototekhniki. Zakon o sodejstvii razvitiyu i rasprostraneniyu umnyh robotov [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://robopravo.ru/zakon_iuzhnoi_koriei_2008
3. Sang-mo K. Policy directions for S. Korea's robot industry [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=24394>
4. Jin-young C. Korea to promote collaborative robotics for manufacturing field [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=20497>
5. Do no harm, don't discriminate: official guidance issued on robot ethics [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.theguardian.com/technology/2016/sep/18/official-guidance-robot-ethics-british-standards-institute>
6. Au-delà d'Asimov : le Royaume-Uni publie des règles d'éthique pour la fabrication de robots [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/diplomatie-scientifique-et-universitaire/veille-scientifique-et-technologique/royaume-uni/article/au-dela-d-asimov-le-royaume-uni-publie-des-regles-d-ethique-pour-la-fabrication>
7. [Etats-Unis] L'intelligence artificielle peut-elle avoir un statut de conducteur? [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.journaldugeek.com/2016/02/12/lintelligence-artificielle-conducteur-google/>
8. Le droit et l'intelligence artificielle [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://pierre-antoine-rizk.com/2018/04/26/the-legal-status-of-robots-in-different-countries/>
9. Intelligence artificielle: faut-il légiférer? [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <http://iredic.fr/2017/10/30/intelligence-artificielle-faut-il-legiferer/>
10. China Robot Law [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.china/o/about.html>
11. Japan Robot Association. Major activities [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://www.lapan.jp/e/about/activities.html>
12. Federal Ministry of Education and Research of Germany. The high-tech strategy 2025. The Federal Government [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://www.bmbf.de/upload_filestore/pub/Research_and_innovation_that_benefit_the_people
13. Issledovatel'skij centr problem regulirovaniya robototekhniki. Vos'moj zakon o vnesenii izmenenij v Zakon o dorozhnom dvizhenii ot 16 iyunya 2017 g. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://robopravo.ru/iniatsiivny_frantsii_v_sfierie_robototiekhniki_2013_2
14. Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii. Dorozhnaya karta razvitiya «skvoznoj» cifrovoj tekhnologii. «Komponenty robototekhniki i sensorika» [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/07102019robototekhnika-i-sensorika.pdf>
15. Grishin D.S. Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii v chasti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya otnoshenij v oblasti robototekhniki». Issledovatel'skij centr problem regulirovaniya robototekhniki // [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: <https://robopravo.ru/uploads/s/z/6/g/z6gj0wkwhv1o/file/My74kF>
16. Rasporjazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 19.08.2020 g. № 2129-r «Ob utverzhdenii Konceptcii razvitiya regulirovaniya otnoshenij v sfere tekhnologij iskusstvennogo intellekta i robototekhniki do 2024 goda» // SZ RF. 2020. № 35. st. 5593.
17. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28.10.2020 g. № 1750 «Ob utverzhdenii perechnya tekhnologij, primenyaemyh v ramkah eksperimental'nyh pravovyh rezhimov v sfere cifrovih innovacij» // SZ RF. 2020. № 44. st. 7003.

МАТВЕЕВА ДАРЬЯ МИХАЙЛОВНА – аспирант, Владивостокский государственный университет (dm_552.snow@mail.ru).
MANVEEVA, DARYA M. – Ph.D. Student, Vladivostok State University (dm_552.snow@mail.ru).

УДК 349.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-127-131

ХАКИМОВА Ж.А., ВАСИЛЬЕВА А.А.
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ РЫНКА УГЛЕРОДНЫХ ЕДИНИЦ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: рынок углеродных единиц, квотирование, парниковый эффект, единицы сокращения выбросов.

В статье рассматриваются различные правовые способы решения проблемы неопределённости в вопросах квотирования углеродного загрязнения. Данная проблема является актуальной уже на протяжении длительного времени. В связи с этим был принят ряд важных международных документов, включая Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (UNCCC), Киотский Протокол к UNCCC, и Парижское Соглашение ООН. В России также были предприняты шаги по реализации климатической повестки, в том

числе были приняты ФЗ №296 «Об ограничении парниковых выбросов» и ФЗ №34 «О проведении эксперимента с ограничением выбросов парниковых газов». Однако правоприменительная практика в отношении углеродных единиц еще не устоялась.

KHAKIMOVA, Z.A., VASILYEVA, A.A.

ON THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF THE CARBON UNITS MARKET: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

Key words: carbon units market, quotas, greenhouse effect, emission reduction units.

The article discusses various ways to solve the problem of uncertainty in the issues of carbon pollution quotas. This problem has been relevant for a long time. In this regard, a number of important international documents were adopted, including the UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), the Kyoto Protocol to UNFCCC, and the UN Paris Agreement. Steps have also been taken in Russia to implement the climate agenda, including the adoption of Federal Law No. 296 «On Limiting Greenhouse Emissions» and Federal Law No. 34 «On conducting an experiment with limiting greenhouse gas emissions.» However, the law enforcement practice regarding carbon units has not yet been established.

Вопросы правового регулирования рынка углеродных единиц не имеют по своей природе единого подхода к своему рассмотрению. Государства с различными правовыми системами имеют различные способы определения самого его понятия, причем в большинстве государств, признающих существование данной проблемы, дискуссии об оптимальном восприятии природы углеродных единиц не считаются завершёнными [1].

Согласно Рамочной конвенции ООН по изменению климата, углеродные единицы представляют собой разрешения их владельцам в определённый период времени или бессрочно производить выбросы такого количества газов, которое эквивалентно по своему парниковому эффекту одной тонне чистого углекислого газа. При этом не всегда право рассматривается относительно именно этой формулировки, но смысл всегда остается тем же.

Оборот углеродных единиц, прежде всего, связан с понятиями «обязательного рынка» и «добровольного рынка» [2]:

- **Обязательные** - государство контролирует рынки, вводя налоги или квоты на выбросы парниковых газов для предприятий. Регулирование данного вида рынка имеет основу в виде законов или иных нормативно-правовых актов, будь то международное, национальное или региональное право.
- **Добровольные** - происходит оборот углеродных единиц (оффсетов) путём реализации различных проектов по уменьшению выбросов парниковых газов. Они не подлежат обязательному контролю государства.

В 2003 году была утверждена система торговли квотами на выбросы парниковых газов, в рамках которой правовая природа квот на выбросы не определена, но в законах Европейского Союза прослеживаются различные характеристики квот [3, p.53]. Результатом неопределённости статуса углеродных единиц в нормативно-правовой документации ЕС являются различные по правовой сущности определения квот, которые остаются на усмотрение государств-членов Союза, неся в себе черты национальных законодательств.

В Бельгии разрешение на выбросы в окружающую среду (квоты) определяются фламандским постановлением от 15.04.1995 и указом короля от 02.05.2013. Согласно этим документам, квоты на выбросы определяются как «право на выброс одной тонны эквивалента CO₂ в течение периода времени или периода торговли». Однако в законодательстве Бельгии не дается четкого определения квот как объектов гражданских и административных прав, а также не установлено их правовой природы. В Бельгии также не поддерживается идея о том, что квоты являются административными разрешениями из-за отсутствия необходимых признаков. Кроме того, некоторые ученые считают, что в Бельгии квоты можно рассматривать как движимое нематериальное имущество [4]. В Бельгии нет законодательного определения прав на квоты, однако они считаются нематериальным имуществом. Однако вопрос о признании права собственности на них до сих пор остается нерешённым.

В Великобритании, где действует прецедентная правовая система, была проведена квалификация углеродных единиц. В деле *Armstrong против Waddington* суд использовал трехступенчатый тест, чтобы определить правовую природу квот на выбросы углекислого газа. Квоты были признаны нематериальным имуществом [5]. Поэтому можно предположить, что и на добровольном рынке углеродные единицы будут рассматриваться как нематериальное имущество.

В Германии квоты - это право, которое позволяет их обладателю выбрасывать парниковые газы, эквивалентные одной тонне углекислого газа, в течение определенного времени. Закон о

торговле разрешениями на выбросы парниковых газов 2011 г. определяет, как должны происходить операции с квотами, а также подтверждает их наличие разрешительными документами. Согласно 7 пункту этого закона, квоты можно передавать третьим лицам, и они являются имуществом с рыночной стоимостью, которое может быть предметом договора [6, р. 975]. Однако, правовая природа квот до сих пор является предметом споров. Существуют вопросы о том, могут ли квоты считаться объектом гражданского права, и как они могут использоваться в рамках процедур банкротства.

В документе и немецкой правовой доктрине квота рассматривается как объект гражданского права и ее правовая сущность не раскрыта. В то же время, существует несколько исключений из общего правила о неотчуждаемости квот в рамках права. Например, квоты на производство молока могут быть отчуждены на основании гражданско-правового договора. Также, передачи публично-правовых квот допускаются в некоторых случаях, например, при концессиях на такси [7]. Данная позиция позволяет оппонентам утверждать, что квоты могут рассматриваться как объект гражданского права и квалифицироваться как своеобразная валюта. Действительно, эмиссия квот, как аналога валюты, является публичной, а требования устанавливаются в соответствии с административными нормами, и отношения по обращению квот складываются между субъектами гражданских правоотношений. На этом основании можно заключить, что на обращение квот распространяются положения гражданского законодательства.

Франция является одним из участников Киотского протокола, который предусматривает обязательства по снижению выбросов. Механизмы чистого развития позволяют французским компаниям софинансировать и осуществлять проекты по сокращению выбросов в развивающихся странах без обязательств по снижению, получая взамен сертифицированные единицы сокращения выбросов. Статья 6 протокола также допускает совместные проекты. Этот механизм сокращения выбросов следует правилам, подобным Механизму чистого развития с некоторыми отличиями. Проекты совместного осуществления реализуются в странах, обязанных сократить выбросы, а выделяемые углеродные единицы называются единицами сокращения выбросов.

Согласно экологическому законодательству страны, единицы сокращенных выбросов и сертифицированные единицы сокращенных выбросов являются материальными вещами, которые могут храниться на счетах их владельцев в специальном реестре. В обоих случаях оборот единиц разрешён, включая передачу углеродных единиц со счёта на счёт. Эти единицы предоставляют своим владельцам равные права, и, как упоминалось ранее, могут быть переданы сразу же после их получения, аналогично тому, как это происходит в Германии. Таким образом, по своей природе единицы сокращённых выбросов являются частными активами, право собственности на которые наделяет своих владельцев стандартными субъективными частными правами (область гражданского законодательства). Во французской юридической доктрине существует мнение, что владельцы этих единиц обладают собственностью на них. По аналогии с Германией высказывается мнение, что квоты на парниковые газы должны регулироваться особым вещным правом *sui generis*, которое можно рассматривать как вид ценных бумаг. Однако, такой подход не получил широкого распространения. В то же время, подчёркивается особая природа права собственности на эти квоты, поскольку они служат общей цели - защите окружающей среды и сокращению выбросов парниковых газов. В отличие от обычных прав собственности, которые служат удовлетворению частных интересов, право собственности на квоты направлено на достижение общественного блага. Также допускается возможность государства со временем уменьшать количество квот на рынке. Если бы за правообладателем признавалось право собственности в классическом смысле, то в этом случае государство было бы обязано выплатить правообладателю справедливую компенсацию за квоты, что совершенно не соответствует целям введения системы продажи квот. Эти особенности, которые ограничивают правовой режим использования квот, можно отнести к «гибридному» характеру прав на квоты [8].

В штате Калифорния США, которая славится своим статусом испытательного полигона для инновационных технологий, квота на выброс означает ограниченный по обороту документ, дающий право на выброс одной метрической тонны углекислого газа. Однако важно отметить, что такое разрешение не дает владельцу права собственности или других имущественных прав, что делает его лишь административным инструментом [9, р. 92]. Несмотря на то, что в США нет законодательного закрепления правовой природы углеродных единиц на добровольной основе,

существует возможность признания оффсетных углеродных единиц товаром, так как в американском законодательстве понятие товара определяется очень широко, включая материальные объекты, финансовые инструменты и даже иностранные валюты. В некоторых случаях, американские суды придерживались другой точки зрения по поводу прав на регистрацию, покупку и продажу карбоновых единиц. В одном из дел, Roseland Plantation LLC столкнулась с противодействием со стороны United States Fish and Wildlife Service, которые считали, что право собственности на недвижимость не включает в себя права на использование углеродных единиц для снижения выбросов. Однако, федеральный суд штата Луизиана вынес решение в пользу Roseland Plantation, признав, что использование недвижимости для производства выбросов создает необходимость в использовании карбоновых единиц, и поэтому права на их регистрацию, покупку и продажу должны быть включены в права собственности на недвижимость [10].

В начале 2020 года в Мексике был запущен пилотный проект по торговле выбросами. В рамках этого проекта квота на выброс является административным инструментом, который позволяет производить определенное количество выбросов парниковых газов, эквивалентных тонне углекислого газа в единицу времени [11]. Несмотря на то, что мексиканская доктрина признает, что анализ правовой природы квот еще не завершен, некоторые эксперты считают, что этот инструмент должен подчиняться праву собственности, что дает правообладателю имущественные права на основе правовой нормы.

Что касается опыта азиатских стран, в китайской правовой доктрине говорится, что квоты на выбросы парниковых газов можно рассматривать как использование природных ресурсов. Но так как экологический потенциал не является ресурсом, то для его регулирования необходимо внести изменения в законодательство [12, р. 29-30]. В Южной Корее нет положений, которые определяют правовую природу квоты на выбросы парниковых газов. Вместо этого, квоты считаются имущественными правами, которые могут быть проданы или переданы другим сторонам [13, р. 31].

В России углеродный рынок только начинает набирать обороты. В качестве примера стоит упомянуть Сахалинский эксперимент, который начался в сентябре 2022 года и будет длиться до декабря 2028 года. Его конечной целью является углеродная нейтральность региона к 2025 году, а также приемлемая система торговли выбросами, которая в будущем может распространиться и на другие регионы [14].

В рамках данного эксперимента региональные предприятия имеют два варианта действий в случае превышения установленных лимитов выбросов, –

1. Приобрести недостающие углеродные единицы;
2. Заплатить штраф за каждую тонну CO₂, идущую сверх нормы в размере 1 тысячи рублей за каждую единицу.

Хотя в разных странах существует единое понимание углеродных единиц, методы и способы их определения могут значительно отличаться. Выбор правовой системы, применимой к обороту углеродных единиц зависит от того, какой подход государство использует к определению механизма аналогии, а также от того, какие нормы о владении имуществом и публичном праве распространяются на углеродные единицы.

Литература и источники:

1. Башкатов М., Витоль Э., Фёдоров Д., Леоне Ю., Зикун И., Шугаев Р. Доклад «Подходы зарубежных стран к определению правовой природы углеродных единиц». 2022. Фонд «Центр стратегических разработок» // Электронный ресурс. URL: <https://www.csr.ru/research/podkhody-zarubezhnykh-stran-k-opredeleniyu-pravovoy-prirody-uglerodnykh-edinit/> (дата обращения 02.06.2023).
2. Соколова Н. Углеродные единицы в правовом поле – мировая практика определения юридической природы. 2022 г. // Электронный ресурс. URL: <https://climate-change.moscow/article/uglerodnye-edinicy-v-pravovom-pole-mirovaya-praktika-opredeleniya-yuridicheskoy-prirody> (дата обращения: 11.06.2023).
3. Directive 2003/87/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 2003 establishing a scheme for greenhouse gas emission allowance trading within the Community and amending Council Directive 96/61/EC.
4. European Commission, Legal nature of EU ETS allowances, Final report. December 2018.
5. Armstrong DLW GmbH v. Winnington Networks Ltd (High Court of England and Wales, 2012, EWHC 10).
6. Wagner S. Zivilrechtliche Aspekte des Handels mit sog. Emissionszertifikaten // Juristen Zeitung. 2007.
7. Stephan W. Beschaffung von Emissionszertifikaten durch öffentliche Auftraggeber // NZBau – Neue Zeitschrift für Bau- und Vergaberecht Heft. 2007 №.10. S. 623-628.
8. Официальный сайт нормативных правовых актов Франции // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000019280790/2008-08-03 (дата обращения 02.06.2023)
9. International Carbon Action Partnership. Emissions trading worldwide. Status report 2022.

10. Roseland Plantation LLC v. United States Fish and Wildlife Service et al. (2006 U.S. Dist. LEXIS 29334).
11. Ibarra Sarlat, R. (2022). Particularities of the Legal Framework for the Mexican Emissions Trading System // Lucatello, S. (eds) Towards an Emissions Trading System in Mexico: Rationale, Design and Connections with the Global Climate Agenda. Springer Climate. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82759-5_6 (дата обращения: 05.06.2023).
12. Liang, Chuwen, Shijie Liu and Xin Pan. Legal Nature of The Emission Allowance in China's National Carbon Trading Scheme. 2018.
13. German Environment Agency. The Korea Emissions Trading System and electricity market. Influence of market structures and market regulation on the carbon market // Case study report. May 2021.
14. Углеродные рынки: зачем продают и покупают CO₂. РБК Тренды. // Электронный ресурс. // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/6389e4b59a79476986c8d5e9> (дата обращения: 01.06.2023).

References and Sources

1. Bashkatov M., Vitol' E., Fyodorov D., Leone Yu., Zikun I., Shugaev R. Doklad «Podhody zarubezhnykh stran k opredeleniyu pravovoy prirody uglerodnykh edinic». 2022. Fond «Centr strategicheskikh razrabotok» // Elektronnyj resurs. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/podkhody-zarubezhnykh-stran-k-opredeleniyu-pravovoy-prirody-uglerodnykh-edinit/> (data obrashcheniya 02.06.2023).
2. Sokolova N. Uglerodnye ediniy v pravovom pole – mirovaya praktika opredeleniya yuridicheskoy prirody. 2022 g. // Elektronnyj resurs. URL: <https://climate-change.moscow/article/uglerodnye-ediniy-v-pravovom-pole-mirovaya-praktika-opredeleniya-yuridicheskoy-prirody> (data obrashcheniya: 11.06.2023).
3. Directive 2003/87/EC of the European Parliament and of the Council of 13 October 2003 establishing a scheme for greenhouse gas emission allowance trading within the Community and amending Council Directive 96/61/EC.
4. European Commission, Legal nature of EU ETS allowances, Final report. December 2018.
5. Armstrong DLW GmbH v. Winnington Networks Ltd (High Court of England and Wales, 2012, EWHC 10).
6. Wagner S. Zivilrechtliche Aspekte des Handels mit sog. Emissionszertifikaten // Juristen Zeitung. 2007.
7. Stephan W. Beschaffung von Emissionszertifikaten durch öffentliche Auftraggeber // NZBau – Neue Zeitschrift für Bau- und Vergaberecht Heft. 2007 №.10. S. 623-628.
8. Oficial'nyj sajt normativnykh pravovykh aktov Francii // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000019280790/2008-08-03 (data obrashcheniya 02.06.2023)
9. International Carbon Action Partnership. Emissions trading worldwide. Status report 2022.
10. Roseland Plantation LLC v. United States Fish and Wildlife Service et al. (2006 U.S. Dist. LEXIS 29334).
11. Ibarra Sarlat, R. (2022). Particularities of the Legal Framework for the Mexican Emissions Trading System // Lucatello, S. (eds) Towards an Emissions Trading System in Mexico: Rationale, Design and Connections with the Global Climate Agenda. Springer Climate. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-82759-5_6 (data obrashcheniya: 05.06.2023).
12. Liang, Chuwen, Shijie Liu and Xin Pan. Legal Nature of The Emission Allowance in China's National Carbon Trading Scheme. 2018.
13. German Environment Agency. The Korea Emissions Trading System and electricity market. Influence of market structures and market regulation on the carbon market // Case study report. May 2021.
14. Углеродные рынки: зачем продают и покупают SO₂. РБК Trendy. // Электронный ресурс. // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/green/6389e4b59a79476986c8d5e9> (data obrashcheniya: 01.06.2023).

ХАКИМОВА ЖАННА АЛЕКСАНДРОВНА - старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (zhanvas@yandex.ru).

ВАСИЛЬЕВА АЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА - магистрант юридического факультета, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (alinavas-30@yandex.ru).

КНАКИМОВА, ZHANNA A. - Senior Lecturer, Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Faculty of Law, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov). (zhanvas@yandex.ru).

VASILIEVA, ALINA A. - undergraduate of the Faculty of Law, Buryat State University named after Dorzhi Banzarov (alinavas-30@yandex.ru).

УДК 347.412.3

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-131-136

ШУРЕНКОВА С.С., АЛЕКСЕЕВ А.В.

**ПУТЕШЕСТВИЕ АВИАТРАНСПОРТОМ С МУЗЫКАЛЬНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И Внесудебные СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ СПОРОВ**

Ключевые слова: договор перевозки авиатранспортом, музыкальные инструменты, ручная кладь, сдача багажа, внесудебные способы разрешения споров, медиация, переговоры.

В статье рассматриваются особенности гражданско-правового и локального регулирования отношений, возникающих между пассажиром – музыкантом или владельцем музыкального инструмента, а также перевозчиком. Автор рассматривает правила перевозки музыкальных инструментов в ручной клади и в багаже, принятые в основных российских и зарубежных компаниях. На основании проведенного анализа, автор делает вывод о допустимости существующего регулирования, а также отмечает потенциальную роль внесудебных способов урегулирования споров в случае их возникновения.

SHURENKOVA, S.S., ALEKSEEV, A.V.

**TRAVELING ON THE PLANE WITH MUSICAL INSTRUMENTS: LEGAL BASIS AND OUT-OF-COURT WAYS
OF DISPUTES RESOLUTION**

Key words: plane transfer contract, musical instruments, hand luggage, luggage drop, out-of-court disputes resolution, mediation, negotiations.

The article considers features of the civil-legal and local regulation of the relations, arising between passenger – musician or owner of the musical instrument –, as well as transporter. The author considers the rules of the musical instruments transfer at the hand luggage and via luggage drop in the main Russian and foreign companies. Based on the carried analysis, the author concluded, that current regulation is appropriate, as well as there is potential role of out-of-court ways of disputes resolution in case of its existence.

Организация путешествия авиатранспортом всегда требует тщательного планирования со стороны путешественника. Отдельное внимание в процессе подготовки уделяется не только выбору рейса или авиакомпании, но и условиям перевозки багажа. Особенно это актуально людям, путешествующим с музыкальными инструментами, в частности, музыкантам различных коллективов и оркестров, ведь музыкальный инструмент, будучи необходимым средством осуществления профессиональной деятельности, обладает рядом свойств, затрудняющих перевозку. В дополнение, не каждый музыкант готов расстаться со своим инструментом даже на время перелета, а в условиях, например, гастролей, такие перелеты могут быть частыми.

В настоящей статье мы проанализируем правовые основы перевозки музыкальных инструментов авиатранспортом, определим перечень локальных нормативных актов, регулирующих данную сферу, а также рассмотрим вопросы разрешения споров, возникших в процессе перевозки данного вида багажа.

Для определения источников регулирования перевозки музыкальных инструментов авиатранспортом необходимо, в первую очередь, определить вид перевозки: международная или внутригосударственная.

Международные перевозки подпадают под действие Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. (далее – Монреальская конвенция) [1], Конвенции для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок 1929 г. (далее – Варшавская конвенция) [2], а также дополнений к Варшавской конвенции от 1955 и 1961 гг. Однако данные акты содержат лишь общие положения, касающиеся самой процедуры перевозки пассажиров и багажа на международных рейсах. В данной связи, необходимо обращаться к национальным законодательствам перевозчиков как лиц, непосредственно осуществляющих перевозку.

Исходя из сущности общественных отношений, возникающих между пассажиром (владельцем музыкального инструмента) и авиаперевозчиком, договор между ними имеет все черты договора перевозки (далее – договор перевозки), описанного в ст. 785 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3]. В соответствии с вышеназванной статьей, «по договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату» [3]. В данной связи, отметим, что данный договор регулирует отношения как в случае сдачи музыкальных инструментов в багаж, так и в случае их оставления в качестве ручной клади.

Важными также представляются положения ст. 796 ГК РФ, регулирующие ответственность перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) груза или багажа. В частности, перевозчик обязан возместить убытки в случае повреждения (порчи) груза или багажа, но в размере суммы, на которую понизилась его стоимость, за исключением случаев невозможности восстановления поврежденного груза. В данном случае возмещается полная его стоимость.

Также важно отметить, что в соответствии со ст. 797 ГК РФ, существует возможность предъявления иска в сторону авиаперевозчика в связи, например, с порчей груза, однако необходимо соблюсти претензионный порядок по правилам специального законодательства и только в случае полного или частичного отказа перевозчика удовлетворить претензию или в случае отсутствия ответа с его стороны в тридцатидневный срок. Особо отметим, что сроком исковой давности по данным делам устанавливается в один год с даты, установленной уставами и кодексами.

В данной связи, отметим, что внутригосударственное регулирование данной сферы не ограничивается ГК РФ. Авиаперевозки, в частности, регулируются нормами Воздушного кодекса Российской Федерации (далее – ВК РФ) [4].

Например, возвращаясь к вопросу о претензионном порядке и сроке исковой давности (ст. 797 ГК РФ), в соответствии со ст. 128 ВК РФ для авиаперевозок днем начала течения срока исковой давности устанавливается день, «когда воздушное судно, на котором осуществлялась перевозка багажа, груза или почты, должно было прибыть в пункт назначения в соответствии с договором воздушной перевозки пассажира, договором воздушной перевозки груза или договором воздушной перевозки почты» [4]. При этом, претензия к перевозчику, в соответствии со ст. 126 ВК РФ, может быть предъявлена в течение шести месяцев. При этом, срок исчисляется в

зависимости от вида претензии. Анализ данных положений показал, что претензии о повреждении либо утрате багажа можно отнести к категории «о возмещении вреда во всех остальных случаях», поскольку в специально определенных случаях не фигурирует само понятие «багаж». Таким образом, в случае утраты или повреждения музыкального инструмента по вине перевозчика срок исчисляется со дня наступления события, послужившего основанием для предъявления претензии. Обязанность перевозчика рассмотреть поступившую в его адрес претензию в тридцатидневный срок также констатируется ст. 127.1 ВК РФ.

Анализ положений ст. 124 ВК РФ, в которой законодатель указал порядок предъявления требований в случае нарушения договора перевозки показывает, что основанием претензии является коммерческий акт, который по требованию пассажира, грузоотправителя или грузополучателя, обязан составить перевозчик. Такой акт выдается в случае несоответствия фактического наименования груза, его количества и несовпадения иных количественных характеристик; повреждения или порчи груза; недостачи или повреждения багажа, обнаружения багажа или груза без перевозочных документов [4]. Иными словами, по основаниям, указанным в ст. 796 ГК РФ.

Таким образом, мы видим, что ГК РФ в части регулирования договорных отношений между пассажиром с музыкальным инструментом и перевозчиком вносит больше конкретики, по сравнению с международными актами, однако оставляет регулирование более специфических вопросов на специальное законодательство, разделенное в зависимости от используемого для перевозки транспорта. Такой подход представляется нам рациональным и логичным, поскольку специфика перевозки багажа, например, самолетом сильно отличается от перевозки багажа автомобильным, железнодорожным или морским транспортом. В свою очередь, ГК РФ, выступая в роли общего базиса гражданско-правовых отношений между пассажиром с багажом и перевозчиком, декларирует основные права и обязанности сторон договора перевозки.

Однако регулирование не ограничивается кодифицированными актами, поскольку регулирование провоза багажа на рейсах каждой авиакомпании может различаться. Иными словами, итоговое регулирование, с учетом норм международного и внутригосударственного права, находит свое отражение в локальных актах компаний-перевозчиков, например, Правил перевозки пассажира и багажа.

На практике наиболее часто проблема, возникающая в процессе перевозки музыкального инструмента, – определение музыкального инструмента как ручной клади. Разумеется, если мы говорим о массивном музыкальном инструменте как рояль, барабанная установка или контрабас, пронос его в салон самолета качестве ручной клади не представляется возможным в силу физических особенностей таких инструментов. Однако пронос музыкальных инструментов в мягких кофрах, таких как акустическая или электрогитара, бас-гитара, скрипка, балалайка и т.п. как ручной клади на первый взгляд не вызывает сомнений. Все такие ситуации, как было сказано ранее, регулируются правилами воздушных перевозок и багажа. В данной связи, рассмотрим правила перевозки музыкальных инструментов в основных российских и зарубежных компаниях.

В первую очередь, следует отметить, что в силу абз. 6 ч. 1. ст. 103 ВК РФ, перевозчик обязан информировать пассажира воздушного судна об условиях провоза багажа и ручной клади до заключения договора воздушной перевозки пассажира [4]. По общему правилу, договор между пассажиром и авиаперевозчиком заключается в момент приобретения билета на рейс. Таким образом, пассажиру следует ознакомиться с правилами провоза багажа, а перевозчику обеспечить доступность данной информации, до покупки билета.

Рассмотрение локальных актов, регулирующих отношения между авиаперевозчиком и пассажиром, предлагается начать с крупнейшего российского авиаперевозчика – ПАО «Аэрофлот». Актуальные Правила воздушных перевозок пассажиров и багажа ПАО «Аэрофлот» утверждены приказом ПАО «Аэрофлот» от 18 августа 2022 г. № 265 (далее – Правила) [5]. Вопросам перевозки музыкальных инструментов отведен п. 5.3.4 Правил. В соответствии с данным пунктом, перевозка осуществляется как в багажном отделении, так и в пассажирском салоне. В качестве ручной клади к перевозке допускается музыкальный инструмент с габаритами, не превышающими 135 см. по сумме трех измерений на каждое одно место ручной клади. При этом, допускается перевозка в качестве ручной клади гитары, несмотря на превышение границы суммы трех измерений, однако требуется предварительное согласование данного обстоятельства

с компанией не менее, чем за 36 часов до времени вылета рейса по расписанию. Также отметим, что количество принимаемых к перевозке в салоне самолета гитар ограничено.

Если же габариты перевозимого музыкального инструмента превышают 135x50x30 см., возможно применение правил перевозки багажа в пассажирском кресле по правилам п. 5.3.3 Правил. Иными словами, пассажир, уведомив кампанию не позднее, чем за 36 часов до времени вылета по расписанию, должен оплатить билет на дополнительное посадочное место по тарифу, применяемому при перевозке взрослого пассажира с взиманием всех сборов. Требования к багажу также немного изменяются: его вес не может превышать 80 кг., также он должен быть упакован таким образом, чтобы исключить при его транспортировке повреждение оборудования салона самолета. Ответственность за целостность и сохранность багажа, в данном случае, несет пассажир [5].

Перевозка музыкальных инструментов в багажном отсеке по правилам перевозки бесплатного либо сверхнормативного багажа допускается только в кофрах, обеспечивающих сохранность инструмента при транспортировке.

Похожие правила применяются к рейсам авиакомпании «Ural Airlines», однако при перевозке гитар в качестве ручной клади не допускается превышение габаритов в сумме трех измерений (135 см.), а также вес ограничивается 5 кг. Габариты для перевозки ручной клади с предоставлением отдельного пассажирского кресла также отличаются: 120x75x45 см. [6].

Однако не все компании предоставляют такие условия. Например, авиаперевозчик «Utair» предлагает своим пассажирам, перевозящим музыкальные инструменты, пользоваться исключительно правилами перевозки багажа в салоне воздушного судна, поскольку в соответствии с п. 5.7.1 Правил перевозки на такой багаж не распространяется норма бесплатной перевозки багажа [7].

Перевозка музыкальных инструментов в иностранных компаниях, в целом, схожа с регулированием данного вопроса авиакомпанией «Аэрофлот». Так, например, «Turkish Airlines» допускают бесплатный провоз гитар, саз и т.п. в качестве ручной клади, если сумма сторон трех измерений музыкального инструмента не превышает 118 см. Для остальных инструментов применяется правила перевозки с приобретением отдельного места (сумма сторон трех измерений не более 140x42x25 см., вес – не более 75 кг.) с обязательным согласованием с компанией не позднее, чем за 48 часов до вылета. Также разрешается сдача музыкальных инструментов в багаж только в жестких чехлах [8]. Следует отметить, что аналогичные правила, но с иными габаритами, устанавливаются и в других иностранных авиакомпаниях. Например, «China Airlines» позволяет бесплатный провоз музыкальных инструментов с габаритами не более 100x36x23 см. и 7 кг., провоз гитар на пассажирском сиденье с выкупом места и более тяжелые музыкальные инструменты в твердом чехле в багажном отсеке [9]. «British Airways» устанавливают еще меньшие габариты: для бесплатного провоза – 80x45x25 см., для выкупа места – не более 140x50x40 см., остальные инструменты – в багажном отсеке в твердом кофре [10].

Таким образом, мы видим, что в международной практике принято предоставлять возможность провоза небольшого музыкального инструмента (а, иногда, и среднеразмерного, как гитара) бесплатно в качестве ручной клади. Среднеразмерные музыкальные инструменты можно перевозить с выкупом пассажирского места. Большие музыкальные инструменты принято перевозить в багажном отделении в твердых чехлах.

Актуальным также остается вопрос разрешения споров в случае нарушения прав пассажира, путешествующего с музыкальным инструментом. Нарушение его прав может выражаться не только в неправомерном отказе в перевозке музыкального инструмента как ручной клади или багажа, но и в случае его повреждения, уничтожения или утраты.

Как было сказано ранее, большинство авиаперевозчиков предпочитают уведомительный порядок предъявления требований о компенсации в связи с повреждением, уничтожением либо утерей багажа. В качестве подтверждения суммы компенсации могут быть предъявлены документы, подтверждающие сумму причиненного ущерба: чеки или счета, подтверждающие стоимость багажа, а также чеки, счета или иные документы, подтверждающие стоимость произведенного ремонта [5, 6, 7]. Примечательно, что Плавилла, зачастую, не оговаривают вопросы разрешения споров в случае несогласия компания с выставленной суммой либо в случае несогласия пассажира с суммой компенсации.

Говоря о музыкальных инструментах, наиболее частой проблемой может стать повреждение определенной части музыкального инструмента, что влечет необходимость произведения ремонтных работ. Однако ситуация осложняется тем, что музыкальные инструменты могут обладать уникальными характеристиками (например, антикварные музыкальные инструменты или редкие работы мастеров, кастомизированные инструменты и т.п.), что затрудняет адекватную оценку стоимости как самого инструмента, так и его ремонта. В данной связи, на наш взгляд, важно отметить роль медиации как института, способного разрешить данную проблему и не допустить усложнения конфликта вплоть до обращения в суд. Медиация как альтернативный способ разрешения споров позволит в рамках переговоров между музыкантами и представителями компании адекватно определить все обстоятельства, влияющие на стоимости музыкального инструмента или затраты на его ремонт, снизит общую напряженность произошедшей ситуации, а также позволит разрешить спор с меньшими затратами (например, затраты на оценку специалистом и т.п.) как для музыканта, так и для авиакомпании.

Анализ действующего международного и российского законодательства, а также локальных актов авиаперевозчиков показал, что вопрос урегулированности отношений между пассажиром, перевозящим музыкальный инструмент, и авиаперевозчиком находятся на высоком уровне. Выбранная законодателем модель регулирования данных общественных отношений эффективна и удобна. Тем не менее, предлагается установить единый минимальный норматив габаритов музыкального инструмента по сумме трех измерений для избежания ситуаций невозможности провоза небольшого музыкального инструмента в качестве ручной клади. С таким предложением, на наш взгляд, может выступить Министерство транспорта Российской Федерации. Также учитывая существование в Российской Федерации претензионного порядка разрешения споров по поводу утраты или повреждения багажа пассажира, видим логичным установление дополнительного внесудебного способа урегулирования споров в виде переговоров и процедуры медиации.

Литература и источники

1. Конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок от 28.05.1999 г. Монреаль // СПС «Консультант Плюс».
2. Конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, от 12.10.1929 г. (с Дополнительными протоколами). Варшава. // СПС «Консультант Плюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СПС «Консультант Плюс».
4. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 14.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // СПС «Консультант Плюс».
5. Правила воздушных перевозок пассажиров и багажа ПАО «Аэрофлот» (утв. Приказом ПАО «Аэрофлот» № 265 от 18.08.22 г.) // [Электронный ресурс] URL: https://www.aeroflot.ru/media/afifiles/rules/rules_of_aeroflot_pjsc_for_air_carriage_of_passengers_and_baggage_ru.pdf?999/ (дата обращения: 06 декабря 2022 г.)
6. Ural Airlines. Перевозка музыкальных инструментов // [Электронный ресурс] URL: <https://www.uralairlines.ru/rules/perevozka-muzykalnykh-instrumentov/> (дата обращения: 06 декабря 2022 г.)
7. Utair. Правила перевозки // [Электронный ресурс] URL: https://www.utair.ru/information/transport-regulations/#obshchie-pravila-perevozki_part4_5-7-perevozka-bagazha-v-salone-vozdushnogo-sudna-/ (дата доступа 06 декабря 2022 г.)
8. Turkish Airlines. Musical instruments // [Электронный ресурс] URL: <https://www.turkishairlines.com/en-gb/any-questions/musical-instruments/index.html/> (дата доступа 06 декабря 2022 г.)
9. China Airlines. Musical Instruments // [Электронный ресурс] URL: <https://www.china-airlines.com/us/en/fly/prepare-for-the-fly/baggage/musical-instruments/> (дата доступа 06 декабря 2022 г.)
10. British Airways. Musical instruments // [Электронный ресурс] URL: <https://www.britishairways.com/en-us/information/baggage-essentials/musical-instruments/> (дата доступа 06 декабря 2022 г.)

References and Sources

1. Konventsiya dlya unifikatsii nekotorykh pravil mezhdunarodnykh vozdushnykh perevozok ot 28.05.1999 g. Monreal' // SPS «Konsul'tant Plyus».
2. Konventsiya dlya unifikatsii nekotorykh pravil, kasayushchikhsya mezhdunarodnykh vozdushnykh perevozok, ot 12.10.1929 g. (s Dopolnitel'nymi protokolami). Varshava. // SPS «Konsul'tant Plyus».
3. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 08.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2022) // SPS «Konsul'tant Plyus».
4. Vozdushnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 19.03.1997 N 60-FZ (red. ot 14.03.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022) // SPS «Konsul'tant Plyus».
5. Pravila vozdushnykh perevozok passazhirov i bagazha PAO «Aeroflot» (utv. Prikazom PAO «Aeroflot» № 265 ot 18.08.22 g.) // [Elektronnyy resurs] URL: https://www.aeroflot.ru/media/afifiles/rules/rules_of_aeroflot_pjsc_for_air_carriage_of_passengers_and_baggage_ru.pdf?999/ (data obrashcheniya: 06 dekabrya 2022 g.)
6. Ural Airlines. Perevozka muzykal'nykh instrumentov // [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.uralairlines.ru/rules/perevozka-muzykalnykh-instrumentov/> (data obrashcheniya: 06 dekabrya 2022 g.)
7. Utair. Pravila perevozi // [Elektronnyy resurs] URL: https://www.utair.ru/information/transport-regulations/#obshchie-pravila-perevozki_part4_5-7-perevozka-bagazha-v-salone-vozdushnogo-sudna-/ (data dostupa 06 dekabrya 2022 g.)

8. Turkish Airlines. Musical instruments // [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.turkishairlines.com/en-gb/any-questions/musical-instruments/index.html/> (data dostupa 06 dekabrya 2022 g.)
9. China Airlines. Musical Instruments // [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.china-airlines.com/us/en/fly/prepare-for-the-fly/baggage/musical-instruments/> (data dostupa 06 dekabrya 2022 g.)
10. British Airways. Musical instruments // [Elektronnyy resurs] URL: <https://www.britishairways.com/en-us/information/baggage-essentials/musical-instruments/> (data dostupa 06 dekabrya 2022 g.)

ШУРЕНКОВА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА – кандидат социологических наук, доцент, директор «Института медиации и переговоров», главный редактор журнала «Вестник медиации в Евразии».

АЛЕКСЕЕВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ - специалист в киберискусстве Компании МЦОП «POSREDNIK»; узыкант, гитарист группы «НАШИ».

SHURENKOVA, SVETLANA S. – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Director of the Institute of Mediation and Negotiations, Editor-in-Chief of the Journal of Mediation in EurAsia (shurenkova@mail.ru).

ALEKSEEV, ALEXEY V. - Specialist in cyber art Companies ICOP "POSREDNIK", Musician, guitarist of the group "NASHI".

УДК 347.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-136-139

СЕЛЮТИНА О.Г., ГРИШИН А.В., ШВЕЦОВ И.П.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ключевые слова: несовершеннолетний, институт защиты прав несовершеннолетних, органы опеки, наследование имущества, отказ от наследства.

В статье анализируются особенности правового статуса несовершеннолетних, раскрываются проблемы реализации данной категорией лиц гражданских прав при вступлении в наследство. Приводятся примеры нарушения прав несовершеннолетних лиц при наследовании, определяются способы их защиты. В частности, обращено внимание на тот факт, что, хотя в соответствии со ст.1149 ГК РФ, несовершеннолетний входит в категорию «обязательных наследников», в нотариальной практике нередко можно встретить отказ данной категории лиц от причитающегося наследства. Существующий особый порядок реализации права на отказ от наследства и раздел наследства направлен на недопущение нарушения имущественных прав и интересов несовершеннолетнего. Достижение этой цели обеспечивается системным применением специальных норм наследственного права и общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о дееспособности граждан с учетом норм, регламентирующих деятельность органа опеки и попечительства, а также нотариуса.

SELYUTINA, O.G., GRISHIN, A.V., SHVETSOV, I.P.

CURRENT PROBLEMS OF INHERITANCE RIGHTS OF MINORS

Key words: minor, institute for the protection of the rights of minors, guardianship authorities, inheritance of property, renunciation of inheritance.

The article analyzes the features of the legal status of minors, reveals the problems of realization of civil rights by this category of persons when entering into an inheritance. Examples of violation of the rights of minors during inheritance are given, ways of their protection are determined. In particular, attention is drawn to the fact that, although in accordance with Article 1149 of the Civil Code of the Russian Federation, a minor is included in the category of “obligatory heirs”, in notarial practice one can often find a refusal of this category of persons from the due inheritance. The existing special procedure for exercising the right to refuse inheritance and division of inheritance is aimed at preventing violation of the property rights and interests of a minor. The achievement of this goal is ensured by the systematic application of special rules of inheritance law and the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the legal capacity of citizens, taking into account the rules governing the activities of the guardianship and guardianship authority, as well as the notary.

Несмотря на свой несовершеннолетний возраст, данная категория граждан также обладает определенными гражданскими правами, закрепленными за ними с учетом особенностей их правового статуса.

Необходимо отметить, что гражданское и семейное законодательство закрепляет за несовершеннолетним различные категории прав, в соответствии с наступлением соответствующего возраста. Так, например, с рождения несовершеннолетний обладает такими правами, как право на жизнь, здоровье, достойное существование, уважение человеческого достоинства, имя, отчество и фамилию, право воспитываться в семье, заботу и воспитание со стороны родителей. С 6 лет на несовершеннолетнего распространяются права на совершение мелких бытовых сделок, а также безвозмездные сделки, не требующие нотариального заверения или регистрации в соответствии с установленным государством порядком. Начиная с 10 лет, несовершеннолетний может высказывать свое мнение в семье при решении вопросов, затрагивающих его интересы, давать согласие на изменение фамилии, а также восстановление родительских прав или усыновление.

Важно отметить также значение такого рубежа, как 14-летие. В соответствии с Семейным кодексом РФ, с этого времени несовершеннолетний может обращаться за защитой своих прав в суд, требовать отмены факта своего усыновления, трудоустроившись на работу с легкими условиями труда и с согласия родителей, становится обладателем авторских прав, с согласия

родителей распоряжаться своим заработком и иными правами, предусмотренными законодательством РФ.

Анализ указанных положений показывает, что, начиная с 14-летнего возраста, несовершеннолетнее лицо обладает правом самостоятельно защищать свои права. Однако вопрос состоит в том, насколько институт защиты прав несовершеннолетних эффективен.

Предлагаем проанализировать данную проблему на примере реализации такими подростками права на наследство. Возвращаясь к возрастным критериям, стоит отметить, что возраст несовершеннолетнего, начиная с 14 и до 18 лет обладает признаком ограниченной дееспособности, что затрудняет участие данного лица в наследственных правоотношениях. Хотя, как известно, с 16-летнего возраста лицо может быть признано полностью дееспособным на основании решения суда и с согласия родителей. В соответствии со ст.1149 ГК РФ, несовершеннолетний входит в категорию «обязательных наследников». Однако в нотариальной практике нередко можно встретить отказ данной категории лиц от причитающегося наследства.

Особый порядок реализации права на отказ от наследства и раздел наследства направлен на недопущение нарушения имущественных прав и интересов несовершеннолетнего. Достижение этой цели обеспечивается системным применением специальных норм наследственного права и общих положений Гражданского кодекса РФ о дееспособности граждан с учетом норм, регламентирующих деятельность органа опеки и попечительства, а также нотариуса.

Под отказом от наследства несовершеннолетним, как явствует из Постановления Пленума Верховного Суда РФ №12 от 29.05.2012 года, понимается сделка, которая влечет за собой прекращение прав данного лица на имущество, оставленное умершим. Стоит отметить, что отказ от наследства может быть выражен в двух формах – действия и бездействия. То есть особо выделяется непринятие несовершеннолетним каких-либо действий по вступлению в права наследства. В последнем случае бездействию также дается правовая оценка, которая влечет за собой установление статуса несовершеннолетнего, как не принявшего наследство.

Отказ от наследства подразумевает под собой волеизъявление лица, выраженное в нежелании принимать наследство умершего родственника, что влечет за собой прекращение прав на данное имущество. В соответствии со ст.1157 ГК РФ, такой отказ, совершаемый несовершеннолетним, может быть осуществлен не иначе как с участием органа опеки и попечительства. Однако данное положение не распространяется на лиц, которые до 18 лет вступили в брак, тем самым став полностью дееспособными гражданами.

По мнению А.В. Тузаева-Деркач, органы опеки в решении отказа несовершеннолетнего от наследства не должны играть решающую роль в обеспечении прав ребенка [1, с. 121]. Так, он полагает, что сам статус «несовершеннолетний» подразумевает под собой проживание ребенка в кровной или замещающей семье, однако мнение родителей в принятии решения об отказе от принятия наследства не учитывается, что существенно нарушает презумпции добросовестности родителей при условии, что последние не лишены родительских прав и не ограничены в данных правах в отношении несовершеннолетнего. Таким образом, п.4 ст.1157 ГК РФ должен иметь следующее содержание: отказ от наследства лицом, не достигшим 18-летнего возраста, допускается с разрешения органов опеки в случае, если несовершеннолетний на момент вступления в права наследства является недееспособным, ограниченно дееспособным, либо оставшимся без попечения родителей.

Однако, как представляется, в данных изменениях не нуждаются нормы ГК РФ, поскольку еще в 2007 году Верховный Суд РФ в своем решении указал, что органы опеки не могут дать отрицательный ответ в случае согласия законных представителей несовершеннолетнего на отказ от наследства, удостоверенного нотариусом, при условии разъяснения его последствий.

Отказ от наследства предполагается целесообразным в случае, если его принятие лишь ухудшит материальное положение несовершеннолетнего бременем его содержания даже при условии, что это бремя до его совершеннолетия будут нести законные представители.

Отказавшись от наследства, несовершеннолетний наследник не имеет права в последующем требовать отзыва данного заявления. При этом данный отказ распространяется только на конкретное имущество и не лишает права вступить в права наследства в отношении имущества другого родственника. Из этого следует, что в данном случае отказ от права

наследования является невозможным, поскольку оно относится к числу личных прав гражданина, заложенных как часть правоспособности человека.

Однако на практике встречаются и случаи, когда интересы ребенка представляют органы опеки, причем даже в случае наличия собственных родителей, не лишенных родительских прав и не ограниченных в них. Так, необходимость участия органов социальной поддержки, защищающих права несовершеннолетних, обусловлена вступлением в права наследства родителей и детей вместе. В данном случае раздел наследства производится в судебном порядке даже при отсутствии спора между лицами, вступающими в наследство. Вместе с тем, более верной представляется позиция, согласно которой судебный порядок разрешения данного вида споров является не обязательным. В пользу этого можно привести довод, что законодательством достаточно четко урегулирован вопрос вступления в права наследства родителей и их несовершеннолетних детей вместе. Помимо того, обязательное участие органов опеки и попечительства не предусмотрено законом по спорам имущественного характера, одним из участников которых является несовершеннолетнее лицо.

Необходимо отметить, что, в случае рассмотрения спора о вступлении в права наследства в судебном порядке, на суд возлагается обязанность по уведомлению органов опеки и попечительства о процессе. Отсутствие такового может являться основанием отмены принятого судом решения. Так, в определении Амурского областного суда от 27.01.2012 по делу № 33-278/2012 [2] отмечается, что направление уведомления при рассмотрении споров о разделе наследства органам опеки является процессуальной нормой, призванной обеспечивать защиту прав несовершеннолетних.

Исходя из указанных положений, представляется, что обязательным является уведомление правозащитного органа в случае только судебных споров о разделе наследства. Поскольку положения ст.37 ГК РФ предусматривают разрешительный порядок, а не уведомительный.

Полагаем, что привлечение органов опеки необходимо также в случае, когда раздел наследства ведет к уменьшению имущества, полагающегося несовершеннолетнему, в результате чего могут быть нарушены его права. Так, например, при определении долей наследуемого имущества в порядке заключения мирового соглашения, родственники не учитывают его размеры, предусмотренные долями по закону [3, с. 27].

Стоит обратить внимание на то, что ни на родственников, ни на нотариуса не возлагается обязанность направлять соответствующие уведомления о вступлении в права в наследство несовершеннолетних в орган социальной защиты. Однако в обязанность нотариуса входит сообщение в органы опеки сведений о выдаче свидетельства на наследство на имя несовершеннолетнего наследника. И в связи с этим на органы опеки накладывается задача по охране имущественных прав несовершеннолетних.

Как видим, институт защиты прав несовершеннолетних в реализации ими наследственного права, казалось бы, имеет эффективные правовые инструменты.

Однако в настоящее время все большую актуальность приобретает вопрос наследования не только имущества наследодателя, но и его кредитных обязательств.

Последнее, на наш взгляд, не совсем правомерно. Так, кредит может быть предоставлен гражданам только с 18 лет, то есть с момента его полной дееспособности, а значит и обязательства по его возврату не могут быть возложены на лицо, не достигшее данного возраста. Несмотря на это, банки обращаются в суд о взыскании задолженностей умершего с его несовершеннолетних наследников, предполагая возложение на его законных представителей бремени по возврату кредита. В то же время наблюдается ограничение их прав в распоряжении унаследованным имуществом, отчуждение которого может осуществляться не иначе как по разрешению опеки.

На наш взгляд, наделение несовершеннолетних обязанностью возврата кредитных обязательств, доставшихся им по наследству, является неправомерным. Как мы знаем, гражданское законодательство до 18 лет наделяет несовершеннолетних определенным кругом гражданских прав и обязанностей. В их число кредитные правоотношения не входят. Поскольку возникновение данных правоотношений возможно лишь с совершеннолетнего возраста, целесообразно наделять несовершеннолетних наследников соответствующей обязанностью с момента наступления их 18-летнего возраста с учетом сроков исковой давности.

Как мы видим, в целях соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, как лиц, не обладающих полной дееспособностью, закон предусматривает дополнительные меры защиты [4]. При этом исключается абсолютная самостоятельность законных представителей в обладании полной распорядительной властью над субъективными имущественными правами несовершеннолетнего наследника.

Особенность правоотношений в указанной сфере заключается, однако, в том, что несовершеннолетний не обладает правом открытия наследства. Его реализация возможна только при помощи законных представителей. Одной из довольно острых проблем сегодня, на наш взгляд, является наследование несовершеннолетними кредитных обязательств наследодателя, что вызывает необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство. Наряду с этим, порождают немало сложностей и проблем также и вопросы владения имуществом. При этом законный представитель не имеет право распоряжаться имуществом несовершеннолетнего в ущерб его интересам.

Литература и источники

1. Тузаева-Деркач А.В. Участие несовершеннолетних в наследственных правоотношениях: современные проблемы правового регулирования и пути их решения // Наследственное право. 2017. № 2.
2. Кассационное определение №33-278/2012 от 27 января 2012 года – URL:<http://sudact.ru/regular/doc/U0hmV4AB9tbL/> (дата обращения 01.04.2023).
3. Коновалова А.И. Правовые проблемы принятия наследства и отказа от наследства в Российской Федерации // Юридические науки. 2021. № 3-1(54).
4. Ветрова О.А., Гришин А.В. Теоретико-правовые вопросы обеспечения прав несовершеннолетних при производстве предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1(90). С. 95-102.

References and Sources

1. Tuzaeva-Derkach A.V. Uchastie nesovershennoletnih v nasledstvennyh pravootnosheniyah: sovremennye problemy pravovogo regulirovaniya i puti ih resheniya // Nasledstvennoe pravo. 2017. № 2.
2. Kassatsionnoe opredelenie №33-278/2012 ot 27 yanvarya 2012 goda – URL:<http://sudact.ru/regular/doc/U0hmV4AB9tbL/> (data obrashcheniya 01.04.2023).
3. Konovalova A.I. Pravovye problemy prinyatiya nasledstva i otказа ot nasledstva v Rossijskoj Federacii // Yuridicheskie nauki. 2021. № 3-1(54).
4. Vetrova O.A., Grishin A.V. Teoretiko-pravovye voprosy obespecheniya prav nesovershennoletnih pri proizvodstve predvaritel'nogo rassledovaniya // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2022. № 1(90). S. 95-102.

СЕЛЮТИНА ОЛЬГА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (olha.selutina@yandex.ru).

ГРИШИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ronsove@bk.ru).

ШВЕЦОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ – курсант, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (ivan7472101@icloud.com).

SELYUTINA, OLGA G. – Ph.D. in Economics, Senior Lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (olha.selutina@yandex.ru)

GRISHIN, ANDREY V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov (ronsove@bk.ru)

SHVETSOV, IVAN P. – Cadet, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

УДК 349.23

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-139-144

БОДРОВА Э.Э., МИНГАЛЁВ А.Д.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Ключевые слова: трудовое право, трудовое законодательство, дистанционная занятость, Трудовой кодекс РФ, режим рабочего времени.

Статья посвящена анализу вновь возникающих проблем, связанных с организацией трудовой деятельности граждан в резко изменившихся условиях ведения деловой активности. На основе применения теоретико-правового анализа авторы исследуют влияние глобальных социально-экономических трендов на возникновение новых реалий, требующих новаций в области правового регулирования отношений между работниками, работодателями, государственными органами контроля и управления. В статье выделены приоритетные направления развития законодательства в области дистанционной занятости. Авторы выявили наличие ряда проблем в правовом регулировании дистанционной занятости.

BODROVA, E.E., MINGALEV, A.D.

DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF REMOTE EMPLOYMENT IN RUSSIA: CURRENT PROBLEMS

Key words: labor law, labor legislation, remote employment, Labor Code of the Russian Federation, working hours.

The article is devoted to the analysis of newly emerging problems related to the organization of the labor activity of citizens in a dramatically changed business environment. Based on the application of theoretical and legal analysis, the authors explore the impact of global socio-

economic trends on the emergence of new realities that require innovations in the field of legal regulation of relations between employees, employers, state control and management bodies. The article highlights the priority areas for the development of legislation in the field of distance employment. The authors have identified a number of problems in the legal regulation of distance employment.

Вопросы регулирования отношений в области труда являлись одними из самых проблемных на всех этапах развития современной цивилизации. История российского государства не стала исключением. Так называемый «рабочий вопрос», широко обсуждался как непосредственными участниками этих отношений, так и профессиональным сообществом правоведов еще в начале XX в. [1]. После Октября 1917г. Советская власть уже в течение первых месяцев существования приняла декреты, которые имели непосредственное отношение к решению рабочего вопроса и заложили основы современного российского трудового права. Уже 29 октября (11 ноября) СНК принял Декрет «О 8-часовом рабочем дне». В этом Декрете нашли свою правовую фиксацию наиболее важные в тот момент аспекты организации труда промышленных рабочих. А именно, был установлен 8-часовой рабочий день и 48-часовая рабочая неделя, предусматривался обязательный перерыв в работе для отдыха и принятия пищи, причем во время этого перерыва работник имел право уйти со своего рабочего места и даже с территории предприятия, а продолжительность перерыва устанавливалась не менее 1 часа. При этом статьей 1 Декрета было установлено, что «рабочим временем или числом рабочих часов в сутки считается то время, в течение которого, согласно договору найма, рабочий обязан находиться в промышленном предприятии для исполнения работ» [2]. Не останавливаясь подробно на статьях Декрета, отметим лишь, что многие его положения сохранились до сих пор и зафиксированы в Трудовом кодексе Российской Федерации [3]. Например, порядок работы несовершеннолетних лиц, продолжительность их работы в течение суток и т.д., в том числе запрет к работе по найму малолетних, не достигших 14 лет [4, с. 82].

Современное трудовое право постоянно эволюционирует вслед за изменением социально-экономических, культурных, религиозных традиций и условий жизни. Активное распространение с начала текущего тысячелетия информационно-коммуникационных и цифровых технологий, создав нетипичные формы занятости [5], существенно изменило условия труда во многих областях и сферах деятельности. С развитием сети Интернет, информационно-коммуникационных и цифровых технологий у многих работников появилась возможность работать дома или в другом месте, отличном от традиционного в юриспруденции понятия «рабочего места». В этих условиях начало складываться и развиваться противоречие между наличием возможности работника работать вне стен предприятия и необходимостью соблюдения правила о том, что, «согласно договору найма рабочий обязан находиться в промышленном предприятии для исполнения работ» [2]. В результате работники многих интеллектуальных и творческих профессий стали выбирать «свободу» как от официального оформления на работу, так и от четко обозначенного места работы. Это привело к угрожающему общественному порядку распространению нарушений в целом комплексе отраслей права, включая не только трудовое право, но и налоговое законодательство, сферу правового регулирования социального обеспечения и т.д.

Переходу на свободный поиск работы способствовала и вторая тенденция на рынке труда, так же связанная с информационно-коммуникационными и цифровыми технологиями – возникновение и развитие различных платформ, сервисов, позволяющих получить работу и вознаграждение за нее, минуя систему официального трудоустройства. Так, согласно различным исследованиям, в 2021 году в России с помощью только цифровых платформ работало от 3,5 млн. человек (по официальным данным Росстата) до 15,5 млн. человек (по оценкам ВШЭ) и 17 млн. человек (по оценкам РАНХиГС) [6, с. 6]. Согласно этим же оценкам платформенную форму организации работы использовали в качестве основного способа получения постоянной работы – 1,7 млн. человек [6, с. 9]. Таким образом, за первые два десятилетия XXI века произошло активное развитие дистанционной (платформенной) занятости, оказавшееся за рамками регулирования Трудового кодекса, а также налогового законодательства.

Вполне возможно, что общие дискуссии по поводу необходимости внесения различных поправок в трудовое законодательство и правовое регулирование дистанционной / удаленной занятости велись бы еще долго, но в теоретические споры вмешалась практическая ситуация с COVID-19, прежде всего, введение массового карантина, что на практике привело к переводу на дистанционную работу огромного числа работников практически всех специальностей, за

исключением тех, кто не мог выполнять свои трудовые обязанности вне рабочего места (например, врачи, работники коммунальных служб, рабочие на непрерывных производствах и т.д.). Введение жесткого карантина для предотвращения массового распространения COVID-инфекции привело к повсеместному переводу работников подавляющего числа организаций и предприятий на дистанционную форму работы.

Такая работа характеризуется рядом особенностей, существенно отличающих ее от привычной трудовой деятельности в рамках официального места работы:

а) дистанционная работа предусматривает возможность выполнения рабочих обязанностей за пределами стационарного рабочего места;

б) место выполнения трудовой функции не является критически важным для работодателя, если только в трудовом договоре работодатель специально не оговорил проживание дистанционного работника на определенных территориях (например, территории Крайнего Севера и приравненные к ним местности), или его нахождение в определенных часовых поясах, или что дистанционная работа связана с командировками, в т.ч. к месту нахождения работодателя;

в) дистанционный работник может выполнять работу в иной местности и не иметь очных встреч с работодателем, при этом работник может выполнять работу как в рамках установленного графика рабочего дня в режиме текущего времени непосредственно с помощью информационно-телекоммуникационные сети, либо пересылая результаты выполненной работы по установленному графику (контрольным точкам) также с помощью телекоммуникаций. Таким образом, основным средством взаимодействия работника с работодателем являются компьютеры и цифровые устройства, а также информационно-телекоммуникационные сети.

Кардинальные изменения в порядке осуществления трудовой деятельности в условиях жесткого карантина закономерно привели к реформированию трудового права в области законодательного регулирования дистанционной/удаленной занятости.

Правовой анализ основных вопросов, связанных с организацией и нормативным регулированием дистанционной занятости, показал следующее.

Правовые основания для перевода работника на дистанционную форму занятости зафиксированы в статье 312 гл.49.1 и определены так: «В случае катастрофы природного или техногенного характера, производственной аварии, несчастного случая на производстве, пожара, наводнения, землетрясения, эпидемии или эпизоотии и в любых исключительных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части, работник может быть временно переведен по инициативе работодателя на дистанционную работу на период наличия указанных обстоятельств (случаев). Временный перевод работника на дистанционную работу по инициативе работодателя также может быть осуществлен в случае принятия соответствующего решения органом государственной власти и (или) органом местного самоуправления» [7]. При этом согласия работника на такой перевод не требуется. Более того, указанные в статье 312 ТК РФ основания для перевода работников на дистанционную работу расширяют возможности работодателей по переводу работников по производственной необходимости без их согласия. В этой связи нужно отметить определенную противоречивость данной новации и ее важность для защиты прав работников. Специфика данной нормы проявляется в том, что в действующем ТК РФ отсутствует термин «производственная необходимость», который был в трудовом праве СССР и России до 2006 г. В частности, термин «производственная необходимость» использовался в Постановлении ВЦИК, СНК РСФСР от 10 сентября 1931 г. «Об изменении законодательства РСФСР в связи с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 3 июня 1931 года «О некоторых изменениях трудового законодательства». Данным Постановлением Кодекс законов о труде 1922 г. был дополнен статьей 37.1, в которой было установлено право администрации учреждений, предприятий, хозяйств переводить работников на срок до одного месяца на другую работу.

После изъятия термина «производственная необходимость» из ТК РФ в 2006 году у работодателей появилась возможность злоупотреблять этим правом - производственной необходимостью могли быть признаны практически любые обстоятельства внутреннего и внешнего характера, что давало неограниченные возможности для перевода и злоупотребления правом, и не соответствовало международным стандартам о запрещении принудительного труда. В результате, учитывая зависимое положение работника от работодателя и стремление работника

быть лояльным по отношению к работодателю, такое согласие (которое может быть и устным) чаще всего представлялось даже в ущерб правам и интересам самого работника. И, к сожалению, ряд недобросовестных работодателей воспользовался данной нормой права, чтобы перевести работников на дистанционный режим в целях экономии на офисных расходах.

Правовые коллизии возникли и при реализации прав дистанционных работников в отношении используемых ими технических средств выполнения работы и связи с работодателем. В статье 312.6 ТК РФ зафиксировано, что: «Работодатель обеспечивает дистанционного работника необходимыми для выполнения им трудовой функции оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами».

Дистанционный работник вправе с согласия или ведома работодателя и в его интересах использовать для выполнения трудовой функции принадлежащие работнику или арендованные им оборудование, программно-технические средства, средства защиты информации и иные средства. При этом работодатель выплачивает дистанционному работнику компенсацию за использование принадлежащих ему или арендованных им оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств, а также возмещает расходы, связанные с их использованием, в порядке, сроки и размерах, которые определяются коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору» [7].

Данная норма права была введена в ТК РФ в связи с тем, что в условиях массового карантина и повсеместного перевода работников на дистанционную форму работы, многие работодатели возложили обязанность приобретать технические средства (компьютера, сканеры, принтеры, видеокамеры и пр.) на самих работников, нарушая законодательное требование обеспечения работника всеми необходимыми ему для работы средствами. В результате, при переводе на удаленную работу во время пандемии COVID-19 многие работники были вынуждены приобретать за свой счет компьютеры и другие средства информационно-коммуникационных технологий для выполнения своих обязанностей, часто не имея для этого достаточных средств, а некоторые работодатели не только не предоставляли таких средств своим работникам, но даже не компенсировали затраты на их приобретение. Более того, к примеру, в ряде вузов преподавателей заставили подписать дополнительные соглашения к трудовому договору о том, что они обязуются самостоятельно обеспечить себя средствами информационно-коммуникационных технологий для проведения занятий и консультаций в он-лайн форме. К сожалению, нужно отметить, нарушение данной нормы права встречается до сих пор.

Комплексная проблема правового регулирования перевода работников на дистанционную форму также включает в себя вопросы о режиме рабочего времени и контроле за его соблюдением (так называемая проблема «переработок»). В условиях нахождения работника вне официального рабочего места, когда четко фиксируется время начала и окончания работы (особенно при пропускной системе, где в электронной форме отмечается время прихода на работу и ухода с работы), при дистанционной форме более сложно контролировать распределение времени между личной жизнью и работой. В данной ситуации произошло «размывание» границ рабочего дня, а также резко выросло число случаев, когда работодатель (начальник) требовал от работников и отвечать на письма и звонки в нерабочее время, и быть на связи с работодателем круглосуточно, мотивируя это ненормированным рабочим днем. Учитывая, что дистанционная работа потенциально содержит риски, связанные с переработкой, в статье 312.4. ТК РФ четко прописано: «Коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к трудовому договору может определяться режим рабочего времени дистанционного работника, а при временной дистанционной работе также могут определяться продолжительность и (или) периодичность выполнения работником трудовой функции дистанционно» [7]. Это означает, что работник, переведенный на дистанционную форму работы, может самостоятельно (но в рамках коллективного договора) устанавливать режим своего рабочего времени. При этом время взаимодействия работника с работодателем включается в его общее рабочее время, и это обеспечивает как защиту прав дистанционного работника, так и не влечет за собой серьезных переработок. Однако, к сожалению, реальная жизнь показывает многочисленные и разнообразные

нарушения этого правила, а сами дистанционные работники отмечают существенные переработки по сравнению с работой в рамках стационарного рабочего места.

Правовой анализ современных норм ТК РФ в отношении дистанционной занятости показал, что в случае перевода работника на дистанционный вид организации работы определяющим фактором является не изменение режима рабочего времени, а изменение места выполнения работы: от стационарного к удаленному рабочему месту. При этом режим работы может сохраниться в неизменном виде. Например, специалист по сбыту подключается к корпоративной сети со своего домашнего компьютера в определенное время (например, в 9.00 часов утра) и «выходит» из сети в установленное трудовым распорядком время. Преподаватель соблюдает расписание занятий, время начала и окончания работы учебных пар, консультаций, участвует онлайн в заседаниях и совещаниях, соблюдает продолжительность рабочей недели и выходные дни. Однако если изменение режима и произойдет, то оно будет производным от перемены рабочего места, которое становится «удаленным» (дистанционным). Соответствующие изменения были внесены в Трудовой Кодекс РФ Федеральным законом от 08.12.2020 N 407-ФЗ [7].

Проанализировав основные изменения, внесенные в ТК РФ в 2020 году, можно сделать вывод, что большинство новелл позволили ввести в правовое поле ряд новшеств в развитии форм занятости, возникших как под влиянием цифровых и информационно-коммуникационных тенденций, так и в результате форм-мажорной ситуации пандемии COVID-19 и введенного в связи с ней карантина. Нормы главы 49.1 ТК РФ сыграли положительную роль в сохранении многих высокопрофессиональных кадров у российских предприятий во время событий последних трех лет. Однако ситуация 2022-2023 годов, связанная с проведением СВО, поставила ряд проблем в области применения положений ТК РФ о дистанционной занятости. При этом, различные опросы показали, что большинство российских компаний в современных условиях обострения международной обстановки не поощряют дистанционную работу своих сотрудников из-за рубежа вследствие целого комплекса причин, как технического, так и правового характера, связанными с новыми вызовами, вставшими перед нашей страной.

В этой связи представляется, что оперативного решения со стороны законодательных органов требуют следующие проблемы. Необходимо дальнейшее развитие норм ТК РФ в согласовании с нормами налогового законодательства, права социального обеспечения и т.д., поскольку дистанционная работа из-за рубежа в настоящее время может спровоцировать проблемы с налоговой инспекцией и другими органами. Как отмечают сами руководители компаний, дистанционная работа из-за рубежа «нарушает Трудовой кодекс, потому что рабочий договор с сотрудником действует на территории России и, выезжая за пределы страны, сотрудник юридически попадает в серую зону» [10]. Поэтому, опасаясь несогласованного выезда ряда дистанционных работников за границу (даже в страны СНГ), руководство многих предприятий и организации начали вообще отказываться от дистанционной работы, вновь переводя всех сотрудников в офисы. Важной в этой связи инициативой, которую без сомнения нужно поддержать, является подготовка Правительством РФ законопроекта о поправках к налогам, включая налог на доходы физических лиц, работающих в России из-за рубежа, утративших российское налоговое резидентство, который в настоящее время проходит технические уточнения. Минфин поясняет, что поправки не затронут работающих за границей по трудовому договору. Данный законопроект, по нашему мнению, требует скорейшего принятия.

Итак, на основе проведенного анализа изменений в ТК РФ о дистанционной занятости, можно сделать вывод, что применение дистанционной занятости постепенно вытесняет традиционные формы трудовых отношений и расширяет возможности реализации россиянами своих трудовых прав. В тоже время, глобальные и национальные проблемы последних месяцев сформировали ряд коллизий в российском трудовом праве, связанных с этой новой формой занятости, и требующих их скорейшего разрешения, в том числе на законодательном уровне.

Литература и источники

1. Бодрова Э.Э. 1917 год и рабочий вопрос: историко-правовая характеристика // Мат-лы 6-ой Международной научно-практической конференции (7–8 декабря 1917 года). Екатеринбург, Издательство УрГЮУ, 2017. С. 24-32.
2. Декрет СНК РСФСР от 29.10.1917 «О восьмичасовом рабочем дне» // СЗ РСФСР. 1917. № 1. ст. 10.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Электронный ресурс, режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
4. Андриановская И.И. Развитие современного трудового права: преемственность и новизна // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 79-84.

5. Волк Е.А., Томашевский К.Л. Направления развития правового регулирования нетипичных форм занятости (сравнительный аспект) // Мат-лы 8-ой Международной научно-практической конференции (15–16 декабря 2022 года) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. Екатеринбург: Издательство УрГЮУ, 2022. С. 19–26.
6. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия. Аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, К. О. Чертенков. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
7. Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Электронный ресурс, режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070
8. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (Минцифры России) // Официальный сайт. <http://government.ru/department/387/events>
9. Юзбекова И, Скобелев В., Демидкина К. «Становятся менее лояльными»: почему IT-компании запрещают сотрудникам релокацию // Форбс, 2023. Электронный ресурс, режим доступа: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/475621-scetnaa-palata-zaavila-o-riskah-utraty-rossiej-prav-na-po-platformy-gosteh>
10. DDoS-атаки в России // Электронный ресурс, режим доступа: <https://www.tadviser.ru/index.php>

References and Sources

1. Bodrova E.E. 1917 god i rabochij vopros: istoriko-pravovaya harakteristika // Mat-ly 6-oy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (7–8 dekabrya 1917 goda). Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrGYuU, 2017. S. 24-32.
2. Dekret SNK RSFSR ot 29.10.1917 «O vos'michasovom rabochem dne» // SZ RSFSR. 1917. № 1. st. 10.
3. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 N 197-FZ (red. ot 19.12.2022, s izm. ot 11.04.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2023) // Elektronnyj resurs, rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
4. Andrianovskaya I.I. Razvitie sovremennogo trudovogo prava: preemstvennost' i novizna // Yuridicheskaya tekhnika. 2021. № 15. S. 79-84.
5. Volk E.A., Tomashevskij K.L. Napravleniya razvitiya pravovogo regulirovaniya netipichnyh form zanyatosti (sravnitel'nyj aspekt) // Mat-ly 8-oy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (15–16 dekabrya 2022 goda) / pod obsch. red. Yu. V. Ivanchinoy, E. A. Istominoj. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGYuU, 2022. S. 19–26.
6. Platformennaya zanyatost' v Rossii: masshtaby, motivy i bar'ery uchastiya. Analiticheskij doklad / O. V. Sinyavskaya, S. S. Biryukova, E. S. Gorvat, D. E. Kareva, D. A. Stuzhuk, K. O. Chertenkova. M.: NIU VShE, 2022.
7. Federal'nyj zakon ot 08.12.2020 № 407-FZ «O vnesenii izmenenij v Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti regulirovaniya distancionnoj (udalennoj) raboty i vremennogo perevoda rabotnika na distancionnyu (udalennuyu) rabotu po iniciative rabotodatelja v isključitel'nyh sluchayah» // Elektronnyj resurs, rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370070
8. Ministerstvo cifrovogo razvitiya, svyazi i massovyh kommunikacij Rossijskoj Federacii (Mincifry Rossii) // Oficial'nyj sajt. <http://government.ru/department/387/events>
9. Yuzbekova I, Skobelev V., Demidkina K. «Stanovyatsya menee lojal'nymi»: pochemu IT-kompanii zapreshchayut sotrudnikam relokaciyu // Forbs, 2023. Elektronnyj resurs, rezhim dostupa: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/475621-scetnaa-palata-zaavila-o-riskah-utraty-rossiej-prav-na-po-platformy-gosteh>
10. DDoS-ataki v Rossii // Elektronnyj resurs, rezhim dostupa: <https://www.tadviser.ru/index.php>

БОДРОВА ЭЛЬВИРА ЭДУАРДОВНА - кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург (elay09@yandex.ru).

МИНГАЛЁВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ - студент Института государственного и международного права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург (mingalevandrei1@yandex.ru).

BODROVA, ELVIRA E. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Ekaterinburg (elay09@yandex.ru).

MINGALEV, ANDREY D. - student of the Institute of State and International Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg (mingalevandrei1@yandex.ru).

УДК 347.918.2

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-144-148

ТОМБУЛОВА Е.Г.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ СТАТУСОВ МЕДИАТОРА И СУДЕБНОГО ПРИМИРИТЕЛЯ: РАЗНИЦА В ПОДХОДЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ключевые слова: альтернативный способ рассмотрения дела, медиация, медиатор, судебный примиритель, правовой статус, развитие российского законодательства.

В статье исследуются вопросы, связанные с различиями правового статуса медиатора и судебного примирителя в современном российском процессуальном праве. Автор отмечает повышенное внимание законодателя к альтернативным способам разрешения споров между сторонами. Приводятся статистические данные, показывающие эффективность таких процедур в рамках гражданского судопроизводства, слабое применение в рамках арбитражного судопроизводства и практически полное отсутствие в рамках административного судопроизводства. Автор делает вывод о возрастающей роли судебных примирителей, что связывает с дополнительной, относительно медиаторов, функцией юридического консультирования сторон.

TOMBULOVA, E.G.

COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF LEGAL STATUSES OF MEDIATOR AND COURT MEDIATOR: DIFFERENCE AT THE APPROACHES OF LEGISLATIVE REGULATION

Key words: alternative method of dispute consideration, mediation, mediator, court mediator, legal status, development of Russian legislation.

In the article the author explores the issues of the difference in the legal status of a mediator and a judicial conciliator in modern Russian procedural law. The author notes the increased attention of the legislator to alternative ways of resolving disputes between the parties. Statistical data are provided showing the effectiveness of such procedures in the framework of civil proceedings, weak application in the framework of

arbitration proceedings and almost complete absence in the framework of administrative proceedings. The author concludes that the role of judicial conciliators is growing, which is associated with an additional, relative to mediators, function of legal advice to the parties.

Последние годы ознаменовались проведением реформ процессуального законодательства, направленных на институционализацию такого явления как альтернативные способы разрешения споров. Активная нормотворческая деятельность привела к добавлению в основные кодифицированные процессуальные акты в качестве самостоятельной цели правосудия содействие мирному урегулированию споров. В частности, п. 6 ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) устанавливает в рамках арбитражного судопроизводства задачу, направленную на «содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, мирному урегулированию споров, формированию обычаев и этики делового оборота» [1]. Стремление способствования гражданского судопроизводства мирному урегулированию споров также указано в ст. 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [2]. Аналогично, «мирное урегулирование споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений» было добавлено в качестве задачи административного судопроизводства в п. 5 ст. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) [3]. Данные тенденции свидетельствуют о повышенном внимании законодателя к альтернативам классического судебного разбирательства в соответствующих органах. В первую очередь, разумеется, это относится к примирительным процедурам. В данной связи возникает вопрос, о каких именно процедурах идет речь?

По общему правилу, примирительные процедуры могут проводиться в форме переговоров, посредничества в виде досудебной или судебной медиации, а также судебного примирения с участием судебного примирителя. При этом, действующее законодательства допускает проведение иных процедур, не противоречащих закону [4, с. 124]. На практике же наибольшую популярность получили именно процедуры медиации и судебного примирения. Для правильного понимания особенностей каждой из указанных процедур необходимо сравнить правовые статусы основных лиц, задействованных в данных процедурах – медиатора и судебного примирителя.

В первую очередь, рассмотрим особенности правового статуса медиатора. Основные положения о правовом статусе медиатора содержатся в Федеральном законе «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – 193-ФЗ) [5]. В п. 3 ст. 2 193-ФЗ указано, что медиатором является «независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора» [5]. Выбор медиатора проходит по взаимному согласию сторон из числа частных медиаторов или организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. Медиаторы, при этом, могут осуществлять свою деятельность как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе, однако в любом случае она не является предпринимательской. Требования к лицам, желающим осуществлять деятельность медиатора, можно представить в виде таблицы:

Таблица 1.

Требования к медиаторам в зависимости от характера деятельности.

Требование	Непрофессиональный медиатор	Профессиональный медиатор
Возраст	18-летний	25-летний
Дееспособность	Полная	полная
Судимость	Отсутствует	отсутствует
Образование	-	Высшее, а также дополнительное
Дополнительные правила	Не могут осуществлять лица, замещающие государственной и муниципальной службы	Могут осуществлять судьи в отставке

Закон в ч. 6 ст. 15 193-ФЗ вводит ряд ограничений для медиаторов. Так, они не могут быть представителями какой-либо стороны, оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь, делать без согласия сторон публичные заявления по существу спора и, разумеется, вести дело, если присутствует личная заинтересованность [5].

В свою очередь, положения о статусе судебного примирителя содержатся в гл. 14.1 ГПК РФ. Следует отметить, что действие судебного примирения ограничивается гражданско-правовыми спорами. Помимо названной главы ГПК РФ, порядок проведения процедуры судебного примирения регламентируется Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41 (далее – ППВС №41) [6]. В отличие от медиатора, судебным примирителем является судья, пребывающий в отставке и включенный в список судебных примирителей, который утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Иными словами, судебный примиритель является профессиональным юристом, имеющим большой запас знаний и практики в отправлении правосудия, что дает ему возможность выступать в качестве посредника между сторонами для достижения между ними согласия. Участие в процессе судебного примирителя предлагается сторонами или судом, а санкционируется специальным определением.

Основы правового статуса судебного примирителя указаны в ст. 14 ППВС №41. В частности, он может вести индивидуальные и коллективные переговоры с лицами, участвующими в деле; изучать документы и информацию, знакомится с материалами дела, консультироваться у специалистов, содействовать сторонам, давать рекомендации сторонам, разъяснять законодательство и практику и т.д. [6]

Таким образом мы видим, что правовой статус медиатора сводится к оказанию организационных услуг по проведению переговоров. Иными словами, активная роли медиатора выражается в руководстве переговорным процессом. Правовой статус судебного примирителя, напротив, сводится к активной юридической консультационной деятельности со сторонами, прямое вмешательство посредника в само дело. Следует также отметить, что только судебные примирители могут полноценно работать с третьими лицами [7, с. 57].

Следует также отметить, что многие ведущие теоретики и практики при обсуждении вопросов развития законодательства о примирительных процедурах высказывались против деления посредников на судебных и медиаторов [8]. Тем не менее, мы полагаем, что данное деление оправдано, на что указывает их различный правовой статус и, что более важно, характер и сущность их природы. Медиатор содействует коммуникации между сторонами, вмешиваясь в саму суть спора: не высказывает мнения о характере спора, путей разрешения, юридических последствиях для сторон и т.п. Иными словами, медиатор способен самостоятельно разрешить сложившуюся ситуацию. В свою очередь, судебный примиритель не просто координирует и модерирует процесс примирения, но и является активным участником самого процесса. Он сам может предлагать оптимальные пути решения сложившейся ситуации, подкрепляя свою позицию судебским опытом, нормами права и судебной практикой, то есть именно с помощью того, что запрещено делать медиаторам.

Объективным индикатором эффективности той или иной инициативы, особенно если она выражена в форме активных действий, является статистика. Согласно отчетам о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских и административных дел по первой инстанции за 2020 – 2022 г., в 2020 году с привлечением посредника в рамках гражданских разбирательств урегулировано 769 споров, утверждено 505 медиативных соглашений, а также 163 мировых соглашений по итогам судебного примирения. При этом всего было утверждено. Абсолютно противоположная ситуация, при этом, в категории административных дел: ни одного спора с привлечением посредника, отсутствие утвержденных медиативных соглашений, в т.ч. по итогам судебного примирения. [9]

В 2021 году ситуация в арбитражных судах не сильно изменилась. Для категории гражданских дел цифры составили: 724 спора, урегулированных с привлечением посредника, 256 утвержденных медиативных соглашений, 399 мировых соглашений по итогам судебного примирения. В категории административных дел за аналогичный период с привлечением посредника было рассмотрено всего 4 дела, утверждено 1 медиативное соглашение, 3 мировых соглашения по итогам судебного примирения [10]. За отчетный период 2022 года в рамках гражданского судопроизводства было урегулировано 903 споров с привлечением посредника,

утверждено 367 медиативных соглашений и 437 мировых соглашений по итогам судебного примирения. В рамках административного судопроизводства с привлечением посредника было урегулировано 8 споров, не было ни одного медиативного соглашения, однако 8 споров было закончено утверждением мирового соглашения в результате судебного примирения [11].

Таким образом, мы видим, что примирительные процедуры наиболее востребованы в гражданском судопроизводстве. С каждым годом наблюдается позитивная динамика случаев урегулирования споров с участием посредника. При этом количество мировых соглашений по итогам судебного примирения растет с каждым годом.

Однако общее количество мировых соглашений, достигнутых в результате процедур примирения, несоизмеримо мало относительно всех рассмотренных дел. Следовательно, говорить о выполнении цели существования процедур примирения – разгрузка судов – преждевременно и, определенно, неправильно. Доля подобных решений составляет всего 0,004% от общего количества всех рассмотренных гражданских дел, и всего 0,0002% - от административных дел. Иными словами, данная статистика показывает низкую заинтересованность заявителей в исследуемых процедурах. В свою очередь, почти полное отсутствие рассмотрения дел с применением примирительных процедур в рамках административного судопроизводства свидетельствует о неэффективности в настоящее время альтернативных способов разрешения споров по данной категории дел.

Тем не менее, следует отметить возрастающую роль судебного примирения, как способа разрешения спора. Статистика показывает устойчивое повышение интереса к этому способу, что, на наш взгляд, связывается с главной особенностью судебного примирителя – оказание юридической помощи обратившимся сторонам.

Литература и источники

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // СПС «Консультант Плюс».
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 26.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // СПС «Консультант Плюс».
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СПС «Консультант Плюс».
4. Тюменева Н.В. Примирительные процедуры в процессуальном праве и законодательстве (на примере судебной медиации и судебного примирения) // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. №3.
5. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // СПС «Консультант Плюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 N 41 "Об утверждении Регламента проведения судебного примирения" // СПС «Консультант Плюс».
7. Минкина Н.И. Медиатор: понятие и некоторые особенности правового статуса // Гражданское общество и правовое государство. 2013. Т. 2.
8. Смагина Е.С. Судебное примирение и судебные примирители в гражданском судопроизводстве: возможные правоприменительные проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 1.
9. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2020 г. // [Электронный ресурс] URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F3-svod-vse-sudy-2020.xls (дата обращения: 10.06.2023 г.)
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2021 г. // [Электронный ресурс] URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2022/F3-svod-vse-sudy-2021.xls (дата обращения: 10.06.2023 г.)
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции за 2022 г. // [Электронный ресурс] URL: http://cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/F3-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 10.06.2023 г.)

References and sources

1. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 18.03.2023) // SPS «Konsul'tant Plyus».
2. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 14.04.2023, s izm. ot 26.04.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 28.04.2023) // SPS «Konsul'tant Plyus».
3. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii ot 08.03.2015 N 21-FZ (red. ot 17.02.2023) // SPS «Konsul'tant Plyus».
4. Tyumeneva, N.V. Primiretel'nyye protsedury v protsessual'nom prave i zakonodatel'stve (na primere sudebnoy mediatsii i sudebnogo primireniya) // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 3.
5. Federal'nyy zakon ot 27.07.2010 N 193-FZ (red. ot 26.07.2019) "Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiyem posrednika (protsedure mediatsii)" // SPS «Konsul'tant Plyus».
6. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 31.10.2019 N 41 "Ob utverzhenii Reglamenta provedeniya sudebnogo primireniya" // SPS «Konsul'tant Plyus».
7. Minkina, N.I. Mediator: ponyatiye i nekotoryye osobennosti pravovogo statusa // Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo. 2013. T. 2.
8. Smagina, Ye.S. Sudebnoye primireniye i sudebnyye primireteli v grazhdanskom sudoproizvodstve: vozmozhnyye pravoprimenitel'nyye problemy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2020. № 1.
9. Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiksii o rassmotrenii grazhdanskikh, administrativnykh del po pervoy instantsii za 2020 g. // [Elektronnyy resurs] URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2021/F3-svod-vse-sudy-2020.xls (data obrashcheniya: 10.06.2023 g.)

10. Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii o rassmotrenii grazhdanskikh, administrativnykh del po pervoy instantsii za 2021 g. // [Elektronnyy resurs] URL: http://cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2022/F3-svod-vse_sudy-2021.xls (data obrashcheniya: 10.06.2023 g.)
11. Otchet o rabote sudov obshchey yurisdiktsii o rassmotrenii grazhdanskikh, administrativnykh del po pervoy instantsii za 2022 g. // [Elektronnyy resurs] URL: http://cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/F3-svod_vse_sudy-2022.xls (data obrashcheniya: 10.06.2023 g.)

ТОМБУЛОВА ЕЛЕНА ГРИГОРЬЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия Северо-Кавказский филиал.
TOMBULOVA, ELENA G. – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Department of Civil Proceeding, Russian State University of Justice (Krasnodar) (tombulovae@mail.ru).

УДК 347.132.6

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-148-151

ЖУКОВ Е.Н., ГОРДЮК А.В., КИРЕЕВА Е.В.
**«ПРОВЕРЯТЬ ИЛИ НЕ ПРОВЕРЯТЬ»? К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СУДАМИ
ПОСЛЕДСТВИЙ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК В РАМКАХ ДЕЛА О
БАНКРОТСТВЕ**

Ключевые слова: недействительные сделки, последствия недействительности сделок, дела о банкротстве, анализ судебной практики.

В статье авторы с позиции правоприменителей рассматривают проблемные вопросы, связанные с применением судами в рамках производства по делам о банкротстве последствий недействительности сделок. Главным вопросом статьи является о реальности тех отношений, которые послужили основанием для проведения оспоримой сделки зачета в рамках банкротного дела. Авторы отмечают, что в настоящее время сложилась правовая позиция, согласно которой восстановление задолженности в качестве реституции недействительной сделки не влечет автоматического признания восстановленного требования обоснованным. На основе анализа судебной практики Арбитражных судов Российской Федерации, авторы делают вывод о том, что в случае признания недействительным зачёта, прекратившего обязательства сторон, при последующем восстановлении встречных обязательств непременно следует устанавливать основания их возникновения (реальность).

ZHUKOV, E.N., GORDYUK, A.V., KIREEVA, E.V.
**"TO CHECK OR NOT TO CHECK"? TO THE QUESTION OF THE APPLICATION OF THE CONSEQUENCES OF THE
INVALIDITY OF TRANSACTIONS BY THE COURTS IN THE FRAMEWORK OF A BANKRUPTCY CASE**

Key words: invalid transactions, consequences of invalid transactions, bankruptcy cases, analysis of judicial practice.

In the article, the authors, from the position of law enforcers, consider problematic issues related to the application by the courts in the framework of bankruptcy proceedings of the consequences of the invalidity of transactions. The main question of the article is about the reality of those relations that served as the basis for conducting a voidable offset transaction in the framework of a bankruptcy case. The authors note that at present there is a legal position according to which the restoration of debt as restitution of an invalid transaction does not entail automatic recognition of the restored claim as justified. Based on the analysis of the judicial practice of the Arbitration Courts of the Russian Federation, the authors conclude that if the set-off that terminated the obligations of the parties is declared invalid, the grounds for their occurrence (reality) should certainly be established with the subsequent restoration of counter obligations.

При признании сделок о зачете (взаимозачете), об отступном, цессии и т.п. недействительными в рамках дела о банкротстве возникает вопрос о применении последствий их недействительности. Рассмотрим эту ситуацию, прежде всего, на примере зачета.

Логика большинства судов такова: поскольку согласно ст. 410 ГК РФ зачет представляет собой способ прекращения встречных однородных требований, то при признании недействительной сделкой зачета встречных однородных требований прекращения обязательств между сторонами не происходит. Поэтому последствием недействительности зачета (или соглашения о зачете) является восстановление положения, существовавшего до момента совершения соглашения о зачете, то есть восстановление требований (прав) сторон оспоренной сделки. Таким образом, суды полагают, что нужно восстановить размер взаимных требований сторон, существовавший до проведения зачета [1]. Следует применить последствия недействительности сделки в виде восстановления обоюдной задолженности [2]. Следовательно, последствием недействительности зачетов взаимных требований является реституция (восстановление прежнего состояния).

В резолютивной части судебного определения это выглядит, к примеру, следующим образом. «Применить последствия недействительности сделок:

Восстановить право требования ЗАО «РТХ-Логистик» к ООО «Ника-Транс» на общую сумму 16 703 436 руб. 72 коп.

Восстановить право требования ООО «Ника-Транс» к ЗАО «РТХ-Логистик» на общую сумму 16 703 436 руб. 72 коп» [3].

Однако здесь возникает вопрос о том, должен ли судья в деле о банкротстве при рассмотрении заявлений о признании зачета (соглашения о зачете) недействительной сделкой и

применении недействительности входить в обсуждение вопроса о реальности тех отношений, которые послужили основанием для проведения оспоримой сделки зачета. Должен ли судья, прежде чем восстанавливать взаимную задолженность, убедиться в реальности существования такой задолженности до проведения сторонами спорного зачета?

На сегодняшний день в судебной практике наибольшую популярность приобрела следующая позиция. Восстановление задолженности в качестве реституции недействительной сделки не влечет автоматического признания восстановленного требования обоснованным. Обоснованность восстановленных требований подлежит установлению в рамках других процессов, в ходе каждого из которых бремя доказывания реального наличия требования возлагается на истца (заявителя) [4].

По смыслу пункта 4 статьи 61.6 Закона о банкротстве, а также разъяснений, изложенных в пункте 25 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», восстановление задолженности в качестве реституции недействительной сделки, не влечет автоматического признания восстановленного требования обоснованным. Обоснованность восстановленного требования подлежит установлению в рамках процесса, в ходе которого бремя доказывания реального наличия требования возлагается на истца (заявителя) [5].

Проверяя наличие оснований для признания оспариваемых зачетов недействительными сделками по указанным специальным основаниям, суд не проверяет обоснованность зачтенных требований и в качестве последствий восстанавливает права требования обеих сторон друг к другу. Обоснованность соответствующих восстановленных требований подлежит оценке при рассмотрении последующего спора при заявлении стороной требования о включении в реестр требований кредиторов должника или о взыскании задолженности [6].

Должник (ООО «УК Спецстрой») и его кредитор (ООО «Юника») заключили соглашение об отступном в период подозрительности, указанный в п.1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, т.е. в течение года до принятия заявления о признании должника банкротом. При этом суд констатировал неравноценное встречное предоставление и признал указанное соглашение недействительной сделкой, поскольку в материалах дела отсутствуют какие-либо относимые и допустимые доказательства, подтверждающие наличие той задолженности, в счет исполнения обязательств которой должником было предоставлено отступное. Первичная документация у конкурсного управляющего отсутствует. Однако несмотря на это суд, понимая, что нет доказательств реальности задолженности, применяя последствия недействительности соглашения об отступном, восстановил права требования ООО «Юника» к ООО «УК Спецстрой» в размере 130 077 830,72 руб. [7].

Главным аргументом в пользу данной позиции большинства судов является то, что, по общему правилу, суд не может выйти за пределы заявленного требования и вынести решение по требованиям, не заявленным истцом. В контексте нашей ситуации это означает, что если управляющий (или кредитор), оспаривающий сделку о зачете (соглашение о взаимозачете), и в то же время не оспаривает те сделки, которые указаны в качестве оснований для возникновения зачтенной задолженности, то суд не может проверять в рамках такого обособленного спора «первичные» отношения сторон по этим сделкам.

Так, по одному из дел суд кассационной инстанции указал, что, установив отсутствие реальных отношений по договору и делая вывод о безвозмездном прощении обществу долга по договорам аренды земельного участка, суды тем самым вышли за пределы заявленных требований. Более того, они «фактически предрешили вопросы о взыскании встречных задолженностей в нарушение требований о претензионном порядке, о подсудности, о распределении бремени доказывания» [8].

Вместе с тем восстановление взаимных прав требования без исследования реальности оснований возникновения задолженности и ее размера может приводить к спорам о преюдициальности судебного акта, вынесенного в рамках обособленного спора о признании сделок, например, зачета, недействительными.

Например, в одном из дел арбитражный суд кассационной инстанции отметил, что поскольку факт наличия спорной задолженности (путем ее восстановления) установлен судебным актом в рамках обособленного спора о признании недействительной сделки по зачету однородных

требований, то он имеет преюдициальное значение для рассмотрения искового заявления о взыскании задолженности [9].

Однако проведенный авторами анализ указанного судебного акта о признании недействительным зачета встречных однородных требований [10] свидетельствует о том, что реальность, обоснованность и размер задолженности не были предметом рассмотрения в рамках данного дела. Иными словами, банкротный судья эти вопросы отдельно не выяснял.

В этом плане более последовательной видится позиция того же суда кассационной инстанции, который по конкретному спору указал, что суды не учли, что при оспаривании сделки в рамках дела о банкротстве, арбитражный суд не устанавливал и не проверял фактическое наличие задолженности в рамках договора генерального подряда, в том числе объем выполненных обществом работ и факт их оплаты компанией. По указанному делу суд признал соглашение о прекращении обязательств зачетом как заключенное с нарушением требований Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», не устанавливая названные обстоятельства, поскольку они не входили в предмет спора и не имели правового значения для его разрешения.

Разрешая спор, судам следовало с учетом относимых, достоверных и допустимых доказательств установить, имелась ли фактически у компании перед обществом задолженность по названным договорам и в каком размере, объем выполненных обществом работ и их оплату (неоплату) заказчиком [11].

Если просто восстанавливать права требования, не вдаваясь в обоснованность имеющейся для зачета задолженности, это может приводить к следующим затруднениям.

Когда суд «ломает» сделку зачета (соглашения о зачете), то обычное основание для этого – статья 61.3 Закона о банкротстве. Иными словами, суд констатирует, что зачёт является сделкой, влекущей преимущественное удовлетворение требований одного кредитора перед другими. Ключевое слово здесь «кредитор», т.е. лицо, имеющее право требования к должнику. Но разве можно говорить о кредиторе, если суд не проверяет, а действительно ли данное лицо имело права требования к должнику, не фиктивно (мнимо) ли такое требование, не написано ли оно «на коленках»? Да и как может юридически вообще существовать зачет, если нет встречных требований? Для осуществления зачета нужны основания, но как понять, что они есть, если суд в принципе не рассматривает их наличие? Особенно остро данный вопрос стоит в деле о банкротстве, где искусственная задолженность фигурирует везде и всюду, а злоупотребление правом – буквально притча во языцех.

К слову сказать, в судебной практике встречается и другая позиция по указанным вопросам, которая сводится к тому, что суд проверяет в рамках этого обособленного спора реальность отношений между сторонами. Так, например, по одному делу в определении суда было указано, что, поскольку материалами дела подтверждается факт оплаты Куркчи Т.А. должнику в размере 1 600 000 руб., суд устанавливает задолженность ООО «Кубаньреставрация» перед Куркчи Татьяной Анатольевной в размере 1 600 000 руб. [12]

Ход наших рассуждений приводит к следующему тезису: если суд (сам или по инициативе управляющего, кредитора) все же выясняет отсутствие в действительности задолженности, являющейся предметом зачета, то он в принципе (!) не может применить ст. 61.3 Закона о банкротстве. А раз так, то заявителю придется доказывать несравненно более сложный состав п.2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (если пропущен период подозрительности по п.1 ст. 61.2). Возможно, именно в этом кроется действительная причина того, что на практике преобладает иной подход к разрешению обозначенного нами вопроса.

Верховный Суд Российской Федерации по конкретному спору высказался по указанной проблеме. Так, он указал, что «обжалуемые судебные акты содержат в себе внутренние противоречия. В частности, суды, с одной стороны, отказались устанавливать объем фактически выполненных компанией работ, поставленных обществом товаров, их стоимость, то есть проверять реальность анализируемых отношений, с другой стороны, восстановили обязательства по оплате работ, товаров, в конкретном размере, указанном в акте от 08.04.2019 [13].

Подытоживая изложенное, мы считаем, что, в случае признания недействительным зачёта, прекратившего обязательства сторон, при последующем восстановлении встречных обязательств непременно следует устанавливать основания их возникновения (реальность).

Литература и источники

1. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2019 № 15АП-19525/2019 по делу № А32-39582/2015 // КАД «Арбитр»
2. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 02.10.2019 по делу № А32-39582/2015 // КАД «Арбитр»
3. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 29.04.2019 по делу № А40–230298/17-78-332 «Б» // КАД «Арбитр»
4. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 30 марта 2022 года по делу А32-55433/2017-38/100-Б-216-С; Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 24 октября 2022 года по делу № А32-863/2020-68/4-Б-25-С // КАД «Арбитр»
5. Определение Арбитражного суда Краснодарского края от 10 марта 2023 по делу № А32-27261/2021-61/310-Б–1С // КАД «Арбитр»
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.09.2020 № Ф06-34118/2018 по делу № А55-6961/2017 // КАД «Арбитр»
7. Определением Арбитражного суда города Москвы от 18.10.2022 по делу № А40-210657/2021; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.04.2023 № Ф05-6947/2023 по делу № А40-210657/2021 // КАД «Арбитр»
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27.05.2020 № Ф08-2805/2020 по делу № А53-37396/2017 // КАД «Арбитр»
9. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.12.2021 N Ф08-11787/2021 по делу № А63-19885/2020 // КАД «Арбитр»
10. Определение Арбитражного суда Республики Дагестан от 11 августа 2020 года по делу № А15-1517/2015 // КАД «Арбитр»
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.07.2021 № Ф08-6146/2021 по делу № А32-40180/2019 // КАД «Арбитр»
12. Определение Арбитражного суда Краснодарского края 28 февраля 2022 года по делу № А32-29863/2016 2/49-Б-8-С // КАД «Арбитр»
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.10.2022 № 307-ЭС22-6812 по делу № А56-122126/2018 // КАД «Арбитр»

References and Sources

1. Postanovleniye Pyatnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 05.12.2019 № 15AP-19525/2019 po delu № А32-39582/2015 // KAD «Arbitr»
2. Opredeleniye Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 02.10.2019 po delu № А32-39582/2015 // KAD «Arbitr»
3. Opredeleniye Arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 29.04.2019 po delu № А40–230298/17-78-332 «B» // KAD «Arbitr»
4. Opredeleniye Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 30 marta 2022 goda po delu А32-55433/2017-38/100-В-216-С; Opredeleniye Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 24 oktyabrya 2022 goda po delu № А32-863/2020-68/4-В-25-С // KAD «Arbitr»
5. Opredeleniye Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 10 marta 2023 po delu № А32-27261/2021-61/310-В–1S // KAD «Arbitr»
6. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 25.09.2020 № F06-34118/2018 po delu № А55-6961/2017 // KAD «Arbitr»
7. Opredeleniyem Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 18.10.2022 po delu № А40-210657/2021; Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 24.04.2023 № F05-6947/2023 po delu № А40-210657/2021 // KAD «Arbitr»
8. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 27.05.2020 № F08-2805/2020 po delu № А53-37396/2017 // KAD «Arbitr»
9. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 14.12.2021 N F08-11787/2021 po delu № А63-19885/2020 // KAD «Arbitr»
10. Opredeleniye Arbitrazhnogo suda Respubliki Dagestan ot 11 avgusta 2020 goda po delu № А15-1517/2015 // KAD «Arbitr»
11. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 12.07.2021 № F08-6146/2021 po delu № А32-40180/2019 // KAD «Arbitr»
12. Opredeleniye Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraya 28 fevralya 2022 goda po delu № А32-29863/2016 2/49-В-8-С // KAD «Arbitr»
13. Opredeleniye Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 04.10.2022 № 307-ES22-6812 po delu № А56-122126/2018 // KAD «Arbitr»

ЖУКОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ – старший преподаватель кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия, Северо-Кавказский филиал (Zhukov@mail.ru).

ГОРДЮК АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – судья Арбитражного суда Краснодарского края (gordyuk@mail.ru).

КИРЕЕВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА – судья Арбитражного суда Краснодарского края (kireeva@mail.ru).

ZHUKOV, EVGENIY N. – Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice

GORDYUK, ALEKSEI V. – judge of the Arbitration Court of the Krasnodar Region/

KIREEVA, ELENA V. – judge of the Arbitration Court of the Krasnodar Region/

УДК 347.951.1:336.2

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-151-157

ШКОЛИК О.А.

СУДЕБНЫЕ ОШИБКИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НАРУШЕНИЙ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ДОБЫЧИ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

Ключевые слова: НДС, добыча полезных ископаемых, налоговые ставки, рентный коэффициент, налоговые правонарушения, налоговые споры, судебные ошибки.

В статье отражены результаты исследования налоговых споров, возникающих при налогообложении добычи полезных ископаемых в свете законодательных изменений, связанных с введением корректирующих коэффициентов, повышающих или понижающих налоговую нагрузку на недропользователей. Рассматриваются вопросы арбитражного судопроизводства, в разрезе позиций налогоплательщиков и налоговых органов, а также позиций судебных органов по данным категориям налоговых споров. На конкретном примере показано, что одной из самых проблемных и спорных новаций в налоговом законодательстве оказалось введение рентного коэффициента ($K_{\text{рента}}$), суть которого сводится к тому, что при налогообложении процессов разработки некоторых полезных ископаемых, в том числе отдельных руд, содержащих металлы, установленная ставка налога корректируется на величину этого коэффициента. При этом нормы гл. 26 НК РФ предусматривают несколько видов рентного коэффициента (стандартный и исключительный), и естественно, несколько значений (от 0,2 до 7) данного финансового мультипликатора.

SHKOLIK, O.A.
**JUDICIAL ERRORS IN QUALIFYING VIOLATIONS OF TAX LEGISLATION IN THE FIELD OF TAXATION
OF THE MINING OF PRECIOUS METALS**

Key words: mineral extraction tax, tax rates, rental coefficient, tax offenses, tax disputes; judicial errors.

The article reflects the results of a study of tax disputes arising from the taxation of mining in the light of legislative changes related to the introduction of adjustment factors that increase or decrease the tax burden on subsoil users. The issues of arbitration proceedings are considered in the context of the positions of taxpayers and tax authorities, as well as the positions of the judiciary in these categories of tax disputes. A specific example shows that one of the most problematic and controversial innovations in tax legislation was the introduction of the rental coefficient (K_{rent}), the essence of which is that when taxing the development of certain minerals, including individual ores containing metals, the established rate tax is adjusted by the value of this coefficient. At the same time, the norms of Ch. 26 of the Tax Code of the Russian Federation provide for several types of rental coefficient (standard and exceptional), and, of course, several values (from 0.2 to 7) of this financial multiplier.

Современные взгляды исследователей и практиков на проблемы теории правового государства, несмотря на высокий уровень дискуссионности сущности категории «правовое государство», в конечном счете, можно свести к нескольким фундаментальным тезисам, в соответствии с которыми правовое государство характеризуется как политико-территориальная организация общества, функционирующая на принципах: 1) верховенства права во всех сферах проявления общественной и политической жизнедеятельности; 2) равенства правовых субъектов – участников публичных правоотношений, по объему предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей; 3) гарантии и защиты прав и свобод субъектов права; 4) взаимной ответственности личности и государства; 5) разделения властей.

В публичных правоотношениях, складывающихся в области финансов, в частности в бюджетной и налоговой сферах, принципы правового государства воплощаются в нормах конституционного, бюджетного, налогового и арбитражно-процессуального законодательства. И не только [1]. В отечественном конституционном законодательстве принципы правового государства, нашли свое выражение прежде всего в статье 57 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. В налоговом законодательстве они нашли выражение прежде всего в статье 3 НК РФ, в соответствии с которой, во-первых, законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения, во-вторых, налоги и сборы не могут иметь дискриминационный характер и различно применяться исходя из социальных, расовых, национальных, религиозных и иных подобных критериев, ну и в-третьих, не допускается устанавливать налоги и сборы, нарушающие единое экономическое пространство РФ и, в частности, прямо или косвенно ограничивающие свободное перемещение в пределах территории РФ товаров (работ, услуг) или финансовых средств, либо иначе ограничивать или создавать препятствия не запрещенной законом экономической деятельности физических лиц и организаций. Помимо этого, принципы правового государства нашли свое выражение в разделе VII НК РФ и главе 24 АПК РФ, регулирующих вопросы гарантий и защиты прав субъектов налоговых правоотношений [2].

В частности, статьей 137 НК РФ закреплено, что каждое лицо имеет право обжаловать акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц, если, по мнению этого лица, такие акты, действия или бездействие нарушают его права.

В 2020 году государство приступило к серьезному реформированию правового регулирования отношений, складывающихся в области налогообложения недропользователей, точнее той части хозяйствующих субъектов, которые осуществляют предпринимательскую деятельность, связанную с добычей полезных ископаемых, и соответственно, подпадающих под действие главы 26 НК РФ, регулирующей налоги на добычу полезных ископаемых. Главными новациями, внесенными в НК РФ в ходе реформирования, явилось введение различных корректирующих коэффициентов, некоторая часть из которых существенно изменяет объем налогового бремени, возлагаемого на недропользователей, занимающихся добычей тех или иных полезных ископаемых [3].

Одной из самых проблемных и спорных новаций оказалось введение рентного коэффициента ($K_{рента}$), суть которого сводится к тому, что при налогообложении процессов разработки некоторых полезных ископаемых, в том числе отдельных руд, содержащих металлы, установленная ставка налога корректируется на величину этого коэффициента. При этом нормы

гл. 26 НК РФ предусматривают несколько видов рентного коэффициента (стандартный и исключительный), и естественно, несколько значений (от 0,2 до 7) данного финансового мультипликатора. Например, согласно ст. 342.8 НК РФ, значение стандартного коэффициента $K_{\text{рента}}$ равно 3,5 (трем с половиной), а применительно к отдельным видам руд (фосфоритовых, апатитовых и апатит-нефелиновых) значение рентного коэффициента равно 7 (семи) или, например, в отношении полезных ископаемых в виде концентратов и других полупродуктов, содержащих золото или содержащих серебро, рентный коэффициент принимается равным 1 (единице).

Здесь сразу нужно отметить, что в части правовых основ налогообложения добычи полезных ископаемых, указанные новации не внесли абсолютно ничего, поскольку данные нововведения касаются сугубо финансовых вопросов – методики расчета стоимости налогового обязательства (суммы налога), а в конечном итоге величины налогового бремени. Тем не менее, правоприменительная практика этих новых положений налогового законодательства продемонстрировала зыбкость и неустойчивость соблюдения принципов правового государства в сфере налогообложения добычи полезных ископаемых. Свободная квалификация новых положений налогового законодательства федеральными органами исполнительной власти в лице Федеральной налоговой службы и ее территориальных подразделений привели к нарушению основного принципа правового государства – верховенства права, а дальнейшее развитие ситуации в рамках и арбитражного судопроизводства, продемонстрировавшее единение исполнительной и судебной ветвей власти в вопросах нарушения прав налогоплательщиков, в некоторой степени поставило под сомнение и последний из указанных выше принципов.

Довольно показательна суть данной проблемы раскрывается на примере экономических споров по административным правоотношениям, рассматриваемых арбитражными судами в рамках дела № А60-42662/2022 и дела № А60-43970/2022. Указанные дела касаются налогового спора, возникшего между одними и теми же сторонами, в отношении одного и того же объекта налогообложения, но в отношении разных налоговых периодов, в рамках которых действовали несколько разные нормы, регулирующие применение рентного коэффициента. Вкратце, суть спора сводится к тому, что налогоплательщик осуществляет добычу единственного полезного ископаемого – концентрата, содержащего в себе несколько драгоценных металлов (золото, платину, иридий, родий и палладий). Указанный концентрат соответствует Национальному стандарту РФ ГОСТ Р 52793-2007 «Металлы драгоценные. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 24 декабря 2007 г. N 388-ст) и определяется стандартом как «платина шлиховая» – гравитационный концентрат минерального сырья, т.е. промежуточный продукт, полученный при гравитационном обогащении минерального сырья, содержащего драгоценные металлы (в т.ч. золото).

Юридические факты о том, какая деятельность осуществляется налогоплательщиком и какой вид полезного ископаемого им добывается, а также иные фактические обстоятельства дела подтверждаются соответствующей договорной документацией, экспертными заключениями, а также технической документацией, утвержденной профильными государственными органами и уполномоченными государственными учреждениями.

При определении своих налоговых обязательств по данному налогу налогоплательщик исходит из того, что согласно пп. 13 п. 2 ст. 337 НК РФ, объектами налогообложения, являются полупродукты, содержащие в себе один или несколько драгоценных металлов (золото, серебро, платина, палладий, иридий, родий, рутений, осмий), получаемые по завершении комплекса операций по добыче драгоценных металлов. Согласно информации Министерства финансов РФ, которые оно привело в письме от 27.04.2022 № 03-06-06-01/38684, к таким полупродуктам относится шлиховая платина (шлиховой концентрат), а также ряд других поименованных в указанном письме полупродуктов, содержащих драгоценные металлы.

При этом, согласно пп.5 п.2 ст. 342 НК РФ, при добыче концентратов и других полупродуктов, содержащих золото налогообложение производится по ставке 6% умноженной на рентный коэффициент, который свою очередь принимается равным 1 (единице) в отношении концентратов и других полупродуктов, содержащих золото, в силу пп. 2 п.3 ст. 342.8 НК РФ.

В свою очередь, налоговый орган исходил из положений пп.6 п.2 ст. 342 НК РФ, при добыче концентратов и других полупродуктов, содержащих драгоценные металлы (за исключением

золота) налогообложение производится по ставке 6,5% умноженной на рентный коэффициент, который свою очередь принимается равным 3,5 (три с половиной) в отношении концентратов и других полупродуктов, содержащих золото, в силу п.1 ст. 342.8 НК РФ. Иными словами, налоговый орган единый продукт – концентрат – условно разделил на две части по стоимостным долям: золото отдельно, платина и металлы платиновой группы отдельно. В части золота он применил рентный коэффициент 1, а в части платины и металлов платиновой группы – повышающий рентный коэффициент размере 3,5. Соответственно, на эту часть единого продукта налоговый орган доначислил сумму НДС и привлек налогоплательщика к ответственности.

Между тем, нужно учитывать, что в своем Письме от 7 декабря 2020 г. № 03-06-06-01/106678, Минфин, по существу, привел разъяснение целей введения в НК РФ повышенного рентного коэффициента в размере 3,5: «Среднемировой уровень изъятия природной (горной ренты) при добыче твердых полезных ископаемых, в том числе многокомпонентных комплексных руд, зарубежными компаниями составляет в среднем 3 - 4 процента от выручки. В то же время уровень налога на добычу полезных ископаемых (далее - НДС) в выручке российских компаний, осуществляющих добычу аналогичных видов полезных ископаемых (за исключением драгоценных металлов и камней), составляет порядка 0,6 процента.

При этом по итогам 2019 года уровень НДС в выручке российских компаний, добывающих углеводородное сырье, составляет от 40% до 50% в зависимости от мировых цен на нефть, а в выручке компаний, осуществляющих добычу драгоценных металлов и камней, - 6 - 8%. Для российских компаний, осуществляющих добычу иного минерального сырья (включая твердые полезные ископаемые, в том числе многокомпонентные комплексные руды), этот показатель не превышает 0,5 - 0,6%.

В условиях неблагоприятной эпидемиологической и экономической ситуации, связанной с необходимостью преодоления последствий распространения новой коронавирусной инфекции, в целях обеспечения макроэкономической стабильности и сбалансированности федерального бюджета Федеральным законом от 15.10.2020 N 342-ФЗ "О внесении изменений в главы 25.4 и 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации" предусмотрено применение рентного коэффициента КРЕНТА в размере 3,5 к налоговым ставкам по НДС в отношении отдельных видов твердых полезных ископаемых...

Применение при добыче отдельных видов твердых полезных ископаемых к налоговой ставке по НДС коэффициента КРЕНТА в размере 3,5 увеличит эффективную ставку НДС до уровня 2 - 3 процентов, что соответствует уровню взимания горной ренты в мировой практике».

Таким образом, абсолютно очевидно том, что целью федеральных органов исполнительной власти РФ в сфере финансов и бюджета, по чьей инициативе и при непосредственном участии которых принималось решение о введении в НК РФ рентного коэффициента в размере 3,5, не являлось применение этого коэффициента к тем налогоплательщикам, которые добывают полезные ископаемые, содержащие драгоценные металлы и камни, и для которых ставка НДС составляет от 6 до 8 процентов [4].

В последующем арбитражные суды первой и апелляционной инстанции рассмотрев указанные дела пришли к абсолютно противоположным доводам, однако оставив решения налогового органа в силе.

В частности, суды первой инстанции в своих решениях пришли к выводу, что для целей налогообложения концентрат, содержащий золото и (или) серебро, может быть только золотым, серебряным, золотосеребряным, наличие в таком концентрате металлов платиновой группы исключается, при этом применение рентного коэффициента в размере 1 для золотоплатинового или серебряно-платинового концентратов не предусмотрено и, следовательно, в действиях налогового органа нет нарушения прав налогоплательщика.

Суд апелляционной инстанции пришел к несколько иному выводу, что добытый налогоплательщиком концентрат является платиносодержащим, по наименованию основного драгоценного металла; содержание золота в концентрате составляет «незначительную долю» и, следовательно, к нему не может применяться пп.5 п.2 ст. 342 и пп. 2 п.3 ст. 342.8 НК РФ. Более того, суд указал, что позиция налогоплательщика основана на буквальном толковании п. 2 ст. 342 и п. 3 статьи 342.8 НК РФ, без учета норм НК РФ о виде добытого полезного ископаемого, налоговой базе, в связи с чем признается неверной.

Таким образом обе судебных инстанции посчитали, что вместо коэффициента 1 подлежит применению повышающий коэффициент 3,5 концентрат, добываемый Обществом, не является «содержащим золото», поскольку помимо золота там присутствуют металлы платиновой группы (суд первой инстанции), либо не является «содержащим золото», поскольку, хотя золото есть, но его в концентрате «мало» (суд апелляционной инстанции). Однако обе инстанции установили наличие золота в концентрате. Таким образом, судебные инстанции согласились, что можно разделить единый объект налогообложения на две условные части и что каждая должна облагаться НДС по отдельности. Сразу отметим, что данные позиции противоречат судебной практике, которая сформировалась за предшествующие года [5-7].

Авторская позиция сводится к тому, что в рамках рассмотрения указанных споров судебными инстанциями допущены судебные ошибки, которые выразились в нарушении норм материального права (НК РФ). Данное авторское утверждение основано на ниже приведенных доводах.

Подп. 13 п. 2 ст. 337 НК РФ определяет добытое полезное ископаемое как одно целое – концентрат, содержащий один или несколько драгоценных металлов, а не как отдельные драгоценные металлы, содержащиеся в добытом концентрате. Налоговая база по НДС для концентрата определяется как его стоимость (подп. 1 п. 2 ст. 338 НК РФ). Она рассчитывается исходя из сложившихся у налогоплательщика цен реализации химически чистого металла без учета НДС, уменьшенных на расходы налогоплательщика по его аффинажу и доставке до получателя (п. 5 ст. 340 НК РФ). Таким образом, содержание металлов в концентрате учитывается только при подсчете его общей стоимости (налоговой базы) [8].

В пп. 2 п. 3 ст. 342.8 НК РФ содержится перечень полезных ископаемых, в отношении которых рентный коэффициент принимается равным 1. К ним отнесены концентраты, содержащие золото. Таким образом, спорный правовой вопрос, которые надлежало решить судам, состоит в том, является ли добытое налогоплательщиком полезное ископаемое – «концентратом, содержащим золото». Если является, то ко всей налоговой базе, т.е. полной стоимости всего концентрата, должна применяться соответствующая ставка 6% и рентный коэффициент равный 1. В свою очередь, судами установлено, что добытый концентрат содержит несколько драгоценных металлов, включая золото. Из того, что в концентрате содержатся и другие драгоценные металлы, не следует, что такой концентрат не содержит золото. Такой подход не соответствует определению добытого полезного ископаемого согласно подп. 13 п. 2 ст. 337 НК РФ, который предусматривает содержание в концентрате как одного, так и нескольких драгоценных металлов, включая золото.

Довод суда апелляционной инстанции о том, что позиция налогоплательщика является неверной, т.к. основана на буквальном, а не системном толковании норм НК РФ, является не состоятельной, т.к. не соответствует правовой позиции, отраженной в Постановлении КС РФ от 23.05.2013 № 11-П: «участники налоговых правоотношений должны исходить прежде всего именно из буквального толкования налогового закона, поскольку налоговые правоотношения основаны на властном методе правового регулирования, требующем строгого следования тексту налогового закона, с тем чтобы была обеспечена полнота и своевременность взимания налогов и сборов с обязанных лиц и одновременно – надлежащий правовой характер связанной с изъятием средств налогообложения деятельности уполномоченных органов и должностных лиц». Таким образом, отказ суда апелляционной инстанции применить норму подп. 2 п. 3 ст. 348.2 НК РФ в её буквальном истолковании противоречит указанной правовой позиции КС РФ и правовым нормам, лежащим в ее основе: статье 57 Конституции Российской Федерации и статьям 2 и 3 НК РФ.

Судом первой инстанции неправильно применены нормы материального права: проведена замена терминов, используемых в тексте НК РФ («концентраты и другие полупродукты, содержащие золото»), на термины, которых в НК РФ нет (золотой, серебряный, золотосеребряный концентрат). В результате чего им была допущена ошибка в суждении, что по некому правовому определению, в концентрате, содержащем золото, исключается наличие металлов платиновой группы.

Эту ошибку суда первой инстанции попытался «исправить» суд апелляционной инстанции. Он согласился, что добытым полезным ископаемым являются концентраты, содержащие один или несколько драгоценных металлов, а не химически чистые металлы, получаемые по итогам аффинажа, но указал, что концентрат, добытый Обществом, не может быть признан

«концентратом, содержащим золото», поскольку основным драгоценным металлом, содержащимся в концентрате, является платина, а доля золота является «незначительной». Для того, чтобы как-то обосновать правовую значимость своего тезиса о «незначительной доле золота», суд апелляционной инстанции без правовых оснований сослался на нормативно-технический акт, регулирующий иные общественные отношения и не применимый при исчислении налогов: «ГОСТ Р 52793-2007. Национальный стандарт Российской Федерации. Металлы драгоценные. Термины и определения». В примечании к п. 7 ГОСТа указано, что наименования отдельных типов концентратов могут отражать наличие в них основного драгоценного металла, например, «золотосодержащий концентрат». Ссылка на положения этого ГОСТа была приведена судом в своем решении.

Однако судом не принято во внимание, что вопрос о пределах применения указанного ГОСТа для целей НДСИ был рассмотрен в Постановлении Президиума ВАС РФ от 12.11.2013 № 8090/13: «термины и определения, содержащиеся в разделе 2 Национального стандарта Российской Федерации «Металлы драгоценные. Термины и определения», утвержденного приказом Ростехрегулирования от 24.12.2007 № 388-ст, рекомендованы для применения при проведении работ по стандартизации, а глава 26 Налогового кодекса не предусматривает возможность изменения налоговых обязательств в зависимости от [содержания стандарта]».

Таким образом, суды без законодательной основы использовали термин «основной драгоценный металл». Нормы главы 26 НК РФ не предусматривают возможность изменения налоговых обязательств в зависимости от того, какой драгоценный металл в добытом концентрате является основным. Следовательно, вывод судов о том, что данное полезное ископаемое не является «концентратом, содержащим золото», в силу его не «основной» роли в концентрате, не соответствует закону и правовой позиции Президиума ВАС РФ о применении вышеуказанного ГОСТа для целей исчисления НДСИ.

Аналогичная ситуация просматривается и в части утверждения суда апелляционной инстанции о «незначительной» доле золота в добытом концентрате, т.к. оно является субъективным и нормативно не подтвержденным. Напротив, акты технического регулирования золотодобычи в России подтверждают, что имеющегося содержания золота в концентрате, добываемом Обществом, более чем достаточно для признания этого концентрата золотосодержащим. Так, например, Приложением № 18 к распоряжению МПР России от 05.06.2007 № 37-р указано, что, согласно сложившейся отечественной практике, минимальное содержание золота в концентрате составляет 50 грамм на 1 тонну, в то время как из материалов дела следует, что содержание золота в концентрате, добываемом налогоплательщиком, существенно превышает величину, минимально достаточную для признания концентрата золотосодержащим.

Более того, необходимо учесть весьма важный аспект. Если согласиться с доводами и выводами суда первой инстанции, то в этом случае принятые судебные акты будут противоречить п. 12 ст. 342.8 НК РФ, согласно которому: «В случае, если в отношении добытого полезного ископаемого в соответствии с настоящей статьей рентный коэффициент $K_{\text{рента}}$ может принимать несколько значений, в целях налогообложения налогом такого полезного ископаемого используется наименьшее из таких значений».

Таким образом, исходя из положений п. 12 ст. 342.8 НК РФ, налоговый орган, а затем и суд первой инстанции, в противоречие собственной позиции о том, что к данному единому объекту налогообложения рентный коэффициент $K_{\text{рента}}$ может принимать несколько значений (одновременно 3,5 и 1), приняли противоправные решения и, как результат, в нарушение ст. 109 НК РФ налогоплательщик был привлечен к административной ответственности.

Литература и источники

1. Алешкова И.А., Власова Т.В. К вопросу о признаках и принципах правового государства // Аграрное и земельное право. 2019. №12 (180).
2. Атжанова Ж.С. Формирование теории правового государства и основные признаки современной конституционной модели правовой государственности // Социально-экономические явления и процессы. 2017. №4.
3. См. напр.: Федеральный закон от 15 октября 2020 г. N 342-ФЗ «О внесении изменений в главы 25.4 и 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2020. 20 октября. N 236.
4. Крутаков Л. Зачем повышать налоги на сырьевые отрасли // Forbes. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/410087-zachem-povyshat-nalogi-na-syryevye-otrasli>
5. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 февраля 2014 г. N Ф03-6718/13;

6. Решение Арбитражного суда Красноярского края от 21 октября 2014 г. по делу N А33-15595/2014
7. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 17 февраля 2015 г. N 03АП-6755/14.
8. Митропольский П.Б. Проблемы формирования налоговой базы НДС при добыче драгоценных металлов // Налоговая политика и практика. 2014. № 9(141). С. 21-25.

References and Sources

1. Aleshkova I.A., Vlasova T.V. K voprosu o priznakah i principah pravovogo gosudarstva // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2019. №12 (180).
2. Atzhanova Zh.S. Formirovanie teorii pravovogo gosudarstva i osnovnye priznaki sovremennoj konstitucionnoj modeli pravovoj gosudarstvennosti // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2017. №4.
3. Sm. napr.: Federal'nyj zakon ot 15 oktyabrya 2020 g. N 342-FZ «O vnesenii izmenenij v glavy 25.4 i 26 chasti vtoroj Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Rossijskaya gazeta. 2020. 20 oktyabrya. N 236.
4. Krutakov L. Zachem povyshat' nalogi na syr'evye otrasli // Forbes. [elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/410087-zachem-povyshat-nalogi-na-syreve-otrasli>
5. Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Dal'nevostochnogo okruga ot 26 fevralya 2014 g. N F03-6718/13;
6. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnoyarskogo kraja ot 21 oktyabrya 2014 g. po delu N А33-15595/2014
7. Postanovlenie Tret'ego arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 17 fevralya 2015 g. N 03AP-6755/14.
8. Mitropol'skij, P. B. Problemy formirovaniya nalogovoj bazy NDPI pri dobyche dragocennyh metallov // Nalogovaya politika i praktika. 2014. № 9(141). S. 21-25.

ШКОЛИК ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, кафедра социально-экономических дисциплин, Уральский юридический институт МВД России (o.shkolik@mail.ru)
SHKOLIK, OLEG A. – Ph.D. in Economics, Associate Professor of the Department of socio-economic disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (o.shkolik@mail.ru)

УДК 347.91

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-157-163

КОРШАКОВА К.В.

**О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПРИНЦИПА ИСТИНЫ С ИНЫМИ ПРИНЦИПАМИ
ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (В АСПЕКТЕ СУДЕБНОГО
ДОКАЗЫВАНИЯ)**

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, ключевые принципы, принцип истины, содержание судебной истины, взаимодействие принципа истины с ключевыми принципами, тенденции развития принципа истины.

В ГПК РФ отсутствует упоминание о принципе истины. Такое положение возникло в связи с дискусионностью значения истины в российском судопроизводстве. В статье, с использованием системно-сравнительного подхода, проводится анализ действия начала истины в современный период, взаимодействия принципа истины с ключевыми принципами судопроизводства, их соотношения и гармонизации действия в судопроизводстве. Сделан вывод, что принцип истины играет важную роль в судопроизводстве, связанную с его смыслом и предназначением – обеспечением гражданских прав, свобод и законных интересов. Принцип истины органично взаимосвязан с ключевыми принципами гражданского судопроизводства. Являясь элементом системы принципов гражданского процесса, он ограничивается принципами состязательности и равноправия сторон, однако подкрепляется принципами независимости суда, законности, гласности судебного разбирательства и другими. Установление подлинных («верных»), «адекватных», «точных») обстоятельств гражданского дела – непереносимое условие вынесения законного и обоснованного судебного решения. Действующее гражданское процессуальное законодательство недостаточно подробно регламентирует порядок и условия достижения истины по гражданскому делу. Более того, достижение объективной и формальной истины сочетается в практике отечественного гражданского судопроизводства, но законодатель не предусмотрел юридических гарантий принципа истины. К таковым могут быть отнесены право суда на истребование и собирание доказательств по собственной инициативе, при недостаточности представленных сторонами доказательств, закрепление принципа истины в нормах ГПК РФ. Современные тенденции развития принципа истины связаны с целесообразностью законодательного закрепления материальной (объективной) истины. В качестве первого шага – легализация принципа истины возможна в руководящем постановлении пленума высшей судебной инстанции.

KORSHAKOVA, K.V.

**ON THE INTERACTION OF THE PRINCIPLE OF TRUTH WITH OTHER PRINCIPLES OF CIVIL PROCEEDINGS
(IN THE ASPECT OF JUDICIAL EVIDENCE)**

Key words: civil proceedings; key principles; the principle of truth; the content of judicial truth; interaction of the principle of truth with key principles; trends in the development of the principle of truth.

There is no mention of the principle of truth in the Civil Procedure Code of the Russian Federation. This situation arose in connection with the controversial nature of the meaning of truth in court proceedings. The article, using a system-comparative approach, analyzes the effect of the beginning of truth in the modern period, the interaction of the principle of truth with the key principles of judicial proceedings, their correlation and harmonization of action in judicial proceedings. It is concluded that the principle of truth has an important role in legal proceedings related to its meaning and purpose - ensuring civil rights, freedoms and legitimate interests. The principle of truth is organically interrelated with the key principles of civil proceedings. Being an element of the system of principles of civil procedure, it is limited by the principles of competition and equality of the parties, but is supported by the principles of independence of the court, legality, publicity of judicial proceedings and others. The establishment of genuine ("true", "adequate", "accurate") circumstances of a civil case is an indispensable condition for the issuance of a lawful and reasonable judicial decision. The current civil procedural legislation does not regulate in sufficient detail the procedure and conditions for achieving the truth in a civil case. Moreover, the achievement of objective and formal truth is combined in the practice of domestic civil proceedings, but the legislator has not provided legal guarantees of the principle of truth. These may include the right of the court to claim and collect evidence on its own initiative, if the evidence presented by the parties is insufficient, and the consolidation of the principle of truth in the norms of the CPC of the Russian Federation. Modern trends in the development of the principle of truth are associated with the expediency of legislative consolidation of material (objective) truth. As a first step, the legalization of the principle of truth is possible in the guiding resolution of the plenum of the highest judicial instance.

Вопросы истины в юрисдикции не перестают волновать научное сообщество [1]. Принцип истины – традиционный принцип правосудия в различные эпохи, свойственный различным государствам наряду с иными основополагающими принципами судопроизводства. Ключевые принципы гражданского процесса в России перечисляются и раскрываются прежде всего в главе 1 раздела I ГПК РФ: осуществление правосудия исключительно судами; равенство всех перед законом и судом; независимость судей; гласность судебного разбирательства; состязательность и равноправие сторон (ст. ст. 5, 6, 8, 10, 12 ГПК РФ). Однако к числу ключевых относятся также иные принципы, хотя бы прямо и не закрепленные в главе 1 ГПК РФ. Так, принцип истины прямо не закреплён в ГПК РФ [2, с. 62]. Аналогичным образом обстоит дело также с принципом диспозитивности, принципом процессуальной экономии, принципом добросовестности лиц, участвующих в деле [3] и др. Вместе с тем, нормы о ключевых принципах судопроизводства, конкретизирующие их содержание, обычно находят закрепление в общих положениях гражданского процессуального законодательства [4].

Перечисленные принципы гражданского процесса являются основополагающими началами гражданского процессуального законодательства РФ. Они призваны способствовать справедливому судебному разбирательству, принятию законного и обоснованного судебного решения на основе принципа судебной истины – установления подлинных («верных», «адекватных», «точных») обстоятельств гражданского дела, имеющих значение для судебного разбирательства. Совокупность принципов гражданского процесса составляет целостную систему фундаментальных начал гражданского судопроизводства. В частности, возложение функции отправления правосудия исключительно на суд связано с легальным признанием суда конечной инстанцией рассмотрения любых споров на территории Российской Федерации: поскольку суд, таким образом, становится ключевым субъектом познания обстоятельств соответствующих гражданских дел, реализация правосудной функции судом тесно связана с принципом установления истины – подлинное правосудие невозможно вопреки принципам законности и истины, а также равенства участников гражданского судопроизводства. Примечательно, что судебная истина ограничивается лишь рассмотрением и разрешением судебных дел, то есть, наиболее сложных и острых споров (правовых конфликтов), доведённых до судебного разбирательства.

Судопроизводство ранее существовало, по сути, как следственное производство. Суд собирал доказательства, иные сведения об обстоятельствах дела без ведома сторон и иных участвующих в деле лиц. Советский гражданский процесс основывался на следственности, необходимости установления объективной истины по делу. Однако чрезмерная роль суда ещё в Российской Империи приводила к коррупции внутри судейского корпуса, росту бюрократии и волокиты. В советское время это преодолевалось, в том числе, прокурорским надзором за исполнением законов судьями и гражданами, однако подобный подход был чреват чрезмерным государственным регулированием и ролью прокуратуры, ростом числа должностных злоупотреблений в органах прокуратуры, иных правоохранительных структурах [5, с. 115].

Принципы состязательности и следственности традиционно применяются в рамках судопроизводства в целях установления объективной истины. Следственное начало ограничено принципом состязательности сторон, и наоборот. Вместе с тем, не следует смешивать категории формальной истины и состязательности, принцип объективной истины и следственные начала в рамках отправления правосудия. Устность, непосредственность судебного разбирательства, независимость судов от иных органов государственной власти, упрощение устройства судебной системы, предоставление сторонам и иным участникам дела, юридических гарантий, связанных с публичностью, состязательностью, равноправием и самостоятельностью сторон, воплощают французский путь развития гражданского судопроизводства. В Германии состязание первоначально было основано на обязанности сторон вносить всю письменную документацию в реестр, следить за документированием показаний свидетелей. В отличие от Франции, адвокаты преимущественно составляли процессуальные акты, а защита интересов сторон была вспомогательной задачей. Суд ограничивался рассмотрением предъявленных требований и документов. Между тем, в XX – начале XXI вв. доктрина процессуального права пришла к заключению, что состязательность – путь к оптимальному соотношению полномочий в рамках производства по делу. В частности, основная задача суда заключается в проверке выводов сторон,

сделанных на основании юридических фактов и норм права, но не самостоятельная детализация норм [2, с. 65]. Таким образом, суд не обязан вмешиваться в частную жизнь, иным образом собирать доказательства, он не обязан устанавливать те или иные фактические данные. Функция суда состоит в учёте сведений, послуживших основанием для тех или иных выводов сторон. Перечисленные принципы способствуют установлению подлинных юридических фактов.

В современных условиях принципы состязательности, равноправия и диспозитивности призваны создавать условия для установления объективной истины по гражданскому делу. Состязательное начало обеспечивает суду возможность беспристрастной, объективной оценки доказательств, что является одной из гарантий установления объективной истины по гражданскому делу. Беспристрастное восприятие и оценка судом действий сторон по сбору и представлению доказательственного материала, тогда как принципы следственности и в значительной мере объективной истины принуждают суд поддерживать позицию истца или ответчика, что во многом лишает гражданский процесс объективности [6, с. 18].

Некоторые приверженцы принципа состязательности были не согласны с тем, что она осложняет раскрытие материальной правды, полагая, что стороны более иных участников гражданского судопроизводства заинтересованы в установлении юридических фактов и других обстоятельств дела. Участники спора, будучи заинтересованы в достижении собственных целей, стремились установить и представить суду факты, обосновывающие их правоту или опровергающие доводы оппонента. Если одна из сторон приведёт ложные сведения, другая сторона, обнаружив ложь, восстановит истину. Суд, как беспристрастный арбитр, не заинтересован в раскрытии материальной истины ни лично, ни как представитель государственной власти, для которой не имеет реального значения, кто из участников разбирательства одержит победу. Суду важно, чтобы спор был рассмотрен и разрешён без нарушения требований процессуального закона, а также норм материального права. Впрочем, противники идеи «чистой» состязательности с частью подобных доводов не согласны. Это касается наличия публичного интереса государства в поддержании законности и правопорядка, восстановлении нарушенных правоотношений. «Принцип состязательности ограничивает доказательственный материал, подлежащий исследованию в суде, поскольку стороны могут представлять доказательства по своему выбору. Вследствие этого правоприменительный акт может оказаться неистинным или несправедливым. Однако обязанность суда постичь материальную истину по делу сохраняется. В связи с этим он должен обладать свободой исследования всех обстоятельств дела и доказательств, не ограничиваясь лишь теми, которые представили стороны и иные лица, участвующие в деле» [7, с. 125]. Состязательность, согласно приведённому подходу, только формально обосновывается интересами сторон, на деле их не обеспечивая.

Данный подход не лишён смысла, учитывая возможность недобросовестного поведения участников судебного разбирательства. Принцип состязательности ограничивается волеизъявлением и инициативой сторон: в случае сокрытия или фальсификации сторонами фактов, доказательственных материалов (например, стороны фактически не несут юридической ответственности за ложные объяснения), достижение истины невозможно.

На практике стороны, как правило, неравны по социальному положению и экономическим возможностям, уровню образования и т.д. Принцип состязательности нередко способствует уходу от ответственности виновных лиц. Следовательно, состязательность, без принципа объективной истины, не обеспечит необходимой достоверности фактов. Учитывая эти факторы, ГПК РСФСР 1923 г. ограничил состязательное начало (гл. XIII. «О доказательствах» и др.) [8], тогда как ГПК РСФСР 1964 г. вновь признал состязательность одним из принципов гражданского процесса (гл.6. «Доказательства») [9]. Органично взаимосвязана с принципом состязательности и диспозитивность. Этот принцип специфичен, его свойства зависят от конкретной отрасли права, то есть, сферы социальных отношений, гражданских, трудовых, семейных, жилищных, земельных и т.д. Цель гражданского судопроизводства заключается в защите прав участников гражданских правоотношений. Диспозитивность преобладает в частных отношениях в области материального права, тогда как его применение в цивилистическом процессе ограничено ролью суда, более заметной ролью императивного метода в процессуальном праве в целом, по сравнению с отраслями частного материального права [2, с. 67].

С.Ф. Афанасьев выделяет гносеологический, социальный и юридический аспекты диспозитивности. Первый основан на активности и целеполагании личности, второй – на социальной свободе индивидуума, а юридический аспект состоит в степени свободы, определяемой нормами права. Принцип диспозитивности в гражданском судопроизводстве может быть осуществлён «в свете обеспечения механизма движения гражданского процесса. Сфера действия данного принципа распространяется на элементы активности и состязательности уполномоченных органов и должностных лиц, поскольку они должны дополнять деятельность заинтересованных лиц, но не подменять её, как предлагалось советской процессуальной доктриной» [5, с. 124].

В отдельных случаях диспозитивность осложняет установление истины в суде. Это связано с признанием иска, заключением мирового соглашения, применением альтернативных средств разрешения гражданских споров, иными процессуальными процедурами, однако зависит от воли сторон. Суд проверяет истинность фактов, являющихся основанием для утверждений сторон спора и иных участвующих в деле лиц, но не определённых самим судом, и в зависимости от этого разрешить дело, применив норму материального права (по взаимосвязи частей 1 и 3 ст. 56 ГПК РФ). Положения ст. 56 ГПК РФ создают основу состязательного процесса, а суд использует представленные сторонами сведения в целях вынесения законного и обоснованного решения [7, с. 128]. Однако ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, например, не предусматривает права суда на совершение самостоятельных действий по сбору доказательств, если представленного сторонами материала недостаточно для вынесения решения. В ряде случаев существует риск вынесения судами необоснованных решений лишь потому, что суды лишены права собирать доказательства по собственному усмотрению.

Следовательно, как правильно отмечает С.Ф. Афанасьев, неотъемлемое право сторон на предоставление доказательств в свете принципов состязательности и диспозитивности гражданского судопроизводства в том виде, в котором оно существует, составляет определённую коллизию, а доказательства используются сторонами в той мере, в которой они отвечают их личным интересам [5, с. 96].

Следует учитывать опыт зарубежных государств, где данная проблема решается несколькими способами. Первый способ (Германия) основан на предоставлении судам права на сбор доказательств, а стороны обязываются предоставить все доказательства до начала судебного разбирательства, во Франции – на существовании должности судей по подготовке дела, наделённых правом истребовать доказательства у сторон. В данном случае законодатели стремятся сочетать активность сторон и инициативу суда, во избежание судебных ошибок и достижения достоверности фактов. Второй способ заключается в раскрытии материалов гражданского дела, будучи присущ англо-американской правовой семье. Недостатки принципа состязательности и пассивность суда в сборе доказательств компенсируются информационной открытостью судебного следствия. В обоих государствах гарантируется процедура раскрытия значительной части доказательственных материалов на взаимной основе [5, с. 129].

Приведённые способы подкрепляются в западных странах высокоорганизованной адвокатурой, фактически гарантирующей реальное процессуальное равноправие сторон и иных участников гражданского судопроизводства. Гражданскому судопроизводству на Западе известно право общественного интереса, связанного с доступностью судебной защиты. Лица, находящиеся в непростом материальном положении, могут пользоваться бесплатными или льготными юридическими услугами. В частности, в США функционируют юридические фирмы, профиль деятельности которых связан с оказанием юридической помощи по более низкой цене [5, с. 130]. В таких условиях принцип состязательности играет значимую роль в установлении объективной истины, но не в препятствовании ей.

Совершенствование гражданского судопроизводства в России предполагает необходимость учёта ряда факторов. Прежде всего, в современных условиях состязательные и следственные начала становятся всё более взаимосвязанными, их основное предназначение – служить установлению объективной истины по делу. Более того, установление истины по делу – одна из ключевых целей любой отрасли судопроизводства, а специфика гражданского процесса заключается в сочетании частно- и публично-правовых начал. Стороны не вправе распоряжаться доказательственным материалом по своему усмотрению, и принцип состязательности не может

быть использован как обоснование права сторон на сокрытие доказательств или свободу распоряжения ими.

Поскольку российская правовая система принадлежит к континентальной европейской правовой семье, России следует перенимать континентальный правовой опыт, затрагивающий определённое расширение функций и полномочий суда по собиранию и исследованию доказательств. Это связано с рисками пристрастности судьи, роста коррумпированности судейского корпуса, однако одновременно открывает перспективы, связанные с надлежащим рассмотрением и разрешением дела, независимо от финансовых возможностей и социального статуса сторон. Впрочем, в процессе сбора доказательств судья рискует принять позицию одной из сторон без дополнительных стимулов, утратив беспристрастность и объективность при рассмотрении дела [7, с. 128-129].

Равенство сторон перед законом и судом должно способствовать установлению истины по делу, с учётом позиций обеих сторон и всех обстоятельств гражданского дела. Суды основывают свои выводы исключительно на доказательствах, исследованных в судебном заседании (ч. 1 ст. 195 ГПК РФ). Равенство сторон нередко ограничивается формально-юридическими признаками, и суд, по смыслу ст. 196 ГПК РФ, обязан учитывать все обстоятельства, имеющие значение для разрешения гражданского дела. Никакие доказательства не обладают для суда заранее установленной силой (ч. 2 ст. 67 ГПК РФ).

Независимость суда от иных органов государственной власти подчёркивает его особую роль в урегулировании гражданских споров (ч. 1 ст. 120 Конституции РФ). Правосудие может осуществляться исключительно судами (ч. 1 ст. 118 Конституции РФ), создание чрезвычайных судов или внесудебных органов не допускается на территории России. Следовательно, именно суд является ключевым субъектом процессуальных правоотношений, единственным арбитром, призванным решать спор на условиях состязательности и равноправия сторон. Никакой другой орган, должностное лицо не вправе влиять на суд, препятствовать установлению судом истины по делу. Федеральный законодатель сохранил определённые инструменты судебного следствия, связанные с принятием судом как промежуточных, так и итоговых судебных актов [10, с. 73].

Гласность судебного разбирательства основана на открытости судебного разбирательства во всех судах за изъятиями, установленными федеральным законом (ст. 10 ГПК РФ). Данный принцип обеспечивает определённый общественный контроль за принимаемыми судом решениями, процессуальными действиями сторон и иных лиц, участвующих в деле. Ход разбирательства может фиксироваться средствами аудиозаписи, а с разрешения суда – и иными средствами. Принципиально свободный доступ граждан к участию в судебных заседаниях в качестве наблюдателей является условием справедливого, открытого рассмотрения и разрешения гражданского дела.

Принцип судебной истины – одно из фундаментальных начал всякого правосудия. Будучи одним из важных элементов совокупности принципов гражданского процесса, данный принцип направлен на обеспечение принятия законного решения, основанного на подлинных обстоятельствах дела, при условии равноправия и состязательности сторон. Оптимальное соотношение основных принципов гражданского судопроизводства – одна из важных гарантий вынесения законного и обоснованного решения судом, соответствующего принципу объективной истины по делу [11, с. 69].

Полномочия суда по установлению объективной истины нуждаются в определённом расширении и уточнении. Однако принятие подобных мер потребует определённого времени, связанного с законотворческой деятельностью, последующим развитием правовых механизмов и юридических гарантий принципа объективной истины, приданием устойчивости вновь принятым нормам процессуального законодательства. Проблема установления истины по гражданскому делу недостаточно освещена и в рамках современной отечественной правовой доктрины. Тем не менее, последовательная реализация рассматриваемого принципа связана с комплексным, гармоничным развитием законодательства РФ на основе конституционных и отраслевых принципов процессуального права, правоприменительной практики и гражданской процессуальной доктрины.

Таким образом, принцип истины играет важную роль в гражданском судопроизводстве, во многом связанным с его смыслом и предназначением – обеспечением прав, свобод и законных

интересов участников гражданских процессуальных правоотношений. Судебная истина, или истина в гражданском судопроизводстве, является адекватным знанием о подлинных юридических фактах и иных обстоятельствах дела, отражающее реальное положение дел и получаемое в результате производства по гражданскому делу.

В современных условиях принцип объективной истины во многом замещается формальной истиной, подкреплённой принципами состязательности, диспозитивности, иными началами гражданского судопроизводства. Вместе с тем, следственные начала гражданского процесса во многом сохранены, более того, в идеале – формальная истина должна способствовать установлению истины материальной.

Принцип истины органично взаимосвязан с ключевыми принципами гражданского судопроизводства. Являясь элементом системы принципов гражданского процесса, он ограничивается принципами состязательности и равноправия сторон, однако подкрепляется принципами независимости суда, законности, гласности судебного разбирательства и другими. Установление подлинных («верных», «адекватных», «точных») обстоятельств гражданского дела – неперемнное условие вынесения законного и обоснованного судебного решения.

Действующее гражданско-процессуальное законодательство недостаточно подробно регламентируют порядок и условия достижения истины по гражданскому делу. Более того, достижение объективной и формальной истины сочетается в практике отечественного гражданского судопроизводства, но законодатель не предусмотрел юридических гарантий принципа истины. К таковым могут быть отнесены право суда на истребование и собирание доказательств по собственной инициативе, при недостаточности представленных сторонами доказательств, закрепление принципа истины в нормах ГПК РФ.

Современные тенденции развития принципа истины связаны с целесообразностью законодательного закрепления материальной (объективной) истины. В качестве первого шага – легализация принципа истины возможна в руководящем постановлении пленума высшей судебной инстанции.

Литература и источники

1. Материалы круглого стола «Истина в юрисдикционных производствах» (2015) // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://e.ugpr.ru/book?bid=21737#30804> (дата обращения: 23.02.2022).
2. Аргунов В.В., Салогубова Е.В. Развитие теории формальных доказательств и её влияние на современное гражданское судопроизводство // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 59-95.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2021 года № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30629/> (дата обращения: 23.02.2022).
4. Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238> (дата обращения: 23.02.2022).
5. Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. 216с.
6. Туленков Д.П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 189 с.
7. Полич С.Б. К вопросу о соотношении некоторых принципов гражданского права и гражданского процессуального права // Проблемы права. 2014. № 3. С. 125-129.
8. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://museumreforms.ru/node/13953> (дата обращения: 23.02.2022).
9. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dikipedia.ru/document/5161003> (дата обращения: 23.02.2022).
10. Крупейников К.В. Теоретические основы принципов гражданского процессуального права // Право и государство: теория и практика. 2015. № 5. С. 74-77.
11. Богданович С.П. Практическое применение принципов гражданского процессуального права // Власть Закона. 2015. № 3. С. 66-74.

References and Sources

1. Materialy kruglogo stola «Istina v yurisdiksiionnykh proizvodstvakh» (2015) // [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <https://e.ugpr.ru/book?bid=21737#30804> (data obrashcheniya: 23.02.2022).
2. Argunov, V.V., Salogubova, Ye.V. Razvitiye teorii formal'nykh dokazatel'stv i yeyo vliyaniye na sovremennoye grazhdanskoye sudoproizvodstvo // Vestnik grazhdanskogo protsesssa. 2019. № 1. S. 59-95.
3. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 23 dekabrya 2021 goda № 46 «O primeneniі Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii pri rassmotrenii del v sude pervoy instantsii» // [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/30629/> (data obrashcheniya: 23.02.2022).
4. Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Respubliki Belarus' 1999 g.. [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238> (data obrashcheniya: 23.02.2022).
5. Afanas'yev, S.F. Problema istiny v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1998. 216s.
6. Tulenkov, D.P. Poznavatel'istiny v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1998. 216s.
7. Polich, S.B. K voprosu o sootnoshenii nekotorykh printsipov grazhdanskogo prava i grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Problemy prava. 2014. № 3. S. 125-129.

8. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks RSFSR 1923 g. // [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <http://museumreforms.ru/node/13953> (data obrashcheniya: 23.02.2022).
9. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks RSFSR 1964 g. // [Elektronnyy resurs] Rezhim dostupa: <https://dokipedia.ru/document/5161003> (data obrashcheniya: 23.02.2022).
10. Krupenyukov, K.V. Teoreticheskiye osnovy printsipov grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. № 5. S. 74-77.
11. Bogdanovich, S.P. Prakticheskoye primeneniye printsipov grazhdanskogo protsessual'nogo prava // Vlast' Zakona. 2015. № 3. S. 66-74.

КОРШАКОВА КАТАРИНА ВИКТОРОВНА – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского и административного судопроизводства, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (katarina_ktr@mail.ru).

KORSCHAKOVA, KATARINA V. – Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil and Administrative Justice, North-Caucasian branch of Russian State University of Justice.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.4

DOI: 10.24412/2411-2275-2023-2-163-167

БЕЛЯСОВ С.Н.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Ключевые слова: Конвенция, Международный договор, преступление, уголовный кодекс, решения международных органов, Совет безопасности ООН, обычное право.

В статье предпринята попытка анализа международных договоров (соглашений), как документов, лежащих в основе межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступлениями, и определяющих его характер. Выявлены основные виды источников международного права, которые наиболее эффективно влияют на борьбу с преступлениями. Показано, что международное сотрудничество в борьбе с преступностью определяется прежде всего системой двусторонних и многосторонних договоров, заключенных на основе признанных международно-правовых норм. Наряду с ними важное значение имеют также комплексные и иные международные соглашения в борьбе с преступностью, которые в настоящее время носят преимущественно комплексный характер и, соответственно, включают в себя несколько форм международного сотрудничества стран-участников такого соглашения.

BELYASOV, S.N.

GENERAL CHARACTERISTICS AND CLASSIFICATION OF SOURCES OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST CRIME

Key words: Convention, International treaty, crime, criminal Code, decisions of international bodies, UN Security Council, customary law.

The article attempts to analyze international treaties (agreements) as documents that underlie interstate cooperation in the field of combating crimes and determine its nature. The main types of sources of international law, which most effectively influence the fight against crimes, are identified. It is shown that international cooperation in the fight against crime is determined primarily by a system of bilateral and multilateral agreements concluded on the basis of recognized international legal norms. Along with them, complex and other international agreements in the fight against crime are also of great importance, which at present are predominantly complex in nature and, accordingly, include several forms of international cooperation between the countries participating in such an agreement.

Одной из классификаций источников международного взаимодействия в борьбе с преступностью является критерий – форма объективизации, в соответствии с которой все источники делят на международно-правовые акты и обычаи. В свою очередь, международно-правовые акты подразделяют на 3 большие группы:

- международные договоры, в том числе пакты, соглашения, конвенции, протоколы, меморандумы;
- решения международных органов, таких как Совет Безопасности ООН, Комитет министров Совета Европы и др.;
- решения международных организаций, в том числе резолюции, постановления, декларации [1, с. 23].

Ключевым источником международного сотрудничества в борьбе с преступностью выступает договор. В связи с этим, каждое государство - участник международных отношений, вырабатывая свою программу международного сотрудничества, обязано это закрепить соответствующей системой договоров, определяющих порядок такого взаимодействия. Анализ международной практики показывает, что международно-правовая база в борьбе с преступностью, насчитывает большой объем таких соглашений (договоров). Договор включает в себя и закрепляет международно-правовые нормы, что свидетельствует о его преимуществе над иными источниками

международного взаимодействия в сфере борьбы с преступностью, в том числе над обычаем и судебным прецедентом. В зависимости от числа сторон, все международные договоры подразделяются на многосторонние и двусторонние. Соответственно, в двусторонних участвует две стороны, в многосторонних – три и более сторон.

Практика показывает, что ряд многосторонних договоров отличаются большим количеством участников, заключающих договор. Например, договор «об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ)», заключенный в 1990 году, между Организацией Североатлантического договора (НАТО) и Организацией Варшавского договора (ОВД), включал две стороны и 22 участника (16 государств со стороны НАТО и 6 государств ОВД) [2].

Анализ международных договоров в рамках международного сотрудничества, позволяет выделить следующие виды:

- по субъектному составу, договоры с ограниченным количеством сторон, и так называемые, универсальные договоры. Такой вид договоров, имеет открытый характер, и любой субъект имеет возможность присоединиться к его участию;
- по объекту договора делятся на политико-экономические договоры, и договоры по специальным вопросам (узкая сфера регулирования).

Как верно отметил С.А. Егоров: «на современном этапе, международное сотрудничество реализуется в двух основных формах, а именно в рамках соглашений, и в рамках заключения их международными органами и организациями» [3, с. 636]. Исходя из этого, С.А. Егоров, предлагает свое видение источников такого сотрудничества:

- многосторонние международные договоры (соглашения). Например, к таким можно отнести «Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 года» [4], «Международная конвенция о борьбе с финансирование терроризма 1999 года» [5].
- договоры о взаимной правовой помощи по уголовным делам и экстрадиции;
- двусторонние соглашения, например, Договор между Российской Федерацией и США о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1999 года [6];
- межправительственные и межведомственные соглашения, например, соглашения, заключенные МВД России с подобными ведомствами других государств о сотрудничестве в данной сфере [3, с. 636].

В зависимости от содержания и охвата различных направлений и форм сотрудничества выделяют также комплексные и иные международные соглашения в борьбе с преступностью.

При этом необходимо отметить, что в настоящее время большинство соглашений носят комплексный характер и соответственно включают в себя несколько форм международного сотрудничества стран-участников такого соглашения. Например, ст. 19 Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года. В ней отмечается, государства-участники могут сами заключать двухсторонние или многосторонние соглашения по борьбе, расследования преступлений [4].

В противопоставление комплексным соглашениям, анализируя международную практику, Д.М. Губайдуллин делает вывод, что существуют нормы, относящиеся только к одной из организационно-правовых форм сотрудничества. Как пример, он выделяет «Европейскую конвенцию о выдаче 1957 года», которая охватывает только вопросы оказания правовой помощи в области уголовного судопроизводства [7, с. 54]. В.А. Уткин разделяет международные акты по широте распространения и действия на региональные и общемировые. К последним автор относит те международные акты, которые распространяют действие на большинство государств. К таким документам, в частности, автор относит: Всеобщую декларацию прав человека, Устав Международной организации уголовной полиции. К региональным автор относит международные акты континентального действия, например, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма) [1, с. 21-22].

Анализ ряда международных документов в области борьбы с преступностью, позволяет сделать вывод, что их можно разделить на обязательные и не обязательные для исполнения, а также еще такой вид, как рекомендательные.

По содержанию выделяют:

- международные договоры общего характера, которыми регламентируется целый ряд направлений международного сотрудничества (гражданского, трудового, уголовного и т.д.). В

качестве примера можно привести Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенную 7 октября 2002 года;

– международные договоры по отдельным направлениям международного сотрудничества, которыми соответственно регламентированы соответствующие направления международного сотрудничества. В качестве примера можно привести – Конвенцию о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания, заключенную 6 марта 1998 года.

В научной литературе выделено три группы договоров о правовой помощи, заключаемых Российской Федерацией:

– о взаимном оказании правовой помощи (о взаимодействии) в целом, при этом в таких соглашениях предмет конкретизируется непосредственно в тексте соглашения;

– о взаимной правовой помощи применительно к отдельным отраслям (уголовному, уголовно-процессуальному, административному и др.) или совокупности отраслей права (наиболее распространенный вид – договора о взаимной правовой помощи по уголовным делам);

– о юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, которые непосредственно связаны с нахождением военной базы или воинских формирований России на территории соответствующего государства [8, с. 21].

Дальнейшее развитие международного сотрудничества в договорной сфере представляется, на наш взгляд, в разработке и утверждении единого универсального кодифицированного акта, который в настоящее время отсутствует.

Вместе с тем, не следует забывать о том, что значительное время, в момент становления и в период развития международного взаимодействия в сфере борьбы с преступностью, важнейшую роль как источник играл обычай. В первую очередь, это относится к правилам выдачи преступников, вопросам разграничения уголовной юрисдикции государств, а также законам и правилам ведения войны.

Необходимо отметить, что, несмотря на существенно возросшую роль международного договора, как основного источника международного взаимодействия в сфере борьбы с преступностью, обычные нормы и в настоящее время применяются государствами. Ярким примером обычая является принцип взаимности, который широко применяется государствами и иными субъектами международных отношений. Кроме того, статуты некоторых международных трибуналов делают прямую отсылку к обычаю, в тех случаях, когда речь идет о нарушениях законов и обычаев ведения войны [9, с. 73].

В настоящее время договоры и нормы обычного права в значительной степени переплетаются, поскольку многие договоры включают в себя отдельные положения обычного права. В то же время даже в случае переплетения норм договорного и обычного права, обычное право существует само по себе как самостоятельный источник международного права, в том числе в области борьбы с преступностью. Это связано в первую очередь с тем, что международное обычное право может заполнить потенциальные пробелы в договорном праве или помочь в их толковании. Весомый аргумент в пользу обычного права, является тот факт, что на практике суды и международные организации чаще обращаются к международному обычному праву, так как обычное право, является более гибким источником, способным реагировать на разные изменения в правоотношениях между субъектами международного права.

Важно отметить и то, что обычай, в отличие от того же договора, распространяется на все государства. В то же время нормы обычного права не являются «непреходимым фактором», и в случае существенного изменения обстоятельств на мировой арене, при которых субъекты международного права могут уклониться от обязательств, вытекающих из того или иного обычая.

Представляется важным отметить, что современный обычай представляет собой новый вид обычного права. Исходя из классификации норма обычного права и их роли в правоприменительной практике, это нормы, которые относятся к неписанным правилам, за которыми закрепляется определенная юридическая сила. Как отмечал М.А. Манукян: «современный обычай может формироваться не только посредством закрепления в каком-либо международном правовом акте, но и вне правовых актов, например, в резолюции международной организации по определенному вопросу» [10, с. 51].

Важным источником международного сотрудничества выступает национальное законодательство. Это связано с тем, что участники международного сотрудничества, как правило,

направляют запрос или иное обращение другому государству, в котором действует свое национальное законодательство. Поэтому во многих случаях именно нормы национального законодательства иностранного государства напрямую определяют ключевые для международного сотрудничества в борьбе с преступностью вопросы, в том числе: об уполномоченных на такое сотрудничество органах, порядок реализации такого сотрудничества, отдельные специальные условия применительно к соответствующим процедурам [11, с. 5].

В отдельных государствах приняты и реализуются специальные законы об экстрадиции и правовой помощи, учитываемые должностными лицами российских правоохранительных органов при направлении иностранному государству запроса о сотрудничестве.

Таким образом, источники международного сотрудничества в борьбе с преступностью являются весьма разнообразными. Ключевое место в современных реалиях занимает международный договор, который с течением времени все больше и больше вытесняет такой важный источник международного сотрудничества как обычай. Однако обычай все же продолжает оставаться источником международного сотрудничества в борьбе с преступностью, поскольку государства и иные субъекты международного права, в случае отсутствия договорной регламентации, в отдельных случаях активно используют именно обычай.

Эффективность международного сотрудничества каждого отдельного субъекта международного права во многом связана с его работой по заключению и реализации международных соглашений. Необходимо помнить о том, что важно не только заключить соглашение по тому или иному вопросу, но также и впоследствии реализовать положения такого соглашения в практической деятельности.

Литература и источники

1. Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью: учебное пособие. Томск: Изд-во НТЛ, 2017.
2. Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) и контроль над обычными вооружениями в Европе // Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/obshchie_voprosy_mezhdunarodnoy_bezопасnosti_i_kontrolya_nad_vooruzheniyami/1451020/ (дата обращения 18.05.2023)
3. Егоров С.А. Международное право: учебник 5-е издание, переработанное и дополненное. М.: «Статут», 2014.
4. Конвенция против транснациональной организованной преступности 2000 года // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения 18.05.2023)
5. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения 18.05.2023)
6. Договор между Российской Федерацией и США о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1999 года // Режим доступа: <https://base.garant.ru/2560434/?ysclid=lhsss90xip774972916> (дата обращения 18.05.2023)
7. Губайдуллин Д.М. Место международного договора в системе источников международного уголовного права // Новый юридический вестник. 2018. № 5 (7).
8. Максименко Е.И., Голощапова А.Г. Некоторые вопросы международного сотрудничества российских и зарубежных правоохранительных органов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 4.
9. Гигинейшвили М.Т. Международный обычай как источник международного права // Общество: политика, экономика, право. 2017. №6.
10. Манукян М.А. Понятие обычая как источника международного права // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательское право и управление. 2018. № 11 (102).
11. Ведерникова О.Н. Право международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 4.

References and Sources

1. Utkin V.A. Mezhdunarodnoe pravo bor'by s prestupnost'yu: uchebnoe posobie. Tomsk: Izd-vo NTL, 2017.
2. Dogovor ob obychnyh vooruzhyonnyh silah v Evrope (DOVSE) i kontrol' nad obychnymi vooruzheniyami v Evrope // Rezhim dostupa: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/obshchie_voprosy_mezhdunarodnoy_bezопасnosti_i_kontrolya_nad_vooruzheniyami/1451020/ (data obrashcheniya 18.05.2023)
3. Egorov S.A. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik 5-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: «Statut», 2014.
4. Konvenciya protiv transnacional'noj organizovannoj prestupnosti 2000 goda // Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (data obrashcheniya 18.05.2023)
5. Mezhdunarodnaya konvenciya o bor'be s finansirovanie terrorizma 1999 goda // Rezhim dostupa: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (data obrashcheniya 18.05.2023)
6. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i SShA o vzaimnoj pravovoj pomoshchi po ugovolnym delam 1999 goda // Rezhim dostupa: <https://base.garant.ru/2560434/?ysclid=lhsss90xip774972916> (data obrashcheniya 18.05.2023)
7. Gubajdullin D.M. Mesto mezhdunarodnogo dogovora v sisteme istochnikov mezhdunarodnogo ugovolnogo prava // Novyj yuridicheskij vestnik. 2018. № 5 (7).
8. Maksimenko E.I., Goloshchapova A.G. Nekotorye voprosy mezhdunarodnogo sotrudnichestva rossijskih i zarubezhnyh pravoohranitel'nyh organov // Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2020. № 4.
9. Giginishvili M.T. Mezhdunarodnyj obyčaj kak istochnik mezhdunarodnogo prava // Obschestvo: politika, ekonomika, pravo. 2017. №6.
10. Manukyan M.A. Ponyatie obyčaya kak istochnika mezhdunarodnogo prava // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'skoe pravo i upravlenie. 2018. № 11 (102).
11. Vedernikova O.N. Pravo mezhdunarodnogo sotrudnichestva v ugovolnom sudoproizvodstve // Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2020. № 4.

ПРАВО

БЕЛЯСОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин, Государственный гуманитарно-технологический университет (ГГТУ) (Belyasov_sergei@mail.ru).
BELYASOV, SERGEY N. – Ph.D. in Law, Associate Professor Department of the Public Law, State University of Humanities and Technology.

**КИРИЕВСКАЯ О.А., ЛИСТОПАДОВА Е.В., ТУРКУЛЕЦ С.Е.
МАГИСТРАТУРА В РОССИИ В СВЕТЕ ВЫХОДА ИЗ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Ключевые слова: высшее образование, магистратура, Болонский процесс, российская высшая школа.

В статье представлен обзор проблем, связанных с реализацией программ магистерской подготовки в России. Особое внимание уделено современному этапу реформирования российской высшей школы в свете выхода России из Болонского процесса. Авторы утверждают, что необходим достаточно длительный переходный период для адаптации к новой системе высшего образования в связи с наличием большого числа бакалавров, нуждающихся в обучении на программах магистерской подготовки для полноценного освоения соответствующего профиля деятельности и дальнейшего карьерного роста.

**KIRIEVSKAYA, O.A., LISTOPADOVA, E.V., TURKULETS, S.E.
MASTER STUDIES IN RUSSIA IN THE LIGHT OF EXIT FROM THE BOLOGNA PROCESS: PROBLEMS AND PROSPECTS**

Key words: higher education, magistracy, Bologna process, Russian higher school.

The article presents an overview of the problems associated with the implementation of master's degree programs in Russia. Particular attention is paid to the current stage of reforming the Russian higher education in the light of Russia's withdrawal from the Bologna process. The authors argue that a fairly long transitional stage to the new system of higher education is needed due to the presence of a large number of bachelors who need to study at master's programs for the full development of the relevant profile of activity and successful employment.

В настоящее время образование является важнейшим показателем развития государства и общества. Качественная подготовка высококвалифицированных специалистов обеспечивает надлежащее, гармоничное развитие общества. В Указе Президента РФ «О национальных целях развития России до 2030 года» определено, что одним из целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 году, является обеспечение присутствия Российской Федерации в числе десяти ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок, в том числе, за счет создания эффективной системы высшего образования [1]. Вместе с тем, очевидно, что имеющийся отечественный опыт и значительные достижения в сфере высшего школы не должны быть отвергнуты в контексте реформирования системы образования. Тем не менее, прозападные реформаторы оказались успешнее в своих устремлениях и к началу 2000-х годов стало ясно, что российское высшее образование переходит на новые «рельсы», практически перечеркивая традиционную систему подготовки высококвалифицированных кадров. Хочется подчеркнуть, что мы неоднократно отмечали необходимость серьезного критического осмысления зарубежного опыта реформирования высшего образования вместо его бездумного заимствования и копирования на российской почве [2-4], перспективы деградации всей системы образования в силу принципиальной «неприживаемости» у нас западных ценностей. На страницах авторитетного журнала «Философия образования» неоднократно высказывались схожие идеи [5, 6].

Дискуссии относительно роли и места магистратуры в системе высшего образования России ведутся почти четверть века, с момента начала реализации в вузах страны магистерских программ. Вместе с тем, в настоящее время вектор исследования перспектив магистерской подготовки существенно изменился в связи с выходом России из Болонского процесса и отказа от внедрения европейской модели высшего образования.

Традиционно переход российского высшего образования на уровневую систему принято связывать с присоединением России к Болонской декларации в сентябре 2003 года на Берлинской конференции министров образования стран-участниц Болонского процесса и ее обязательством воплотить в жизнь его основные принципы до 2010 г. Главным ориентиром вхождения в Болонский процесс для России был адекватный ответ вызовам глобализации, перспективы интеграции в мировое образовательное пространство и полноправное участие в создании транснациональной системы образования. Одной из задач, решаемых в рамках вхождения в Болонский процесс, стал переход российского высшего образования на двухуровневую (бакалавр-магистр) систему [7, с. 1]. Между тем, еще до официального присоединения России к Болонской декларации высшая школа страны начала движение в сторону международных стандартов образования. Большинство исследователей отмечают, что «в целом включение России в Болонский процесс представляло собой вариант ... «революции сверху»» [8, с. 8].

Следует также обратить внимание на то, что сложившаяся после попытки перехода на европейскую модель российская система высшего образования стала отличаться определенной

эклeктичностью. С одной стороны, вместо предлагаемых Болонской системой двух уровней, на деле действовали три уровня высшего образования (бакалавриат – магистратура – аспирантура), что официально было регламентировано нормативно-правовыми актами. С другой стороны, достаточно большой спектр направлений подготовки, в основном в области инженерии, медицины, искусства и культуры остался в традиционной для российского образования форме подготовки специалиста [9].

Кроме того, во многих случаях обучение в магистратуре стало для граждан способом получения, по сути, второго высшего образования, поскольку к поступающим не предъявляется требование о наличии базового профильного образования. В большей степени это коснулось экономических и юридических магистерских программ подготовки, на которые пошли обучаться лица с общегуманитарным или инженерным образованием. С одной стороны, это удобно для обучающихся, поскольку существенно сокращает срок получения второго высшего образования, а диплом магистра позволяет рассчитывать на выгодное трудоустройство. С другой, отсутствие базового профильного образования лишает обучающегося возможности, наравне с имеющими профильное образование, полноценно и качественно осваивать программу магистерской подготовки, которая не предусматривает необходимость адаптации неспециалистов в соответствующей области к конкретной проблематике и содержанию изучаемых дисциплин и специфике научно-исследовательской деятельности в определенной сфере. Эти вопросы регулярно поднимались на специализированных форумах разного уровня, в научных и научно-методических публикациях [10, 11].

Переход на двухуровневую систему во многом носил чисто формальный характер. Традиционная пятилетняя программа специалиста была «растянута» на шесть лет и поделена на два неравных блока: бакалавр (4 года) и магистр (2 года) при очной форме обучения. Изначально процесс освоения магистерских программ рассматривался как процесс получения академической степени и условие поступления в аспирантуру. Академическое сообщество позиционировало «родственные» (в рамках одного направления подготовки) бакалаврские и магистерские программы как обязательное логическое продолжение друг друга. Согласимся с мнением исследователей данного вопроса в том, что такой подход во многом предопределял и упрощал толкование преемственности между ними [12]. Однако, как нередко уже бывало в истории нашей страны, хорошее начинание и замысел были извращены и результат от их реализации сильно отличался от запланированного.

В свете последних событий, отказа России от европейской модели высшего образования, принятия целого ряда государственных решений относительно реформирования российской высшей школы, вышеуказанные проблемы приобрели особую остроту и обсуждаются на различных дискуссионных площадках. Все чаще слышатся предложения об ужесточении требования, как для поступающих в магистратуру, так и для организаций, реализующих магистерские программы. Так, министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков отмечает: «Все-таки не может быть магистратура реализована во всех без исключения российских вузах <...> Мы считаем, что регулятор должен иметь право отбора научных и образовательных, которые будут реализовывать программы магистратуры. Не в жесткой, возможно, в такой мягкой форме, но это должно быть. В любом случае, по-другому оцениваться, нежели сегодня» [13]. По его словам, правила приема в магистратуру также следует ужесточить и усовершенствовать, а главной проблемой реализации программ магистратуры министр считает невозможность обеспечить обучающимся надлежащий уровень сложности и углубленный уровень подготовки. Это, по его мнению, связано с отсутствием соответствующих кадров и учебно-лабораторной базы у ряда университетов.

В. Фальков предложил ввести два вида магистратуры в новой системе: академическую и профессиональную. Академическая магистратура - та, которая соответствует приоритетам научного развития, поэтому она в полной мере должна финансироваться за счет бюджета. «А вот профессиональная магистратура, имеющая своих прямых бенефициаров, допустим, работодателей из числа промышленных предприятий, она может и должна иметь гибкие системы финансирования, в том числе может софинансироваться крупными корпорациями», - подчеркнул В. Фальков [13]. Теперь программы магистратуры будут реализовываться не во всех российских вузах, Минобрнауки планирует проводить соответствующий отбор. Остается догадываться,

какими критериями будут руководствоваться руководители образовательного ведомства при решении вопроса о предоставлении прав реализации программ магистерской подготовки.

12 мая 2023 года Президент РФ Владимир Путин подписал указ о запуске пилотного проекта по реформе высшего образования в России с 2023 го по 2025 гг. в шести вузах страны [14]. Он будет реализован в МАИ, МИСиС, МПГУ, Санкт-Петербургском горном университете, Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта и Национальном исследовательском Томском государственном университете. Университеты должны до 30 июня 2023 года разработать и утвердить соответствующие образовательные стандарты и требования, а также программы высшего образования и аспирантуры. Вузы-участники пилота будут предоставлять ежегодный отчет о проделанной работе. Согласно документу, в новой системе устанавливаются новые уровни обучения: это непосредственно высшее образование - базовое и специализированное, а также профессиональное - аспирантура. Очевидно, что базовое включает в себя то, что ранее приравнивалось к бакалавриату и специалитету.

Под специализированной подготовкой понимается магистратура, ординатура и ассистентура-стажировка. Сроки обучения на разных уровнях составят: в базовом высшем - от четырех до шести лет, в магистратуре - от одного года до трех лет в зависимости от направления подготовки, специальности, конкретной квалификации, отрасли экономики или социальной сферы. Вместе с тем, из анализируемого документа многое остается неясным: каковы условия поступления на уровни специализированного высшего образования и профессионального образования, необходимо ли наличие профильной подготовки для поступления на указанные уровни, чем будет завершаться обучение в аспирантуре – защитой выпускной квалификационной работы и соответствующим дипломом о профобразовании или допуском к защите кандидатской диссертации и справкой об окончании аспирантуры и т.п.

Нам остается ждать результатов пилотного проекта, однако уже сейчас понятно, что запланированная реформа с переходом на новые уровни высшего образования будет реализована в ближайшее время и российскую высшую школу вновь ждет организационный «стресс», сопровождаемый необходимостью подготовки новых учебных планов, рабочих программ, ОПОП и множества сопутствующей документации. Даст ли все это положительный эффект, повысит ли качество подготовки специалистов – трудно сказать. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что подобные качественные изменения не должны осуществляться «наскоком».

Примером скороспелого и непроработанного в достаточной мере документа в контексте рассматриваемой нами темы можно считать Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343, где имеется, на наш взгляд, техническая, но по сути вопиющая опечатка, там, где говорится о реализации пилотного проекта в течение 2023-2024 и 2025-2026 уч.г. Как быть с 2024-2025 учебным годом? Его предполагается просто пропустить?

На наш взгляд, требуется длительный переходный период, чтобы тот, кто в свое время получил, например, диплом бакалавра, мог реализовать свое право на продолжение обучения в интересующей его сфере и по соответствующей программе магистерской подготовки для завершения полного образовательного цикла в целях дальнейшего успешного трудоустройства или продвижения по карьерной лестнице.

В завершение следует сказать, что достижения отечественной высшей школы, признаваемые на международном уровне, не должны уйти в небытие, необходимо бережно относиться к традициям российского образования и активно использовать его потенциал.

Литература и источники

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс
2. Аникеева Н.С., Листопадова Е.В., Туркулец С.Е. К вопросу о целесообразности системы менеджмента качества (СМК) в вузе // Философия образования. 2015. № 4 (61). С. 5-14.
3. Turkulets S.E., Bazenov R.I., Dimitrova S.V., Listopadova E.V., Turkulets A.V. The introduction of quality management system in the Russian higher education: problems and prospect // International Journal of Applied Engineering Research ISSN 0973-4562 Volume 10, Number 20 (2015), pp. 41143-41149.
4. Аникеева Н.С., Листопадова Е.В., Туркулец С.Е. Российская высшая школа: вчера, сегодня, завтра // Приоритеты развития социогуманитарного знания, экономики и права: научная дискуссия и эксперименты. Сб. материалов Международной науч.-практич. конференции (Кисловодск, 3-5 мая 2017 г.) под общ. ред. С.Е. Туркулец. М.: Научный консультант, 2017. С. 335-339.
5. Никитенко В.Н. Народное и инородное образование / В.Н. Никитенко // Философия образования. 2014. № 6(57). С. 143-153.
6. Ашилова М.С., Н.В. Наливайко Глобализация образования и глобальные вызовы современности // Философия образования. 2015. № 1 (58). С. 26-36.

7. Стукалова И.Б. Развитие магистратуры в России: предпосылки, проблемы и перспективы // Современное образование. 2018. № 3. С. 1-8.
8. Гребнев Л.С. Нынешний раунд Болонского процесса: Россия и не только... (по работам В.И. Байденко и Н.А. Селезнёвой) // Высшее образование в России. 2018. № 1 (219). С. 5-18.
9. Мотовилов О.В. Проблемы подготовки кадров в магистратуре // Высшее образование в России. 2016. № 2 (198). С. 38–45.
10. Сирик Н.В. Магистратура по юриспруденции: проблемы реализации программ для обучающихся с непрофильным образованием // Актуальные проблемы вузовского юридического образования: материалы международного круглого стола, посвященного 110-летию ВГУ имени П. М. Машерова, Витебск, 20 мая 2021 г. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: А. А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 51-54.
11. Кокамбо Ю.Д. Проблемы реализации ФГОС высшего образования по направлению подготовки 40.04.01 «юриспруденция» (уровень магистратуры) в отношении лиц, не имеющих базового юридического образования // Ю.Д. Кокамбо, О.В. Скоробогатова // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 82. С. 29-31.
12. Сенашенко В.С., Пыхтина Н.А. Преемственность бакалавриата и магистратуры: некоторые ключевые проблемы // Высшее образование в России. 2017. № 12 (218). С. 13-25.
13. В Минобрнауки хотят лишить вузы магистратуры [Электронный ресурс]. - <https://ruinformer.com/page/v-minobrnauki-rf-hotja-lishit-vuzy-magistratury> Дата обращения 24.04.2023
14. О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования: Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс

References and Sources

1. O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: ukaz Prezidenta RF ot 21.07.2020 № 474 [Elektronnyj resurs]// SPS Konsul'tantPlyuc
2. Anikeeva N.S., Listopadova E.V., Turkulec S.E. K voprosu o celesoobraznosti sistemy menedzhmenta kachestva (SMK) v vuze // Filosofiya obrazovaniya. 2015. № 4 (61). S. 5-14.
3. Turkulets S.E., Bazenov R.I., Dimitrova S.V., Listopadova E.V., Turkulec A.V. The introduction of quality management system in the Russian higher education: problems and prospect // International Journal of Applied Engineering Research ISSN 0973-4562 Volume 10, Number 20 (2015), pp. 41143-41149.
4. Anikeeva N.S., Listopadova E.V., Turkulec S.E. Rossijskaya vysshaya shkola: vchera, segodnya, zavtra // Prioritety razvitiya sociogumanitarnogo znaniya, ekonomiki i prava: nauchnaya diskussiya i eksperimenty. Sb. materialov Mezhdunarodnoj nauch.-praktich. konferencii (Kislovodsk, 3-5 maya 2017 g.) pod obshch. red. S.E. Turkulec. M.: Nauchnyj konsul'tant, 2017. S. 335-339.
5. Nikitenko V.N. Narodnoe i inorodnoe obrazovanie / V.N. Nikitenko // Filosofiya obrazovaniya. 2014. № 6(57). S. 143-153.
6. Ashilova M.S., N.V. Nalivajko Globalizaciya obrazovaniya i global'nye vyzovy sovremenosti // Filosofiya obrazovaniya. 2015. № 1 (58). S. 26-36.
7. Stukalova I.B. Razvitie magistratury v Rossii: predposylki, problemy i perspektivy // Sovremennoe obrazovanie. 2018. № 3. С. 1-8.
8. Grebnev L.S. Nyneshnij raund Bolonskogo processa: Rossiya i ne tol'ko... (po rabotam V.I. Bajdenko i N.A. Seleznyovoj) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2018. № 1 (219). S. 5-18.
9. Motovilov O.V. Problemy podgotovki kadrov v magistrature // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2016. № 2 (198). S. 38–45.
10. Sirik N.V. Magistratura po yurisprudencii: problemy realizacii programm dlya obuchayushchihsya s neprofil'nym obrazovaniem // Aktual'nye problemy vuzovskogo yuridicheskogo obrazovaniya: materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola, posvyashchennogo 110-letiyu VGU imeni P. M. Masherova, Vitebsk, 20 maya 2021 g. / Viteb. gos. un-t; redkol.: A. A. Bochkov (otv. red.) [i dr.]. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 2021. S. 51-54.
11. Kokambo Yu.D. Problemy realizacii FGOS vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 40.04.01 «yurisprudenciya» (uroven' magistratury) v otnoshenii lic, ne imeyushchih bazovogo yuridicheskogo obrazovaniya // Yu.D. Kokambo, O.V. Skorobogatova // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2018. № 82. S. 29-31.
12. Senashenko V.S., Pyhtina N.A. Preemstvennost' bakalavriata i magistratury: nekotorye klyucheveye problemy // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2017. № 12 (218). S. 13-25.
13. V Minobrnauki hotyat lishit' vuzy magistratury [Elektronnyj resurs]. - <https://ruinformer.com/page/v-minobrnauki-rf-hotja-lishit-vuzy-magistratury> Data obrashcheniya 24.04.2023
14. O nekotoryh voprosah sovershenstvovaniya sistemy vysshego obrazovaniya: Ukaz Prezidenta RF ot 12.05.2023 № 343 [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPlyuc

КИРИЕВСКАЯ ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА – преподаватель Дальневосточного государственного университета путей сообщения (kirievskaya@festu.khv.ru).

ЛИСТОПАДОВА ЕВГЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – кандидат социологических наук, доцент Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ugpd@rambler.ru)

ТУРКУЛЕЦ СВЕТЛАНА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор философских наук, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения (turswet@rambler.ru)

KIRIEVSKAYA, OLGA A. – Lecturer, Far Eastern State University of Railway Transport (kirievskaya@festu.khv.ru).

LISTOPADOVA, EVGENIA V. – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Far Eastern State Transport University (ugpd@rambler.ru)

TURKULETS, SVETLANA E. – Doctor of Philosophy, Professor, Far Eastern State Transport University (turswet@rambler.ru).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРАВО И ПРАКТИКА

Ежеквартальное издание

Учредители:

АНО «Научно-исследовательский институт истории,
экономики и права»
НО «Кубанская коллегия адвокатов адвокатской палаты
Краснодарского края»

Издательство

АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права»

119192, Москва, Мичуринский проспект, 16, к.267

E-mail: info@helri.com. Официальный сайт: www.helri.com

Тел. +7 (495) 227-24-13

Подписано в печать 27.06.2023г.

Формат 64x92/8 Тираж 500 экз. Заказ № 8